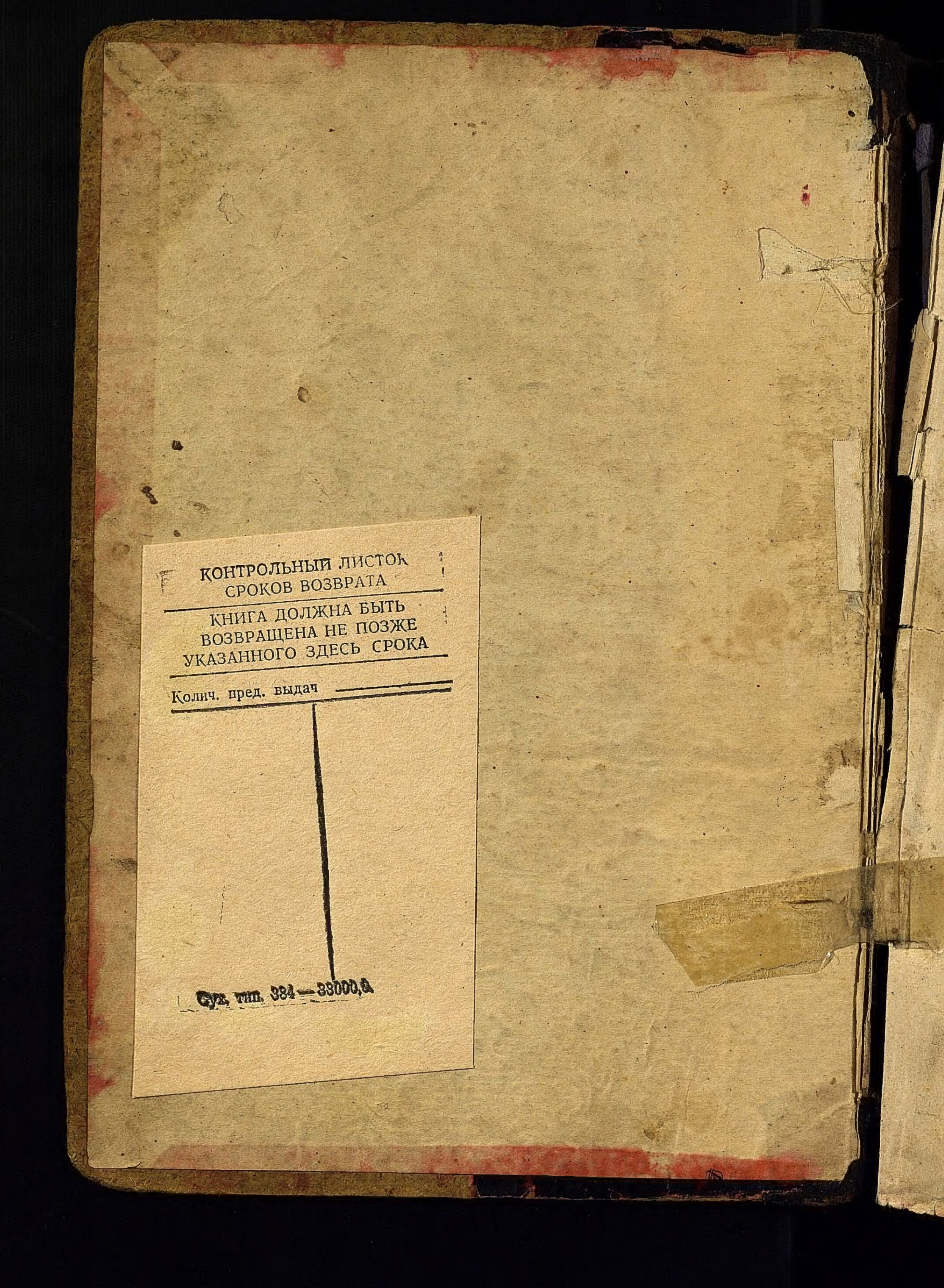

С894483
НАПОЛЕОН

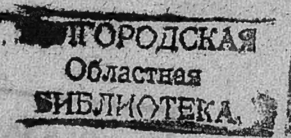
ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. И. ШЕМЯКИНА.

НИЗЛОЖЕНІЕ НАПОЛЕОНА

СОСТАВИЛЪ
Д. И. Троицкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

ПХ

Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Переходъ русскихъ войскъ за Нѣманъ. Отношенія къ нимъ поляковъ и пруссаковъ. Наши первыя дѣйствія за границею. Смерть Кутузова.

Нашествіе Наполеона на Россію окончилось самымъ плачевнымъ образомъ;—армія великаго завоевателя была разгромлена, почти вся уничтожена: изъ шести сотъ тысячъ непріятелей только немногимъ удалось убѣжать изъ за предѣловъ нашего отечества. Но это нашествіе на насъ цивилизованной Европы недешево обошлось и намъ;—изъ 102,000 солдатъ, вышедшихъ изъ Тарутина, достигло Вильны и западной нашей границы всего только 40,000 человѣкъ. Дунайская армія убавилась на половину. Въ арміи Витгенштейна, состоявшей изъ 60,000 человѣкъ, въ концѣ отечественной войны насчитывалось не болѣе 34,000. Вообще, во всей нашей арміи, когда она подошла къ западнымъ границамъ имперіи, было не болѣе 110,000 человѣкъ.

Военныя силы наши были такимъ образомъ въ ту пору не особенно велики. Тѣмъ не менѣе императоръ Александръ и съ этими небольшими силами рѣшился перейти границу и продолжать борьбу съ Наполеономъ. Онъ хотѣлъ начать войну за освобожденіе Европы отъ французскаго ига. Наши военачальники были противъ этого заграничнаго похода, противъ этой войны. Главнокомандующій нашъ князь Кутузовъ совѣтовалъ государю „положить оружіе“. Обществен-

ное мнѣніе въ Россіи желало мира. Всѣ думали, что изгнавъ врага изъ отечества, слѣдуетъ отдохнуть, успокоиться, поправить силы, потрясенныя грознымъ нашествіемъ непріятелей. Полагали, что съ Наполеономъ можно теперь заключить миръ самый для насъ выгодный, что онъ отдастъ намъ Варшавское герцогство, часть Пруссіи.

Всѣ такъ думали, но императоръ Александръ думалъ совсѣмъ иначе. Онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ вступать въ переговоры о мирѣ съ Наполеономъ;—онъ думалъ, что миръ съ нимъ будетъ не миръ, а только перемиріе; Наполеонъ воспользуется имъ затѣмъ, чтобы, возстановивъ свое потрясенное владычество на западѣ и собравъ новыя силы, повторить свое нашествіе на Россію и тѣмъ отомстить ей за свой неудачный походъ 1812 года. Государь былъ убѣжденъ, что спокойствія въ Европѣ не будетъ до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ будетъ французскимъ императоромъ. Онъ полагалъ, что западно-европейскіе народы, порабощенные послѣднимъ, должны возстать противъ своего поработителя. Онъ надѣялся, перешедши границу, поднять Пруссію, Германію и Австрію противъ ихъ притѣснителя. Александръ, наконецъ, былъ увѣренъ, что, при содѣйствіи этихъ державъ, онъ низвергнетъ Наполеона, лишитъ его французскаго престола. Поэтому императоръ Александръ, вопреки совѣтамъ своего фельдмаршала и желанію народа, отдалъ приказъ своимъ побѣдоноснымъ войскамъ переступить черезъ предѣлы имперіи и внести свободу и миръ въ порабощенную Европу. Объяснивши своимъ воинамъ цѣль заграничнаго нашего похода, государь напомнилъ имъ, какъ слѣдуетъ имъ, поборникамъ свободы, вести себя въ чужеземныхъ, но дружественныхъ намъ краяхъ.

„Воины!“ — говорилось въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ по войскамъ въ 25 день Декабря 1812 года, — „храбрость и терпѣніе ваши вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши бу-

дутъ переходить изъ устъ въ уста, отъ сыновъ ко внукамъ и правнукамъ вашимъ, до самыхъ позднихъ родовъ. Хвала Всевышнему! Рука Господня съ нами и не оставитъ насъ. Уже нѣтъ ни единаго непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по трупамъ и костямъ ихъ пришли къ предѣламъ имперіи. Остается намъ еще перейти за оные, не для завоеванія или внесенія войны въ земли сосѣдей нашихъ, но для достиженія желанной и прочной тишины. Вы идете доставить себѣ спокойствіе, а имъ — свободу и независимость. Да будутъ они друзья наши! Отъ поведенія вашего будетъ зависѣть ускореніе мира. Вы—русскіе! вы христіане! Нужно-ли при сихъ именахъ напоминать вамъ, что должность воина быть храбру въ бояхъ и кротку во время переходовъ и пребыванія въ мирныхъ земляхъ. Я не угрожаю вамъ наказаніями; ибо знаю, что никто изъ васъ не подвергнется онымъ. Вы видѣли въ землѣ вашей грабителей, расхищавшихъ домы невинныхъ поселянъ. Вы праведно кипѣли на нихъ гнѣвомъ и наказали злодѣевъ! Кто-жъ захочетъ имъ уподобиться? Если же кто, паче чаянія, таковой сыщется, да не будетъ онъ русскій! да исторгнется изъ среды васъ!... Воины! сего требуютъ и ожидаютъ отъ васъ ваша православная вѣра, ваше отечество и Царь вашъ" [1]).

Передъ переходомъ за границу императоръ Александръ извѣстилъ жителей странъ, куда собирались вступать наши войска, на счетъ нашихъ настоящихъ намѣреній и цѣлей. Фельдмаршалъ Кутузовъ, по приказанію государя, издалъ двѣ прокламаціи [2])—одну къ полякамъ, другую къ Пруссакамъ.

Въ прокламаціи, обращенной къ жителямъ герцогства Варшавскаго, слышались слова монарха, который смотрѣлъ

---

[1]) Шишковъ. Записки, т. I, стр. 173.
[2]) Прокламація—торжественное обнародованіе, воззваніе къ народу.

на Польшу, какъ на свое законное достояніе, который кратко и милостиво, но въ тоже время рѣшительно призывалъ своихъ польскихъ подданныхъ покинуть чужеземнаго соблазнителя и слиться воедино съ единоплеменнымъ имъ русскимъ народомъ. „Тщетно и неблагоразумно",—говорилось въ прокламаціи,—„надѣялись вы на французовъ. Чѣмъ вознаградили они васъ за вашу службу? Обѣщая вамъ покровительство, пощадили-ли они землю вашу? Вы отъ нихъ ограблены, они отъ насъ побиты. Единоплеменный съ вами народъ, россіяне, желая дѣлать вамъ добро, принуждены были по неволѣ и съ сожалѣніемъ убивать васъ и брать въ плѣнъ, яко невольниковъ и рабовъ, служащихъ чуждому для васъ пришельцу! Какъ могли вы впасть въ такую слѣпоту ума, что тотъ дастъ вамъ свободу и возстановитъ державу вашу, кто явнымъ и главнымъ образомъ хочетъ всякую державу разорить и покорить подъ иго свое? Заблужденіе ваше достойно жалости! Не ужъ-ли не повѣрите вы и нынѣ, что войска его почти до послѣдняго человѣка сокрушены и побиты? Подите и посмотрите сами! Побѣдоносное воинство наше, не имѣя предъ собою ни единаго непріятеля, идетъ въ ваше герцогство. Вы опасаетесь мщенія. Не бойтесь! Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ. Вы можете спокойно оставаться въ домахъ вашихъ. Жизнь, имущество и свобода ваша безопасны, когда вы сами не захотите, чтобы висящая надъ главами вашими туча пустила на васъ молнію и громы. Избирайте любое!" [1]).

Въ прокламаціи же, изданной къ пруссакамъ, князь Кутузовъ отъ имени своего государя объявляетъ, что переходъ нашихъ войскъ черезъ границы Пруссіи есть лишь неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ военныхъ операцій. Государь русскій и теперь послѣ великихъ успѣховъ, ниспосланныхъ Божественнымъ провидѣніемъ нашему оружію,

[1]) Шишковъ. Записки, т. I, стр. 459, приложеніе XXXV.

крайне далекъ отъ всякихъ завоевательныхъ намѣреній и неизмѣнно одушевленъ тѣми-же чувствами умѣренности, которыя всегда характеризовали его политику. Независимость и миръ должны явиться слѣдствіями такой политики. Его Величество императоръ предлагаетъ эти блага вмѣстѣ съ своею помощью всѣмъ тѣмъ народамъ, которые оставятъ дѣло Наполеона и возстанутъ за своей истинный интересъ. „Я приглашаю всѣхъ такихъ народовъ воспользоваться счастливыми видами, открытыми для нихъ русскими арміями и соединиться съ ними въ преслѣдованіи непріятеля, безсиліе котораго доказывается его поспѣшнымъ бѣгствомъ. Пруссаки! къ вамъ въ особенности обращаюсь я. Государь императоръ намѣренъ положить предѣлъ несчастію, тяготѣющему надъ вашею страною, дать королю вашему доказательства питаемой имъ къ нему дружбы и возвратить монархіи Фридриха ея блескъ и ея прежніе предѣлы“.

Въ концѣ Декабря наши передовые отряды перешли во многихъ мѣстахъ границу и вступили съ одной стороны въ предѣлы герцогства Варшавскаго, а съ другой—въ предѣлы Пруссіи. Самъ императоръ Александръ и князь Кутузовъ 1-го (13-го) Января 1813 года, отслужа молебенъ, перешли съ главными своими войсками Нѣманъ у Мереча и вступили въ герцогство Варшавское.

Поляки встрѣтили насъ далеко не радушно. Никто въ герцогствѣ не встрѣчалъ русскихъ, какъ своихъ избавителей. Напротивъ, знатные и образованные поляки встрѣчали насъ съ затаенною ненавистью, или скрывались при нашемъ приближеніи. Въ польскихъ городахъ и мѣстечкахъ поднималась при нашемъ приближеніи настоящая паника; всѣ спѣшили скрыть свои семейства и припрятать подальше свои припасы и имущество. Забитые крестьяне смотрѣли на наши войска съ такимъ же тупымъ равнодушіемъ, какъ и на французовъ. Одни только евреи, хорошо понимавшіе, что Наполеоновскому владычеству пришелъ навсегда конецъ,

встрѣчали насъ дружелюбно. Изъ каждаго мѣстечка, лежавшаго по дорогѣ, гдѣ проходили наши войска, евреи выносили разноцвѣтныя хоругви съ изображенiемъ на нихъ вензеля государя. При приближенiи русскихъ они били въ барабаны и играли на трубахъ и литаврахъ. Несмотря на все это, поляки не могли на насъ жаловаться; войска наши соблюдали во всемъ величайшiй порядокъ.

Ксендзы и шляхтичи никакъ не могли примириться съ внезапнымъ поворотомъ счастья. Поспѣшное бѣгство французовъ, побѣдоносное наступленiе русскихъ казалось имъ чѣмъ-то сказочнымъ, какимъ-то тяжелымъ сномъ. Они смотрѣли на совершающiяся событiя, какъ на нѣчто скоропроходящее и случайное. Звѣзда великаго Наполеона не могла закатиться, по ихъ мнѣнiю, навсегда. „Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ“,—говорили они другъ другу, — „а быть можетъ нѣсколько недѣль лишь, — и великiй покровитель Польши не замедлитъ явиться на Вислѣ и Нѣманѣ съ своими побѣдоносными легiонами. Надо приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ его встрѣчѣ, надо и намъ съ своей стороны содѣйствовать, по возможности, его побѣдѣ. Но какъ? Поляки не могутъ подняться открыто противъ своихъ притѣснителей — москалей... Необходимо составить заговоръ по всей странѣ, надо внезапно напасть на враговъ и отдѣлаться однимъ ударомъ отъ русскихъ и жидовъ“. Такъ шептались между собою польскiе патрiоты. Въ то самое время, когда нашъ государь готовился осыпать Польшу новыми благодѣянiями, они тайно точили ножи и дѣятельно плели адскую сѣть заговора, въ которой должны были погибнуть русскiе воины, готовившiеся вмѣстѣ съ своимъ царемъ къ новому великому подвигу освобожденiя Европы [1]).

---

[1]) Въ Вѣнѣ существовалъ тайный польскiй комитетъ. По инструкцiямъ, получаемымъ изъ Парижа, онъ долженъ былъ поддерживать сильнѣйшее броженiе въ странѣ между Бѣлостокомъ и Познанью и подготовлять всеобщее возстанiе. Тайныя донесенiя, полученныя въ русской главной квартирѣ, показывали, что всеобщее воз-

Императоръ Александръ не зналъ объ этомъ заговорѣ [1]). Онъ видѣлъ только ненависть поляковъ къ русскимъ и старался, насколько возможно, ослабить ее.

Между тѣмъ общее наступленіе русскихъ войскъ продолжалось безостановочно. 26-го Января (7-го Февраля) наши войска вступили въ Варшаву. Ключи города были поднесены Милорадовичу тѣмъ самымъ чиновникомъ, который въ 1794 году поднесъ ихъ Суворову. По приказанію государя, Варшава была освобождена отъ военнаго постоя.

Успѣхи русскаго оружія побудили князя Адама Чарторижскаго, пользовавшагося съ давнихъ поръ расположеніемъ нашего императора, обратиться къ Александру съ письмомъ. Польскій магнатъ, отъ имени своихъ соотечественниковъ, просилъ нашего государя о составленіи отдѣльнаго Польскаго королевства подъ властью великаго князя Михаила Павловича. Императоръ отклонилъ это предложеніе и высказалъ въ отвѣтномъ письмѣ свой взглядъ на польскій вопросъ, получившій до нѣкоторой степени осуществленіе лишь въ 1814 году. „Успѣхи, коими Провидѣнію угодно было благословить мои усилія и мою настойчивость",—писалъ императоръ Александръ Чарторижскому,—„нисколько не измѣнили ни моихъ чувствъ, ни моихъ намѣреній относительно Польши. Итакъ, пусть опасенія вашихъ соотечественниковъ успокоятся. Месть есть чувство, котораго я не знаю, и величайшее для меня наслажденіе платить добромъ за зло. Моимъ генераламъ отданы строжайшія приказанія дѣйствовать сообразно съ этимъ и обращаться съ поляками, какъ съ друзьями и братьями. Я буду говорить съ вами совершенно откровенно. Для того, чтобы провести въ Польшѣ мои лю-

станіе въ Польшѣ должно вспыхнуть въ одинъ и тотъ же день, въ пятницу страстной недѣли, и что въ этотъ день должны быть избиты всѣ русскіе, нѣмцы и жиды. (См. Имп. Александръ 1-й и идея Священнаго союза, Надлера, т. III, стр. 174—175; примѣч. 1).

[1]) Государь узналъ о заговорѣ гораздо позже, въ то время, когда поступили о немъ свѣдѣнія въ нашу главную квартиру.

бимыя идеи, мнѣ, несмотря на блескъ моего теперешняго положенія, предстоитъ побѣдить нѣкоторыя затрудненія: прежде всего, общественное мнѣніе въ Россіи—образъ поведенія у насъ польской арміи, грабежи въ Смоленскѣ и въ Москвѣ, опустошеніе всей страны оживили прежнюю ненависть. Затѣмъ, разглашеніе въ настоящую минуту моихъ намѣреній относительно Польши бросило бы всецѣло Австрію и Пруссію въ объятія Франціи: результатъ, воспрепятствовать коему было бы весьма желательно, тѣмъ болѣе, что эти державы уже высказываютъ наилучшее расположеніе ко мнѣ. Эти затрудненія, при благоразуміи и осторожности, будутъ побѣждены. Но, чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы вы и ваши соотечественники содѣйствовали мнѣ. Нужно, чтобы вы сами помогли мнѣ примирить русскихъ съ моими планами и чтобы вы оправдали всѣмъ извѣстное мое расположеніе къ полякамъ и ко всему, что относится къ ихъ любимымъ идеямъ. — Имѣйте нѣкоторое довѣріе ко мнѣ, къ моему характеру, къ моимъ убѣжденіямъ, и надежды ваши не будутъ болѣе обмануты. По мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться результаты военныхъ дѣйствій, вы будете видѣть, до какой степени дороги мнѣ интересы вашего отечества, и насколько я вѣренъ моимъ прежнимъ идеямъ. — Что касается до формъ правленія, то вамъ извѣстно, что я всегда отдавалъ предпочтеніе формамъ либеральнымъ“.

„Я долженъ предупредить васъ однакожъ и, притомъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, что мысль о моемъ братѣ Михаилѣ не можетъ быть допущена. Не забывайте, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя до сихъ поръ областями русскими и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы онѣ могли быть подъ владычествомъ иного государя, кромѣ того, который царствуетъ въ ней. Что же касается до наименованія, подъ коимъ онѣ будутъ входить въ составъ имперіи, то это затрудненіе легче устра-

нить. Итакъ, я прошу, чтобы, съ своей стороны, вы сообщили изъ этого письма то, что вы сочтете удобнымъ, лицамъ, содѣйствіе коихъ вы признаете необходимымъ; убѣдите вашихъ соотечественниковъ выказать къ Россіи и къ русскимъ добрыя чувства, для того, чтобы изгладить впечатлѣнія этой кампаніи и тѣмъ облегчить мой трудъ... Итакъ, вотъ въ общемъ выводѣ результаты, которые я могу сообщить вамъ: Польшѣ и полякамъ нечего опасаться отъ меня какой бы то ни было мести" [1]).

Въ началѣ Февраля наши войска находились уже на берегахъ Одера. 12-го Февраля (24-го) главная квартира императора Александра была перенесена въ Калишъ. Сюда явился князь Адамъ Чарторижскій. Прибытіе этого страстнаго ревнителя возстановленія Польши въ русскую армію говорило, что поляки начали отчаяваться въ успѣхахъ Наполеона и обратились къ новому солнцу, восходившему на политическомъ небосклонѣ Европы.

Совсѣмъ иначе отнеслись къ нашимъ войскамъ и государю пруссаки. Въ Пруссіи все населеніе ликовало при нашемъ приближеніи. Лишь только русскія знамена показались въ порабощенной Наполеономъ прусской землѣ, — народъ отовсюду толпами спѣшилъ на встрѣчу своимъ освободителямъ. Каждый нашъ казакъ дѣлался предметомъ самыхъ бурныхъ восторженныхъ овацій. Всѣ отъ мала до велика старались протѣсниться къ нему, пожать его руку, осыпать его поцѣлуями. Не было конца привѣтственнымъ рѣчамъ, радостному ура, радушному угощенію. Когда первый отрядъ нашей арміи, подъ начальствомъ генерала О'Рурка, вступилъ въ пограничный городъ Столупяны (Сталупененъ), то обыватели не помнили себя отъ радости. „Да здравствуетъ нашъ защитникъ императоръ Александръ!"— кричали они въ восторгѣ, тѣснясь вокругъ нашихъ солдатъ.

---

[1]) Шильдеръ. Имп. Александръ I-й, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 140—142.

Всякій хотѣлъ увидѣть своихъ освободителей и пожать руку хоть одному изъ нихъ. Всѣ спѣшили заготовить въ изобиліи провіантъ и фуражъ для нашихъ войскъ. Восторженныя воззванія, призывавшія къ возстанію противъ французовъ, написанныя неизвѣстно кѣмъ, ходили по рукамъ, читались съ жадностью и усиливали еще болѣе и безъ того уже пламенный энтузіазмъ народа [1]).

Все населеніе Пруссіи, какъ одинъ человѣкъ, готовилось за одно съ нами возстать противъ своихъ притѣснителей французовъ. Но это населеніе находилось тогда въ крайне странномъ, безпримѣрномъ положеніи. Правительство его и король лишены были свободы дѣйствій, находились въ рукахъ своихъ страшныхъ союзниковъ,—французовъ. Оффиціальныя распоряженія берлинскаго правительства шли въ разрѣзъ съ настроеніемъ и желаніями прусскаго народа.

Въ Декабрѣ 1812 года прусскій генералъ Іорнъ, командовавшій вспомогательнымъ прусскимъ корпусомъ въ арміи Наполеона, узнавъ о гибели французовъ въ Россіи, самовольно отложился отъ Бонапарта. Этотъ поступокъ генерала произвелъ непріятное и тяжелое впечатлѣніе на берлинское правительство. Министры испугались, король струсилъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III-й, король Прусскій, отличавшійся большимъ ростомъ и необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, не принадлежалъ къ числу героическихъ натуръ. Онъ боялся, какъ бы французскія войска, занимавшія Берлинъ и прусскія крѣпости, узнавъ о поступкѣ Іорна, не сдѣлали бы ему, по приказанію Наполеона, крупной непріятности... Подъ вліяніемъ этого страха король смѣстилъ генерала и даже отдалъ приказъ арестовать своевольнаго полководца. Этого мало. Фридрихъ - Вильгельмъ черезъ посла своего доложилъ Наполеону въ Парижѣ, что онъ—король осуждаетъ поступокъ Іорна, что онъ принялъ уже

---

[1]) Богдановичъ. Исторія отечественной войны, т. III, стр. 343—344.

самыя рѣшительныя мѣры для наказанія мятежнаго генерала, что онъ остается вѣрнымъ союзу съ Франціею и готовъ даже увеличить свой вспомогательный корпусъ до 30,000 человѣкъ.

И теперь, когда наши войска заняли восточную Пруссію, когда пруссаки встрѣчали русскихъ, какъ своихъ освободителей и подымались повсемѣстно противъ французовъ, берлинское правительство продолжало, по прежнему, говорить о союзѣ съ Франціею. Сочувствуя вполнѣ движенію своего народа и желая дѣйствовать за одно съ нашимъ государемъ противъ французовъ, Фридрихъ-Вильгельмъ боялся въ ту же пору разорвать свой союзъ съ Франціею, стать на сторону враговъ Наполеона. Необходимо было положить конецъ этой двойной игрѣ, надо было освободить короля изъ рукъ французовъ и возвратить его своему народу. Надо было вооружить цѣлый народъ помимо воли его правительства, хотя и для спасенія того же самого правительства.

И императоръ Александръ взялся за это дѣло. Не колеблясь ни минуты, онъ приступилъ къ исполненію этой трудной задачи. Онъ предписалъ своимъ генераламъ дѣйствовать съ наивозможною поспѣшностью, оттѣснить французовъ, какъ можно скорѣе, за Одеръ и обложить всѣ прусскія крѣпости, находившіяся въ ихъ рукахъ. Онъ рѣшился поручить временное управленіе всѣми прусскими провинціями, занятыми нашими войсками, барону Штейну. Онъ снабдилъ его для этой цѣли самыми широкими полномочіями [1]).

---

[1]) Баронъ Штейнъ, министръ Пруссіи, былъ изгнанъ, по повелѣнію Наполеона, изъ своего отечества. Во время войнъ 1812—1814 г.г. онъ находился при русской главной квартирѣ. Штейнъ былъ человѣкъ очень рѣдкаго ума, неподкупной честности и пламенный патріотъ.

«Мы Александръ 1-й Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій», — говорилось въ Высочайшемъ распоряженіи, изданномъ 8-го Января 1813 года,—«симъ объявляемъ: Такъ какъ восточная и западная Пруссія заняты нашими войсками и отдѣлены тѣмъ отъ своего правительства, и такъ какъ отношенія Наши къ королю прусскому остаются еще неопредѣленными, то по всему сему мы сочли необходи-

Штейнъ горячо принялся за дѣло. Онъ собралъ сеймъ изъ „сословныхъ депутатовъ“ Восточной Пруссіи. Сеймъ единогласно постановилъ приступить немедленно же къ набору 13,000 резерва, собрать 20,000-ное земское ополченіе, вооружить все населеніе, способное носить оружіе и сформировать отрядъ конныхъ добровольцевъ въ 700 человѣкъ. Вся восточная Пруссія превратилась такимъ образомъ въ военный лагерь.

Жители Пруссіи съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ распоряженіямъ нашего государя, вполнѣ довѣрчиво. Лишь только императоръ Александръ вступилъ въ пограничный прусскій городъ Ликъ, какъ уже могъ убѣдиться въ распо-

---

мымъ принять мѣры къ надзору и руководству за администраціею сихъ провинцій, дабы пріобрѣсти тѣмъ возможность воспользоваться силами и средствами страны для пользы благого дѣла».

«Вслѣдствіе сего, Мы уполномочили сего барона Генриха Фридриха Карла фонъ-Штейна, кавалера ордена Краснаго Орла; поручили ему отправиться въ Кенигсбергъ, ознакомиться тамъ съ положеніемъ страны и привести въ движеніе всѣ военныя и денежныя средства для поддержанія нашихъ предпріятій противъ французскихъ войскъ. Мы поручаемъ ему кромѣ того блюсти за тѣмъ, чтобы всѣ доходы занятыхъ провинцій расходовались честно и согласно вышеуказанной цѣли, чтобы на имущество французовъ и ихъ союзниковъ было положено повсемѣстное запрещеніе, чтобы сборъ на вооруженіе ландвера и ландштурма произведенъ былъ въ наивозможно скорѣйшемъ времени на основаніи плановъ, составленныхъ и одобренныхъ его величествомъ королемъ прусскимъ въ 1808 году, и чтобы всѣ припасы и транспортныя средства, необходимыя для нашихъ армій, доставлялись скоро и исправно. Для сихъ цѣлей уполномочиваемъ Мы упомянутаго барона Штейна принимать всѣ мѣры, кои сочтетъ онъ необходимымъ для исполненія возложеннаго на него порученія, пользоваться услугами тѣхъ чиновниковъ, которые покажутся ему наиболѣе способными для осуществленія нашихъ намѣреній, удалять тѣхъ, коихъ сочтетъ онъ неспособными, или злонамѣренными, а подозрительныхъ подвергать надзору и даже аресту. Мы даруемъ ему право назначать на свое мѣсто въ случаѣ надобности другое довѣренное лицо. Его полномочіе окончится въ тотъ моментъ, когда Мы достигнемъ окончательнаго соглашенія съ королемъ прусскимъ. Тогда управленіе провинціями возвращено будетъ королю, а баронъ Штейнъ возвратится къ Намъ. Мы обѣщаемъ, впрочемъ, Нашимъ Императорскимъ словомъ, подтвердить все то, что будетъ рѣшено и исполнено въ силу настоящаго полномочія. Въ удостовѣреніе сего, Мы подписали сіе Наше полномочіе и повелѣли снабдить его Нашею малою печатью. Дано въ Рягнѣ 8-го Января, лѣта 1813, царствованіе же нашего 13-го.»

loженіи къ себѣ пруссаковъ. Энтузіазмъ населенія не зналъ предѣловъ. Массы народа, стекшагося со всѣхъ сторонъ, привѣтствовали Александра, какъ своего избавителя, попосланнаго имъ самимъ небомъ. Глава мѣстнаго евангелическаго духовенства Гизевіусъ выступилъ впередъ и, среди внезапно водворившагося благовѣйнаго молчанія, обратился къ императору съ такими словами.

„Государь! Примите милостиво заявленія преданности народа, восторженно стремящагося Вамъ на встрѣчу! Все, что окружаетъ Васъ здѣсь въ сію священную минуту, все, что Вы видите передъ собою, Всемилостивѣйшій Императоръ и Государь—всѣ эти сердца преисполнены удивленія, почитанія и любви къ Вамъ, всѣ эти глаза наполнены слезами радости при видѣ Вашемъ, всѣ руки подняты къ небу, призывая на главу Вашу благословеніе, защиту и милость Всемогущаго".

„Государь! Такъ-же точно будутъ биться повсемѣстно всѣ встрѣчающія Васъ сердца, такъ-же точно будутъ стекаться къ Вамъ всѣ народы, ибо вы, Всемилостивѣйшій Государь, приходите къ намъ не разрушать, а осчастливливать, не порабощать, а освобождать, не губить, а оживлять и спасать измученное человѣчество. Великій Императоръ! Всемогущій вложилъ въ руки Ваши судьбы народовъ, но куда бы ни приводили Васъ Ваши побѣды, Вы приходите повсюду, благословляя и благословляемый во имя Господне. А посему, да осѣнитъ Предвѣчный Васъ щитомъ своимъ и да ополчитъ силою Своею могучую десницу Вашу, во исполненіе призванія, возложеннаго на Васъ. Онъ, Господь Богъ нашъ, да будетъ милостивъ и да благословитъ дѣло рукъ Вашихъ! Аминь".

Рѣчь оратора произвела глубокое впечатлѣніе на государя. Волненіе его росло во время рѣчи. При словахъ оратора: „Вы приходите не разрушать", государь не въ состояніи былъ долѣе сдерживать волновавшія его чувства.

— „Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнулъ онъ громко,—„я другъ вашего короля и народа!“ Съ этими словами онъ дружески пожалъ руку оратору и всемилостивѣйше пожаловалъ ему на память драгоцѣнный перстень.

Эта встрѣча была лишь первою въ ряду тѣхъ безконечныхъ, восторженныхъ овацій, которыми встрѣчало населеніе императора Александра во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Пруссіи, лежавшихъ на пути. „Повсюду пруссаки оказывали великую радость при нашемъ появленіи“—замѣчаетъ Шишковъ,—„хотя король ихъ, видя еще многія крѣпости свои въ рукахъ французовъ, не смѣлъ гласнымъ образомъ соединиться съ нами“ [1]). Повсюду пріемъ былъ одинаково сердеченъ, вся разница заключалось лишь въ обстановкѣ, зависѣвшей отъ средствъ населенія. — Вся восточная Пруссія,—какъ мы уже сказали,—по желанію нашего государя, но безъ вѣдома короля, превратилась въ военный лагерь.

Между тѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ, покинувъ Потсдамъ, переселился съ своими министрами и гвардіею, въ Бреславль. [2]) Тутъ онъ приступилъ къ вооруженіямъ, поддерживая одновременно переговоры съ Франціею и Россіею. Сюда къ нему явился посланный отъ нашего государя съ предложеніемъ дѣйствовать за одно противъ французовъ. И колебанія короля между двумя союзами кончились. 16-го (28-го) Февраля 1813 года Пруссія заключила союзный договоръ съ Россіею. Прусское войско король подчинилъ нашему фельдмаршалу Кутузову. Около того же времени Швеція согласилась сдѣлать высадку въ Германіи.

Русскіе быстро подвигались впередъ. Казацкіе разъѣзды показались въ окрестностяхъ Берлина. Населеніе повсюду подымалось противъ французовъ, броженіе обнаруживалось въ тылу французской арміи,—въ Саксоніи, Вестфаліи, до

[1]) Шишковъ. Записки, т. I, стр. 174.
[2]) Бреславль въ Силезіи.

послалъ за незнакомыми офицерами, чтобы вмѣстѣ вечеръ провести, но такое обращеніе водилось между пруссаками и русскими офицерами. Наши солдаты также дружно жили съ прусскими. Наша гвардія во всю кампанію стояла попеременно на караулѣ у государя съ королевской гвардіей и, по смѣнѣ, солдаты обѣихъ націй пожимали другъ другу руки. Прусскіе солдаты имѣли болѣе денегъ, чѣмъ наши и, называя нашихъ своими избавителями, водили ихъ въ трактиры и потчивали. Они дивились, какъ наши выпивали водку стаканами и слушали со вниманіемъ разсказы нашихъ, хотя и не понимали ихъ. Пока напитокъ еще не начиналъ дѣйствовать, все происходило дружно и миролюбиво; когда же наши, употребляя безъ мѣры даровую водку, напивались до-пьяна, та заводили ссору съ пруссаками, драку и выгоняли ихъ изъ трактира“ [1]). На утро полное примиреніе и нерѣдко опять выпивка.

Вскорѣ послѣ занятія русскими войсками Берлина, императоръ Александръ отправился въ Бреславль, чтобы личнымъ свиданіемъ съ королемъ Прусскимъ тѣснѣе скрѣпить узы дружбы и согласиться о совокупномъ управленіи военными и политическими дѣйствіями. Фридрихъ-Вильгельмъ спѣшилъ приготовить самый блестящій и радушный пріемъ своему союзнику—давнишнему своему другу. Уже на границахъ Силезіи императора привѣтствовали отъ имени короля высокопоставленныя лица, отъ имени всего населенія—депутація отъ духовенства и земскихъ чиновъ. Безчисленныя толпы народа встрѣтили Александра восторженными, радостными криками. Дальнѣйшее путешествіе его по Силезіи походило на тріумфальное шествіе, величественное, но въ то же время непринужденное. Цѣлый народъ спѣшилъ на встрѣчу обожаемому своему избавителю. Отовсюду раздавался торжественный колокольный звонъ. Населеніе горо-

[1]) Русскій архивъ, 1885 г., № 12, стр. 45[illegible]—45[illegible].

довъ, мѣстечекъ и деревень встрѣчало государя восторженными кликами, усыпало путь его цвѣтами, провожало его благословеніями и молитвами. „Восхищенія, радости и привязанности къ намъ народной невозможно описать,“—говоритъ Шишковъ, находившійся въ свитѣ государя. „Повсюду, гдѣ только идешь, мужчины и женщины смотрятъ тебѣ въ глаза, и поклонами, и веселымъ лицомъ стараются изъявить удовольствіе, что тебя видятъ. Иныхъ словъ не слышишь, какъ: избавители наши, снимающіе съ насъ самые тяжелыя оковы. Признаюсь, что при подобныхъ привѣтствіяхъ часто на глазахъ моихъ навертываются слезы радости и удовольствія“ [1]).

3-го Марта (15-го) король выѣхалъ на встрѣчу своему союзнику. Увидѣвъ его, государь вышелъ изъ коляски и бросился къ нему въ объятія. Молча, нѣсколько минутъ, они прижимали одинъ другого къ сердцу [2]). Не доѣзжая города,

---

[1]) Шишковъ. Записки, т. I, стр. 186.

[2]) Самая тѣсная, дружеская связь, — скажемъ здѣсь, подъ строкою, — существовала между обоими монархами. Она началась съ самаго начала царствованія ихъ обоихъ и продолжалась до гроба. Превратившись по Тильзитскому миру въ союзника Наполеона, Александръ не переставалъ быть искреннимъ и сердечнымъ другомъ короля прусскаго. Онъ пользовался своею оффиціальною дружбою съ французскимъ императоромъ между прочимъ и для того, чтобы быть ходатаемъ за несчастнаго Фридриха-Вильгельма и его разоряемое королевство передъ грознымъ, безжалостнымъ завоевателемъ. И Александръ успѣлъ сохранить хотя остатокъ самостоятельности Пруссіи. Послѣ свиданія въ Эрфуртѣ, гдѣ дружба нашего государя съ Наполеономъ, повидимому, еще болѣе усилилась, императоръ русскій относится еще съ большею заботливостью и вниманіемъ къ своему старому, несчастному другу. Онъ приглашаетъ въ 1810 году короля и его супругу въ Петербургъ. Онъ устраиваетъ имъ неслыханно—торжественный и великолѣпный пріемъ; онъ какъ будто хочетъ показать всему свѣту, что добродѣтель и несчастіе имѣютъ въ глазахъ его несравненно большее значеніе, нежели величіе и могущество, основанное на несчастіи другихъ. Тяжелый 1812 годъ не поколебалъ ихъ дружбы. Правда, Фридрихъ-Вильгельмъ сталъ подъ знамена Наполеона, но Александръ зналъ, что онъ сдѣлалъ это по неотразимой необходимости, — что онъ сдѣлалъ это потому, что боялся совершеннаго уничтоженія Наполеономъ своего королевства. И государь не измѣнилъ своихъ дружескихъ отношеній къ королю. Но было-ли въ этой дружбѣ полное равенство, не принадлежало-ли въ ней первенство одному изъ друзей?.. Равенства полнаго не было; преобладаніе принадлежало императору Александру. Онъ любилъ короля, но въ то же время властвовалъ надъ нимъ до извѣстной степени.

оба монарха вышли изъ коляски и продолжали дальнѣйшій путь верхами. Войска, разставленныя по обѣимъ сторонамъ дороги, встрѣчали своихъ повелителей громкимъ „ура". Народа такъ было много, что государи и ихъ свита могли подвигаться впередъ лишь шагъ за шагомъ. Наступили уже сумерки, когда торжественное шествіе достигло Бреславля. Всѣ улицы города были залиты потоками свѣта. Звонъ колоколовъ, пушечные выстрѣлы, крики народа и войска сливались въ одинъ безконечный, потрясающій окрестности, гулъ. Среди ежеминутно возрастающаго энтузіазма союзники монархи достигли королевскаго дворца.

21-го Марта (2-го Апрѣля) король Прусскій, въ свою очередь, пріѣхалъ въ Калишъ. Императоръ встрѣтилъ его на первой станціи отъ города. Армія была построена на высотахъ близъ Калиша. Самъ фельдмаршалъ, стоя передъ

Наоборотъ, Фридрихъ-Вильгельмъ охотно слѣдовалъ за Александромъ, занималъ второе мѣсто и относился къ своему союзнику и другу съ чувствомъ настоящаго благоговѣнія. И въ дипломатическихъ, и въ военныхъ совѣщаніяхъ король всегда поддерживалъ предложенія и мнѣнія императора: въ торжественныхъ и оффиціальныхъ случаяхъ онъ всегда слѣдовалъ за нимъ. И передъ лицомъ всего свѣта, и въ частныхъ интимныхъ бесѣдахъ Фридрихъ-Вильгельмъ заявлялъ, не обинуясь, что все самое главное и рѣшающее въ великой борьбѣ съ Наполеономъ было совершено русскимъ императоромъ и его войсками. При всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ онъ съ признательностью и энтузіазмомъ о подвигахъ Александра и его воинства; о самомъ себѣ, о своихъ успѣхахъ и жертвахъ своего народа и войска онъ почти всегда умалчивалъ.

Россія и все русское было дорого для короля уже потому, что связывалось для него съ представленіемъ объ Александрѣ. Онъ любилъ русскаго солдата, восхищался неиспорченною патріархальностью русскаго поселянина, устраивалъ въ своихъ загородныхъ паркахъ русскія избы и поселялъ въ нихъ русскихъ мужиковъ. Однажды 50 русскихъ солдатъ, освободившихся изъ французскаго плѣна, явились по дорогѣ на родину, къ прусскому королю. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ ихъ съ радостью и приказалъ содержать ихъ точно также, какъ прусскихъ гвардейцевъ. Заручившись согласіемъ императора Александра, король предложилъ нашимъ солдатикамъ остаться навсегда при немъ. Солдаты согласились, остались. Король приказалъ помѣстить ихъ въ лучшей гвардейской казармѣ, въ Потсдамѣ. Они жили тутъ въ полномъ довольствѣ; многіе поженились частью на русскихъ, частью на нѣмкахъ. Имъ отпускалось самое лучшее продовольствіе. Одѣвали ихъ на счетъ короля и, въ добавокъ, они могли проводить время на полной свободѣ. Пріѣзжая въ Потсдамъ, король всегда вспоминалъ о «своихъ русскихъ»; онъ обязательно приглашалъ ихъ во дворецъ, кормилъ и поилъ и заставлялъ пѣть любимыя имъ русскія пѣсни.

строемъ солдатъ, привѣтствовалъ короля: Кутузовъ былъ уже боленъ и не могъ сѣсть на коня. Вечеромъ король посѣтилъ фельдмаршала и пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла и дорогую табакерку. На слѣдующее утро пріѣхалъ къ нему прусскій канцлеръ и объявилъ, что король намѣренъ наградить его имѣніемъ въ Пруссіи, если война окончится благополучно. Кутузовъ, отклонивъ предложеніе, сказалъ: „государь мой не оставитъ въ нуждѣ меня и родныхъ моихъ".

Съ открытіемъ заграничнаго похода здоровье князя Кутузова видимо начинало слабѣть. Хотя вліяніе его на дѣла отчасти ограничивалось присутствіемъ государя, но безъ его воли ни къ чему не приступали. Когда недуги не позволяли ему лично докладывать дѣла,—императоръ приходилъ къ нему самъ и занимался съ нимъ въ его кабинетѣ. Вообще, государь обращался съ фельдмаршаломъ со всевозможнымъ уваженіемъ; казалось, онъ хотѣлъ вознаградить его за тѣ неудовольствія и огорченія, которыя были испытаны имъ со времени Аустерлицкаго сраженія. Почти всѣ

Такъ жили наши солдатики въ Потсдамѣ, — докончимъ ужъ объ нихъ, — до самой смерти императора Александра. Потерявъ своего лучшаго друга, Фридрихъ-Вильгельмъ удвоилъ свою заботливость «о своихъ русскихъ». Онъ скупилъ за большія деньги поля и сады, въ окрестностяхъ Потсдама, и приказалъ выстроить по планамъ и моделямъ, выписаннымъ изъ Россіи, русскую деревню. Каждой избѣ онъ отвелъ кусокъ земли для двора, огорода и сада. Дворы были обнесены живыми изгородями, а всѣ улицы деревни обсажены липами. На сосѣдней возвышенности король приказалъ устроить небольшую, но изящную православную церковь и выписалъ изъ Россіи священника. Деревня, основанная въ память Александра, получила отъ короля названіе «Александровская». Прошло нѣсколько лѣтъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III-й приближался къ концу своего земнаго поприща, но онъ не забывалъ своей Александровской. Хотя разъ въ недѣлю, обыкновенно по вечерамъ, король посѣщалъ свою колонію. Медленно проѣзжалъ онъ по улицамъ деревни, затѣмъ подымался на возвышенность, гдѣ стояла православная церковь. Тутъ онъ выходилъ изъ экипажа и долго смотрѣлъ задумчиво вдаль. Тихими шагами направлялся онъ затѣмъ къ одному изъ сосѣднихъ русскихъ домиковъ, усаживался на крыльцѣ и любовался закатомъ солнца. Вокругъ него собирались его русскіе питомцы и ихъ дѣти. Они называли его не иначе какъ «Батюшка, Ваше Величество!» По цѣлымъ часамъ проводилъ здѣсь король въ бесѣдахъ и воспоминаніяхъ о покойномъ императорѣ—своемъ незабвенномъ другѣ.

генералы настаивали на необходимости быстрѣйшаго перенесенія наступательныхъ дѣйствій за Эльбу. Но Кутузовъ былъ противнаго мнѣнія; онъ не желалъ дѣйствовать на удачу, не принявъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей для обезпеченія успѣха.

— „Самое легкое дѣло,“—сказалъ онъ однажды съ негодованіемъ,—„идти теперь за Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови“.

26-го Марта (7-го Апрѣля) императоръ Александръ выступилъ съ главною арміею изъ Калиша, направляясь въ Саксонію.

Въ первомъ силезскомъ городѣ, Миличѣ, появленіе Кутузова вызвало необыкновенный восторгъ со стороны населенія. „Такого энтузіазма не будетъ въ Россіи,“ — писалъ фельдмаршалъ своей женѣ; „нѣсть пророкъ честенъ въ отечествѣ своемъ“.

Походъ по Силезіи, совершенный въ прекрасную весеннюю погоду, походилъ на тріумфальное шествіе. — Въ городахъ, по которымъ проѣзжалъ императоръ, его встрѣчало духовенство съ крестами, дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ посыпали его путь цвѣтами, даже евреи выходили къ нему на встрѣчу съ разноцвѣтными значками. Армія переправилась черезъ Одеръ въ г. Штейнау, по мосту, украшенному гирляндами изъ цвѣтовъ. Здѣсь ожидалъ государя прусскій король. Въ его присутствіи поднесли Александру лавровый вѣнокъ.

— „Вѣнокъ есть достояніе фельдмаршала,“ — сказалъ императоръ и приказалъ его отдать Кутузову.

Въ Бунцлау армія остановилась на три дня, потому что престарѣлый фельдмаршалъ, истомленный болѣзнію, увеличившеюся отъ простуды, слегъ въ постель. На четвертый день болѣзнь его до того усилилась, что онъ уже не могъ слѣдовать за арміей. „Я въ отчаяніи,“ — писалъ онъ государю 10-го Апрѣля,—„что такъ долго хвораю, и чувствую,

что ежедневно болѣе ослабѣваю; я никакъ не могу ѣхать, даже въ каретѣ“. На смертномъ одрѣ Кутузовъ вручилъ императору послѣдніе свои трофеи: ключи отъ крѣпости Торна, взятой Барклаемъ-де-Толли. Оставляя больного фельдмаршала въ Бунцлау, государь извѣщалъ его обо всемъ происходившемъ и часто черезъ князя Волконскаго спрашивалъ его мнѣніе. Фридрихъ-Вильгельмъ оставилъ при немъ своего знаменитаго доктора Гуфеланда; но наука уже ничего не могла сдѣлать: дни фельдмаршала были сочтены; онъ скончался 16-го (28-го) Апрѣля 1813 года.

„Болѣзненная не для однѣхъ васъ“, — писалъ императоръ овдовѣвшей княгинѣ Кутузовой, — „но и для всего отечества потеря! Не вы одни проливаете о немъ слезы: съ вами плачу я, и плачетъ вся Россія. Богъ, позвавшій его къ себѣ, да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя и дѣла его остаются безсмертными. Благодарное Отечество не забудетъ никогда заслугъ его. Европа и весь свѣтъ не перестанутъ ему удивляться и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздвигнется памятникъ, при которомъ россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться; чужестранецъ же — уважать землю, порождающую столь великихъ мужей“. [1]).

Въ началѣ Іюня привезли бренные останки Кутузова въ Сергіевскую пустынь, а 13-го Іюля, спустя годъ по вторженіи Наполеона въ Россію, хоронили въ Петербургѣ тѣло военачальника, изгнавшаго грозныхъ враговъ изъ предѣловъ отечества. Народъ, за двѣ версты отъ городской заставы, выпрягъ лошадей и повезъ на себѣ погребальную колесницу. Надъ гробомъ его, во время погребенія, вмѣсто балдахина, развѣвались знамена двадцати народовъ, выгнанныхъ имъ изъ Россіи въ 1812 году. Великіе князья, вельможи, знат-

---

[1]) Императоръ Александръ I-й и его сподвижники, 1812—1815 г.г. т. III. Жизнеописаніе князя Кутузова-Смоленскаго.

нѣйшіе сановники, тысячи гражданъ, не могшихъ помѣститься въ обширномъ храмѣ, присутствовали при отданіи послѣднихъ почестей защитнику отечества. Кутузовъ-Смоленскій покоится вѣчнымъ сномъ въ Казанскомъ соборѣ, украшенномъ его трофеями [1]).

По полученіи извѣстія о кончинѣ славнаго вождя, императоръ Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ поручили главное начальство надъ арміями графу Витгенштейну. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ приказалъ до времени утаить это извѣстіе отъ войскъ, чтобы передъ самымъ наступающимъ сраженіемъ не привести ихъ въ уныніе.

Накануне Свѣтлаго Воскресенія, т. е. 12-го (24-го) Апрѣля, императоръ Александръ прибылъ въ Дрезденъ. По свидѣтельству очевидца А. С. Шишкова, великолѣпіе въѣзда государя въ столицу Саксоніи было очаровательно, представляя „картину, которую ни какимъ перомъ, ни кистью изобразить невозможно. День былъ прекраснѣйшій, и солнце посреди неба сіяло во всемъ своемъ блескѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги стояли въ парадѣ наши и прусскія войска. Къ нимъ присоединилась саксонская гвардія. Толпившійся народъ версты за три выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу. Государь съ прусскимъ королемъ ѣхали верхами. За нимъ многочисленная свита чиновниковъ—верхомъ и въ колясках. Музыка гремѣла. Радостные крики раздавались. По въѣздѣ въ городъ, государь и король остановились на площади, гдѣ всѣ войска, при множествѣ зрителей, наполнявшихъ улицы и окна домовъ, проходили мимо ихъ. По окончаніи сего, прусскій король проводилъ государя въ такъ называемый Брилевъ дворецъ и, откланявшись, отправился въ

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ приказалъ воздвигнуть въ Бунцлау обелискъ съ надписью: «До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя войска, но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ дѣламъ его. Онъ спасъ отечество и открылъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя».—Въ Петербургѣ, по волѣ императора Николая Павловича, сооруженъ памятникъ Кутузову передъ Казанскимъ соборомъ.

въ отведенный для него домъ. Между тѣмъ государю представлялись всѣ здѣшніе чиновники и съѣхавшіеся сюда изъ разныхъ городовъ посланники наши... Отпустя ихъ, государь ходилъ осматривать дворецъ и очень былъ веселъ. Онъ сказалъ намъ шутя: „Здѣсь нѣтъ у насъ экипажей,— мы можемъ ходить пѣшкомъ". И въ самомъ дѣлѣ пошелъ пѣшкомъ къ прусскому королю въ домъ, отведенный ему за рѣкою, съ полверсты отъ Брилева дворца. Лишь только онъ вышелъ, — народъ тотчасъ окружилъ его, и мы шли, какъ туда, такъ и оттуда, посреди многочисленной толпы, которая за нимъ и передъ нимъ бѣжала и почти безпрестанно кричала: ура!" [1]).

Король Саксонскій не раздѣлялъ радостныхъ чувствъ, одушевлявшихъ его подданныхъ при встрѣчѣ ихъ съ русско-прусскими войсками. Онъ сомнѣвался въ успѣхѣ борьбы императора Александра съ Наполеономъ и потому удалился въ Богемію, откуда и сталъ выжидать дальнѣйшаго хода освободительнаго движенія въ Германіи.

---

[1]) Записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 194.

Сраженія при Люценѣ и Бауценѣ.

Наполеонъ, передавъ начальство надъ жалкими остатками своей „великой арміи“, бѣжавшей изъ Россіи, Мюрату, неаполитанскому королю, самъ изъ Молодечны, уѣхалъ въ Парижъ. Онъ спѣшилъ въ свою столицу за тѣмъ, чтобы, собравъ новыя полчища, идти вновь на Россію. Онъ хотѣлъ отомстить ей за свой неудачный походъ 1812 года. Приписывая неудачу этого похода одному нашему морозу и холоду, Наполеонъ тѣмъ не менѣе хотѣлъ возстановить свою славу въ Европѣ, потрясенную этою неудачею.

Появленіе Наполеона въ Парижѣ произвело всеобщее возбужденіе во Франціи. Населеніе главнѣйшихъ городовъ имперіи, руководимое своими префектами, спѣшило прислать императору адресы съ заявленіемъ безграничной преданности и готовности къ новымъ пожертвованіямъ. Не только старо-французскіе города, какъ напримѣръ, Парижъ и Ліонъ, но и города завоеванныхъ странъ: Римъ, Миланъ, Венеція, Брюссель, Антверпенъ, Амстердамъ, Майнцъ, Кельнъ приняли участіе въ этихъ манифестаціяхъ [1]). И это были не слова одни. Еще 12-го Января 1813-го года французскій сенатъ на нужды своего императора постановилъ выставить до полумилліона солдатъ. По объявленіи же войны Пруссіею, онъ усилилъ армію еще ста восьмидесятью тысячами человѣкъ. Этого мало. Независимо отъ призыва части войска

[1]) Манифестація—публичное выраженіе намѣренія.

изъ Испаніи, Наполеонъ старался усилить и иными способами арміи свои въ Германіи. Изъ Италіи онъ вытребовалъ 30,000 человѣкъ, на укомплектованіе пѣхоты и артиллеріи онъ вызвалъ въ армію большую часть морскихъ канонировъ [1]) и флотскихъ экипажей [2]). Масса лошадей для арміи пріобрѣтена была въ Германіи и Франціи частью за деньги, частью путемъ реквизиціи [3]). Благодаря всѣмъ этимъ чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ, Наполеонъ имѣлъ полное основаніе надѣяться, что число вооруженныхъ силъ его достигнетъ при открытіи кампаніи до 800,000 пѣхоты, 100,000 кавалеріи и 100,000 артиллеріи.

Вассалы Наполеона остались ему вѣрны и послѣ катастрофы [4]), постигшей его въ Россіи. Не одни только братья, родственники и слуги Наполеона, явившіеся на престолахъ по его мановенію и хорошо сознававшіе, что судьба ихъ связана неразрывно съ судьбою императора, поспѣшили двинуть свои силы на помощь императору; точно также поступили и тѣ члены Рейнскаго союза, которые принадлежали къ числу старинныхъ династій. Баварія, Виртембергъ, Баденъ напрягали послѣднія свои силы для оказанія помощи Наполеону. Нѣмецкіе князья разсчитывали и теперь, что военный геній Наполеона и его колоссальныя средства восторжествуютъ надъ одушевленіемъ русскихъ и пруссаковъ.

Наполеонъ превосходилъ насъ численностью своего войска. Зная это, онъ и теперь, какъ всегда прежде, старался показать всему свѣту, что онъ преисполненъ прежнимъ гордымъ сознаніемъ своего неизмѣримаго превосходства, что онъ относится къ своимъ жалкимъ противникамъ—союзникамъ

[1]) Канониръ — нижній артиллерійскій чинъ, главныя обязанности котораго состоятъ въ умѣньи дѣлать заряды, снаряжать бомбы, гранаты и другія.

[2]) Во флотѣ экипажемъ называется отдѣльная часть матросовъ, состоящихъ подъ однимъ начальствомъ, или же люди служащіе на кораблѣ.

[3]) Реквизиція—наборъ, требованіе.

[4]) Катастрофа—ужасное происшествіе или гибельный конецъ.

съ такимъ же чувствомъ полнѣйшаго презрѣнія, какъ и прежде. „Варвары“, говоритъ онъ своимъ нѣмецкимъ солдатамъ,— „монголы, пришедшіе изъ глубины Азіи, соединились съ революціонерами и измѣнниками образованной Европы, и собираются сокрушить европейскую цивилизацію. Мы должны наказать примѣрнымъ образомъ этихъ безчестныхъ негодяевъ; мы должны загнать обратно этихъ скиѳовъ въ ихъ снѣжныя пустыни“ [1]).

Въ началѣ Апрѣля, въ то время, когда русско-прусскія войска заняли уже всю Саксонію, Наполеонъ былъ съ своей стороны готовъ къ рѣшительному бою.

— „Я буду вести эту войну“, — объявилъ онъ своимъ приближеннымъ, — „не какъ императоръ, а какъ генералъ Бонапартъ!“.

И дѣйствительно, ничто не могло сравниться съ быстротою и энергіею его дѣйствій. 3-го Апрѣля въ часъ утра онъ выѣхалъ изъ Сенъ-Клу, а на другой день былъ уже въ Майнцѣ. Къ 12-му Апрѣля онъ сформировалъ уже окончательно свою армію. 16-го Апрѣля Наполеонъ сѣлъ въ Веймарѣ на коня, а 17-го Апрѣля стодвадцатитысячныя массы его арміи двигались уже стройными рядами по долинѣ рѣки Заалы къ Лейпцигу на встрѣчу русскимъ и пруссакамъ.

Рѣшительное столкновеніе приближалось. Неравенство силъ у враждующихъ было очевидно. Союзная армія, находившаяся подъ начальствомъ графа Витгенштейна между Лейпцигомъ и Альтенбургомъ, состояла только изъ 54 тысячъ русскихъ и 38 тысячъ пруссаковъ. За то конницы и артиллеріи у насъ было больше, чѣмъ у французовъ. Русскіе и пруссаки имѣли въ своемъ распоряженіи 20,000 превосходной кавалеріи и 440 орудій. Французскій императоръ старался подать видъ, что онъ не придаетъ ни какого значенія этимъ преимуществамъ союзниковъ.

[1]) Императоръ Александръ I-й и идея священнаго союза, Надлера т. III, стр. 231.

— „Мы будемъ драться, какъ въ Египтѣ“, — говорилъ онъ передъ самымъ сраженіемъ; — „у насъ нѣтъ кавалеріи, но французская пѣхота съ артиллеріею сумѣютъ справиться съ непріятелемъ“.

Убѣжденный, какъ и всегда, въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ, императоръ Наполеонъ былъ увѣренъ, что союзники не осмѣлятся напасть на него первые, и что первый шагъ въ военныхъ операціяхъ будетъ принадлежать и на этотъ разъ ему. Его презрѣніе къ непріятелю было такъ велико, что, подвигаясь къ Лейпцигу, онъ растянулъ свою армію на протяженіи шестидесяти верстъ.

Но союзники осмѣлились и напали на него. Союзники рѣшились съ своей стороны воспользоваться такою ошибкою Наполеона, рѣшились атаковать его армію на походѣ при Люценѣ [1]) и уничтожить ее по частямъ.

Въ день сраженія войска наши поднялись до разсвѣта, прошли городъ Пегау и стали выстраиваться на равнинахъ. Вскорѣ пространное и ровное поле покрылось длинными линіями пѣхоты. Пруссаки занимали правый флангъ. Конница оставалась сзади въ колоннахъ и держалась болѣе къ лѣвому флангу. Гвардія стояла въ резервѣ, подкрѣпляя правый флангъ. Позади линій нашихъ возвышался бугоръ, на которомъ оставалась главная квартира и нашъ государь. Двѣнадцати-тысячный корпусъ Милорадовича стоялъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашаго лѣваго фланга и не участвовалъ въ сраженіи. Жители такъ мало ожидали тутъ сраженія, что передъ нашими линіями паслись стада.

Непріятель сталъ показываться въ колоннахъ противъ нашего центра, но въ довольно большомъ разстояніи. Наши линіи подвинулись, чтобы атаковать его. Нѣсколько артиллерійскихъ ротъ поскакали впередъ, остановились и начали размѣниваться ядрами съ непріятелемъ, который однако же

---

[1]) Люценъ въ Саксоніи.

не выставлялъ большихъ силъ. Обрадованный надеждою на легкую побѣду, императоръ Александръ приказалъ войскамъ еще подвинуться. Непріятель отступилъ, и завязался по всей линіи сильный огонь.

Въ первую минуту Наполеонъ былъ озадаченъ такою неожиданною отвагою союзниковъ. Русскіе и пруссаки съ самаго начала бросились съ такимъ увлеченіе въ огонь, натискъ ихъ былъ такъ силенъ, что Наполеонъ сталъ серьезно опасаться за исходъ боя. Но, наблюдая за ходомъ сраженія, онъ не замедлилъ убѣдиться, что движеніями непріятельскихъ массъ руководила какая-то неумѣлая и неопытная рука. Съ видимымъ удовольствіемъ замѣчалъ онъ, что союзные генералы не умѣютъ пользоваться несравненнымъ духомъ своихъ войскъ. Онъ видѣлъ, что громадныя массы русско-прусской конницы не принимали никакого участія въ атакахъ, но, выдвинутыя въ линію огня, теряли отъ французскихъ снарядовъ не мало людей и лошадей. Онъ замѣчалъ, что непріятельская пѣхота предпринимала свои яростныя нападенія на деревни, занатыя войсками маршала Нея, не корпусами и дивизіями, а бригадами и полками, и безполезно истощали свои силы въ этихъ одиночныхъ нападеніяхъ. Наполеонъ понялъ, что у союзниковъ нѣтъ настоящаго главнокомандующаго, и его прежняя самоувѣренность возвратилась къ нему.

Дѣйствительно, положеніе дѣлъ въ главной квартирѣ русско-прусской арміи было во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно оригинальное. Графъ Витгенштейнъ, занявшій мѣсто Кутузова при союзныхъ арміяхъ, былъ главнокомандующимъ только по имени. Въ самый день битвы у союзниковъ былъ не одинъ, а нѣсколько главнокомандующихъ. Распоряженія ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, противорѣчили другъ другу и сбивали съ толку начальниковъ частей. „Государь приказывалъ“,—говоритъ очевидецъ Н. Н. Муравьевъ;—„Витгенштейнъ приказывалъ, какъ нареченный главнокомандующій;

князь Волконскій приказывалъ, какъ начальникъ главнаго штаба всѣхъ нашихъ армій; Дибичъ приказывалъ, какъ генералъ-квартирмейстеръ Витгенштейна; Толь приказывалъ по званію, которое передъ тѣмъ носилъ при Кутузовѣ; прусскій король приказывалъ, какъ король. Приказанія часто перечили одно другому; случалось, что и флигель-адъютанты приказывали. Видя безпорядокъ, корпусные командиры стали сами распоряжаться, такъ что всѣ приказывали, при совершенномъ отсутствіи общей команды“ [1]).

Такая страшная безурядица могла-бы имѣть самыя печальныя послѣдствія, если-бы союзныя войска не были одушевлены въ этотъ день неслыханно геройскимъ духомъ. Пруссаки, горѣвшіе желаніемъ смыть въ крови враговъ позоръ Іены и Ауэрштедта [2]), ринулись въ бой съ мужествомъ отчаянія. Имъ предстояло взять съ боя деревни, находившіяся въ самомъ центрѣ непріятельской позиціи и занятыя отборными войсками маршала Нея. Пруссаки храбро ворвались въ деревни и завели жестокую ружейную перестрѣлку. Французы упорно защищались. Нѣсколько разъ деревни переходили изъ рукъ въ руки. Нашъ гренадерскій корпусъ пошелъ къ нимъ на подкрѣпленіе. Подъ вечеръ деревни остались въ нашихъ рукахъ. Съ обѣихъ сторонъ потеря была весьма значительна.

Государь, стоя на пригоркѣ позади линій нашихъ, все время смотрѣлъ на упорную перестрѣлку, которая почти цѣлый день продолжалась. Тянулись оттуда толпы раненыхъ, которые немедленно замѣнялись свѣжими войсками. Пруссаки дрались съ такимъ остервененіемъ, что многіе раненые, перевязавшись, закуривали трубку и снова возвращались въ огонь. Солдатскія жены нѣкоторыхъ изъ

---

[1]) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго, см. Русскій Архивъ, 1885 г., № 12, стр. 466.

[2]) Въ 1806 году Наполеонъ разбилъ пруссаковъ при Іенѣ. Въ тотъ же день другой прусскій отрядъ разбитъ былъ на голову при Ауэрштедтѣ маршаломъ Даву.

нихъ, бывшія въ полкахъ маркитантками, ходили съ ними въ огонь и подкрѣпляли людей водкою. Жители окрестностей, выйдя въ поле съ припасами и бинтами, сами кормили и перевязывали раненыхъ.

Солнце склонялось къ западу. Казалось,—побѣда рѣшалась въ нашу пользу;—мы подвигались впередъ и занимали новыя селенія. Радость выражалась на лицахъ Государя и Прусскаго короля. Императоръ оставилъ бугоръ и поскакалъ въ линію огня. „Я тогда въ первый разъ,“—говоритъ очевидецъ Н. Н. Муравьевъ, — „видѣлъ царя нашего въ огнѣ. Какъ онъ былъ величественъ, хладнокровенъ и прекрасенъ! Пріятная улыбка на губахъ его, среди визга пуль, утѣшала всѣхъ окружающихъ“ [1]).

Но дѣло было еще не кончено. Въ сумерки къ Наполеону подошли сильныя подкрѣпленія изъ Лейпцига. Не теряя ни минуты времени, онъ двинулъ на деревни, занятыя союзниками, 25,000 свѣжаго войска. При страшномъ громѣ восьмидесяти орудій бросились на деревню Каіса 16-ть баталіоновъ молодой гвардіи. За ними двигались бѣглымъ шагомъ колонны старой гвардіи. Самъ Наполеонъ прискакалъ на мѣсто боя, и его присутствіе, его слова оживили мужество истомленныхъ французовъ. Государь приказалъ гвардіи подкрѣпить стрѣлковъ. Гвардейскія колонны двинулись впередъ и остановились передъ деревнями, выславъ своихъ стрѣлковъ. Но превосходство непріятеля было очевидно: густыя колонны его заняли обширное поле, открывая пушечную пальбу. И войска наши, не будучи въ состояніи удержать деревень, поспѣшно отступили изъ нихъ. Атаки непріятельской гвардіи обратились затѣмъ противъ другихъ селеній, занятыхъ союзниками. Всѣ корпуса Наполеона, подходившіе съ различныхъ сторонъ, по-

---

[1]) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго, см. Русскій Архивъ, 1885 г. № 12, стр. 464—465.

степенно вступали въ дѣло. Обширныя равнины передъ нашимъ фронтомъ покрывались, какъ бы по мгновенію волшебства, движущимися колоннами. Наступила темнота и полилъ дождь, но страшный гулъ пальбы не прерывался ни на минуту. Ружейный огонь блистахъ во мракѣ ночи, какъ непрерывная молнія. Страшный безпорядокъ господствовалъ въ тылу союзной арміи. Толпы раненыхъ и бѣгущихъ покрывали всѣ дороги. Люди, попадавшіе въ этотъ хаосъ, могли думать, что все погибло окончательно. Но главныя массы русскихъ и пруссаковъ съ неслыханнымъ геройствомъ продолжали удерживать свои позиціи. Непріятель успѣлъ завладѣть лишь нѣсколькими деревнями, но ему недосталось никакихъ трофеевъ; онъ не взялъ ни пушекъ, ни плѣнныхъ.

Графъ Витгенштейнъ хотѣлъ возобновить битву на слѣдующій день, но военный совѣтъ, собравшійся по окончаніи боя, рѣшилъ отступить. Доложили объ этомъ государю. Александръ, выслушавъ доводы военнаго совѣта, съ стѣсненнымъ сердцемъ далъ свое согласіе на отступленіе. Оставалось еще убѣдить Фридриха-Вильгельма въ необходимости отступленія. Императоръ хорошо зналъ, какъ тяжело отзовется на королѣ эта вѣсть,—онъ предчувствовалъ, въ какое отчаяніе приведетъ его одна мысль объ отступленіи и рѣшилъ самъ переговорить съ своимъ другомъ: Александръ отправился въ домъ, который занималъ король, приказалъ разбудить его и всячески старался убѣдить своего друга въ необходимости отступить за Эльбу. Фридрихъ-Вильгельмъ, выслушавъ государя, отвѣчалъ, замѣтно огорченный, съ нѣкоторою запальчивостью: „Это мнѣ знакомо; если только мы начнемъ отступать, то не остановимся на Эльбѣ, но перейдемъ также за Вислу; дѣйствуя такимъ образомъ, я себя снова вижу въ Мемлѣ“.

Императоръ удалился. Король, взволнованный, вскочилъ съ постели и подошелъ къ окну. Страшная, давно знако-

мая картина открылась передъ нимъ. Широкая улица деревушки была сплошь покрыта отступающими войсками. Безпорядокъ былъ невообразимый, пѣхота и конница перемѣшались. Среди сплошной массы пѣхотинцевъ и всадниковъ тѣснились съ трудомъ, пролагая себя путь, орудія, зарядные ящики, провіантскія фуры, телѣги съ ранеными. Ржаніе лошадей, трескъ ломающихся экипажей, крики солдатъ, стоны раненыхъ сливались въ дикій, безпорядочный гулъ. Король отвернулся съ ужасомъ отъ этой сцены. „Точь въ точь какъ при Ауэрштедтѣ", сказалъ онъ съ горечью, отходя отъ окна. Фридрихъ-Вильгельмъ успокоился только тогда, когда раненый генералъ Шарнгорстъ убѣдилъ его, что онъ не долженъ смущаться кажущимся безпорядкомъ; онъ неизбѣженъ послѣ каждаго большого сраженія. Объяснивъ королю, что французы понесли большія потери, чѣмъ союзники, генералъ убѣдилъ его въ необходимости для Пруссіи сохранить неразрывнымъ союзъ съ Россіею. Король вышелъ отъ раненаго Шарнгорста вполнѣ успокоенный и, по прежнему, преданный своему другу—нашему государю.

На разсвѣтѣ 21-го Апрѣля (3-го Мая) Михайловскій-Данилевскій [1]) былъ посланъ къ графу Витгенштейну узнать отъ него о распоряженіяхъ на наступившій день. Данилевскій долго ѣздилъ по полямъ; никто не зналъ, гдѣ главнокомандующій. Наконецъ, онъ нашелъ графа, хладнокровно сидѣвшаго въ полѣ. Витгенштейнъ отвѣтилъ, что такъ какъ въ арміи находится императоръ, то главнокомандующій ожидаетъ повелѣній отъ его величества. Выходило, что никто не давалъ приказаній: государь разсчитывалъ на главнокомандующаго, а послѣдній на перваго.

Возвратившись отъ графа Витгенштейна, Данилевскій былъ посланъ къ Милорадовичу съ приказаніемъ отъ госу-

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій, будущій исторіографъ войны 1813 года, былъ въ эту пору штабсъ-капитаномъ свиты его величества по квартирмейстерской части.

даря, чтобы онъ принялъ начальство надъ аріергардомъ и прикрывалъ отступленіе арміи. Посланный нашелъ Милорадовича съ 12.000 корпусомъ въ городѣ Цейцъ, гдѣ онъ провелъ день Люценскаго сраженія въ бездѣйствіи. Данилевскій засталъ Милорадовича совершенно разстроеннымъ; онъ сказалъ ему: „вчера я плакалъ, какъ ребенокъ, потому что въ первый разъ въ жизни, слыша пушечные выстрѣлы, не участвовалъ въ дѣлѣ. Доложите государю, что я буду служить подъ чьею командою онъ прикажетъ; если мнѣ не ввѣрятъ арміи, то пусть дадутъ баталіонъ или роту, мнѣ все равно“.

Рѣшено было отступить на правый берегъ Эльбы. И отступленіе совершалось въ образцовомъ порядкѣ, почти безъ потерь. Генералъ Милорадовичъ, начальникъ арріергарда, во время этого отступленія оказалъ арміи незабвенныя заслуги. Онъ упорно защищалъ каждый шагъ земли, а въ сраженіи при Бишофевердѣ причинилъ громадный уронъ корпусу Макдональда и покрылъ неувядаемою славою себя и свои войска. На берегахъ рѣки Шпрее союзники остановились. Тутъ найдена была выгодная позиція, которую они начали укрѣплять. Сюда къ союзникамъ подошли подкрѣпленія. Вслѣдствіе этого силы ихъ возросли до 100,000 человѣкъ (70,000 русскихъ и 30,000 пруссаковъ) при 610 орудіяхъ.

Въ реляціи [1]) Люценское сраженіе выставлено было какъ побѣда;—графъ Витгенштейнъ былъ награжденъ Андревской лентой, Блюхеръ—прусскій генералъ—орденомъ св. Георгія второй степени, а Милорадовичъ былъ возведенъ въ графское достоинство.

Французы послѣ Люценскаго сраженія заняли Дрезденъ. Наполеонъ, настойчиво пригласивъ короля Саксонскаго возвратиться въ покинутое имъ свое государство, вмѣстѣ съ

[1]) Реляція—донесеніе о военныхъ дѣйствіяхъ.

нимъ въѣхалъ въ Дрезденъ 30-го Апрѣля (12-го Мая). Въѣздъ былъ торжественный: колокольный звонъ, громъ пушекъ и восклицанія войскъ оглашали воздухъ. И къ Наполеону пришли сюда подкрѣпленія; его армія увеличилась до 170,000 человѣкъ. Она превосходила такимъ образомъ союзную армію болѣе нежели въ полтора раза. Но за то въ кавалеріи и артиллеріи численное превосходство было, по прежнему, на сторонѣ союзниковъ.

Между тѣмъ Австрія, постепенно уклоняясь отъ союза съ Наполеономъ, заключеннаго въ 1812 году, приняла на себя роль посредницы для возстановленія общаго мира. Наполеонъ разсердился, узнавъ объ явной измѣнѣ родственнаго ему австрійскаго двора. Онъ вышелъ изъ себя, когда узналъ о тяжкихъ условіяхъ для общаго примиренія, намѣченныхъ Меттернихомъ, австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Наполеонъ рѣшился сдѣлать попытку вступить въ непосредственное соглашеніе съ императоромъ Александромъ. Онъ намѣревался договориться съ нимъ о славномъ для Россіи мирѣ, чтобы заставить Австрію поплатиться за нарушеніе союза и коварную политику. Съ этою цѣлью онъ послалъ Коленкура, пользовавшагося во время пребыванія его въ Петербургѣ особенною благосклонностью императора Александра, съ предложеніемъ заключить перемиріе и открыть переговоры о мирѣ. „Если я долженъ принести какія-либо жертвы,“—сказалъ Наполеонъ Коленкуру, — „то охотнѣе сдѣлаю ихъ въ пользу императора Александра, который ведетъ со мною войну открыто, либо въ пользу короля Прусскаго, въ коемъ принимаетъ участіе Россія, нежели въ угожденіе Австріи, разорвавшей союзъ со мною и присваивающей себѣ, подъ предлогомъ посредничества, права распоряжаться дѣлами Европы“...

Надежды и разсчеты Наполеона не оправдались. Коленкуръ не былъ допущенъ въ союзную квартиру. Государь объявилъ, что всѣ переговоры должны быть ведены

черезъ Австрію. Такимъ образомъ, Александръ не захотѣлъ заключить договора о мирѣ, который могъ быть полезенъ только для Россіи;—общее благо Европы онъ предпочелъ частнымъ выгодамъ, своимъ—русскимъ.

Наполеону послѣ этого оставался одинъ исходъ—снова обратиться къ оружію. И онъ сдѣлалъ это. Утромъ 8-го (20-го) Мая онъ приказалъ атаковать передовую позицію союзниковъ подъ Бауценомъ. [1]) 75,000 французовъ бросились при громѣ 200 орудій, потрясавшемъ землю, на войска Милорадовича, защищавшія городъ Бауценъ и берега рѣки Шпрее. Завязалась отчаянная борьба. Съ изумленіемъ видѣлъ Наполеонъ, что всѣ яростныя нападенія его войскъ разбивались о желѣзную стойкость 25,000 русскихъ и пруссаковъ. Только къ вечеру французамъ удалось, наконецъ, взять Бауценъ и принудить Милорадовича нѣсколько отступить; но побѣда эта была куплена дорогою цѣною: всѣ улицы Бауцена и берегъ Шпрее завалены были грудами ихъ труповъ.

На слѣдующій день 9-го (21-го) Мая разыгралось кровопролитное сраженіе, которое окончилось новымъ торжествомъ Наполеона. Александръ и Наполеонъ прибыли на поле сраженія въ 5 часовъ утра и находились въ виду одинъ у другого. Государь расположился на горѣ позади деревень Башюцъ и Іенковицъ, Наполеонъ на высотахъ при Нидеръ-Кайнѣ. Государь не съѣзжалъ съ высоты до отступленія армій; Наполеонъ также не трогался съ мѣста во весь день. Графъ Витгенштейнъ ни на минуту не оставлялъ государя и ни разу не подъѣзжалъ къ войскамъ. Около четырехъ часовъ по полудни государю было предложено прервать сраженіе. Государь и самъ хорошо понималъ эту суровую необходимость, но онъ не въ силахъ былъ преодолѣть досады и гнѣва, кипѣвшихъ въ его груди.—„Я не хочу

---

[1]) Бауценъ въ Саксоніи.

быть свидѣтелемъ этого пораженія,“ — обратился онъ къ главнокомандующему,—„прикажите отступать“. Сказавъ эти слова, императоръ поворотилъ лошадь и ускакалъ. Король Прусскій, князь Волконскій, Толь и вся личная свита обоихъ монарховъ не замедлили послѣдовать за нимъ.

Отступленіе исполнено было въ совершенномъ порядкѣ. Союзныя войска, не торопясь, снимались съ позицій и отходили назадъ, продолжая перестрѣлку. Ни сильная буря съ проливнымъ дождемъ, ни продолжающіяся атаки непріятеля не производили въ ихъ колоннахъ ни малѣйшаго замѣшательства, или безпорядка. Многочисленная союзная кавалерія замедляла наступленіе непріятеля. Французы не могли захватить ни одного трофея; союзники увезли съ собою съ поля битвы не только всѣ орудія, но и почти всѣхъ своихъ раненыхъ.

Наполеонъ, крайне недовольный, что двухдневное сраженіе при Бауценѣ не доставило ему ни какихъ трофеевъ, сказалъ съ негодованіемъ: „Какъ, послѣ такой бойни не достигнуто никакихъ результатовъ! Нѣтъ плѣнныхъ? Эти люди не оставятъ мнѣ гвоздя“. Наполеонъ рѣшился, не давая отдыха своимъ войскамъ, преслѣдовать отступающую союзную армію и довершить ея пораженіе, начатое на полѣ битвы. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Тщетно пытались его войска, воодушевляемыя его личнымъ присутствіемъ, опрокинуть союзный арріергардъ. Генералъ Ермоловъ, прикрывавшій отступленіе союзной арміи, оборонялъ каждый шагъ земли съ неслыханнымъ упорствомъ и умѣніемъ. Принужденный оставить одну позицію, онъ немедленно-же занималъ другую. Въ теченіе одного дня онъ далъ непріятелю четыре кровопролитныхъ сраженія. Вечеромъ 10-го Мая Милорадовичъ съ свѣжими войсками смѣнилъ Ермолова и принялъ начальство надъ арріергардомъ. Нниолеонъ, выведенный изъ терпѣнія неудачнымъ преслѣдованіемъ, рѣшился еще разъ атаковать союз-

никовъ у Герлица. Осыпаемый ядрами и гранатами, онъ самъ лично повелъ въ атаку свои войска. Около 50,000 французовъ бросились съ яростью противъ 20,000 русскихъ. Милорадовичъ, уступая превосходству силъ, снялся съ позиціи, но вслѣдъ затѣмъ занялъ другую на высотахъ близъ Герлица. Наполеонъ возбуждаетъ своихъ солдатъ къ новымъ усиліямъ; онъ указываетъ имъ на корпусъ Милорадовича, какъ на легкую и вѣрную добычу. Французы съ криками: „да здраствуетъ императоръ!“ бросаются на высоты. Русскіе встрѣчаютъ ихъ сильнѣйшимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ! Ихъ снаряды ложатся вокругъ самого Наполеона, а одно изъ ядеръ поражаетъ на смерть въ двухъ шагахъ отъ него маршала Дюрака.

Пораженный смертью этого своего любимца, Наполеонъ прекращаетъ преслѣдованіе русскихъ и поздно ночью располагается на квартирѣ въ Герлицѣ. Тяжелое раздумье нападаетъ на великаго завоевателя. Вотъ уже въ другой разъ одерживаетъ онъ побѣду надъ союзниками, но развѣ эти побѣды напоминаютъ хотя сколько нибудь его прежніе тріумфы? Эти побѣды стоили ему около 60,000 человѣкъ и принесли результаты крайне неудовлетворительные. Правда, онъ выгналъ союзниковъ изъ Саксоніи, оттѣснилъ ихъ до предѣловъ Силезіи, но онъ не успѣлъ уничтожить ихъ массъ, сломить ихъ духа. Твердость и непреклонность его главнаго врага, императора Александра, казалось, возрастали вмѣстѣ съ проигранными сраженіями... Наполеонъ былъ полонъ тяжелыхъ предчувствій. Безмолвно сидѣлъ онъ по вечерамъ въ своей палаткѣ, скрестивши руки на груди, опустивъ голову, не говоря по цѣлымъ часамъ ни слова. До сихъ поръ онъ отклонялъ посредничество Австріи въ дѣлѣ переговоровъ о мирѣ. Теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, что если не миръ, то, по крайней мѣрѣ, перемиріе для него въ высшей степени необходимо. Оно необходимо ему и въ виду страшно разстроеннаго состоянія его арміи,

и въ виду привлеченія Австріи на свою сторону. Наполеонъ рѣшился принять посредничество Австріи и назначилъ съ своей стороны уполномоченныхъ для заключенія перемирія съ союзниками.

Союзные монархи изъ подъ Бауцена направились къ городку Рейхенбаху. Императоръ Александръ ѣхалъ шагомъ стараясь утѣшить своего друга, короля Прусскаго.

— „Я ожидалъ это!“—сказалъ Фридрихъ-Вильгельмъ,— „мы надѣялись идти на западъ, а двигаемся на востокъ“.

Государь отвѣчалъ, что ни одинъ изъ союзныхъ баталіоновъ не былъ разстроенъ, и что, хотя отступленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ, однако-же еще ничего не потеряно, и, съ помощію Божіей, дѣла пойдутъ лучше.

— „Если Богъ благословитъ наши общія усилія,“ — возразилъ король,—„то мы должны будемъ сознаться предъ лицемъ всего свѣта, что Ему одному принадлежитъ слава успѣха“.

Александръ, пожавъ руку своему другу, изъявилъ ему, что онъ совершенно раздѣляетъ его чувства.

Французы, между тѣмъ, продолжали подвигаться къ Одеру, заняли Лигницъ и наконецъ Бреславль.

Ближайшимъ послѣдствіемъ Бауценскаго сраженія было назначеніе новаго главнокомандующаго союзной русско-прусской арміи—Барклая-де-Толли. Оно состоялось 17 (29) Мая. Очевидецъ событій войны 1813 года, Михайловскій-Данилевскій, пишетъ, что послѣ пораженій подъ Люценомъ и Бауценомъ стало очевиднымъ, что графъ Витгенштейнъ не на своемъ мѣстѣ. „Безпечность его относительно внутренняго управленія арміи привела ее въ разстройство до такой степени, что иногда не знали расположенія нѣкоторыхъ полковъ. Главная квартира его походила на городскую площадь, наполненную вѣстовщиками. По добротѣ души своей, онъ не воспрещалъ къ себѣ свободнаго доступа никому; комнаты его наполнены были всегда праздными офицерами,

которые разглашали свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, даже о самыхъ секретныхъ; по этой причинѣ, какъ бы тайно ни было дано повелѣніе графу, оно немедленно дѣлалось всѣмъ извѣстнымъ. Я не постигаю, какъ Наполеонъ не воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, что у насъ происходило. Союзники наши, пруссаки, равномѣрно были недовольны графомъ Витгенштейномъ; это и неудивительно: имъ необходима была побѣда, а подъ предводительствомъ его они испытали два пораженія и видѣли ежедневно увеличивавшееся разстройство арміи. Такимъ образомъ, графъ Витгенштейнъ, недавно еще превозносимый, какъ оплотъ Европы, упалъ съ этой высоты и испыталъ участь, свойственную тѣмъ, кому счастіе перестаетъ улыбаться; тѣ, которые васхваляли его до небесъ, первые его оставили и наводнили главную квартиру государя, съ тѣмъ, чтобы искать мѣста, въ которомъ бы можно было пріобрѣсть имъ болѣе знаковъ отличія, страсть къ коимъ до невѣроятной степени усилилась тогда въ нашей арміи. Недавно ставили его на ряду съ Кутузовымъ и полагали, что кончина фельдмаршала не можетъ имѣть послѣдствій на ходъ военныхъ дѣйствій, потому что его заступилъ Витгенштейнъ; но это самое сравненіе сдѣлалось для новаго главнокомандующаго пагубнымъ, ибо при паденіи его начали сравнивать порядокъ, бывшій при жизни Кутузова въ арміи, подчиненность между генералами и рядъ неслыханныхъ успѣховъ съ тѣмъ, что случилось при преемникѣ его. Легко заступить мѣсто знаменитаго мужа, но трудно замѣнить его".

Графъ Милорадовичъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ возведенію Барклая-де-Толли въ главнокомандующіе. 13-го (25-го) Мая онъ поѣхалъ къ Витгенштейну и сказалъ ему: „зная благородный образъ мыслей вашихъ, я намѣренъ объясниться съ вами откровенно. Безпорядки въ арміи умножаются ежедневно, всѣ на васъ ропщутъ, и благо отечества

требуетъ, чтобы назначили на мѣсто ваше другого главнокомандующаго".

— „Вы старѣе меня,"—отвѣчалъ графъ Витгенштейнъ,— „и я охотно буду служить подъ начальствомъ вашимъ или другого, котораго императоръ опредѣлитъ на мое мѣсто".

Послѣ этого объясненія Милорадовичъ поѣхалъ къ государю, изобразилъ ему настоящее положеніе дѣлъ и просилъ его принять лично начальство надъ арміею.

Александръ на это ему отвѣтилъ: „Я взялъ на себя управленіе политическими дѣлами; что же касается до военныхъ, то я не беру ихъ на себя".

— „Въ такомъ случаѣ поручите армію Барклаю,"—сказалъ Милорадовичъ,—„онъ старѣе всѣхъ".

— „Онъ не захочетъ командовать",—возразилъ государь.

— „Прикажите ему, Ваше Величество; тотъ измѣнникъ, кто въ теперешнихъ обстоятельствахъ осмѣлится воспротивиться вашей волѣ".

Барклай-де-Толли согласился. Принявъ начальство надъ войскомъ, онъ немедленно занялся приведеніемъ въ порядокъ арміи. Барклай, котораго въ 1812 году упрекали такъ настойчиво въ отсутствіи русскаго патріотизма, явился теперь на своемъ новомъ посту представителемъ исключительно русскихъ интересовъ. Полагая справедливо, что исходъ войны зависитъ главнымъ образомъ отъ русской арміи, онъ находилъ прежде всего необходимымъ обратить самое серьезное вниманіе на состояніе этой арміи, на возстановленіе ея разстроенной организаціи, на пополненіе ея свѣжими войсками. Положеніе русской арміи было дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ крайне печальное. Непрерывные походы и битвы послѣднихъ мѣсяцевъ причинили ей не только чувствительныя потери, но и совершенно разстроили ея организацію. Многіе изъ русскихъ пѣхотныхъ полковъ находились въ однобаталіонномъ составѣ, въ кавалерійскихъ полкахъ было вмѣсто восьми эскадроновъ по два

или по три. Интендантская часть находилась въ нашихъ войскахъ въ полнѣйшемъ разстройствѣ. На всемъ пространствѣ отъ Вислы до Эльбы еще не было учреждено магазиновъ; подвозы съ провіантомъ частью не были устроены, частью отстали отъ арміи. Солдаты ходили оборванные и босые. Дисциплина, прежде столь строгая въ русскихъ войскахъ, начала падать съ каждымъ днемъ. Случаи мародерства, грабежа и насилій начали повторяться все чаще и чаще. Послѣдствіемъ всего этого было замѣтное охлажденіе между союзниками.

Разномысліе между союзниками начало обнаруживаться и въ той сферѣ, гдѣ оно могло причинить наиболѣе вреда. 19-го (31-го) Мая союзная армія расположилась въ крѣпкой позиціи при Пильценѣ за Силезскою крѣпостью Швейдницомъ. Прусскіе генералы постановили, что здѣсь слѣдуетъ дать третье сраженіе Наполеону, но всѣ другіе начальники и во главѣ ихъ Барклай рѣшительно возстали противъ этого предложенія. На военномъ совѣтѣ Барклай въ присутствіи союзныхъ монарховъ доказывалъ, что слѣдуетъ отступить за Одеръ и далѣе въ Польшу. Пруссаки возражали. Новый главнокомандующій упорно стоялъ на своемъ мнѣніи. Русская армія, говорилъ онъ, нуждается во времени и отдыхѣ, чтобы прійти опять въ состояніе годное для боя. Оставаться здѣсь уже немыслимо потому, что непріятель можетъ отрѣзать русскихъ отъ Польши и отъ сообщеній съ Россіею.

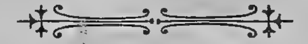
— „Но что же станется въ такомъ случаѣ съ прусскою арміею,“ — замѣчали прусскіе генералы, — „она не можетъ идти вслѣдъ за русскими въ Польшу и покинуть на произволъ судьбы свою страну; а оставаясь въ Пруссіи одна,— какой участи подвергнется она?“

Барклай-де-Толли пожалъ плечами. Прусская армія, замѣтилъ онъ, должна держаться собственными силами; черезъ шесть недѣль я возвращусь къ ней на помощь съ возстановленными, свѣжими силами.

Мнѣніе нашего главнокомандующаго восторжествовало. Положено было отступить къ Олау на Одерѣ.

Союзныя арміи должны были такимъ образомъ разъединиться вслѣдствіе этого маневра, но Провидѣніе рѣшило иначе. Въ тотъ самый день, когда войскамъ раздана уже была диспозиція [1]) къ отступленію,—пришла вѣсть, что уполномоченные воюющихъ сторонъ подписали 23-го (4-го Іюня) Мая перемиріе. Это перемиріе заключено было на шесть недѣль, по 8-е (20-е) Іюля, съ обязательствомъ предварить за шесть дней о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Впослѣдствіи оно было продолжено еще на три недѣли, до 29-го Іюля (10-го Августа). Французы очистили Бреславль. Наполеонъ отправился въ Дрезденъ. „Если союзники не хотятъ мира чистосердечно,“ — сказалъ онъ по поводу заключеннаго перемирія,— „то это перемиріе можетъ сдѣлаться для насъ роковымъ“.

Эти слова Наполеона были пророческими словами. Нѣкоторые наши генералы (Толь, напр.) уже тогда высказали мысль, что Наполеонъ погубилъ самъ себя, давъ согласіе на перемиріе.

[1]) Диспозиція — родъ приказа, отдаваемаго съ вечера по войскамъ арміи и заключающаго въ себѣ ясное, опредѣлительное и постепенное указаніе распоряженій начальника для дѣйствій подчиненнаго ему войска въ слѣдующій день.

Перемиріе.

По заключеніи военнаго перемирія союзники расположились въ Силезіи, въ прелестной мѣстности [1], недалеко отъ австрійской границы. Въ Рейхенбахѣ, небольшомъ красивомъ городѣ, расположилась главная дипломатическая квартира союзниковъ. Сюда стеклись со всѣхъ сторонъ министры и дипломаты великихъ и малыхъ державъ, оффиціальные и тайные агенты, искатели приключеній и наживы, услужливые еврейскіе банкиры и факторы. — Король прусскій съ своею свитою помѣстился въ прелестномъ Нейдорфѣ.— Императоръ Александръ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ небольшое мѣстечко Петерсвальдау, находившееся въ небольшомъ разстояніи отъ Рейхенбаха. Мѣстечко это было очень скучное; тутъ жили одни только поселяне и евреи, тутъ не было ни лавокъ, ни магазиновъ, ни мѣста для общественнаго гулянья.

---

[1] «Видъ изъ моего окна», — говоритъ Н. Н. Муравьевъ, находившійся при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, который оставался въ селеніи Оссигъ, въ округѣ Гроттау,—«былъ прелестный; богатыя золотыя поля растилались во всѣ стороны, а надъ колосьями возвышались церкви селеній, окруженныхъ садами; дороги разсѣкали волнистыя поля, по коимъ всюду двигались фуры. Въ правой сторонѣ находилась роща, которая сохранялась для охоты короля; въ ней водились птицы, и разноцвѣтные фазаны пролетали иногда мимо моего окна. Чудесная страна, населенная честными и добрыми людьми! Сидя у окна и любуясь природою воображеніе мое парило въ прошедшемъ и будущемъ. При закатѣ солнца отовсюду слышались пѣсни и, наконецъ, заревая труба наша возвѣщала въ отдаленности покой могильнымъ голосомъ своимъ во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ. Я любовался, задумывался, садился у окна и писалъ свои мысли». (См Русскій Архивъ, 1885 г. кн. 12, стр. 488.).

Въ сторонѣ отъ другихъ жилищъ находился большой, но совершенно заброшенный господскій домъ. Онъ весь утопалъ въ роскошной зелени громаднаго, запущеннаго парка. Со всѣхъ сторонъ возвышались группы буковыхъ, дубовыхъ и хвойныхъ деревьевъ. Густые кусты орѣшника, заглохшей сирени, одичалыхъ фруктовыхъ деревьевъ образовали мѣстами непроходимыя чащи. Широкія дорожки и извилистыя тропинки, разбитыя когда-то по парку, заросли бурьяномъ и травою. Передъ самымъ домомъ находился обширный прудъ, но его гладкая водная поверхность давно уже покрылась тиною и водяными растеніями. По берегамъ его вытянулись непроницаемые камыши. Невозмутимая тишина царила въ обширномъ паркѣ. Лишь по временамъ раздавалось карканье вороновъ, жалобные стоны филина, а по вечерамъ лягушки, жившія въ прудѣ, устраивали свои концерты.

Въ самомъ домѣ все было также пусто и мрачно, какъ и въ паркѣ. Въ комнатахъ, тянувшихся безконечною анфиладою, виднѣлись какъ призраки старомодныя зеркала и мебель. Повсюду пахло сыростью и запустѣніемъ; солнце почти никогда не заглядывало въ окна этого забытаго жилища.

Среди такой-то обстановки, среди невозмутимой и мрачной тишины поселился императоръ Александръ. Съ нимъ не было ни многочисленной свиты, ни прислуги. Во всемъ громадномъ домѣ помѣстился онъ и гофмаршалъ графъ Толстой. Шишковъ, государственный секретарь и Балашовъ, министръ полиціи, находившіеся постоянно при государѣ, должны были устроиться въ обывательской избѣ.

Шишковъ былъ недоволенъ своею деревенскою жизнію, скучалъ и не понималъ, какимъ образомъ могъ переносить Силезскую захолустную жизнь государь. „Между тѣмъ“,— разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, — „продолжая часто ходить къ государю съ докладами, я не могъ нади-

виться скучному, уединенному и, какъ казалось мнѣ, несносному образу жизни государя императора. Въ пустомъ огромномъ домѣ жили они только двое: графъ Толстой въ одномъ, а государь въ другомъ, далекомъ отъ него углу. Передъ окнами кабинета его, гдѣ онъ цѣлые дни, всегда почти одинъ, препровождалъ, находился обширный, запустѣвшій садъ съ грязнымъ, покрытымъ тиною, прудомъ, въ которомъ по вечерамъ, довольно длиннымъ и темнымъ, безпрестанно квакали лягушки, такъ что всякій разъ, когда, сидя одинъ со свѣчкою, передъ его кабинетомъ, дожидался я иногда болѣе часа, покуда онъ позоветъ, находилъ на меня въ этой пустотѣ комнатъ, въ этой тишинѣ, прерываемой однимъ только крикомъ сихъ насѣкомыхъ, нѣкій ужасъ и уныніе“ [1]).

Шишковъ жаловался на свою скуку и тоску своей женѣ [2]), но императоръ ни мало не скучалъ въ этой страшной глуши. Занятый постоянно самыми важными дѣлами, онъ всегда сохранялъ доброе и веселое настроеніе, выслушивалъ терпѣливо самые разнообразные доклады, снисходилъ кротко и милостиво на всѣ просьбы своихъ подчиненныхъ.—Государь не разъ посѣщалъ съ особенною охотою и интересомъ поселенія гернгутеровъ или Моравскихъ братьевъ въ окрестностяхъ Петерсвальдау. Онъ проводилъ по цѣлымъ часамъ въ бесѣдахъ съ сектантами-гернгутерами [3]), бралъ у нихъ книги и брошюры религіознаго содержанія и читалъ ихъ, возвратившись въ свое уединеніе. Государя все привлекало въ этихъ простыхъ, честныхъ, трудолюбивыхъ и религіозныхъ людяхъ. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ того порядка, опрятности и чистоты, которые господствовали въ ихъ деревняхъ. Онъ умилялся духомъ при видѣ ихъ истинно

[1]) Записки Шишкова, т. I, стр. 207.

[2]) Тамъ же, стр. 342.

[3]) Моравскіе братья появились въ эпоху гусситскихъ войнъ. Секта ихъ была подавлена габсбургами—германскими императорами и іезуитами въ началѣ тридцатилѣтней войны, но ученіе ихъ возродилось въ XVIII вѣкѣ въ сектѣ гернгутеровъ.

христіанскаго смиренія, ихъ искренней, неподдѣльной набожности, ихъ глубокой вѣры во Христа.

Братъ государя, великій князь Константинъ Павловичъ поселился въ Оссигѣ, находившемся въ округѣ Гротгау. Онъ занималъ большой каменный домъ и велъ странную жизнь. Поутру пріѣжалъ къ нему на дворъ полуэскадронъ въ караулъ. Великій князь, стоя на балконѣ, училъ его часа полтора. Послѣ этого онъ заставлялъ ихъ по одиночкѣ прыгать черезъ барьеръ, при чемъ нерѣдко случалось, что люди съ лошадьми падали и ушибались. Затѣмъ Константинъ Павловичъ приходилъ къ Курутѣ—начальнику своего штаба, иногда бесѣдовалъ съ нимъ, а чаще возился съ своею собакою. При этой забавѣ онъ все вверхъ дномъ ставилъ въ комнатѣ. Иногда Курута унималъ его какою нибудь острой шуткой, и великій князь сознавался, что Дмитрій Дмитріевичъ Курута скоро вынетъ изъ кармана пучекъ розогъ и высѣчетъ его. Послѣ этого онъ цѣловалъ руку у Куруты и усмирялся. До обѣда онъ спалъ. Послѣ обѣда опять спать ложился, въ 6-ть часовъ вставалъ и выходилъ на балконъ. Ему приносили солдатское ружье, и онъ стрѣлялъ въ цѣль съ балкона по статуѣ, стоявшей среди его двора. Статуя была безъ рукъ и безъ головы отъ его пуль. Онъ заряжалъ и стрѣлялъ по формѣ, какъ будто-бы онъ во фронтѣ стоялъ. Послѣ стрѣльбы приносили пѣтуховъ для драки. Вечеромъ приводили къ нему какую—нибудь нѣмецкую музыку, состоявшую изъ цимбалъ или плохого кларнета, и каждый день новую. Онъ заставлялъ ихъ играть у себя въ корридорѣ, за что щедро платилъ музыкантамъ.

Расположившись въ Силезіи, союзники, вообще, старались поправиться во время перемирія, окрѣпнуть силами: солдаты отдыхали, начальники ихъ частію веселились, частію трудились. Но больше всѣхъ работалъ, больше всѣхъ трудился самъ императоръ Александръ. Дни Петерсвальдаусскаго уединенія были для него днями самой напряжен-

ной и всесторонней политической дѣятельности. Союзникамъ за время перемирія необходимо было окончить переговоры съ Англіею, привлечь на свою сторону Австрію, усилить свои войска и выработать планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій. И все это было сдѣлано, благодаря главнымъ образомъ энергіи и трудамъ императора Александра.

Прежде всего и легче всего приведены были къ вожделѣнному концу переговоры съ Англіею. Англичане относились къ Наполеону съ страшною ненавистью. Они готовы были поднять противъ него цѣлый міръ, готовы были въ случаѣ крайности принести великія жертвы съ своей стороны; но, какъ истые купцы, они заботились въ то же время, главнымъ образомъ, чтобы достигнуть цѣли съ возможно меньшими издержками и съ наивозможно меньшимъ рискомъ съ своей стороны. Россія и Пруссія требовали отъ англичанъ одной только денежной помощи. И тутъ министрамъ союзныхъ державъ пришлось встрѣтиться съ такою сдержанностью, съ такою мелочною разсчетливостью представителей англійскаго правительства, которыя не соотвѣтствовали ни великости предстоящей борьбы, ни важности затронутыхъ въ ней интересовъ. Англійскіе министры, хорошо сознававшіе, что и для Англіи идетъ вопросъ о жизни и смерти, хлопотали тѣмъ не менѣе о томъ, чтобы Россія и Пруссія обязались выставить въ поле возможно большее количество солдатъ и удовлетворились въ то же время возможно меньшею суммою субсидій. И они достигли своей цѣли безъ особаго труда; — представители Россіи, руководимые своимъ императоромъ, оказались очень уступчивыми. Россія обязалась выставить противъ Наполеона, не считая гарнизонныхъ войскъ, 150,000 человѣкъ и должна была получить за это въ теченіи 1813 года 1.333,333 фунта стерлинговъ субсидій. На содержаніе каждаго русскаго солдата въ теченіи всей предстоявшей компаніи англійское правительство обязывалось такимъ образомъ выдавать всего только

около 50 рублей. Подобныя же скудныя субсидіи получала и Пруссія. Она обязалась выставить противъ Наполеона 80,000 человѣкъ и должна была получить за это 666,666 фунтовъ стерлинговъ [1]).

Этого мало. Экономія англійскаго правительства пошла дальше; она выразилась еще болѣе рельефнымъ образомъ, когда дѣло дошло до дѣйствительныхъ платежей. Богатая Англія вдругъ оказалась несостоятельною плательщицею. Только половина субсидій покрыто было наличными деньгами и билетами англійскаго банка; другая половина уплочена была оружіемъ, порохомъ и снарядами, значительная часть которыхъ оказалось по пріемѣ совершенно негодною къ употребленію.

Труднѣе было союзникамъ привлечь Австрію на свою сторону. Императоръ Францъ, стоявшій тогда во главѣ австрійской монархіи, не отличался особеннымъ умомъ и образованіемъ. Это былъ эгоистъ, ставившій свой личный покой выше всего на свѣтѣ. Не лучше его былъ первый министръ его, князь Меттернихъ. Будучи умнѣе и образованнѣе своего государя, онъ не уступалъ ему въ эгоизмѣ и превосходилъ его своею двуличностью, лживостью.

Императоръ Александръ зналъ того и другаго; онъ зналъ ихъ характеръ, образъ мыслей и убѣжденія. Ему было не особенно пріятно вступать въ близкія сношенія съ ними, но необходимость заставила его завести съ ними переговоры о союзѣ противъ Наполеона. Австрія нужна была тогда союзникамъ. Сраженіе при Люценѣ и Бауценѣ убѣдили Александра, что однѣми русско-прусскими силами трудно одолѣть Наполеона, что для успѣха борьбы съ послѣднимъ союзникамъ необходимо, во что-бы то ни стало, привлечь на свою сторону Австрію.

Въ первыхъ числахъ Іюня императоръ Александръ отправился въ Сѣверную Богемію, въ Опочку. Здѣсь состоя-

---

[1]) Фунтъ стерлинговъ равняется на наши деньги 6 р. 25 коп. золотомъ, или 9 р. 60 коп. серебромъ.

Низлож. Наполеона

лось свиданіе его съ Францомъ и Меттернихомъ. Ловкій дипломатъ успѣлъ произвести на русскаго государя благопріятное впечатлѣніе, не смотря на то, что онъ относился къ нему съ большимъ недовѣріемъ. Александръ долго бесѣдовалъ съ Меттернихомъ и видимо остался имъ доволенъ. 15-го (27-го) Іюня Россія и Пруссія заключила въ Рейхенбахѣ конвенцію [1]) съ Австріей, по которой вѣнскій дворъ обязывался объявить войну Наполеону, если до истеченія перемирія онъ не согласится: 1-е, предоставить въ распоряженіе союзниковъ герцогство Варшавское; 2-е, увеличить Пруссію раздѣломъ Варшавскаго герцогства и уступкою Данцига и другихъ занятыхъ французами крѣпостей въ прусскихъ владѣніяхъ; 3-е, возвратить Австріи Иллирію и 4-е, отказаться отъ ганзейскихъ городовъ [2]) и вообще прибрежья сѣверной Германіи.

Эта конвенція осталась глубокою тайною для всѣхъ непосвященныхъ лицъ. Оффиціально было извѣстно только то, что Россія и Пруссія приняли формальное посредничество Австріи, что онѣ дали свое согласіе на открытіе мирнаго конгресса. Оставалось получить такое-же согласіе и со стороны Наполеона. Эту задачу взялъ на себя самъ австрійскій канцлеръ. И Меттернихъ выполнилъ ее какъ настоящій дипломатъ. Готовый напередъ ко всѣмъ случайностямъ, онъ прибылъ въ Дрезденъ, тогдашнюю резиденцію Наполеона, закаленный противъ всѣхъ выходокъ и оскорбленій, вѣжливый, мягкій, сіяющій какъ всегда. Наполеонъ тогда былъ чрезвычайно озлобленъ противъ вѣнскаго кабинета. Онъ не могъ скрыть своего гнѣва противъ Австріи, когда, съ наступленіемъ перемирія, переговоры съ этой державой получили первенствующее значеніе. „Россія“, —

---

[1]) Конвенція—трактатъ, заключенный между государствами и содержащій въ себѣ разныя условія, которыя договаривающіяся со стороны обѣщаются соблюдать свято и ненарушимо.

[2]) Ганзейскіе города—Любекъ, Бременъ и Гамбургъ.

писалъ онъ Коленкуру,—„имѣетъ полное право на выгодныя условія мира. Она купила ихъ цѣною двухъ тяжкихъ походовъ, опустошеніемъ областей, потерею столицы. Австрія, напротивъ того, не заслуживаетъ ничего. Ничто не огорчило-бы меня такъ, какъ если-бы Австрія, въ награду за свое вѣроломство, получила выгоды и славу возстановленія мира въ Европѣ“. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ принялъ Меттерниха на другой же день послѣ его пріѣзда. Обширныя залы дворца были наполнены маршалами, генералами и адъютантами, когда Меттернихъ вступилъ въ нихъ въ сопровожденіи маршала Бертье. Всѣ взоры обратились на австрійскаго канцлера; всѣхъ безпокоилъ одинъ и тотъ-же мучительный вопросъ: будетъ-ли миръ? Самъ Бертье, подведши Меттерниха къ дверямъ императорскаго кабинета, шепнулъ ему на ухо: „не забывайте, что Европа нуждается въ мирѣ, что Франція жаждетъ только мира“.

Меттернихъ вошелъ въ кабинетъ. У стола, въ своей обычной позѣ, съ шляпою подъ мышкою, стоялъ Наполеонъ. Лицо его было спокойно и безстрастно; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу канцлеру и обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ о здоровьѣ императора Франца. Меттернихъ отвѣчалъ со всею любезностью свѣтскаго кавалера, но онъ еще не успѣлъ окончить своей фразы, какъ лицо Наполеона омрачилось, и онъ крикнулъ громовымъ голосомъ: „Итакъ вы хотите войны? Хорошо, мы начнемъ ее. Вы помѣшали мнѣ истребить русскихъ и пруссаковъ... Я не гонялся за вашею помощью; для меня было достаточно, чтобы вы оставались нейтральными. Но вы, подъ предлогомъ содѣйствія миру, сдѣлали большія вооруженія, и, окончивъ ихъ, осмѣливаетесь предписывать такія условія, какія могутъ требовать лишь мои непріятели. Вы хотите войны со мною. Три раза я возвращалъ престолъ вашему государю; я обѣщалъ ему оставаться всю жизнь въ мирѣ съ нимъ; я женился на его дочери; я сказалъ себѣ тогда,

что я дѣлаю глупость, но я сдѣлалъ ее и раскаиваюсь въ ней".

Наполеонъ умолкъ; онъ, видимо, ждалъ отвѣта.

Меттернихъ, выслушавъ спокойно эту грубую выходку французскаго императора, отвѣчалъ: „мы не ищемъ войны, а желаемъ только прекратить положеніе дѣлъ, сдѣлавшееся нестерпимымъ Европѣ и угрожающее совершеннымъ разрушеніемъ"...

— „Чего же вы хотите?" — прервалъ Наполеонъ.

— „Мы хотимъ мира, обезпеченнаго мира. Уже мы не можемъ оставаться въ сторонѣ. Необходимо, что бы мы стали за васъ, или противъ васъ!"

За тѣмъ Меттернихъ, съ свойственною ему ловкостью, исчислилъ всѣ уступки, требуемыя союзниками.

Наполеонъ, не давъ ему кончить рѣчи, вскричалъ: „Какъ! Вы требуете не только Иллирію, но еще Польшу, и Любекъ, и Гамбургъ, и Бременъ... И вы говорите о вашей умѣренности, о вашемъ уваженіи къ самостоятельности владѣній. Понимаю... Вы хотите получить всю Италію; Россія — Польшу; Пруссія — Саксонію; Англія — Голландію и Бельгію. Вы надѣетесь однимъ почеркомъ пера отнять у меня то, что пріобрѣлъ я столькими побѣдами! И мнѣ дѣлаютъ такія предложенія, когда мои войска стоятъ у воротъ Берлина и Бреславля. Нѣтъ! Прежде вы будете принуждены набрать милліоны солдатъ, прольете лучшую кровь нѣсколькихъ поколѣній и достигнете подошвы Монмартра!" [1]) Затѣмъ, выйдя совершенно изъ себя, Наполеонъ сказалъ: „Меттернихъ, сколько вамъ дала Англія за то, чтобы вы сдѣлались врагомъ моимъ?"

При этихъ обидныхъ словахъ Меттернихъ измѣнился въ лицѣ, но, сохранивъ обычное ему присутствіе духа, возобновилъ разговоръ. Онъ увѣрялъ, что Австрія не питаетъ

---

[1]) *Монмартръ*—самая возвышенная часть Парижа, столицы Франціи.

несбыточныхъ надеждъ, коими увлекаются прочія державы,— онъ говорилъ, что лучшее средство разсѣять такія мечты есть заключеніе мира въ духѣ умѣренности.

— „И вы называете это умѣренностью? возразилъ Наполеонъ. „Скорѣе умру, нежели уступлю хотя одинъ шагъ земли. Ваши государи, рожденные на тронѣ, могутъ дозволять бить себя двадцать разъ и будутъ каждый разъ спокойно возращаться въ свою столицу; но я сынъ счастья, я перестану царствовать съ того дня, когда перестану быть сильнымъ, когда перестану внушать уваженіе къ себѣ".

— „Когда же наконецъ прекратятся эти злополучныя войны, если поводомъ къ нимъ служатъ и побѣды, и неудачи?"

— „Я обязанъ сохранить ненарушимо славу и величіе народа, проливающаго, по моему призыву, драгоцѣннѣйшую кровь свою".

— „Этотъ народъ нуждается въ спокойствіи. На пути сюда, я видѣлъ нѣкоторые изъ вашихъ полковъ. Ваши солдаты—настоящіе дѣти".

Наполеонъ, раздраженный этимъ замѣчаніемъ, бросивъ шляпу, которую держалъ въ рукахъ, на полъ и поблѣднѣвъ, сказалъ: „Господинъ Меттернихъ! Вы не солдатъ, вы никогда не жили въ лагерѣ и не научились цѣнить столь-же мало чужую жизнь, сколько свою собственную. Что мнѣ жизнь двухъ сотъ тысячъ человѣкъ!"

— „Позвольте отворить двери и окна,"—сказалъ Меттернихъ,—„и пусть вся Европа васъ слышитъ".

Наполеонъ, продолжая ходить большими шагами вдоль комнаты, отбросилъ ногою въ уголъ свою шляпу. „Я сдѣлалъ большую ошибку, породнившись съ вашимъ государемъ," сказалъ императоръ. „Вы хотите получить Иллирію,— возмите ее. Быть можетъ, я сдѣлаю вамъ еще и другія уступки, но не мѣшайтесь въ мои дѣла".

Послѣ этого Наполеонъ сразу понизилъ тонъ и обра-

тился къ Меттерниху съ такими словами: „Объявите вашъ нейтралитетъ, и я соглашусь на переговоры въ Прагѣ. Или, быть можетъ, вы предпочитаете вооруженный нейтралитетъ? Согласенъ и на то. Выставляйте 300,000 человѣкъ въ Богеміи, я полагаюсь на слово императора, что онъ не объявитъ мнѣ войну".

— „Мой императоръ,"—возразилъ Меттернихъ,—„предложилъ державамъ свое посредничество, а не нейтралитетъ. Пруссія и Россія приняли посредничество, теперь очередь высказаться за вами, государь. Если вы примете мои предложенія, то мы можемъ тотчасъ-же опредѣлить фонъ для переговоровъ. Если вы отклоните ихъ, то императоръ будетъ считить себя свободнымъ въ выборѣ своихъ рѣшеній и своего образа дѣйствій. Положеніе дѣлъ таково, что не терпитъ отсрочекъ. Арміи должны жить. У насъ 250,000 человѣкъ въ Богеміи, они могутъ простоять тамъ нѣсколько недѣль, но не нѣсколько мѣсяцевъ".

Эти послѣднія, далеко не двусмысленныя слова Меттерниха, что называется, взорвали Наполеона, и онъ вскричалъ: „такъ вы хотите заставить меня исполнить вашу волю! Ну! Будемъ воевать. До свиданія въ Вѣнѣ!"

Меттернихъ раскланялся.

Такъ рѣзко объяснились другъ съ другомъ бывшіе союзники, но ни тотъ, ни другой не думали доводить пока дѣло до крайности. Наполеонъ, далеко еще не окончившій своихъ вооруженій, желалъ прежде всего продлить перемиріе. Меттернихъ хотѣлъ избавиться отъ союзнаго договора 1812 года и добиться, во чтобы то ни стало, согласія Наполеона на посредничество Австріи и на открытіе мирныхъ переговоровъ. Слѣдствіемъ такихъ обоюдныхъ стремленій и явилась Дрезденская конвенція, подписанная 30 Іюня Меттернихомъ и герцогомъ Бассанскимъ. Эта конвенція формально отмѣняла союзный договоръ 1812 года и возвращала Австріи полную свободу дѣйствій. Она заключала

въ себѣ согласіе Наполеона на открытіе мирнаго конгресса въ Прагѣ 5 Іюля и постановляла, что перемиріе должно быть продолжено до 10-го Августа.

Министры Россіи и Пруссіи были недовольны этою конвенціею. Они упрекали Меттерниха въ томъ, что онъ продолженіемъ перемирія явно нарушилъ Рейхенбаховскую конвенцію, что онъ, преслѣдуя одни австрійскіе интересы, поступилъ вѣроломно. Но императоръ Александръ остановилъ эти министерскіе раздоры, признавъ „необходимымъ уступить желаніямъ и видамъ Австріи“.

На ряду съ усиліями и интригами дипломатовъ шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящей борьбѣ. Вооруженія Пруссіи достигали все болѣе и болѣе грандіозныхъ размѣровъ. Почти все населеніе маленькаго королевства, способное носить оружіе, стояло подъ ружьемъ. Число всѣхъ прусскихъ воиновъ въ концѣ перемирія достигло до 240,000 человѣкъ.

Съ неменьшею энергіею и быстротою подвигались впередъ и вооруженія Россіи. Запасные батальоны и команды, собранные въ Россіи, пополнили убыль въ дѣйствовавшихъ до сихъ поръ войскахъ. Ополченія, прибывавшія одно за другимъ изъ внутреннихъ нашихъ губерній, вступали въ предѣлы герцогства Варшавскаго и Пруссіи, смѣняли въ блокадѣ крѣпостей регулярныя войска и давали тѣмъ возможность быстро увеличивать численность дѣйствующей арміи. Вскорѣ армія, находившаяся подъ предводительствомъ Барклая-де-Толли, съ избыткомъ пополнила всѣ потери, понесенныя ею подъ Люценомъ и Бауценомъ и насчитывала вновь въ рядахъ своихъ до 110,000 человѣкъ. Кромѣ того, была сформирована въ Польшѣ подъ начальствомъ Бенигсена новая резервная армія, доходившая также до 100,000 человѣкъ. Въ послѣдніе дни перемирія эта армія должна была прибыть въ полномъ своемъ составѣ на театръ военныхъ дѣйствій. Наконецъ, въ сѣверной Германіи сосредоточены были также значительныя массы русскихъ войскъ.

Вмѣстѣ съ пруссаками и шведами они должны были прикрывать Берлинъ и дѣйствовать противъ лѣваго фланга Наполеона на нижней Эльбѣ.

Во время перемирія былъ произведенъ смотръ нашей кавалеріи. На смотру присутствовалъ нашъ государь, прусскій король и много посѣтителей. Пруссаки пріѣзжали изъ отдаленныхъ квартиръ, чтобы видѣть это великолѣпное зрѣлище. [1]). Послѣ церемоніальнаго марша Александръ началъ смотрѣть войска справа по одному въ карьеръ, но не имѣлъ терпѣнія пропустить по одиночкѣ даже людей кавалергардскаго полка и прекратилъ смотръ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ людей и лошадей падали и расшибались. Послѣ этого было общее ученіе всѣмъ полкамъ вмѣстѣ.

Въ началѣ перемирія императоръ Александръ поручилъ извѣстному нашему генералу Толю составленіе общаго плана предстоявшихъ военныхъ дѣйствій. Составленный Толемъ планъ подвергся всестороннему обсужденію и на Трахенбергской конференціи [2]) былъ окончательно оформленъ и утвержденъ [3]). Всѣ были довольны имъ, а императоръ Александръ въ особенности. Онъ отвелъ генерала Толя къ окну: „Благодарю тебѣ отъ души, Карлъ Ѳедоровичъ!“ сказалъ онъ, пожимая ему руку,—„за твой превосходно обду-

---

[1]) На смотру были три кирасирскія дивизіи, состоявшія изъ 12 полковъ, легкая гвардейская кавалерійская дивизія (три полка) и гвардейская конная артиллерія. Полки всѣ были укомплектованы.

[2]) Трахенбергскій замокъ—въ Силезіи близъ Бреславля.

[3]) Главныя основанія принятаго плана заключались въ слѣдующемъ: «Направлять всѣ союзныя войска туда, гдѣ находятся главныя силы непріятеля, и потому корпусамъ, долженствовавшимъ дѣйствовать на флангахъ и въ тылу противника, двигаться по кратчайшему направленію на его путь дѣйствій. Главнымъ силамъ союзниковъ стать такимъ образомъ, чтобы онѣ всегда могли предупредить непріятеля. Выдающееся, подобно бастіону, положеніе Богеміи тому способствуетъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ на конференціи рѣшено было, что та армія, противъ которой направится Наполеонъ съ главными силами, должна не принимать боя, но уклоняться отъ него и отступать, увлекая за собою непріятеля. Остальнымъ же арміямъ въ это время слѣдовало перейти въ наступленіе противъ сообщеній противника и тѣмъ вынудить его къ отступленію.

манный планъ. Не сомнѣваюсь, что плодомъ его будетъ успѣхъ, долженствующій возвеличить славу нашего оружія".

Одновременно съ военными совѣщаніями въ Трахенбергскомъ замкѣ произошло открытіе мирнаго конгресса въ Прагѣ. Конгрессъ этотъ былъ довольно странный. Наполеонъ, изъявившій желаніе участвовать на немъ, сталъ оттягивать время открытія его. Онъ не хотѣлъ мира; — онъ уже приготовился къ войнѣ. Французская армія въ эту пору состояла изъ 440,000 чел. при 1,200 орудіяхъ. Поэтому Наполеонъ началъ съ того, что вовсе не прислалъ къ назначенному дню своихъ уполномоченныхъ въ Прагу. Цѣлую недѣлю ожидали представители союзныхъ державъ французскихъ пословъ. Наконецъ явился графъ Нарбонъ, но оказалось, что у него нѣтъ никакихъ инструкцій. Прошло еще нѣсколько дней. Іюль мѣсяцъ былъ въ исходѣ; оставалось какихъ нибудь десять дней до конца перемирія. Наполеонъ наконецъ потребовалъ къ себѣ Коленкура и объявилъ ему, что назначаетъ его уполномоченнымъ въ Прагу. Инструкція ему дана была въ нѣсколькихъ словахъ. Наполеонъ сказалъ, что онъ можетъ заключить миръ, если владѣнія, пріобрѣтенныя имъ до войны, останутся за нимъ. „Я готовъ сдѣлать уступки одной Россіи",—добавилъ онъ,— „я согласенъ даже отдать ей всю Польшу; но Австрія должна быть наказана примѣрно за свое вѣроломство, за нарушеніе союзнаго договора 1812 года; она должна лишиться всякаго вліянія въ Европѣ".

Коленкуръ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ императора. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что императоръ Александръ отвергнетъ всякую частную сдѣлку съ Наполеономъ, какъ бы выгодна ни была она для Россіи, но онъ принужденъ былъ повиноваться и ѣхать въ Прагу. Прибывъ на мѣсто конгресса, Коленкуръ писалъ Наполеону: „Государь! всѣ жертвы, которыя примете вы въ пользу мира, возвысятъ ваше могущество больше всѣхъ вашихъ побѣдъ.

Народы, недовольство коихъ растетъ вслѣдствіе продолженія войны, будутъ боготворить васъ". Но Наполеонъ никогда не добивался любви народовъ. Онъ остался глухъ и нѣмъ къ просьбамъ своего вѣрнаго министра, къ представленіямъ и совѣтамъ другихъ своихъ приближенныхъ. Коленкуръ принужденъ былъ выполнить свою инструкцію, но всѣ его попытки завести дѣловой разговоръ съ русскимъ уполномоченнымъ не удавались. Русскій уполномоченный рѣшительно избѣгалъ французскаго. Союзные министры условились даже сноситься съ французскими уполномоченными не иначе, какъ посредствомъ письменныхъ сообщеній. Прошло еще нѣсколько дней, наступило 5-е Августа, а дипломатическая комедія въ Прагѣ не подвигалась ни на шагъ впередъ. Тогда Наполеонъ внезапно измѣнилъ свою тактику. То, что не удалось съ Россіею, должно было, по его мнѣнію, несомнѣнно удасться съ Австріею. Въ глубочайшей тайнѣ Коленкуръ запросилъ Меттерниха: „какія уступки намѣрена потребовать въ свою пользу Австрія? Императоръ готовъ исполнить всѣ ея требованія, но подъ условіемъ, чтобы она или приняла рѣшительно его сторону, или осталась, по крайней мѣрѣ нейтральною". Меттернихъ немедленно сообщилъ объ этомъ предложеніи Наполеона уполномоченнымъ Россіи и Пруссіи. Коленкуръ между тѣмъ объявилъ, что онъ потребуетъ новыхъ инструкцій отъ своего императора. Прошло еще четыре дня, а изъ Дрездена не было ни слуху, ни духу. Ровно въ полночь 10-го Августа уполномоченные Россіи и Пруссіи объявили, что полномочія ихъ истекли и что они считаютъ переговоры законченными. Уполномоченные раскланялись другъ съ другомъ. Въ этотъ моментъ запылали костры на всемъ пространствѣ отъ Праги до главной квартиры союзныхъ армій. То были сигналы, возвѣщавшіе о прерваніи переговоровъ. Въ ту же ночь Барклай-де-Толли послалъ на непріятельскіе аванпосты объявленіе о прекращеніи перемирія. На слѣдующій день 125,000 рус-

ско-прусскихъ войскъ выступили изъ Силезіи въ Богемію. 12-го Августа Меттернихъ послалъ на имя графа Нарбонна, состоявшаго французскимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ, объявленіе войны.

Начался осенній походъ 1813-го года.

Сраженія при Дрезденѣ и Кульмѣ.

Россія, Пруссія, Швеція и Австрія, заключивши союзъ противъ Наполеона, раздѣлили свои военныя силы на три арміи:—на Богемскую (главную), Силезскую и Сѣверную. *Богемская,* въ 237,000 ч. при 764 орудіяхъ (русскихъ войскъ 77,200 при 274 орудіяхъ; прусскихъ — 49,300 при 120 орудіяхъ; австрійскихъ 110,500 при 362 орудіяхъ), состояла подъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга. *Силезская* армія въ 99,500 чел. при 340 орудіяхъ (русскихъ войскъ 61,220 при 236 орудіяхъ; прусскихъ—37,200 при 104 орудіяхъ) была подъ начальствомъ Блюхера. *Сѣверная,* въ 197,500 ч. при 359 орудіяхъ (русскихъ войскъ 30,500 при 120 орудіяхъ; прусскихъ—73,000 при 115 орудіяхъ; шведскихъ 24,000 при 62 орудіяхъ), находилась подъ начальствомъ наслѣднаго принца шведскаго Бернадотта. Не смотря на то, что большая часть союзнаго войска состояла изъ русскихъ, императоръ Александръ ввѣрилъ начальство надъ арміями иноземнымъ полководцамъ. Этимъ онъ хотѣлъ сдѣлать любезность австрійскому императору и своему другу прусскому королю.

Князь Шванценбергъ былъ человѣкъ высокаго роста, толстый. Онъ былъ образованъ, благороденъ, отличался безкорыстіемъ и храбрастію. Осторожный, тонкій, привѣтливый, Шварценбергъ однако не былъ одаренъ большимъ умомъ и не имѣлъ талантовъ полководца. Въ продолженіи

всей войны 1813 и 1814 годовъ онъ постоянно руководился совѣтами и соображеніями начальника своего штаба, графа Радецкаго и генералъ-квартирмейстера Лангенау. Князь, наконецъ, былъ политикъ и дипломатъ. При каждомъ своемъ шагѣ онъ сообразовался съ желаніями и инструкціями своего двора, которыя постоянно внушали ему дѣйствовать какъ можно медленнѣе, избѣгать всякаго рискованнаго рѣшенія. Дѣйствуя по своимъ инструкціямъ вяло и нерѣшительно, Шварценбергъ принужденъ былъ скрывать отъ союзныхъ монарховъ и генераловъ истинныя причины своихъ дѣйствій; онъ хитрилъ передъ ними и оправдывалъ свои дѣйствія разными глубокомысленными соображеніями.

Другой главнокомандующій, *Блюхеръ* былъ старецъ 72 лѣтъ. Онъ не получилъ научнаго образованія, но отличался здравымъ смысломъ, находчивостью, невообразимой предпріимчивостію и отвагой юноши. Воинственный видъ, выразительная физіономія, привѣтливость и даже шутливость сдѣлали его скоро общимъ любимцемъ всѣхъ служившихъ подъ его начальствомъ. Старый рубака, проведшій всю свою жизнь на конѣ и въ военномъ станѣ, Блюхеръ не блисталъ теоретическими свѣдѣніями, чуждъ былъ всякаго свѣтскаго, гостиннаго лоска, но былъ за то превосходный практикъ и умѣлъ внушать безграничное довѣріе солдатамъ, служившимъ подъ его командою. Не смотря на свои преклонныя лѣта, онъ дѣлилъ съ солдатами всѣ трудности и невзгоды бивуаковъ и переходовъ. Въ проливной дождь, въ снѣжную бурю его скорѣе всего можно было увидѣть на конѣ впереди своихъ баталіоновъ. На поляхъ битвъ онъ то разъѣзжалъ хладнокровно, перебрасываясь шутками съ солдатами, подъ градомъ непріятельскихъ пуль и ядеръ, то бросался съ юношескою отвагаю на непріятеля во главѣ своихъ эскадроновъ. Веселый балагуръ, неистощимый острякъ, спартанецъ по образу жизни, врагъ всякой изысканности, утонченности и роскоши, Блюхеръ никогда не терялъ присут-

ствія духа и веселости и умѣлъ внушить всѣмъ и каждому непоколебимое довѣріе къ себѣ и къ своему счастію. Его остроты и шутки ходили по всему лагерю. Онъ умѣлъ говорить съ солдатами ихъ языкомъ. Пруссаки и русскіе одинаково любили его и готовы были идти за нимъ въ огонь. Наши солдаты называли его не иначе, какъ фельдмаршалъ: „Впередъ“. При его словѣ: „пошелъ!“ они бросались какъ бѣшенные на непріятеля. Блюхеръ ненавидѣлъ Наполеона, какъ злѣйшаго врага своей родины и своего народа. Онъ понималъ, что война можетъ окончиться только полнымъ низложеніемъ тирана; онъ не задумался бы разстрѣлять „молодца“, есл бы онъ попался въ руки его гусаръ или казаковъ. Отличаясь необыкновенно свѣтлымъ умомъ, Блюхеръ хорошо понималъ недостатки своего образованія. Онъ не относился, какъ императоръ Францъ, съ пренебреженіемъ къ дѣйствительнымъ знаніямъ, а напротивъ высоко цѣнилъ ихъ и всегда готовъ былъ принять совѣты, если только они исходили отъ лицъ, пользовавшихся его довѣріемъ и уваженіемъ. Въ числѣ такихъ лицъ первое мѣсто занималъ начальникъ его штаба, генералъ Гнейзенау, человѣкъ высого образованный и скромный [1]).

Третій главнокомандующій, *Бернадоттъ* не похожъ былъ на первыхъ двухъ. Какъ бывшій французскій маршалъ, онъ казался союзникамъ опытнымъ полководцемъ, образовавшимся въ школѣ самого Наполеона. Союзники не сомнѣвались въ его высокихъ военныхъ способностяхъ. Но Наполеонъ, никогда не любившій его, выражался о немъ съ презрѣніемъ: „Что касается до этого“, — сказалъ онъ о

---

[1]) Какое значеніе давалъ Гнейзенау Блюхеръ, видно изъ слѣдующаго. По окончаніи борьбы съ Наполеономъ, Блюхеру случилось однажды быть вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба въ одномъ домѣ, гдѣ молодежь играла въ загадки. Фельдмаршалъ, съ обычною ему шутливостію, изъявилъ желаніе принять участіе въ игрѣ. Онъ потребовалъ, чтобы кто-нибудь изъ присутствовавшихъ поцѣловалъ свою голову. Никто не могъ этого сдѣлать. Тогда Блюхеръ подошелъ къ Гнейзенау и, обнявъ своего сподвижника, поцѣловалъ его въ голову.

принцѣ,—„онъ только будетъ рисоваться на конѣ“. И дѣйствительно, назначенiе Бернадотта главнокомандующимъ сѣверной армiи не принесло союзникамъ пользы. Мечтая о престолѣ Францiи по низложенiи Наполеона, Бернадоттъ мало заботился о пользѣ союзниковъ. Командуя большой армiей, въ которой было лишь 24 тысячи шведовъ, онъ заботился только о томъ, чтобы сохранить свой малочисленный шведскiй корпусъ и чтобы по возможности, менѣе наносить вреда французамъ. Бернадоттъ щадилъ непрiятелей. Сами французы говорили, что наслѣдный принцъ сражается съ ними только для вида.

Въ рядахъ союзныхъ войскъ не мало было хорошихъ генераловъ и опытныхъ полководцевъ, но ни одного не было такого, который могъ бы сравниться хотя отчасти съ генiальнымъ Наполеономъ. Судьба, казалось, и въ этомъ отношенiи хотѣла помочь союзникамъ. Во время перемирiя въ союзномъ лагерѣ явились два лица, прiобрѣтшiя громкую извѣстность въ рядахъ непрiятельской армiи. Это были Жомини и Моро.

Генералъ *Жомини* былъ перебѣжчикъ изъ непрiятельскаго лагеря. Онъ участвовалъ въ походѣ Наполеона на Россiю въ 1812 году. Онъ сражался въ рядахъ французской армiи и въ весеннюю кампанiю 1813 года. Мелочныя личныя соображенiя побудили его уйти отъ своего императора. Наполеонъ не хотѣлъ произвести Жомини въ генералъ-лейтенанты. И оскорбленный честолюбецъ перебѣгъ на сторону его враговъ. Громкая военная репутацiя предшествовала бѣглецу и доставила ему самый радушный прiемъ у императора Александра. Государь не только принялъ его съ чиномъ генералъ-лейтенанта въ русскую армiю, не только осыпалъ Жомини милостями, но и держалъ его постоянно при себѣ, совѣтовался съ нимъ во всѣхъ важныхъ и критическихъ случаяхъ. Но вскорѣ императоръ началъ разочаровываться въ Жомини. Присматриваясь къ нему, онъ уви-

дѣлъ, что этотъ генералъ великій теоретикъ, но очень посредственный практикъ.

Но чего мало было у Жомини, того много было у *Моро*. Практическую несостоятельность перваго императоръ Александръ надѣялся замѣнить геніальными совѣтами другого. Генералъ Моро составилъ себѣ громкую славу еще въ эпоху революціонныхъ войнъ конца прошлаго столѣтія. Многіе видѣли въ немъ счастливаго соперника Наполеону, который вездѣ и во всемъ хотѣлъ быть первымъ. Осужденный на изгнаніе, Моро принужденъ былъ оставить Францію и Европу и искать убѣжища въ Америкѣ. Теперь онъ, по приглашенію нашего государя, явился въ главную квартиру союзныхъ войскъ. Настоящій республиканецъ и французъ, Моро былъ далекъ отъ мелочнаго тщеславія Жомини. Онъ не добивался чести попасть въ число генераловъ русской арміи. Онъ сопровождалъ императора Александра на поля битвы въ томъ же гражданскомъ костюмѣ, который онъ имѣлъ въ Америкѣ. Всѣ смотрѣли съ уваженіемъ на этого ветерана революціонныхъ войнъ въ его круглой шляпѣ, сѣромъ пальто, высокихъ ботфортахъ съ желтыми отворотами и серебряными шпорами. Всѣ выслушивали почтительно его военные и политическіе совѣты, которыми, прочемъ, не долго пришлось пользоваться: французское ядро поразило Моро въ самомъ началѣ осенней компаніи.

Военныя дѣйствія начались 3-го (15-го) Августа. Прежде чѣмъ главная армія двинулась изъ Богеміи въ Саксонію, Силезская армія открыла свои дѣйствія, и на первый разъ неудачно. Она не выдержала натиска французовъ, перешедшихъ съ Наполеономъ черезъ Боберъ, и отступила. Между тѣмъ главная армія, имѣя намѣреніе отвлечь Наполеона отъ Блюхера и Бернадотта и пресѣчь ему путь къ отступленію за Эльбу, направилась въ Саксонію. Къ четыремъ часамъ по полудни 13-го (25-го) Августа подъ Дрезденомъ собралась четвертая часть арміи (60,000). Импера-

торъ Александръ, король Прусскій, князь Шварценбергъ и ихъ многочисленная свита стали съ высоты у селенія Рекницъ обозрѣвать Дрезденъ и долину Эльбы. Чудное, пестрое зрѣлище открылось передъ ихъ глазами. У ногъ ихъ разстилалась живописная долина Эльбы, усѣянная безчисленными садами, рощами, деревушками, загородными виллами. Почти въ самомъ центрѣ панорамы возвышался Дрезденъ, красивая столица саксонскихъ королей, съ своими укрѣпленными предмѣстіями, высокими башнями и колокольнями, съ своимъ каменнымъ мостомъ черезъ Эльбу. На противоположномъ крутомъ склонѣ долины вилась дорога въ Бауценъ, но на ней не замѣтно было никакого особеннаго оживленія. Передъ городомъ ближе къ позиціямъ союзниковъ простирался обширный королевскій садъ, бѣлая ограда котораго ярко блистала на солнцѣ. И вся эта картина оживлена была въ этотъ день совершенно особымъ, необычайнымъ образомъ. Со всѣхъ возвышенностей, окаймлявшихъ Дрезденъ съ юго-западной стороны, надвигались колонны союзныхъ войскъ; передовые отряды повсюду уже спустились въ долину и завязали перестрѣлку съ французскими форпостами [1]). Вездѣ у окраинъ деревушекъ, въ садахъ и рощахъ, на открытыхъ полянахъ и лужайкахъ подымались небольшіе бѣловатые дымки и быстро разсѣевались въ воздухѣ. Тамъ и сямъ, то на сторонѣ союзниковъ, то съ валовъ предмѣстій, вырывались громадные клубы дыма, и закрывали на минуту окрестность. Трескотня ружейной пальбы не умолкала ни на минуту; лишь изрѣдка покрывалась она глухими раскатами орудійныхъ выстрѣловъ.

Съ возрастающимъ любопытствомъ всматривались монархи въ эту картину. На ихъ глазахъ бой принималъ все большее и большее оживленіе. Союзники наступали повсемѣстно; ихъ стрѣлковая линія быстро подвигалась впередъ.

---

[1]) Форпостъ—наблюдательная стража впереди арміи.

Французскіе застрѣльщики, отстрѣливаясь, уходили отъ нихъ и прятались за оградами и домами предмѣстій, въ глубинѣ королевскаго сада. Все указывало, повидимому, на легкій и быстрый успѣхъ. Не подлежало сомнѣнію, что Дрезденъ былъ занятъ лишь незначительными непріятельскими массами [1]), что укрѣпленія предмѣстій, построенныя на скорую руку, легко могутъ быть взяты штурмомъ. Нужно только было двинуть на городъ всѣ войска, бывшія подъ рукою, надо было воспользоваться многочисленною союзною артиллеріею, открыть сильнѣйшій огонь по городу и вызвать тѣмъ смятеніе и страхъ среди громаднаго населенія и гарнизона. Всякое промедленіе было неумѣстно и могло повлечь за собою гибельныя послѣдствія. Въ главной квартирѣ союзниковъ знали, что Наполеонъ съ главными своими силами находится неподалеку, всего лишь въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Дрездена, что онъ можетъ явиться въ городъ съ сильными подкрѣпленіями черезъ какія нибудь сутки, и что всѣ шансы успѣха могутъ перейти въ такомъ случаѣ на сторону противника. Но рѣшительность и быстрота были тогда не въ характерѣ главной квартиры союзниковъ. Дѣло началось съ военнаго совѣта. Много толковали на немъ и наконецъ рѣшили, что атака Дрездена преждевременна, что надо отложить нападеніе на него до прибытія остальныхъ войскъ союзной арміи.

Совѣтъ окончился, все было рѣшено. Но ночью произошло нѣчто совершенно неожиданное и непонятное. Князь Шварценбергъ, возвратившись въ свою квартиру и оставшись наединѣ съ своимъ совѣтникомъ Лангенау, рѣшился вопреки мнѣнію военнаго совѣта предпринять штурмъ на Дрезденъ и склонить на это предпріятіе во чтобы то ни стало императора Александра. Тутъ-же въ ночной тишинѣ составлена была диспозиція штурма и разослана на всякій

[1]) Въ Дрезденѣ въ ту пору находился только корпусъ Сенъ-Сира.

случай по войскамъ. Диспозиція напоминала генераламъ, что предпріятіе на Дрезденъ не есть собственно штурмъ, а только попытка. Сообразно такому опредѣленію, для нападенія на Дрезденъ назначалась лишь незначительная часть союзныхъ войскъ, всего лишь 40,000 человѣкъ. Наступленіе должно было начаться на другой день, т. е. 14-го (26-го) Августа въ 4 часа по полудни.

Императоръ Александръ согласился на это предпріятіе главнокомандующаго князя Шварценберга.

Въ то время, когда Шварценбергъ и Лангенау сочиняли свою странную диспозицію, Наполеонъ съ массами своей арміи былъ уже на пути къ Дрездену. Онъ еще изъ Бауцена послалъ въ Дрезденъ своего ординарца Гурго. Посланный прискакалъ обратно изъ Дрездена ночью къ Наполеону и донесъ ему, что „положеніе города самое отчаянное. Непріятели уже покушались овладѣть укрѣпленіями, и если бы дѣйствовали рѣшительнѣе, то достигли бы своей цѣли. Дрезденъ будетъ вскорѣ обложенъ со всѣхъ сторонъ, и тогда участь его рѣшится. Положеніе Сенъ-Сира весьма сомнительное“,—заключилъ Гурго: „онъ предполагаетъ уже очистить большой садъ“.

— „А герцогъ Бассанскій, что думаетъ онъ?“—спросилъ Наполеонъ посланца.

— „Государь, онъ полагаетъ, что городъ не въ состояніи держаться въ продолженіи сутокъ“.

— „А вы?“

— „Изъ всего мною видѣннаго, я убѣдился, что городъ будетъ взятъ завтра, если ваше величество не поспѣшите туда“.

— „Вы заставляете меня измѣнить мой планъ дѣйствій“,— замѣтилъ Наполеонъ. „Могу-ли я быть увѣренъ въ истинѣ вами сказаннаго“.

— „Государь!“ — отвѣчалъ Гурго, — „ручаюсь въ томъ головою“.

Приказавъ генералу Вандамму, имѣвшему въ своемъ распоряженіи 40,000 корпусъ отборнаго войска, занять Пирнское плато [1]), Наполеонъ съ остальными своими войсками двинулся къ Дрездену. Онъ шелъ необыкновенно быстро. Утромъ того дня, въ который союзники собирались исполнить странную диспозицію князя Шварценберга, передовые отряды французовъ уже были въ виду Дрездена. Самъ Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ въ 9 часовъ утра. Никто не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ, когда императоръ прискакалъ черезъ Эльбскій мостъ въ городъ. Его появленіе произвело неописанное одушевленіе въ войскахъ и успокоило населеніе Дрездена. Сдѣлавъ короткій визитъ своему вѣрному вассалу, королю саксонскому, Наполеонъ остановился сидя на конѣ, у моста и самъ указывалъ направленіе быстро подходящимъ колоннамъ.

Между тѣмъ на всѣхъ передовыхъ позиціяхъ съ ранняго утра уже кипѣла оживленная перестрѣлка. Союзники, подготовляясь къ штурму, старались оттѣснить какъ можно далѣе къ предмѣстьямъ войска Сенъ-Сира. Въ 11 часовъ императоръ Александръ прибылъ на высоты Рекница, и сталъ оттуда наблюдать за всѣмъ происходившимъ. Его привлекалъ, впрочемъ, не столько бой, кипѣвшій у ногъ его въ долинѣ, сколько то оживленіе, которое замѣчалось на противоположномъ берегу Эльбы. Дорога къ Бауцену, еще вчера почти пустынная, была покрыта теперь безконечными колоннами непріятельскихъ войскъ. Одна за другою спускались онѣ по крутому склону долины и бѣглымъ шагомъ вступали на мостъ... Императору донесли, что самъ Наполеонъ находится уже въ Дрезденѣ.

Александръ тотчасъ-же понялъ, что нападеніе на Дрезденъ при такихъ условіяхъ было-бы непростительною глупостью. Окружавшія его лица согласились съ его мнѣніемъ.

---

[1]) Плато—плоская возвышенность.

Послали за княземъ Шварценбергомъ. И онъ согласился, что нападеніе на Дрезденъ теперь немыслимо. Онъ обѣщался немедленно отмѣнить диспозицію наступленія къ Дрездену. Онъ поскакалъ отыскивать своего начальника штаба Радецкаго и генералъ-квартирмейстера Лангенау, чтобы черезъ нихъ сдѣлать распоряженіе объ извѣщеніи войскъ относительно отмѣны атаки.

Шварценбергъ не возвращался болѣе. Время проходило, обѣщанная отмѣна атаки не послѣдовала. Наступилъ назначенный моментъ штурма и, къ удивленію Александра, внезапно раздались три сигнальныхъ выстрѣла. Пять союзныхъ колоннъ, растянутыя на 15 верстъ, двинулись на приступъ. Гнѣвъ Александра не зналъ границъ. Оглушительный громъ нѣсколькихъ сотъ орудій потрясалъ всю окрестность; густыя облака дыма заволокли всю долину Эльбы, вдоль всей линіи предмѣстій завязался самый ожесточенный бой. Наступленіе союзниковъ было несравненно серьезнѣе и настойчивѣе, нежели предполагалось по диспозиціи. Войска, давно уже рвавшіяся на бой, съ ожесточеніемъ бросились на французовъ и повсемѣстно принудили къ отступленію баталіоны Сенъ-Сира. Штурмовыя колонны пытались проникнуть въ предмѣстія, но такъ какъ у нихъ не было ни лѣстницъ, ни фашинъ [1]), то всѣ ихъ усилія перейти черезъ рвы и перебраться черезъ каменныя ограды садовъ, защищаемыя французскими стрѣлками, остались тщетными. Этимъ-то моментомъ замедленія и остановки непріятельской атаки и воспользовался Наполеонъ съ своимъ обычнымъ искусствомъ и быстротою. Внезапно, по его приказанію, огонь французской артиллеріи удвоился и изо всѣхъ заставъ предмѣстія выступили бѣглымъ шагомъ густыя колонны пѣхоты. Союзники были оттѣснены. Наступила темнота и штурмъ ихъ отбитъ былъ на всѣхъ пунктахъ съ громаднымъ для нихъ урономъ.

---

[1]) Фашина—связка хворосту.

Императоръ Александръ очень долго оставался на полѣ сраженія во мракѣ ненастнаго осенняго вечера. Когда пальба утихла, и заблистали тысячи огней, разложенныхъ войсками, — союзники снова принялись за совѣщанія о томъ, что надлежало предпринять на слѣдующій день. Рѣшили остаться съ войсками (до 160,000 ч.) на занимаемой ими позиціи.

Въ глубокой темнотѣ государь пріѣхалъ на ночлегъ въ замокъ Нетницъ. Поднялась ужасная буря. Въ двѣнадцать часовъ ночи полилъ крупный холодный дождь. Во всѣхъ направленіяхъ полились мутные дождевые потоки. Бивуачные огни погасли. Люди и лошади завязали въ грязи. Мучимые холодомъ и сыростью, солдаты не могли согрѣться у потухшихъ огней, не могли подкрѣпить себя ни пищею, ни водкою. Продовольствіе союзныхъ войскъ далеко не было обезпечено. На всѣхъ бивуакахъ невозможно было достать ничего, кромѣ сухарей и воды.

Сумрачно и непривѣтливо было утро 15-го (27-го) Августа. Дождь не прекращался, густые, непроницаемые туманы окутывали склоны горъ, висѣли надъ долинами и низменностью. Холодная сырость пронизывала до мозга костей. Ружья, особенно у австрійцевъ, сдѣлались отъ дождя негодными къ употребленію.

Императоръ Александръ въ шестомъ часу утра уже выѣхалъ на позицію. Обѣ арміи стояли другъ отъ друга въ самомъ близкомъ разстояніи. Въ седьмомъ часу сраженіе началось сильнѣйшею канонадою. Густыя облака порохового дыма, сбившись съ туманами, образовали непроницаемую сѣрую завѣсу, пронизываемую то и дѣло красными потоками артиллерійскаго огня. Всякое обозрѣніе окрестностей сдѣлалось невозможнымъ. Даже съ Ренницкихъ высотъ ничего нельзя было разобрать въ разстояніи десяти шаговъ. Бой и начался, и продолжался при самой невыгодной для союзниковъ обстановкѣ. Въ третьемъ часу генералъ Моро

былъ смертельно раненъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора Александра; у него ядро оторвало правую ногу и, пролетѣвъ сквозь лошадь, вырвало лѣвую икру и повредило колѣно. Къ счастію, Провидѣніе сохранило государя; онъ замѣтилъ, что лошадь его ударяла ногою о камень, лежавшій на землѣ, и немного поворотилъ ее въ сторону. Моро только что успѣлъ встать на то мѣсто, на которомъ императоръ находился довольно долго, какъ роковое непріятельское ядро сразило его. Старый республиканецъ упалъ со словами: „пріятно умирать за правое дѣло въ глазахъ такого великаго государя“. Александръ, король прусскій и всѣ, окружающіе ихъ, были страшно потрясены этимъ несчастнымъ случаемъ. Всѣ столпились вокругъ несчастнаго страдальца. Александръ не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ его. Онъ не хотѣлъ отходить отъ Моро до тѣхъ поръ, пока его не уложили на носилки и вынесли изъ линіи огня [1]).

---

[1]) Моро скончался черезъ нѣсколько дней послѣ того (21 авг., 2 сент. по н. ст.). «На третій день послѣ моего пріѣзда въ Лаунь»,—разсказываетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ,—«пошелъ я прогуливаться по дорогѣ къ Теплицамъ. Вдругъ впереди себя вижу что-то необыкновенное: на встрѣчу мнѣ идутъ и ѣдутъ верхами много людей. Посреди сей толпы народа нѣсколько человѣкъ несутъ носилки подъ балдахиномъ. Шествіе тихое, подобное погребальному. Я сперва не зналъ, что такое, но скоро отъ окружавшихъ меня зрителей услышалъ: Моро! Моро!—Я сначала подумалъ, что несутъ тѣло его; ибо по блѣдности лица не можно было узнать, живъ ли онъ, или мертвъ; но вскорѣ увидѣлъ, что онъ поднялъ руку и, хватаясь за висячую кисть, какъ будто хотѣлъ приподняться. Добрая о немъ слава, тяжелое страданіе и столь несчастное приключеніе, такъ скоро послѣ совершенія имъ столь далекаго пути случившееся, дѣлали сіе зрѣлище жалкимъ и печальнымъ. Всѣ сопровождавшіе его шли за нимъ съ сожалѣніемъ и вездѣ слышны были ему похвалы. Онъ жилъ послѣ сего только два дня, тѣло его отвезено въ Петербургъ». Государь приказалъ похоронить Моро съ такими же почестями, какъ Кутузова. «Извѣстна кончина генерала Моро»,—разсказываетъ объ этомъ одна современница. «Государь окружилъ его трогательными попеченіями; семейство его осыпано было благодѣяніями и смертные останки республиканскаго генерала отправлены въ Петербургъ для торжественнаго погребенія. Дворъ и городъ присутствовали на этихъ необыкновенныхъ похоронахъ въ католической церкви, убранной трауромъ и давшей послѣднее убѣжище изгнаннику. Въ торжествѣ участвовалъ дипломатическій корпусъ, состоявшій изъ старыхъ враговъ революціи и, къ довершенію необычайности, надгробная проповѣдь произнесена іезуитомъ, а русскіе солдаты снесли гробъ въ церковный подвалъ, гдѣ Моро предали землѣ возлѣ послѣдняго польскаго короля, пред-

Увлеченный своими чувствами, императоръ забылъ о непріятелѣ. Князь Шварценбергъ бездѣйствовалъ. Полное безначаліе водворилось въ арміи союзниковъ, а между тѣмъ на крайнемъ лѣвомъ крылѣ ихъ произошла рѣшительная катастрофа.

Огромныя массы непріятельской пѣхоты и конницы обрушились внезапно на слабый австрійскій отрядъ, отдѣленный отъ остальной арміи глубокимъ Плауэнскимъ оврагомъ. Австрійцы почти мгновенно были выбиты изъ всѣхъ своихъ позицій, а непріятельская кавалерія, пользуясь густымъ туманомъ, обошла ихъ лѣвое крыло. Видя себя обойденными, изнуренные утомительными переходами и голодомъ, оборванные, босые, австрійскіе солдаты не въ состояніи были противостоять атакамъ кавалеріи. Лишь немногіе батальоны пытались сопротивляться, но такъ какъ ружья, замокшія отъ дождя, не давали огня, то непріятельская конница разсѣяла и изрубила ихъ безъ всякаго труда. Паническій страхъ напалъ при этомъ видѣ на остальныя австрійскія войска. Все что могло бѣжать, бѣжало [1]). Двѣ бригады бросились

ставлявшаго собою другой примѣръ измѣнчивости судебъ. Посреди равнодушной толпы, собравшейся на эти странныя похороны, внезапно появились двѣ фигуры, поспѣшно протѣснились ко гробу и съ плачемъ кинулись на него. То были—адъютантъ покойнаго и его маленькій негръ. Сердце мое умилилось при этомъ зрѣлищѣ и мнѣ отрадно было увидѣть, что хоть сколько-нибудь слезъ пролилось о несчастномъ Моро, продолжавшемъ терпѣть изгнаніе и по кончинѣ своей. Маленькій негръ былъ чрезвычайно жалокъ. Адъютантъ Рапатоль недолго пережилъ своего генерала». (Записки графини Эделингъ, Русскій Архивъ, 1887 г., кн. II, стр. 226).

[1]) Шишковъ, находившійся въ ту пору далеко отъ поля битвы, въ саксонскомъ мѣстечкѣ Маріенбергѣ, разсказываетъ довольно непригдядныя вещи о поведеніи австрійскихъ полководцевъ. Вслѣдъ за бѣгущими австрійскими солдатами, наводившими на жителей отчаяніе своими неистовствами, въ мѣстечко начали являться одинъ за другимъ сами вожди ихъ. Узнавъ о пріѣздѣ одного изъ нихъ, Шишковъ поспѣшилъ навѣстить его, надѣясь узнать отъ него хотя что-нибудь о государѣ и положеніи нашей арміи. Генералъ сидѣлъ за столомъ, когда вошелъ Шишковъ и ужиналъ. Голова его была обвязана платками.

— «Не ранены-ли вы?»—заботливо обратился къ генералу нашъ государственный секретарь.

— «Нѣтъ»,—отвѣчалъ тотъ,—«но, скакавъ сюда въ коляскѣ, я нѣсколько разъ былъ опрокинутъ и разбилъ себѣ голову».

въ Плауэнскій оврагъ и успѣли спастись, но всѣ остальные, болѣе 10,000 человѣкъ, побросали ружья и сдались въ плѣнъ непріятельской кавалеріи.

Вѣсть объ этой катастрофѣ произвела удручающее впечатлѣніе. Главнокомандующій заговорилъ о немедленномъ отступленіе въ Богемію. Императоръ Александръ предложилъ было возобновить бой на слѣдующій день. Но Шварценбергъ положительно объявилъ, что австрійскія войска не могутъ оставаться и часу болѣе въ непріятельской странѣ, что онѣ и голодны, и босы [1]). Противъ такихъ аргументовъ безполезны были всякія возраженія. И государь съ сокрушеннымъ сердцемъ далъ свое согласіе на отступленіе.

Отступленіе разстроенной и изнуренной арміи началось среди непроницаемаго мрака, при сильномъ вихрѣ и дождѣ, въ грязи по колѣна. Только и слышны были вопли раненыхъ и ругательства, раздававшіяся почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Войска отступали по тѣснымъ богемскимъ горнымъ дорогамъ и тропинкамъ. То и дѣло попадались имъ навстрѣчу безконечные обозы, направлявшіеся въ Саксонію и ничего еще не знавшіе объ отступленіи. Въ узкихъ мѣстахъ они совершенно заграждали пути и доводили до отчаянія солдатъ, принужденныхъ или уклоняться въ сторону отъ дороги въ непроходимые лѣса, или-же очищать путь отъ загромождавшихъ его фуръ, боченковъ, мѣшковъ

Еще генералъ не окончилъ своей рѣчи, какъ въ комнату вбѣжалъ съ совершенно растеряннымъ лицомъ полковникъ, также благополучно ускользнувшій съ поля битвы подъ Дрезденомъ. Генералъ какъ ни въ чемъ не бывало, тотчасъ же предложилъ ему стаканъ вина.

— «До вина-ли мнѣ теперь»,—отвѣчалъ съ досадою вошедшій,—«весь мой полкъ загнанъ въ ровъ и взятъ въ плѣнъ. Одинъ я насилу ускакалъ». (См. Записки Шишкова, т. I, стр. 210—215). Если таковые были вожди,—чего же можно было ожидать отъ простыхъ солдатъ. Не было ничего удивительнаго, что оборванные, босые и голодные австрійскіе солдаты сдавались въ плѣнъ цѣлыми десятками и даже сотнями при появленіи двухъ или трехъ непріятельскихъ всадниковъ.

[1]) Австрійскіе солдаты были дѣйствительно до того изнурены отъ голода, что многіе падали замертво. Болѣе трети ихъ шло босикомъ.

и ящиковъ. Нерѣдко цѣлые полки, выбившись изъ силъ отъ усталости, и не зная куда идти далѣе въ непроницаемой темнотѣ, ложились и засыпали, какъ убитые [1]) Русскіе и пруссаки держали себя съ обычнымъ мужествомъ и не было примѣровъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ бросалъ оружіе передъ появлявшимися тамъ и сямъ кавалерійскими разъѣздами непріятеля. Наоборотъ, въ австрійскихъ колоннахъ господствовала полнѣйшая паника [2]). Перетрусившіе австрійскіе солдаты спѣшили сдаваться въ плѣнъ при первомъ же появленіи непріятельскаго всадника. Другіе австрійскіе ратники составляли ружья пирамидами, снимали свои башмаки и разбѣгались по окрестнымъ селеніямъ. Французы, слѣдовавшіе небольшими отрядами за отступающими союзниками, собирали повсюду громадную добычу. Однихъ раненыхъ и плѣнныхъ оказалось нѣсколько тысячъ. Вообще, войско отступило въ уныніи. Одинъ только императоръ Александръ оставался твердымъ; но и онъ, проѣзжая въ Рейхштетъ съ княземъ Волконскимъ, подъ дождемъ, среди обозовъ и раненыхъ, выразилъ ему сожалѣніе, что не принялъ на себя начальство надъ главной арміей. Замѣчательно, что съ этихъ поръ императоръ сталъ непосредственно распоряжаться военными дѣйствіями, и дѣло приняло другой оборотъ.

Наступательное движеніе союзниковъ къ Дрездену окончилось такимъ образомъ весьма плачевно, но за то это уже была послѣдняя улыбка фортуны Наполеону.

---

[1]) Записки Шишкова, т. I, стр. 215.

[2]) «Вялое войско»,—говоритъ Н. Н. Муравьевъ объ австрійской арміи. «Австрійцы не выдерживали трудовъ и не прекращавшагося дождя; по колѣна была грязь, въ которой они оставили свои башмаки. Погода во все время сраженія подъ Дрезденомъ была ужасная, проливной дождь продолжался двое сутокъ сряду, ружья не стрѣляли, на малое разстояніе ничего не было видно, топкая и вязкая почва земли до того растворилась, что пѣхота двигалась съ большимъ трудомъ, и на такомъ полѣ и подъ такимъ небомъ они должны были еще провести ночь! Раненымъ не было никакого спасенія. Потеря наша подъ Дрезденомъ была большая, но остатки наши отступили въ порядкѣ, а австрійцы исчезли и многіе изъ нихъ по одиночкѣ разбѣжались какъ офицеры, такъ и нижніе чины. (См. Русскій Архивъ 1886 г., кн. I, стр. 11 и 19).

Побѣдитель, измокшій до костей, къ вечеру отправился во дворецъ къ своему союзнику, королю саксонскому. Не смотря на продолжавшуюся непогоду, шествіе его представляло торжественное зрѣлище: за Наполеономъ несли взятыя знамена, позади нихъ слѣдовали отбитыя орудія и толпы плѣнныхъ. Великій полководецъ могъ справедливо гордиться своею побѣдою. Когда саксонскій военный министръ поздравилъ императора съ побѣдой, онъ отвѣчалъ, что ненастье спасло союзниковъ отъ совершеннаго истребленія. „Я хотѣлъ овладѣть высотами, но не могъ этого сдѣлать по случаю дождя", — сказалъ Наполеонъ. „Надѣюсь придти въ Богемію ранѣе моихъ противниковъ. Я вполнѣ доволенъ достигнутыми результатами, но тамъ, гдѣ меня нѣтъ, все идетъ плохо". И, какъ-бы предчувствуя неудачи, которыя ему предстояло испытать, онъ продолжалъ: „Войска, направленныя противъ Берлина, разбиты; опасаюсь также и за Макдональда, — онъ храбръ, преданъ мнѣ, но ему не достаетъ счастья".

На другой день послѣ побѣды Наполеонъ лично распорядился преслѣдованіемъ отступавшихъ союзныхъ войскъ. Вандамму, занимавшему Пирнское плато, приказано было всѣми силами атаковать стоявшаго противъ него принца Евгенія Виртембергскаго съ 12,000 корпусомъ и, двинувшись черезъ Петерсвальде въ Богемію, предупредить союзниковъ при выходѣ ихъ войскъ изъ горныхъ проходовъ. Въ то же время Мюратъ, Мармонъ и Сенъ-Сиръ должны были тѣснить Богемскую армію съ тыла. Вечеромъ того же 16-го (28-го) Августа Наполеонъ со всею гвардіею прибылъ въ Пирну. Но, къ счастію для союзниковъ, разбитыя подъ Дрезденомъ войска ихъ не подверглись, — какъ читатели уже знаютъ, — энергическому преслѣдованію; французы ограничились только захватомъ въ плѣнъ отсталыхъ и повозокъ, брошенныхъ по дорогѣ отступавшими войсками. Этого мало. Наполеонъ, къ большему еще счастію для коалиціи, вне-

запно заболѣлъ и вынужденъ былъ отказаться отъ личнаго руководства преслѣдованіемъ. Онъ въ Пирнѣ вдругъ почувствовалъ сильнѣйшій ознобъ, затѣмъ началась страшная рвота и наступила сильная слабость. Припадокъ былъ такъ внезапенъ и силенъ, что всѣ окружающіе невольно остановились на мысли объ отравленіи. Наступила страшная сумятица. Наполеона уложили въ карету и повезли поспѣшно обратно въ Дрезденъ. За императоромъ послѣдовала и старая гвардія.

Вандаммъ теперь одинъ долженъ былъ приняться за выполненіе возложенной на него Наполеономъ задачи. И онъ принялся за это дѣло, но не достигъ своей цѣли. Движеніе Вандамма въ Богемію сопровождалось, 17-го (29-го) и 18 (30-го) Августа, сраженіемъ при Кульмѣ, кончившимся полнымъ уничтоженіемъ его корпуса. Своевременныя распоряженія императора Александра спасли союзную армію и погубили войско Вандамма.

Графъ Остерманъ съ гвардейскими полками загородилъ Вандамму дорогу къ Теплицу, утвердился за Кульмомъ и удерживался здѣсь съ необыкновенною стойкостію до тѣхъ поръ, пока императоръ Александръ не прислалъ ему на другой день подкрѣпленія. Барклай-де-Толли на зарѣ 18-го (30-го) Августа высмотрѣлъ расположеніе Вандамма передъ Кульмомъ и рѣшился обойти его лѣвый флангъ, опрокинуть его на центръ и прижать къ горамъ. Въ то же время прусскій генералъ Клейстъ долженъ былъ обойти горы и ударить на французовъ съ тыла.

Этотъ планъ былъ превосходно выполненъ. Едва только Барклай замѣтилъ появленіе пруссаковъ, какъ тотчасъ же отдалъ приказъ всѣмъ войскамъ своимъ двинуться впередъ. Союзная кавалерія стремительно бросилась на непріятельскія орудія и завладѣла ими послѣ отчаяннаго сопротивленія. Немногіе баталіоны, оставленные Вандаммомъ у Кульма, атакованные превосходными силами, были частью истреблены, частью принуждены положить свое оружіе. Вся масса

союзныхъ войскъ быстро подвигалась впередъ и вскорѣ настигла бѣгущаго непріятеля. Французы атакованы были теперь со всѣхъ сторонъ. Русскіе и австрійцы напирали на нихъ съ тылу, а пруссаки, оправившіеся отъ своего смятенія, тѣснили ихъ спереди и съ фланговъ. Ужасъ и отчаяніе овладѣли солдатами Вандамма. Крикъ: „спасайся, кто можетъ!“ раздался въ ихъ рядахъ. Но уже отрѣзаны были всѣ пути къ спасенію. Лишь одна французская кавалерія, успѣвшая заскакать далеко впередъ, спаслась отъ гибели и пробралась горными тропинками въ Саксонію. Толпы пѣшихъ французскихъ солдатъ старались укрыться въ лѣсахъ, но преслѣдуемые по пятамъ союзниками принуждены были сдаваться въ плѣнъ. На полѣ битвы господствовалъ страшный хаосъ. Повсюду происходили самыя потрясающія сцены. Тамъ нѣсколько французскихъ баталіоновъ пытались построиться въ карре, но были сбиты и опрокинуты своею собственною бѣгущею артиллеріею; тамъ непріятельскіе солдаты грабили свой собственной обозъ и багажъ офицеровъ; тутъ казаки и уланы гнали передъ собою цѣлыя тысячи плѣнныхъ. Никто не въ состояніи былъ разобраться среди дикаго безпорядка.

Но скоро положеніе дѣлъ уяснилось. Огонь прекратился повсемѣстно, густыя облака дыма разсѣялись и громадное поле битвы предстало въ совершенно иномъ видѣ. Силы непріятеля, недавно еще стройныя и грозныя, исчезли съ лица земли. Повсюду валялись груды человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ. Вся земля была усѣяна брошеннымъ оружіемъ, покинутыми орудіями, зарядными ящиками, фурами, обломками и остатками всевозможныхъ предметовъ. Въ различныхъ направленіяхъ стояли и двигались колонны союзныхъ войскъ. Отовсюду вели громадныя толпы плѣнныхъ. Генералы и офицеры сами сдавались въ плѣнъ. Начальникъ штаба перваго корпуса, генералъ Гаксо, пытался спрятаться съ нѣсколькими офицерами въ лѣсу, но узнавъ,

что вблизи находится нашъ генералъ Милорадовичъ, поспѣшилъ отдаться въ его руки. Онъ вышелъ изъ лѣсу и въ виду собственныхъ солдатъ упалъ на колѣни передъ русскимъ генераломъ. Гораздо достойнѣе держалъ себя свирѣпый и угрюмый Вандаммъ. Онъ пытался сначала спастись бѣгствомъ, но былъ вскорѣ настигнутъ и взятъ въ плѣнъ русскими егерями. Егеря думали доставить свою знатную добычу въ главную квартиру, но казаки и гвардейскіе гусары отняли у нихъ на дорогѣ Вандамма и привели его къ императору Александру.

Государь принялъ вѣжливо, но холодно непріятельскаго генерала, пріобрѣвшаго во всей Германіи самую печальную извѣстность своею адскою жестокостью. Вандаммъ, завидѣвъ государя, сошелъ съ своего боеваго коня и поцѣловалъ его на прощанье. Грубый и мрачный предсталъ онъ передъ лицомъ своего великодушнаго побѣдителя. Императоръ приказалъ отдать плѣннику его шпагу и обратился къ нему съ нѣсколькими словами утѣшенія. Вандаммъ отвѣчалъ грубыми отрывочными фразами; его надменность была такъ велика, что онъ не снялъ даже шляпы передъ государемъ. Всѣ присутствующіе были крайне возмущены грубымъ поведеніемъ плѣннаго генерала; но Александръ не обратилъ на него никакого вниманія и приказалъ отправить его въ Теплицъ. Тутъ онъ, по словамъ Н. Н. Муравьева, „началъ было важничать, но великій князь унялъ. Когда его повезли, то въ Лаунѣ жители приняли его каменьями, такъ что фельдъегерь, съ нимъ ѣхавшій, едва могъ отъ нихъ отдѣлаться. Вандаммъ извѣстенъ былъ въ Германіи по своей жестокости; онъ грабилъ болѣе другихъ французскихъ генераловъ и дѣлалъ жителямъ насилія всякаго рода. Вандамма привезли въ Москву, гдѣ дворянство наше принимало его съ почетомъ и позволяло ему говорить всякія наглости въ обществѣ. Впослѣдствіи отвезли его въ Пензу“ [2]).

---

[2]) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго, см. Русскій Архивъ за 1886 г., кн. I, стр. 29.

Едва увели Вандамма съ поля битвы, какъ прискакалъ гонецъ отъ Блюхера съ извѣстіемъ, что Макдональдъ разбитъ при Кацбахѣ [1]). Императоръ объявилъ эту радостную вѣсть войскамъ и неумолкаемое *ура* потрясло воздухъ.

Битва при Кульмѣ обошлась недешево союзникамъ и особенно русскимъ. Наша гвардія и второй армейскій корпусъ лишились половины всего своего состава. Но уронъ непріятеля былъ еще болѣе громаденъ. Од[иннадцать] тысячъ убитыхъ и раненыхъ остались на полѣ битвы; десять тысячъ человѣкъ было взято въ плѣнъ; четыре знамени, 82 орудія, весь обозъ корпуса Вандамма достались въ добычу побѣдителямъ.

Побѣда при Кульмѣ имѣла весьма важное значеніе: она

---

[1]) Кацбахъ впадаетъ съ лѣвой стороны въ Одеръ. Макдональдъ, встрѣтившись съ Блюхеромъ, былъ разбитъ послѣднимъ на голову. Изъ громадной его арміи осталось всего только 30,000 человѣкъ. Скоро послѣ этого пришло извѣстіе въ главную квартиру и объ успѣхахъ сѣверной арміи. При Гроссъ-Бееренѣ, недалеко отъ Берлина, маршалъ Удино потерпѣлъ полное пораженіе. Удино, исполняя приказаніе своего повелителя, двинулся въ самомъ началѣ осенней кампаніи на Берлинъ, имѣя въ своемъ распоряженіи около 100,000 человѣкъ. Бернадоттъ, командуя сѣверной арміей, оправдалъ во всѣхъ отношеніяхъ ожиданія Наполеона. Онъ только говорилъ, шумѣлъ, принималъ геройскія позы, но всячески избѣгалъ встрѣчи съ французами. То и дѣло твердилъ онъ о своей рѣшимости вступить въ бой, но указывалъ въ то же время на ненадежный составъ своей арміи, на большое количество ополченцевъ, никогда еще не бывшихъ въ дѣлѣ, на вѣроятность прибытія самого Наполеона съ огромными силами, и когда французскіе колонны начали подвигаться со всѣхъ сторонъ на Берлинъ, онъ вдругъ объявилъ своимъ подчиненнымъ, что намѣренъ предоставить Берлинъ непріятелю и отступить за рѣку Шпрее. Но прусскіе генералы Бюловъ и Тауенцинъ на отрѣзъ отказали шведскому наслѣдному принцу, что они скорѣе погибнутъ со всѣмъ своимъ войскомъ на полѣ битвы, нежели отдадутъ непріятелямъ свою столицу. Бернадоттъ принужденъ былъ уступить; онъ далъ разрѣшеніе пруссакамъ двинуться на встрѣчу непріятелю, подкрѣпилъ ихъ даже частью русскихъ войскъ, но самъ съ своими шведами остался благоразумно позади, ожидая къ какимъ результатамъ поведетъ безумная отвага пруссаковъ.

Результаты получились блестящіе. Пруссаки и русскіе, быстро двигаясь впередъ, атаковали французскіе колонны и послѣ ожесточеннаго боя нанесли имъ страшное пораженіе. Удино отступалъ къ Виттенбергу на Эльбѣ, почти вовсе не преслѣдуемый наслѣднымъ принцемъ. Бернадоттъ двигался такъ медленно, что прошелъ съ своими войсками въ теченіи 11 дней всего лишь 80 верстъ! Не сдѣлавъ ровно ничего противъ непріятеля, онъ пытался, однако же, присвоить въ своихъ донесеніяхъ честь побѣды себѣ и своимъ шведамъ.

подняла духъ союзной арміи, испытавшей пораженіе подъ Дрезденомъ, разстроенной безпорядочныхъ отступленіемъ и готовой распасться на части. Князь Шварценбергъ, отчаяваясь въ успѣхѣ, уже намѣренъ былъ отвести австрійскую армію за рѣку Эгеръ, Меттернихъ готовился отдѣлить Австрію отъ коалиціи. А какъ самъ императоръ Францъ относился къ военнымъ событіямъ того времени, какое онъ принималъ участіе въ нихъ, — это лучше всего видно изъ слѣдующаго разсказа принца Леопольда Кобургскаго, впослѣдствіи бельгійскаго короля.

Въ то время какъ императоръ Александръ распоряжался въ Кульмскомъ боѣ, императоръ Францъ спокойно оставался въ Теплицѣ. Подъ громъ орудій онъ предавался своей любимой страсти — музыкѣ. Тотчасъ по окончаніи сраженія принцъ Леопольдъ, командовавшій тогда русской кавалерійской бригадой, пріѣхалъ въ Теплицъ. Онъ хотѣлъ найти здѣсь помѣщеніе для чиновниковъ своего штаба. Свободныхъ квартиръ не было; — городъ былъ переполненъ войсками. Тогда принцъ явился во дворецъ, занимаемый императоромъ Францемъ, и просилъ уступить часть апартаментовъ усталымъ офицерамъ, только что прибывшимъ съ поля сраженія. Леопольдъ засталъ императора играющимъ тріо въ наилучшемъ настроеніи духа. Онъ тотчасъ же изъявилъ полную готовность исполнить просьбу принца и сказалъ съ невыразимою добротою: „и прекрасно, мы можемъ продолжать нашу игру и внизу“. Совершенно довольный, императоръ немедленно принялся за смычекъ въ нижнемъ этажѣ [1]).

Императоръ Францъ игралъ на скрипкѣ, а императоръ Александръ въ это время объѣзжалъ поле Кульмскаго сраженія, приказывалъ подбирать раненныхъ, утѣшалъ ихъ, заботился объ участи страдальцевъ. Онъ подъѣзжалъ къ

[1]) Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, соч. Н. К. Шильдера, т. III, стр. 166.

каждому полку, привѣтствовалъ отличившихся, милостиво разговаривалъ съ офицерами. Возвращаясь вечеромъ въ Теплицъ, государь встрѣтилъ на дорогѣ длинный рядъ повозокъ съ нашими ранеными. Онъ подъѣзжалъ къ нимъ, благодарилъ ихъ и спрашивалъ о нуждахъ, называя ихъ своими сотоварищами. „Какъ послѣ этого,“ — пишетъ очевидецъ, — „военнымъ было не боготворить Александра, который дѣлилъ съ ними и непогоды, и опасности, зналъ лично многихъ офицеровъ, а сраженнымъ на полѣ битвы являлся въ видѣ ангела-утѣшителя“ [1]).

Императоръ Александръ за Кульмскую побѣду раздавалъ награды щедрою рукою. Барклаю-де-Толли былъ пожалованъ Георгій первой степени, князю Шварценбергу—Андрей Первозванный. Всѣмъ солдатамъ роздано было по два рубля на брата. Не забыты были Евгеній Виртембергскій, графъ Остерманъ, Ермоловъ и другіе. Всѣ гвардейскіе полки получили или георгіевскія знамена, или георгіевскія трубы. Александръ чрезвычайно былъ радъ Кульмской побѣдѣ; — она была вполнѣ его дѣломъ. Онъ сознавалъ это и всегда до конца своей жизни вспоминалъ о ней съ необыкновеннымъ удовольствіемъ.

Спустя шесть дней послѣ Кульмскаго боя союзные монархи заключили между собою въ Теплицѣ новый договоръ, который еще тѣснѣе скрѣпилъ ихъ союзъ. Всѣ три монарха обязались содержать для войны до 150,000 человѣкъ каждый, не договариваться о мирѣ отдѣльно и не заключать его иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ.

Наполеонъ въ теченіи долгой своей военной жизни никогда еще не испытывалъ въ такое короткое время такихъ ударовъ судьбы, какъ теперь — въ осеннюю кампанію. Не прошло и трехъ недѣль отъ начала военныхъ дѣйствій, а уже его положеніе измѣнилось самымъ роковымъ образомъ.

---

[1]) Тамъ же.

Его наступательное движеніе на Берлинъ окончилось самымъ постыднымъ пораженіемъ. Его Силезская армія была разбита на голову, почти что уничтожена. Его наступленіе на Богемію окончилось полною гибелью одного изъ лучшихъ и многочисленнѣйшихъ корпусовъ его арміи. Кампанія, начатая такъ блистательно, приняла внезапно самый печальный оборотъ. Блескъ Дрезденской побѣды померкъ передъ тройною неудачею на Коцбахѣ, при Гроссъ-Беермѣ и Кульмѣ. Армія лишилась за двѣ съ половиною недѣли болѣе 100,000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, она потеряла 250 орудій, она была потрясена цѣлымъ рядомъ неудачъ. Сформированная на скорую руку, армія Наполеона таяла и отъ пораженій, и отъ усиленныхъ переходовъ, побѣговъ и болѣзней. Между тѣмъ союзники, присоединивши къ себѣ резервную армію Бенигсена, довели свои военныя силы вновь до 400,000 человѣкъ. При такомъ положеніи дѣлъ исходъ борьбы становился уже несомнѣннымъ. Наполеонъ могъ продлить еще сопротивленіе, могъ дать еще союзникамъ цѣлый рядъ битвъ, но его окончательное пораженіе сдѣлалось теперь лишь вопросомъ времени и притомъ времени короткаго.

Трехдневная битва при Лейпцигѣ.

Послѣ Кульмской битвы Богемская армія расположилась въ Теплицѣ и его окрестностяхъ. Союзники отдыхали здѣсь и веселились. Офицеры дѣлали товарищескіе обѣды, на которыхъ всегда присутствовалъ государь. Было нѣсколько парадовъ. Одинъ парадъ былъ сдѣланъ кирасирамъ на самомъ полѣ сраженія. Но тутъ зловоніе отъ неубранныхъ мертвыхъ тѣлъ много мѣшало празднику. Солдаты тоже не скучали. Русскіе ходили въ гости къ пруссакамъ, а пруссаки къ нашимъ. Тѣ и другіе пили, гуляли, иногда ссорились и всегда мирились. Русскіе и пруссаки жили между собою дружно, и всегда заступались другъ за друга. Они терпѣть не могли гордыхъ австрійцевъ, которые платили имъ тѣмъ же. „Нерѣдко случались,"—говоритъ Н. Н. Муравьевъ,—„драки между нашими солдатами и австрійскими. Мимо идущіе пруссаки всегда вступались въ драку за нашихъ, такъ какъ и наши вступались за пруссаковъ. Побѣдивъ общаго врага—австрійцевъ, они отправлялись въ кабакъ, гдѣ пруссаки обыкновенно подчивали русскихъ". Драки иногда оканчивались большимъ кровопролитіемъ и даже смертью. Начальники смотрѣли на это сквозь пальцы, особенно если виновниками бывали австрійцы.

Въ половинѣ Сентября къ союзникамъ подошло подкрѣпленіе: въ окрестности Теплица пришла резервная или, такъ называемая, польская армія Бенигсена [1]). Теперь союзники

---

[1]) Она сформировалась въ Польшѣ, отчего и называлась «польскою».

имѣли перевѣсъ въ силахъ передъ непріятелемъ. Императоръ Александръ рѣшился перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ французовъ. Онъ хотѣлъ однимъ ударомъ покончить кампанію. Побуждаемый государемъ, князь Шварценбергъ оставилъ съ своими войсками Богемію въ концѣ Сентября и перешелъ въ Саксонію. Онъ шелъ къ Лейпцигу, куда въ то же время должны были идти Силезская и Сѣверная арміи.

Наполеонъ, узнавъ о наступательныхъ движеніяхъ союзныхъ армій, оставилъ Сенъ-Сира съ 30,000 въ Дрезденѣ, а самъ съ остальными своими войсками поспѣшилъ къ Лейпцигу.

Шварценбергъ шелъ по Саксоніи очень медленно; онъ не желалъ рѣшительнаго сраженія съ Наполеономъ, главнокомандующій и австрійскій дворъ были противъ низверженія Наполеона; они хотѣли только ослабленія его. Союзники не торопились. Тѣмъ не менѣе французы, при приближеніи ихъ, оступали все ближе и ближе къ Лейпцигу. Мюратъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи до 30,000 войска, уже намѣревался очистить городъ, когда пришло извѣстіе, что Наполеонъ приближается со всѣми своими силами къ Лейпцигу. Ободренный этою вѣстью, Мюратъ остановилъ свои войска, и занялъ позицію на небольшихъ высотахъ къ юго-востоку отъ Лейпцига. Союзники послѣдовали за нимъ туда. Кавалерія ихъ, состоявшая изъ русскихъ и прусскихъ полковъ, немедленно же атаковала французскіе форпосты. Мюратъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи весьма значительное количество конницы, въ томъ числѣ нѣсколько отборныхъ драгунскихъ полковъ, только что прибывшихъ изъ Испаніи, не могъ устоять противъ искушенія предпринять одну изъ тѣхъ блестящихъ кавалерійскихъ атакъ, до которыхъ онъ былъ такой большой охотникъ. Французскіе драгуны, желая отличиться передъ глазами зятя Наполеона, съ энтузіазмомъ бросились впередъ, но встрѣтили энергическій от-

поръ со стороны русскихъ и прусскихъ всадниковъ. Мюратъ, терявшій всегда разсудокъ при подобныхъ дѣлахъ, горячился страшно. Какъ бѣшенный скакалъ онъ по полю битвы, сбивая съ толку всѣхъ подчиненныхъ генераловъ. Полкъ за полкомъ, бригада за бригадою кидались, по его зову, въ атаку, но и союзники вводили съ своей стороны въ бой все новыя и новыя силы. „Конница съ обѣихъ сторонъ смѣшалась,“—говоритъ очевидецъ,—„и въ тѣснотѣ рубилась. Уподобляли битву сію сѣчамъ древнихъ“ [1]). Среди страшной свалки и дикаго безпорядка перевѣсъ началъ склоняться, однако, все болѣе и болѣе на сторону союзниковъ. Лошади французскихъ драгунъ, истомленныя долгимъ переходомъ, вскорѣ обезсилѣли и могли ходить въ атаку только шагомъ. Русскіе и пруссаки, располагавшіе свѣжими конями, тѣснили все съ большею энергіею своихъ противниковъ и принудили ихъ наконецъ отойти подъ защиту своей пѣхоты и артиллеріи. Было уже темно и густой туманъ подымался съ сосѣднихъ болотъ и рѣчекъ, когда окончилась эта безцѣльная свалка.

Къ 4-му (16-му) Октября всѣ почти союзники приблизились къ Лейпцигу. Не дожидаясь прибытія армій Бенигсена и Бернадота, они рѣшились на другой день атаковать непріятеля. Они надѣялись разбить его, полагая, что Наполеонъ не успѣлъ еще стянуть всѣ свои войска къ этому городу.

Лейпцигъ расположенъ въ изгибѣ рѣки Плейссы, на огромной долинѣ, перерѣзанной множествомъ рѣчекъ и каналовъ. Восточнѣе города въ Плейссу впадаетъ р. Парта. Такимъ образомъ р.р. Эльстеръ, Плейсса и Парта раздѣляютъ окрестности города на три части. Наполеонъ расположилъ 175-ти тысячную свою армію передъ городомъ большимъ полукругомъ въ три линіи, примкнувъ фланги къ рѣ-

---

[1]) Записки Н. Н. Муравьева, см. Русскій Архивъ, 1886 г., кн. I, стр. 39.

камъ Плейссѣ и Партѣ. Такая диспозиція, думалъ онъ, не дозволитъ союзникамъ обойти его фланги.

Союзная армія также была построена въ три линіи, параллельно непріятелю. При выработкѣ плана атаки возникло, какъ всегда, сильное разногласіе. Желая зайти непріятелю въ тылъ, Шварценбергъ намѣревался направить главныя силы въ мѣстность, образуемую теченіемъ Плейссы и Эльстера. Императоръ Александръ съ спокойнымъ видомъ началъ возражать противъ этого. Шварценбергъ не соглашался. Государь сталъ убѣждать его въ нецѣлесообразности подобнаго распоряженія. Главнокомандующій стоялъ на своемъ. Наконецъ императоръ, выведенный изъ терпѣнія упорствомъ фельдмаршала, сказалъ ему съ неудовольствіемъ: „ну хорошо, господинъ фельдмаршалъ, такъ какъ вы настаиваете на вашемъ мнѣніи, то дѣлайте съ австрійской арміей что хотите; что же касается русскихъ войскъ великаго князя Константина Павловича и Барклая, то они двинутся на правую сторону Плейссы, гдѣ должны находиться, а не въ другое мѣсто“ [1]).

Шварценбергъ понялъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко. Пораженный непривычнымъ для него тономъ императора, онъ объявилъ, что воля его будетъ исполнена. Русско-прусская гвардія переведена была дѣйствительно на правый берегъ Плейссы, а австрійскія, бывшія подъ начальствомъ Мерфельда и принца Гессенъ-Гомбургскаго, остались въ мѣстности между Эльстеромъ и Плейссою. Битва слѣдующаго дня блистательнымъ образомъ подтвердила справедливость мнѣнія нашего государя; австрійцы жестоко поплатились за ошибочныя распоряженія князя Шварценберга [2]).

---

[1]) Богдановичъ, т. 4, стр. 267.

[2]) «Вообще»,—замѣчаетъ очевидецъ по поводу историческаго спора, происшедшаго 3-го (15-го) октября,—«сколько я ни видалъ государя, разсуждающаго о военныхъ дѣлахъ въ полѣ, то его мнѣнія были самыя основательныя и дальновидныя; но въ немъ была какая-то недовѣрчивость къ самому себѣ, и онъ имѣлъ тотъ не-

Во время спора главнокомандующаго съ нашимъ государемъ императоръ Францъ и король прусскій, какъ будто посторонніе, молчали. Они только изрѣдка дѣлали ничего незначущія измѣненія и соглашались попеременно то съ государемъ, то съ Шварценбергомъ.

Утромъ 4-го (16-го) Октября армія союзниковъ, въ глубокой тишинѣ, начала строиться въ боевой порядокъ. Прибылъ императоръ Александръ и шагомъ поѣхалъ къ первой линіи. Вдругъ въ началѣ десятаго часа раздался гулъ перваго непріятельскаго выстрѣла. „Французы привѣтствуютъ прибытіе Вашего Величества,“—сказалъ графъ Милорадовичъ, находившійся подлѣ государя. Вскорѣ двинулись впередъ союзники. Атака началась въ разныхъ пунктахъ. Русскіе и пруссаки, бывшіе подъ начальствомъ Витгенштейна, бросились на селенія Маклесбергъ и Вахау, составлявшія главную позицію непріятелей. Не встрѣтивъ сначала большаго сопротивленія, они безъ особаго труда вытѣснили оттуда непріятелей. Но вдругъ многочисленныя непріятельскія колонны, стоявшія въ резервахъ, поспѣшили на помощь къ своимъ отступающимъ отрядамъ. Колоссальная непріятельская артиллерія, скрытая до тѣхъ поръ въ углубленіяхъ, внезапно появилась на высотахъ за селеніями. Противъ одного отряда Евгенія Виртембергскаго направлено было около ста непріятельскихъ орудій. Поднялась ужасная пальба. Настоящій градъ ядеръ, картечи и разрывныхъ снарядовъ посыпался на русскихъ и пруссаковъ. „Ярость всѣхъ стихій міра казалось разразилась надъ нами,“—говорилъ Молоствовъ, адъютантъ принца Евгенія. „Громъ гремѣлъ, земля подъ нами тряслась. Со всѣхъ сторонъ сыпались искры, отовсюду летѣли осколки. Дымъ и пламя,

---

достатокъ для военнаго человѣка, что онъ не скоро узнавалъ мѣстное положеніе поля сраженія, или, говоря техническимъ языкомъ, онъ съ трудомъ могъ оріентироваться» (см. Императоръ Александръ I, соч. Шильдера, т. III, стр. 168 и 170).

кровь и смерть окружали насъ со всѣхъ сторонъ“ [1]). Ужасно было дѣйствіе этой канонады. 17 русскихъ орудій и 6 прусскихъ были подбиты въ самое короткое время. Почти всѣ артиллерійскія лошади были перебиты. Люди валились сотнями. Въ теченіе двухъ часовъ русскіе и пруссаки потеряли двѣ трети своихъ солдатъ. Герцогъ Евгеній, воодушевляя свои войска, ежеминутно подвергался самой страшной опасности. Ядра и гранаты постоянно ложились вокругъ него. Разрывные снаряды убивали и ранили вблизи его десятки людей. Нѣсколько лошадей было убито подъ нимъ. Почти всѣ его адъютанты были убиты, или ранены. Подъ покровомъ этой убійственной стрѣльбы бросились многочисленныя французскія колонны въ атаку селеній, занятыхъ русскими и пруссаками. Подавляя одною своею массою, они вытѣснили союзниковъ изъ Вохау и Маклесберга, но всѣ ихъ попытки продвинутыя далѣе встрѣтили самый рѣшительный отпоръ. Русско-прусскія войска утвердились въ кустахъ и рвахъ передъ деревнями и съ неописаннымъ мужествомъ отбивали атаки непріятеля. Прикованные къ мѣсту чувствомъ долга и чести, эти геройскіе батальоны быстро таяли въ числѣ, но не уступали непріятелю ни пяди земли.

Наполеонъ, лично наблюдавшій за ходомъ боя въ этомъ мѣстѣ, понялъ, что теперь настало время для нанесенія рѣшительнаго удара. Онъ рѣшился прорвать центръ союзниковъ и отбросить Богемскую армію къ Плейссѣ. Съ этой цѣлью онъ около двухъ часовъ по полудни двинулъ значительную массу кавалеріи, поддержанную главными силами. Земля задрожала подъ копытами 8,000 лошадей, Ничто, казалось, не могло противостоять страшному натиску французской конницы, на половину состоявшей изъ латниковъ. Миновавъ нашу пѣхоту, отбросивъ конницу, французскіе всадники моментально завладѣли батареями, изрубили артиллеристовъ и,

---

[1]) Имп. Александръ I-й, соч. Надлера, т. IV, стр. 36.

сметая все на своемъ пути, понеслись къ Гюльденъ-Гасскому ручью, за которымъ на небольшомъ холмѣ находился императоръ Александръ.

Князь Шварценбергъ былъ страшно озадаченъ внезапнымъ появленіемъ непріятельской конницы. Онъ и другіе генералы, бывшіе въ свитѣ государя, умоляли его удалиться. Опасность была близка и очевидна. Непріятельскіе всадники находились отъ него всего только въ какихъ нибудь восьми стахъ шагахъ. Ядра и разрывные снаряды ложились то и дѣло близь него и среди его свиты. Но императоръ Александръ, не обращая вниманія на опасность, съ безмятежнымъ спокойствіемъ, присущимъ ему въ важныхъ случаяхъ жизни, заботился только о подкрѣпленіи опрокинутыхъ войскъ. Всѣ стоявшіе около государя считали сраженіе проиграннымъ, не отчаявался только онъ. Это была блистательнѣшая изъ минутъ его военнаго поприща. „Я смотрѣлъ нарочно въ лицо государю,“ — пишетъ Данилевскій,—„онъ не смѣшался ни на одно мгновеніе и, приказавъ самъ находившимся въ его конвоѣ лейбъ-казакамъ ударить на французскихъ кирасиръ, отъѣхалъ назадъ не болѣе какъ шаговъ на пятнадцать. Положеніе императора было тѣмъ опаснѣе, что позади его находился длинный и глубокій оврагъ, черезъ который не было моста“.

Лейбъ-казаки смѣло, съ крикомъ, бросились на встрѣчу сильной непріятельской кавалеріи. Французскіе всадники были озадачены внезапнымъ появленіемъ этого новаго врага. Ихъ лошади, утомленныя продолжительною скачкою, не въ состояніи были соперничать съ свѣжими и горячими казацкими конями. Прошло нѣсколько минутъ, и казаки уже врубились въ ряды непріятелей. Поднялась бѣшенная свалка.

Въ этотъ критическій моментъ боя государь ввелъ въ дѣло резервную артиллерію. Подозвавъ къ себѣ начальника артиллеріи, генерала Сухозанета, Александръ, указывая на поле сраженія, сказалъ: „видишь, теперь тотъ лучше, кто

прежде всѣхъ сюда приспѣетъ, далеко-ли твоя артиллерія?“

— „Она будетъ здѣсь черезъ двѣ минуты,“—отвѣчалъ Сухозанетъ, заблаговременно приказавшій всѣмъ резервнымъ батареямъ идти на рысяхъ къ Госсѣ. За ними слѣдовалъ гвардейскій корпусъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, видя центръ союзной арміи прорваннымъ, считалъ сраженіе выиграннымъ. Онъ послалъ въ Лейпцигъ поздравить саксонскаго короля съ побѣдою и приказалъ во всѣхъ церквахъ города звонить въ колокола. Но скоро оказалось, что Наполеонъ поспѣшилъ торжествовать побѣду. Страшный огонь подоспѣвшихъ орудій и появленіе гвардейскихъ резервовъ усилили нашъ центръ. 112 орудій русской резервной артиллеріи открыли убійственный огонь по непріятелямъ. И французы, послѣ ожесточеннаго полуторачасоваго боя, были вынуждены отступить. Наполеонъ долженъ былъ отойдти съ занятыхъ позицій и даже оставить на мѣстѣ 30 нашихъ пушекъ. Канонада къ вечеру прекратилась. Войска обѣихъ сторонъ остались ночевать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли днемъ. Хотя атака союзниковъ и была отбита, но и контръ-атака Наполеона (прорывъ центра союзниковъ) осталась тоже, по недостаточности силъ, безъ послѣдствій. Союзники не достигли цѣли, да и французы ничего у нихъ не взяли.

Наступательныя дѣйствія Блюхера, предпринятыя въ тотъ же день къ сѣверу отъ Лейпцига, сопровождались бóльшимъ успѣхомъ. Блюхеръ разбилъ Мармона и заставилъ его въ безпорядкѣ отступить за Парту. Трофеями боя были 53 орудія и 2,000 плѣнныхъ. Напротивъ того, дѣйствія австрійцевъ на пространствѣ между Эльстеромъ и Плейссою, предпринятыя по распоряженію Шварценберга, закончились самымъ плачевнымъ образомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ генералъ Мерфельдъ пытался перевести свои войска черезъ рѣчку Плейссу, но его солдаты, встрѣчаемые силь-

нымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, отказывались идти впередъ. Наконецъ, ему удалось перебраться черезъ рѣку, но всего лишь съ однимъ батальономъ. Едва только австрійцы выбрались на берегъ, какъ французы окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и принудили положить оружіе. Массы австрійскихъ войскъ, столпившіяся на лѣвомъ берегу рѣки, остались равнодушными зрителями этой постыдной для ихъ оружія сцены. Самъ генералъ Мерфельдъ взятъ былъ въ плѣнъ.

Наполеонъ приписалъ себѣ побѣду и считалъ себя побѣдителемъ. Но зная, что союзники ожидаютъ съ часу на часъ прибытія двухъ цѣлыхъ армій (Бенигсена и Бернадотта), которыя усилятъ ихъ на 130,000 человѣкъ, онъ рѣшился вступить съ ними въ переговоры, затянуть время и заключить съ ними перемиріе. Призвавъ къ себѣ въ два часа ночи плѣннаго генерала Мерфельда, Наполеонъ объявилъ ему, что освобождаетъ его на честное слово и отправляетъ его къ союзнымъ монархамъ съ предложеніемъ заключить перемиріе, а потомъ начать переговоры о мирѣ. Сущность предложеній Наполеона заключалась въ томъ, что онъ соглашался уступить Варшавское герцогство и Ганзейскіе города, признавалъ независимость Италіи и Испаніи и только требовалъ, чтобы ему возвратили завоеванныя англичанами французскія колоніи.

— „Но союзники не удовлетворятся этими уступками,“ замѣтилъ Мерфельдъ. „Они потребуютъ кромѣ того независимости Голландіи, уничтоженія Рейнскаго союза“.

— „Я не могу отказаться отъ Голландіи“, — возразилъ Наполеонъ; „ея независимость будетъ лишь номинальная; англичане наложатъ на нее свои руки. Что же касается до моего протектората въ Германіи, до Рейнскаго союза, — то это для меня вопросъ чести. Я не могу отказаться отъ моихъ союзниковъ“.

— „Но большинство рейнскихъ князей уже перешли на

нашу сторону“, — замѣтилъ Мерфельдъ, — „а другіе готовятся сдѣлать то-же самое“.

— „Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до оставившихъ меня“, — отвѣчалъ Наполеонъ. „Я говорю о тѣхъ, кои пребываютъ въ вѣрности ко мнѣ“.

— „Итакъ, миръ кажется возможенъ“, сказалъ Мерфельдъ.

— „Да“, — возразилъ Наполеонъ, — „пришлите ко мнѣ кого-нибудь, къ кому я могу имѣть довѣріе, и тогда мы придемъ къ соглашенію. Меня обвиняютъ въ томъ, будтобы я все предлагаю перемирія. Я потому и не предложу его. Но согласитесь, что человѣчество много бы выиграло отъ этого. Если пожелаютъ, я отступлю за Заалу, русскіе и пруссаки за Эльбу, вы въ Богемію, а несчастная Саксонія, которая столько пострадала, останется нейтральною“.

Мерфельдъ возразилъ, что союзники надѣются, что онъ еще осенью отойдетъ за Рейнъ.

— „Для этого мнѣ надобно проиграть сраженіе“, — отвѣтилъ Наполеонъ. „Это можетъ случиться, но этого еще нѣтъ“. Въ заключеніе онъ прибавилъ: „надѣюсь, что мои слова, переданныя вами, возбудятъ въ обоихъ императорахъ краснорѣчивыя воспоминанія“.

Генерала Мерфельда препроводили на нашу передовую цѣпь. Князь Шварценбергъ прислалъ его въ ту же ночь (съ 4-го на 5-е Октября по ст. ст.) къ императору Александру. Послѣдній ничего не отвѣтилъ Наполеону на его предложенія.

5-е (17-е) Октября прошло въ военномъ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ; готовились къ новому бою. Союзники поджидали присоединенія подкрѣпленій. Императоръ Александръ провелъ весь день въ полѣ, подъ дождемъ; онъ лично принималъ необходимыя мѣры въ виду предстоявшаго рѣшительнаго сраженія. Въ ту пору настоящимъ начальникомъ надъ союзными войсками былъ нашъ государь, а не кто-либо другой; къ князю Шварценбергу потеряли довѣріе, а

прочіе два монарха ни во что не вмѣшивались. Александръ, узнавъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ австрійцевъ и ихъ порядки, уже не оказывалъ имъ такой уступчивости, какъ при началѣ своего союза съ ними; при разногласіяхъ онъ твердо настаивалъ на своемъ мнѣніи. Пруссаки во всемъ покорялись ему, да и сами австрійцы, признавая выдающіяся его дарованія и отсутствіе всякихъ личныхъ честолюбивыхъ видовъ, стали слушаться его.

Ожиданія союзниковъ сбылись; въ полдень къ нимъ подошли ожидаемыя ими подкрѣпленія—корпусъ Коллоредо и арміи Бенигсена и Бернадотта. Но надежды Наполеона на счетъ перемирія не оправдались. Бонапартъ весь день 5-го (17-го) Октября провелъ въ полнѣйшемъ бездѣйствіи и томительномъ ожиданіи отвѣта на предложенія свои союзнымъ монархамъ. Часы проходили за часами, но о Мерфельдѣ не было ни слуху, ни духу.

Наступилъ вечеръ. Глубокая осенняя тьма окутала окрестности Лейпцига; только одно кровавое пламя бивуачныхъ костровъ бросало свой зловѣщій отблескъ, придавая всѣмъ предметамъ какой-то фантастическій видъ. Послѣдняя надежда исчезла. Наполеонъ понялъ и убѣдился наконецъ, что враги не хотятъ удостоить его своимъ отвѣтомъ. Что было дѣлать? Надо было скорѣе пользоваться послѣдними часами. И Наполеонъ принялся за дѣло. Онъ перевелъ свои войска поближе къ Лейпцигу, поставивъ ихъ въ семи верстахъ отъ него. Онъ всю ночь провелъ то въ бесѣдѣ съ своими генералами и въ раздачѣ приказаній, то въ разъѣздахъ по разнымъ пунктамъ своей позиціи.

Наступило утро прекраснѣйшаго осенняго дня. Было восемь часовъ. Наполеонъ расположился завтракать. Но лишь только онъ принялся за свой завтракъ, какъ раздались въ разныхъ мѣстахъ пушечные выстрѣлы. То было начало битвы 6-го (18-го) Октября,—начало *битвы народовъ*. Наполеонъ бросилъ завтракъ и поспѣшилъ на такъ называе-

мую Глиняную гору, чтобы оттуда наблюдать и руководить битвой.

Союзники наступали на непріятеля въ разныхъ пунктахъ, но всюду встрѣтили самое упорное сопротивленіе. Французы, сражавшіеся большею частію подъ прикрытіемъ деревенскихъ построекъ, боролись съ мужествомъ отчаянія и дорого продавали каждый шагъ земли. Особенно отчаянное сопротивленіе союзники встрѣтили въ центрѣ непріятельской позиціи, гдѣ было селеніе Пробетгейда. По обѣимъ сторонамъ этой деревни были поставлены большія батареи, обстрѣливавшія всѣ приступы перекрестнымъ огнемъ; всѣ постройки были заняты многочисленными батальонами корпуса маршала Виктора, а улицы преграждены баррикадами [1]. Позади селенія стояли въ видѣ резерва отборныя непріятельскія войска, въ томъ числѣ гвардія. Русскіе и пруссаки подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, пошли на штурмъ, но были отброшены назадъ съ страшными потерями. Въ два часа по полудни Барклай возобновилъ нападеніе. На этотъ разъ онъ ввелъ постепенно въ дѣло всѣ войска, бывшія въ его распоряженіи. Союзники наступали съ неслыханнымъ героизмомъ, но встрѣчали самый рѣшительный и отчаянный отпоръ. Не разъ они овладѣвали послѣ кровопролитнѣйшаго боя всѣмъ селеніемъ, брали штурмомъ каждый домъ, дворъ и садъ; но войска Виктора, подкрѣпляясь свѣжими силами, каждый разъ вытѣсняли ихъ изъ Пробетгейды. Ожесточеніе сражающихся возрастало съ каждою новою атакою союзниковъ. Потери обѣихъ сторонъ были ужасны. „Убитыхъ и раненыхъ“, — говоритъ очевидецъ, — „было несмѣтное число“ [2]. Всѣ подступы къ деревнѣ, всѣ улицы, сады и дворы завалены были убитыми и ранеными. Эти груды мертвыхъ и полуживыхъ, истер-

---

[1]) Баррикада—преграда поперекъ улицы изъ разнаго хлама, бочекъ, экипажей и проч.

[2]) Записки Н. Н. Муравьева, Русскій Архивъ, 1886 г., кн. I, стр. 45.

занныхъ людей, начали заграждать подъ конецъ путь штурмовымъ колоннамъ союзниковъ. Атаки продолжались до самой темноты, но Наполеонъ, придававшій особенное значеніе именно этому пункту своей линіи, каждый разъ во-время подкрѣплялъ изнывающія войска Виктора новыми резервами. Наполеонъ самъ водилъ въ атаку батальоны старой гвардіи. Одушевляемые его присутствіемъ, французы отразили всѣ нападенія союзниковъ и до самаго вечера удерживали за собою окровавленныя развалины Пробетгейды [1]).

Императоръ Александръ во все время сраженія былъ при войскѣ. Слѣдуя за колоннами своего центра, онъ переѣзжалъ съ одной высоты на другую подъ ядрами, перелетавшими черезъ него. Онъ неоднократно подвергался опасности, въ особенности при атакахъ Пробетгейда. Одно ядро упало весьма близко отъ государя. Ему совѣтовали отъѣхать, но онъ сказалъ любимую свою поговорку: „одной бѣды не бываетъ; посмотрите, сейчасъ прилетитъ другое ядро". Дѣйствительно, едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ зажужжала граната и осколками своими ранила нѣсколькихъ конвойныхъ солдатъ. Къ государю безперерывно пріѣзжали адъютанты отъ разныхъ корпусныхъ командировъ и отъ армій Бенигсена, Бернадотта и Блюхера. Но самымъ радостнымъ вѣстникомъ былъ начальникъ саксонскихъ войскъ, генералъ Рюссель. Перешедши съ ними въ третьемъ часу на сторону союзниковъ, онъ явился къ императору Александру. Послѣдній похвалилъ его и превознесъ его патріотизмъ.

Пробетгейду удержали за собою французы; но за то во всѣхъ остальныхъ пунктахъ они были оттѣснены къ самому Лейпцигу, хотя въ дѣлѣ были и не всѣ союзники [2]). Французы потерпѣли пораженіе.

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 291.

[2]) До 100,000 человѣкъ союзной арміи оставалось въ резервѣ, вовсе не принимая участіе въ боѣ.

Наполеонъ былъ страшно потрясенъ исходомъ этого сраженія. При наступленіи сумерекъ онъ собралъ остатки своей гвардіи близъ вѣтрянной мельницы, у глинянаго холма, откуда онъ руководилъ битвою въ теченіе цѣлаго дня. Солдаты императорскаго конвоя тотчасъ-же разложили большой костеръ; но едва только вспыхнулъ огонь, какъ прилетѣла непріятельская граната и разбросала дрова. Солдаты сложили другой костеръ, но только что успѣли они окончить свою работу, какъ костеръ былъ вновь разметанъ упавшимъ ядромъ. Наполеонъ, не обращавшій до сихъ поръ никакого вниманія на все окружающее его, запретилъ пока солдатамъ разводить огонь [1]). Обратившись затѣмъ къ маршалу Бертье, онъ приказалъ ему изготовить диспозицію къ отступленію войска. Сказавъ это, Наполеонъ погрузился, повидимому, въ глубокія думы. Онъ велѣлъ принести себѣ маленькую деревянную скамеечку, присѣлъ на нее и задремалъ. Никогда не могли забыть очевидцы этой сцены. Лицо спящаго императора, вся его согбенная фигура, его руки, небрежно лежавшія на колѣнахъ ничѣмъ не напоминали обычный видъ гордаго властелина. Нѣтъ, на этой скамейкѣ, въ этой позѣ, среди этой обстановки онъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго жалкаго смертнаго, сраженнаго ударомъ судьбы. Все кругомъ его было объято сумрачнымъ молчаніемъ. Генералы и адъютанты молча стояли вокругъ огня, который удалось наконецъ развести.

Наполеонъ скоро проснулся и оглянулся вокругъ себя. Кругомъ него все было попрежнему. Пальба прекратилась совсѣмъ. Только шумъ двигающихся войскъ, только жалобные стоны раненыхъ нарушали ночную тишину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него пылалъ горящій костеръ. Бертье продолжалъ диктовать адъютантамъ диспозицію. Маршалы, генералы и свита стояли и сидѣли вокругъ него. Весь го-

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 291.

ризонтъ залитъ былъ яркимъ заревомъ непріятельскихъ бивуачныхъ огней; только къ западу, куда направлялись остатки его разбитой арміи, господствовала непроницаемая темнота. По обѣимъ сторонамъ его бивуака двигались колонны отступающихъ войскъ. Стукъ и скрипъ колесъ, мѣрные шаги людей, топотъ, а иногда и ржаніе коней явственно доносились до его слуха.

Наполеону не хотѣлось оставлять своего бивуака; ему не хотѣлось ѣхать въ Лейпцигъ. Онъ объявилъ, что намѣренъ провести ночь на полѣ битвы въ одномъ изъ сосѣднихъ деревенскихъ домовъ. Посланы были ординарцы съ приказаніемъ отыскать подходящую квартиру для императора, но всѣ ихъ поиски остались тщетными. Нигдѣ, во всемъ сосѣдствѣ, нельзя было найти сколько нибудь подходящаго помѣщенія. Всѣ дома, сараи и хлѣвы были выжжены и разрушены, или переполнены ранеными и умирающими. Волею—неволею приходилось ѣхать въ Лейпцигъ. Страшныя картины ожидали тутъ императора. Уже съ ранняго утра населеніе Лейпцига находилось въ страшной тревогѣ. Съ каждымъ часомъ паника въ городѣ усиливалась. При приближеніи вечера ядра и гранаты начали падать въ предмѣстія города, зажигая дома, убивая жителей. Наступающая ночь удвоила ужасъ жителей. Яркое пламя горящихъ деревень освѣщало улицы. Повсюду тѣснились отступающія войска. Колонны ихъ, входившія съ разныхъ сторонъ въ городъ, сталкивались и спутывались въ узкихъ улицахъ. Обозы, опрокинутыя и поломанныя фуры загромождали дороги. Тысячи солдатъ, утратившихъ всякую дисциплину, спѣшили, какъ безумные, впередъ и бросали оружіе. Мародеры грабили и буйствовали,—и никто не думалъ останавливать ихъ. Одни изъ горожанъ, собравъ свои пожитки, бѣжали вслѣдъ за войсками вонъ изъ города; другіе запирались въ своихъ домахъ, или прятались въ погребахъ.

Съ величайшимъ трудомъ пробирался Наполеонъ черезъ улицы Лейпцига, покрытыя сплошнымъ потокомъ бѣглецовъ. Силою принуждены были его конвойные прокладывать ему дорогу. Онъ приказалъ вести себя въ ближайшую гостинницу,—и его, какъ нарочно, какъ въ насмѣшку, провезли въ Отель короля прусскаго. Наполеонъ приказалъ подать себѣ ужинъ, но во всемъ городѣ невозможно было достать чего либо кромѣ черстваго хлѣва. Дикіе уличные крики, всевозможный стукъ и топотъ не прекращались всю ночь. Немыслимо было спать, да Наполеонъ и не думалъ о снѣ. Тяжелыя думы, заботы объ отступленіи арміи не давали ему въ эту ночь покоя.

Но что же въ эту пору происходило у союзниковъ?— Въ сумерки, когда пальба утихла и императоръ австрійскій уѣхалъ съ поля битвы, всѣ первенствующіе генералы собрались вокругъ государя и короля прусскаго на такъ называемомъ Монаршемъ холмѣ. Рѣшено было съ разсвѣтомъ приготовить войска къ новому бою; въ случаѣ же совершеннаго оставленія непріятелемъ занятой позиціи — двинуться къ Лейпцигу и штурмовать городъ. Государь присовокупилъ, что такъ какъ непріятели, навѣрное, теперь отступаютъ, то слѣдуетъ сейчасъ-же, пока не ушло еще время, принять энергическія мѣры къ преслѣдованію и уничтоженію его. Онъ совѣтовалъ немедленно отправить гвардію и гренадеръ на правый берегъ р. Эльстера для дѣйствія во флангъ непріятелю. „Императоръ Александръ“,— по словамъ очевидца,—„говорилъ такъ ясно, опредѣлительно и съ такимъ знаніемъ стратегическихъ движеній, что возбудилъ общее удивленіе“ [1]. Тѣмъ не менѣе, князь Шварценбергъ, ссылаясь на усталость войскъ и недостатокъ продовольствія, упросилъ государя отказаться отъ этого своего намѣренія. Преслѣдованіе врага было отложено до слѣдую-

[1] Императоръ Александръ I, соч. Шильдера, т. III, стр. 174.

щаго утра. Союзники, благодаря главнокомандующему, лишились такимъ образомъ возможности нанести противнику рѣшительный ударъ.

Рано утромъ 7-го (19-го) Октября Наполеонъ собрался оставить Лейпцигъ. Передъ выѣздомъ изъ города онъ сдѣлалъ прощальный визитъ своему вѣрнѣйшему союзнику, королю саксонскому Фридриху-Августу. Наполеонъ былъ всегда великимъ актеромъ; никто не умѣлъ лгать такъ нагло и спокойно, какъ онъ. Но въ этотъ день онъ превзошелъ самого себя. Онъ вошелъ къ королю съ самонадѣянною, небрежною осанкою, съ спокойнымъ, почти веселымъ видомъ. Онъ заговорилъ съ нимъ въ тонѣ легкой ироніи о неудачахъ, понесенныхъ будто-бы его войсками, онъ высказалъ несомнѣнную увѣренность въ своей полной и скорой побѣдѣ и объявилъ въ заключеніе, что онъ выходитъ теперь изъ города съ массою своей арміи, чтобы свободнѣе маневрировать въ открытомъ полѣ, но что онъ возвратится черезъ два или три дня и освободитъ городъ отъ осады. Король съ благоговѣніемъ слушалъ наглую ложь своего союзника. Онъ повѣрилъ ей вполнѣ и, прощаясь съ Наполеономъ, старался увѣрить его въ своей неизмѣнной вѣрности и преданности.

Вышедши отъ короля, Наполеонъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ вонъ изъ города. Спокойствіе и веселость исчезли съ его лица. Вся его физіономіи приняла мрачное, задумчивое выраженіе. Сцены, окружавшія его, способны были потрясти самаго желѣзнаго человѣка. Пушечный громъ и ружейная пальба раздавались со всѣхъ сторонъ. Густыя облака дыма застилали всѣ предмѣстія Лейпцига. Штурмъ города начался и съ каждой минутой шумъ битвы становился все ближе и ближе. Всѣ улицы были сплошь покрыты бѣгущими. Пѣшіе и конные солдаты, орудія, фуры, зарядные ящики, лейпцигскіе обыватели, спасавшіе свой домашній скарбъ на всевозможныхъ повозкахъ и экипажахъ,

всѣ тѣснились, путались, перегоняли, давили другъ друга. Конвойные императора съ трудомъ прокладывали дорогу своему повелителю черезъ эту движущуюся живую массу. Проплутавъ нѣкоторое время по улицамъ, Наполеонъ уже окольными путями и съ величайшимъ трудомъ выбрался наконецъ изъ города. Остановившись у ближайшей къ городу мельницы, онъ подозвалъ къ себѣ нѣсколькихъ штабныхъ офицеровъ и приказалъ имъ направлять бѣглецовъ къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ собирались ихъ корпуса. Тутъ у мельницы увидѣлъ Наполеона генералъ Шато. Онъ такъ разсказывалъ впослѣдствіи объ этой встрѣчѣ. „Я замѣтилъ человѣка въ странномъ костюмѣ, почти одинокаго. Онъ насвистывалъ извѣстную мелодію „Мальбругъ въ походъ собрался“, хотя казалось погруженъ былъ при этомъ въ глубокое раздумье. Я принялъ его за лейпцигскаго обывателя, и подъѣхалъ къ нему; хотѣлъ распросить его, что онъ здѣсь дѣлаетъ. Но это былъ самъ императоръ. Съ необычайнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ онъ вокругъ себя. Картины ужаса и разрушенія, окружавшія его, казалось нисколько не трогали его“. Эта флегма, это ледяное, хотя быть можетъ, и кажущееся равнодушіе, способны были вызвать негодованіе даже въ средѣ людей, самыхъ близкихъ къ императору. „Смотрите“, — шептали маршалы, генералы и приближенные, раболѣпно слѣдовавшіе за нимъ, — „смотрите на этого человѣка, такимъ же точно образомъ бѣжалъ онъ изъ Россіи“ [1]).

Въ то время, когда Наполеонъ оставлялъ Лейпцигъ, императоръ Александръ объѣзжалъ войска, благодарилъ ихъ и ободрялъ колонны, шедшія на приступъ, но велѣлъ щадить городъ. Подъѣхавъ къ войскамъ Витгенштейна, Александръ сказалъ: „Ребята! Вы вчера дрались, какъ храбрые воины, какъ непобѣдимые герои; будьте же сегодня великодушны къ побѣжденнымъ нами непріятелямъ и къ

---

[1]) Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, соч. Надлера, т. IV, стр. 68 и друг.

несчастнымъ жителямъ города. Вашъ государь этого желаетъ, и если вы преданы мнѣ, въ чемъ я увѣренъ, то вы исполните мое приказаніе" [1]). Слова государя съ быстротою молніи были переданы во всѣ ряды войскъ.

Колонны союзниковъ двинулись къ городу со всѣхъ сторонъ, гоня передъ собою небольшіе непріятельскіе отряды, остававшіеся еще въ открытомъ полѣ. Слѣдуя за наступающими колоннами, Александръ, король прусскій и князь Шварценбергъ въѣхали на Глиняный холмъ и остановились у вѣтряной мельницы, откуда руководилъ Наполеонъ сраженіемъ прошлаго дня. Вдругъ передъ государями явились два человѣка, конвоируемыя солдатами. Одинъ изъ нихъ былъ депутатъ отъ города Лейпцига, а другой—саксонскій полковникъ. Первый просилъ пощады города и изъявилъ готовность сдать его безъ сопротивленія. Второй, отъ имени короля саксонскаго, заявлялъ о готовности Фридриха-Августа вступить въ переговоры. Императоръ Александръ отвѣчалъ посланнымъ, что онъ самъ и союзники его не хотятъ гибели Лейпцига. Переговоривъ съ королемъ прусскимъ, государь отправилъ въ городъ генерала Толля и прусскаго полковника Нацмера. Имъ дано было такое порученіе: „о переговорахъ съ королемъ саксонскимъ не можетъ быть и рѣчи послѣ того, какъ онъ отвергъ всѣ прежнія предложенія союзниковъ. Государи охотно желали бы пощадить Лейпцигъ, но лишь въ томъ случаѣ, если непріятельскія войска немедленно очистятъ городъ. Что касается до саксонскихъ войскъ, то съ ними не будутъ поступать какъ съ непріятелями, но подъ условіемъ, если король отзоветъ ихъ изъ боя, и если они добровольно положатъ оружіе" [2]). Рѣшеніе саксонскаго короля должно воспослѣдовать не позже какъ черезъ полчаса.

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 298.

[2]) Императоръ Александръ I, соч. Надлера, т. IV, стр. 76.

Уполномоченные отправились прямо къ дому Фридриха-Августа. Они потребовали, чтобы ихъ къ королю допустили немедленно. Придворные смутились. „Его величество“, — сказали они,—„никого не принимаютъ. Его величество заняты въ своемъ кабинетѣ!“ Толль объявилъ, что порученіе, возложенное на него, слишкомъ важно, а срокъ слишкомъ коротокъ и что поэтому ему необходимо тотчасъ-же видѣть короля. Сановники и министры засуетились и пригласили уполномоченныхъ въ комнату. Дѣло вскорѣ разъяснилось. Король вовсе не былъ занятъ неотложными дѣлами, и вовсе не сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а скрывался вмѣстѣ съ своею семьею въ погребѣ. Фридрихъ-Августъ былъ не изъ особенно храбрыхъ. Прошло нѣсколько минутъ и король предсталъ предъ уполномоченными. Онъ былъ въ полной парадной формѣ, которую онъ не успѣлъ еще снять послѣ свиданія съ Наполеономъ. Его изящный бѣлый мундиръ, орденскія ленты и звѣзды, обтянутые брюки, шелковые чулки и башмаки какъ-то странно противорѣчили съ его согбенной старческой фигурой и испуганнымъ растеряннымъ выраженіемъ его лица.

Толль передалъ королю порученіе императора Александра. Фридрихъ-Августъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ дѣлать никакихъ военныхъ распоряженій, что онъ не можетъ отозвать изъ боя саксонскихъ войскъ, такъ какъ онъ предоставилъ ихъ въ полное и безусловное распоряженіе императора Наполеона, своего высокаго союзника.

— „Да это совсѣмъ не то“, — произнесъ удивленный Толль,—„это не то, что мы слышали тамъ за городомъ отъ полковника Pисселя и депутата города Лейпцига“.

— „Это вѣрно“,—возразилъ король,—„но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Тогда я полагалъ, что императоръ Наполеонъ считаетъ дѣло проиграннымъ и не былъ противъ миссіи полковника Рисселя. Но часъ тому назадъ, я видѣлся съ моимъ высокимъ союзникомъ и узналъ отъ него,

что онъ вовсе не думаетъ прекращать борьбу, что черезъ нѣсколько дней онъ надѣется освободить Лейпцигъ отъ осады".

Загадка разъяснилась. Уполномоченные поняли, что жалкій, несчастный старикъ, совершенно одураченный своимъ высокимъ союзникомъ, находился въ состояніи полной невмѣняемости. Они увидѣли, что говорить съ нимъ далѣе, значило-бы лишь по-пусту терять время. А время между тѣмъ не ждало. Ружейная пальба приближалась, становилась сильнѣе. Ружейный залпъ прогремѣлъ у самого королевскаго дворца и нѣсколько пуль ударилось въ стѣну. Король поспѣшилъ обратно въ свой погребъ, а Толль бросился къ окну. Вся улица была покрыта прусскими стрѣлками. Они гнали передъ собою на площадь французовъ и саксонцевъ. Толль распахнулъ окно. „Ребята!" закричалъ онъ пруссакамъ,—„не стрѣляйте въ саксонскихъ гренадеровъ". Выйдя на площадь, онъ обратился съ такими словами къ стоявшимъ здѣсь подъ ружьемъ баденцамъ: „Это наши друзья, пруссаки, они сражаются за освобожденіе Германіи; соединитесь съ ними противъ вашихъ общихъ враговъ французовъ. Да здравствуетъ императоръ Александръ и союзные государи!". Одобрительные крики гражданъ Лейпцига, а еще болѣе женщины, махавшія платками во всѣхъ окнахъ и громко кричавшія имъ: „сражайтесь за правое дѣло!" порѣшили ихъ сомнѣнія. Солдаты двинулись вслѣдъ за Толлемъ и съ крикомъ ура! бросились на французовъ, столпившихся на на площади.

Между тѣмъ смятеніе въ городѣ возрастало съ каждою минутой. Побѣдители со всѣхъ сторонъ проникали въ Лейпцигъ. Сопротивленіе непріятеля ослабѣвало. Онъ думалъ теперь только о бѣгствѣ. Десятки тысячъ враговъ бѣжало въ дикомъ безпорядкѣ за городъ, но русскіе егеря спѣшили имъ на перерѣзъ. Не успѣли еще всѣ французы перейти черезъ р. Эльстеръ, какъ у моста появились русскіе стрѣлки и на-

чали стрѣлять въ отступающаго непріятеля. Французскій унтеръ-офицеръ, приставленный къ минѣ моста, подумалъ, что вся армія уже на томъ берегу и поджегъ мину. Съ оглушительнымъ взрывомъ мостъ взлетѣлъ на воздухъ. Непріятель очутился между союзными войсками и рѣкою. Храбрѣйшіе съ Макдональдомъ и Понятовскимъ бросились въ воду. Первому удалось спастись, а второй погибъ. Понятовскій утонулъ, пораженный двумя пулями въ то время, когда лошадь несла его по водѣ. Лористонъ и многіе французскіе генералы сдались военноплѣнными вмѣстѣ съ своими солдатами.

Среди труповъ раненыхъ и убитыхъ, между брошенными обозами и орудіями въѣзжали въ городъ около полудня императоръ Александръ и король прусскій. Населеніе встрѣтило ихъ съ восторгомъ: изъ всѣхъ оконъ махали побѣдителямъ платками, и многіе отъ радости плакали. У одного окна показался король саксонскій. Государь, замѣтивъ его, отвернулся. Когда Александръ остановился на площади, окруженный королемъ прусскимъ, Константиномъ Павловичемъ, Бернадоттомъ, Бенигсеномъ, Шварценбергомъ, Барклаемъ-де-Толли и другими генералами, — къ нему стали подводить важнѣйшихъ изъ плѣнныхъ. Казаки между другими привели и Лористона. Еще недавно онъ представлялъ въ Петербургѣ гордаго и побѣдоноснаго Наполеона; теперь-же предстоялъ передъ императоромъ блѣдный, съ поникшей головой и въ изорванномъ синемъ сюртукѣ. Александръ обошелся съ нимъ милостиво и приказалъ исполнить всѣ его желанія.

Со всѣхъ сторонъ приливали на площадь все новыя и новыя войска. Тутъ сошлись отряды всѣхъ трехъ союзныхъ армій. Всѣ вожди и генералы столпились вокругъ обоихъ манарховъ. Одушевленіе блистало на всѣхъ лицахъ, свѣтилось во всѣхъ глазахъ. Радостные клики народа, громовое „ура“ солдатъ, звонъ колоколовъ наполняли воздухъ. Старый Блюхеръ, одинъ изъ первыхъ, прибылъ на площадь.

Увидѣвъ государей, онъ сошелъ съ коня и преклонивъ передъ ними увѣнчанную лаврами побѣдъ свою саблю. Императоръ Александръ соскочилъ съ лошади, бросился къ Блюхеру и, обнявъ его, сказалъ: „Любезный генералъ! вы дѣйствовали какъ нельзя лучше; вы освободитель Германіи!"

— „Я только исполнилъ свой долгъ",—отвѣчалъ растроганный Блюхеръ; „мои войска сдѣлали болѣе, гораздо болѣе".—Всѣ присутствующіе поздравляли другъ друга. Многіе плакали отъ радости. Слезы текли по загорѣлымъ мужественнымъ лицамъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались торжественные звуки военной музыки.

Императоръ Александръ расположился въ домѣ одного доктора и весь день принималъ генераловъ и офицеровъ союзныхъ армій. Саксонскаго короля онъ не пожелалъ видѣть. Его, какъ военно-плѣннаго, отправили въ Берлинъ. Почти всю ночь государь не ложился спать и занимался дѣлами военными и дипломатическими. Тогда же онъ написалъ поздравительное письмо къ своей матери Маріи Θеодоровнѣ [1]). Тогда-же онъ распредѣлилъ и всѣ награды. Князь Шварценбергъ и Блюхеръ пожалованы были Георгіемъ 1-й степени; великій князь Константинъ Павловичъ и принцъ Евгеній Виртембергскій—Георгіемъ 2-й степени. Бенигсенъ и Барклай-де-Толли были возведены въ графское достоинство. Милорадовичъ и Платовъ получили орденъ Андрея Первозваннаго и проч.

Побѣдители торжествовали. Павшіе на лейпцигскихъ поляхъ покоились непробуднымъ сномъ [2]). Благословенна

---

[1]) «Благодареніе Всевышнему»,—писалъ императоръ Александръ графу Салтыкову изъ Лейпцига, «съ душевнымъ удовольствіемъ извѣщаю вашего сіятельства, что побѣда совершенная. Битва продолжалась 4-го, 6-го и 7-го чиселъ. До 300 пушекъ, 32 генерала и до 37,000 плѣнныхъ достались побѣдителямъ. Всемогущій одинъ всѣмъ руководствовалъ». (См. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, соч. Шильдера, т. III, стр. 174).

[2]) Въ союзныхъ войскахъ въ трехдневномъ Лейпцигскомъ сраженіи выбыло изъ строя болѣе 50,000 человѣкъ (22,000 русскихъ, 16,000 пруссаковъ, 12,000 австрійцевъ и *300 только шведовъ).*

была участь этихъ героевъ. Но ужасна, невыразимо тяжела была участь, выпавшая на долю десятковъ тысячъ раненыхъ воиновъ, валявшихся съ оторванными, раздробленными членами среди грудъ мертвыхъ разлагающихся тѣлъ. Не хватало силъ и средствъ подать руку помощи этимъ несчастнымъ. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ оставались они на страшномъ полѣ, истекая кровью, томясь жаждою и голодомъ, коченѣя отъ стужи холодныхъ октябрьскихъ ночей. Одни только мародеры, одни только одиночные солдаты, одичавшіе среди ужасовъ и бѣдствій этой кампаніи, утратившіе всякое чувство человѣчности и стыда, одни только они бродили между несчастными, сдирали съ нихъ послѣднія лохмотья, безжалостно добивали ихъ прикладами, докалывали штыками. Страшная картина представилась Н. Н. Муравьеву, когда утромъ 7-го (19-го) Октября онъ попалъ случайно въ обгорѣлыя, залитыя кровью, заваленныя тысячами труповъ, развалины селенія Пробегейды. „Я никогда не видалъ“,— говоритъ онъ, — „такого множества убитыхъ и раненыхъ, собранныхъ въ одномъ селеніи. Витгенштейновы солдаты давно уже ходили между ними, топтали ихъ, раздѣвали и докалывали безъ всякаго сожалѣнія“ [1]). Таково было положеніе раненныхъ, оставшихся на лейпцигскомъ полѣ. Не удивительно, если цѣлыя тысячи ихъ сдѣлались жертвами мучительной смерти.

Но мало чѣмъ легче была участь тѣхъ несчастныхъ, которые послѣ долгихъ мытарствъ попали, наконецъ, въ такъ называемые, лазареты. „По пути въ Лейпцигъ“, — пишетъ докторъ Рейль,—„я встрѣчалъ безконечные обозы съ ранеными. Ихъ тащили на открытыхъ телѣгахъ, наваленныхъ грудами, безъ соломы, безъ всякаго прикрытія, точь въ точь какъ возятъ на убой телятъ мясники. За повозками тянулись страдальцы, не нашедшіе себѣ мѣста въ нихъ, въ

---

[1]) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго, см. Русск. Архивъ, 1886 г., кн. I, стр 47.

томъ числѣ многіе тяжело раненые, съ простреленными, оторванными членами. И въ этотъ день, т. е. ровно черезъ недѣлю, послѣ вѣчно памятной „битвы народовъ“, находили на полѣ сраженія людей, неискоренимая жизненная сила которыхъ не могла быть разрушена ни ранами, ни ночными морозами, ни голодомъ. Въ Лейпцигѣ я нашелъ около 20,000 раненыхъ и больныхъ воиновъ всѣхъ націй. Необузданнѣйшая фантазія не въ состояніи набросать въ самыхъ яркихъ краскахъ картину ужаса, представившуюся мнѣ. Самый крѣпкій человѣкъ не въ состояніи созерцать въ совокупности эту панораму. Раненые размѣщены въ такихъ мѣстахъ, гдѣ я не рѣшился бы помѣстить и больныхъ собакъ. Они лежатъ или въ глухихъ подвалахъ, гдѣ воздухъ не содержитъ въ себѣ и такого количества кислорода, которое необходимо для пресмыкающихся, или въ школьныхъ помѣщеніяхъ съ выбитыми стеклами, или въ холодныхъ церквахъ, гдѣ холодъ атмосферы растетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается ея испорченность, или, наконецъ, подобно нѣкоторымъ французамъ прямо на дворѣ, гдѣ небо служитъ вмѣсто кровли, гдѣ раздается вопль и скрежетъ зубовъ. Въ одномъ мѣстѣ больныхъ умерщвляетъ спертый воздухъ; въ другомъ ихъ истребляетъ морозъ. Не смотря на недостатокъ общественныхъ зданій, не подумали отвести подъ госпитали хотя нѣсколько частныхъ домовъ. Изъ 20,000 больныхъ ни одинъ не получилъ рубахи, простыни, одѣяла, матраца и кровати. Ни одной націи не отдано предпочтенія; всѣ бѣдствуютъ одинаково, и въ этомъ единственномъ отношеніи нѣтъ солдатамъ повода къ жалобамъ. Нѣтъ даже соломы, на которую можно было бы уложить раненыхъ; вмѣсто нея разсыпана по поламъ какая-то труха. Всѣ раненые, съ раздробленными руками и ногами, (а ихъ такое множество), которыхъ нельзя уложить на голомъ полу, должны погибнуть для союзныхъ армій. Одна часть ихъ уже умерла, другая умретъ навѣрное. Ихъ члены страшно распухли какъ

бы вслѣдствіе отравы и поражены антоновымъ огнемъ. Многіе раненые вовсе не перевязаны, другимъ не перемѣняютъ ежедневно повязокъ. Для повязокъ берутъ нерѣдко грубое сѣрое полотно или соляные кули; понятно, что такія повязки могутъ разъѣсть даже здоровое тѣло. Ампутаціи производятся людьми невѣжественными, не умѣющими владѣть даже бритвою... Въ прислугѣ страшный недостатокъ. Больные, не могущіе подняться, гніютъ въ собственныхъ нечистотахъ. Пища приготовляется крайне небрежно и грязно и раздается больнымъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Пива и водки не отпускается вовсе; вмѣсто послѣдней даютъ иногда отвратительную жидкость съ запахомъ сивухи, содержащую въ себѣ не болѣе 10 градусовъ алкоголя".

„На открытомъ дворѣ городской школы",—заканчиваетъ докторъ свое описаніе ужаснаго положенія раненыхъ, — „я увидѣлъ цѣлую гору, состоявшую изъ всевозможныхъ отбросковъ и голыхъ и обезображенныхъ труповъ нашихъ воиновъ. Они валялись тутъ какъ остатки преступниковъ и разбойниковъ; ихъ пожирали на виду у всѣхъ вороны и собаки [1]).

Императоръ Александръ и здѣсь явился благодѣтелемъ несчастныхъ. Узнавъ объ участи раненыхъ и больныхъ, онъ и въ Лейпцигѣ, какъ въ Вильнѣ, явился ангеломъ спасителемъ и утѣшителемъ страждущихъ. Его любящее сердце относилось съ одинаковымъ участіемъ къ страдальцамъ всѣхъ націй. Его рука не оскудѣвала въ широкомъ дѣлѣ благотворительности; тамъ, гдѣ дѣло шло о помощи несчастнымъ жертвамъ войны, тамъ онъ не задумывался жертвовать сотнями тысячъ [2]). Извѣстный Штейнъ, поставленный волею нашего государя во главѣ управленія освобожденныхъ отъ

---

[1]) Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, Надлера, т. IV, стр. 80—83.

[2]) Императоръ Александръ пожертвовалъ между прочимъ въ пользу разоренной Саксоніи 800,000 франковъ.

французовъ германскихъ земель, принялъ энергическія мѣры къ улучшенію участи больныхъ и раненыхъ. Онъ увеличилъ составъ врачей, улучшилъ обстановку и пищу страждущихъ, улучшилъ уходъ за ними. Борьба съ смертью пошла впередъ поспѣшно и неутомимо и въ скоромъ времени Лейпцигъ изъ притока заразы и гибели превратился въ пріютъ христіанской любви и помощи. Больные и раненые стали поправляться, самый Лейпцигъ началъ оздоравливаться.

Наполеонъ, между тѣмъ, быстро отступалъ, слабо преслѣдуемый союзниками. Князь Шварценбергъ, казалось, заботился лишь о томъ, чтобы отстать какъ можно дальше отъ Наполеона и упустить его совершенно изъ виду. Вечеромъ 8-го (20-го) Октября главныя массы Богемской арміи были еще въ виду Лейпцига. Силезская армія двигалась нѣсколько быстрѣе. Корпусъ Іорка, шедшій впереди, достигнувъ до береговъ рѣки Унштрута, имѣлъ даже схватку съ отступающимъ непріятелемъ.

Наполеонъ съ остатками разбитой своей арміи быстро шелъ къ Рейну. Въ Ерфуртѣ онъ остановился въ томъ домѣ, гдѣ недавно счастливый и гордый принималъ императора Александра. Онъ думалъ пробыть здѣсь одинъ или два дня, чтобы привести хотя сколько нибудь въ порядокъ свои войска, снабдить ихъ амуниціею и всѣмъ необходимымъ. Но армія его уже такъ была разслаблена, такъ упала духомъ, что всѣ попытки возстановить организацію оказалось тщетными. Тифъ свирѣпствовалъ съ страшною силою въ ея рядахъ и уносилъ ежедневно тысячи людей. Дисциплина, чувство чести пали окончательно. Тысячи солдатъ бросали оружіе и брели безпорядочными толпами по сторонамъ большой дороги. Завидѣвъ двухъ—трехъ казаковъ, бѣглецы эти, пораженные паническимъ страхомъ, падали на колѣни и умоляли взять ихъ въ плѣнъ. Солдаты утратили даже физическую выносливость. Они тащились впередъ, едва передвигая ноги. Погода была вообще хорошая еще, и замо-

розки случались по утрамъ только, тѣмъ не менѣе тысячи солдатъ ежедневно отмораживали себѣ пальцы, а иногда даже руки и ноги. Въ Ерфуртѣ Наполеонъ приказалъ собрать отсталыхъ, размѣстить ихъ по батальонамъ и снабдить вновь ружьями, но уже на первомъ переходѣ они успѣли вновь ускользнуть изъ рядовъ и побросать ружья. Наполеонъ сердился, выходилъ изъ себя. Онъ кричалъ, что такимъ образомъ онъ потеряетъ до Рейна 80,000 солдатъ. Онъ отдавалъ грозные приказы своимъ маршаламъ и генераламъ, но ни его гнѣвъ, ни его приказы не производили желаннаго дѣйствія. Его приверженцы, его подчиненные утратили вѣру въ него. Его грозное обаяніе разсѣялось.

Изъ Ерфурта Наполеонъ поспѣшилъ въ Ганау (на Майнѣ) черезъГоту и Эйзенахъ. Союзныя войска шли за нимъ въ двухъ колоннахъ, но шли, по прежнему, медленно. За то Платовъ и Орловъ-Денисовъ съ своими летучими отрядами сильно безпокоили Наполеона [1]). Чернышевъ и Иловайскій, попавши въ середину между его арміей и авангардомъ, уничтожали запасы, мосты и безпрестанно устраивали засѣки и засады. Въ это время отпала отъ Наполеона Баварія и присоединилась къ союзникамъ. Баварскій король послалъ 40 тысячную армію свою, подъ начальствомъ барона Вреде, въ Ганау. Она должна была отрѣзать непріятелю дорогу. Баварцы дрались отчаянно, но не могли устоять противъ превосходныхъ силъ (80 тыс.) Наполеона. Они нанесли ему жестокій уронъ, отбили много обозовъ, артиллеріи, но принуждены были отступить и пропустить непріятеля. Баронъ Вреде былъ раненъ. Казаки, находившіеся при его арміи, дѣятельно преслѣдовали непріятеля до самаго Франкфурта

---

[1]) «Казачій корпусъ графа Платова»,—говоритъ Н. Н. Муравьевъ, — «преслѣдовалъ французскую армію по пятамъ. Наша армія пошла стороною на Веймаръ, гдѣ владѣлъ мужъ великой княгини Маріи Павловны. Въ герцогствѣ ея мы были вездѣ отлично приняты... Веймаръ одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ, видѣнныхъ мною въ Германіи... (См. Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго, Русскій Архивъ, 1886 г., кн. I, стр. 49).

и захватили у него въ плѣнъ около трехъ тысячъ человѣкъ. 23-го Октября (4-го Ноября) остатки французской арміи перешли въ Майнцѣ на лѣвый берегъ Рейна. Здѣсь Наполеонъ покинулъ свои войска и возвратился въ Парижъ.

Союзныя войска, узнавъ о дѣлѣ при Ганау, спѣшили къ Рейну усиленными маршами, но прибыли туда уже поздно.

Между тѣмъ Сенъ-Сиръ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи болѣе 30,000 войска, принужденъ былъ сдать союзникамъ Дрезденъ. Изъ крѣпостей, находившихся во власти Наполеона, сдались: Модлинъ, Замостье, Штетинъ, Торгау, Виттенбергъ и Данцигъ, причемъ взято было 2,247 орудій и болѣе 40 тысячъ плѣнныхъ.

Ключи этихъ крѣпостей, вмѣстѣ съ другими трофеями этой нашей заграничной войны, украшаютъ стѣны нашего Казанскаго собора.

Шведскій принцъ Бернадоттъ вторгнулся въ Шлезвигъ и затѣмъ освободилъ отъ французовъ всю Голландію. Наконецъ, Мюратъ, король Неаполитанскій, зять Наполеона, отложился отъ него и даже объявилъ ему войну.

У Наполеона уже не осталось болѣе союзниковъ. Онъ остался одинъ.

Германія была освобождена отъ французовъ. Независимость ея была обезпечена.

Въ Франкфуртѣ.

Населеніе Германіи смотрѣло на императора Александра какъ на своего избавителя отъ французовъ. Оно вездѣ встрѣчало его съ восторгомъ, всячески старалось выразить ему свою глубочайшую благодарность, свою признательность. Но такое отношеніе нѣмцевъ къ нашему государю было не по сердцу австрійскому канцлеру Меттерниху, князю Шварценбергу и ихъ сторонникамъ. Они не могли примириться съ мыслію, что русскій императоръ занимаетъ первое мѣсто въ ряду союзныхъ государей. Они всѣми способами старались выдвинуть впередъ своего невзрачнаго Франца. Подкупленные газетчики и публицисты разсказывали умилительные и трогательныя исторіи о восторженнымъ пріемѣ, оказываемомъ населеніемъ австрійскому императору на всемъ пути его отъ Лейпцига къ Франкфурту. Утверждали, что жители принимали Франца какъ бога, что они падали передъ нимъ на колѣни, плакали, смѣялись, кричали, однимъ словомъ, неистовствовали какъ безумные [1]).

Эти мнимыя шумныя оваціи должны были достигнуть высшей своей силы въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Императоръ Францъ въ этотъ старый имперскій городъ долженъ былъ вступить во главѣ австрійскихъ войскъ ранѣе императора Александра. Въ качествѣ властелина и побѣдителя онъ

---

[1]) Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, соч. Надлера, т. IV, стр. 107.

долженъ былъ встрѣтить затѣмъ своихъ союзниковъ; онъ и его австрійцы, а не русскіе и пруссаки, должны были явиться въ глазахъ франкфуртцевъ настоящими побѣдителями Наполеона и спасителями Германіи. Князь Меттернихъ придумалъ эту выходку, а князь Шварценбергъ принялъ всѣ мѣры къ ея осуществленію. Францъ, остававшійся до сихъ поръ далеко позади главной квартиры, былъ теперь благополучно доставленъ въ нее вмѣстѣ съ своимъ оркестромъ. Австрійцы были двинуты прямымъ кратчайшимъ путемъ на Франкфуртъ, а русско-прускія войска, при которыхъ находился и императоръ Александръ, должны были идти туда-же болѣе длинною и окольною дорогой.

Государь сперва не обратилъ вниманія на этотъ маршрутъ, но потомъ, убѣдясь въ замыслахъ австрійцевъ, ловко ихъ разрушилъ. Русско-прусская кавалерія получила приказъ двинуться усиленными переходами къ Франкфурту. Напрягая силы, она дѣлала въ день переходы по семи миль, и уже 24-го октября (5-го ноября) достигла города.

Императорскій въѣздъ отличался блескомъ и торжественностью. Императоръ Александръ въѣхалъ въ Франкфуртъ на конѣ во главѣ блестящаго сонма всадниковъ. 12-ть русскихъ кирасирскихъ полковъ, вся русская и пруская гвардейская кавалерія слѣдовали за нимъ. 7,500 всадниковъ составляли парадный кортежъ [1]) побѣдителя. Населеніе обезумѣло отъ восторга. Всѣ улицы были наполнены ликующимъ народомъ, всѣ крыши, болконы и окна унизаны зрителями. Народъ толпился со всѣхъ сторонъ къ государю. Каждый хотѣлъ увидѣть его какъ можно ближе, прикоснуться къ одеждѣ, къ его лошади. Дамы махали платками и бросали букеты. Воздухъ стоналъ отъ восторженныхъ кликовъ толпы, отъ грома пушекъ, отъ торжественнаго звона колоколовъ. На другой день прибылъ и императоръ Францъ. И его

[1]) Кортежъ—торжественный поѣздъ.

вступленіе въ Франкфуртъ сопровождалось торжествомъ, но ни его фигура, ни самая обстановка не могла уже вызвать особеннаго энтузіазма. Не одни австрійцы, а главнымъ образомъ русскіе кирасиры составляли цѣпь, среди которой ѣхалъ онъ къ соборной церкви [1]). И въ этотъ день императоръ Александръ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе и вызывалъ порывы народнаго восторга. Онъ встрѣтилъ Франца за городомъ во главѣ блестящей воинской свиты. Онъ ввелъ его въ старую столицу и какъ хозяинъ гостя препроводилъ его въ соборъ къ торжественному богослуженію.

Союзная главная квартира пробыла здѣсь болѣе мѣсяца. Франкфуртъ на это время превратился въ центръ европейской политики, и наполнился съѣхавшимися съ всѣхъ концовъ Германіи принцами. „Я видѣлъ“,—пишетъ очевидецъ „въ пріемныхъ комнатахъ государя и королей, и владѣтелей, лишенныхъ французами престоловъ своихъ, и членовъ Рейнскаго союза, которые незадолго еще отправляли войска свои противъ Россіи. Австрійцы и пруссаки могли къ нимъ имѣть болѣе или менѣе притязаній, но за безпристрастіе Александра ручалось могущество его; они видѣли въ Россіи державу, которой не нужно было расширять свои предѣлы на ихъ счетъ, а потому всѣ обращались къ государю, какъ къ но-

---

[1]) «Для австрійскаго императора»,—говоритъ Н. Н. Муравьевъ,—«былъ сдѣланъ большой парадъ. На семъ парадѣ случилось два происшествія, коимъ причиною былъ офицеръ, находившійся наканунѣ на ординарцахъ у великаго князя. Нашъ дежурный генералъ Потаповъ далъ ему предписаніе въ полки гвардіи, которые стояли въ селеніяхъ, чтобы они на другой день прибыли въ городъ къ параду. Офицеръ этотъ, вмѣсто того чтобы немедленно ѣхать, остался ночевать въ городѣ и доставилъ предписаніе только на другой день, уже тогда, когда прочія войска выстроились. Иные полки поспѣли къ параду, но литовскій и л.-уланскій не прибыли. Великій князь арестовалъ за это Потапова на нѣсколько часовъ. Генералъ-маіора же Удома, который командовалъ Литовскимъ полкомъ, великій князь приказалъ арестовать Алексѣю Петровичу Ермолову. Но Ермоловъ отвѣчалъ Цесаревичу, что онъ его не арестуетъ, а пошлетъ къ нему самъ саблю свою и не будетъ имѣть подлости взять ее назадъ. Великій князь замолчалъ и дѣло такъ оставилъ». (См. Русскій Архивъ, 1885 г., кн. I, стр. 53).

вому солнцу, возсіявшему на горизонтѣ ихъ“ [1]). Министры и дипломаты всѣхъ европейскихъ государствъ стеклись сюда же. Веселая, шумная жизнь настала въ Франкфуртѣ. „Городъ здѣшній“, — писалъ Шишковъ, — „наполненъ всякаго званія и достоинства людьми: императорами, королями, владѣтельными князьями, принцами, герцогами; у всякаго свой дворъ, министры, генералы; а у этихъ секретари, адъютанты; всѣ бѣгаютъ, скачутъ, ѣздятъ верхами, въ каретахъ, колязкахъ, пѣшкомъ въ разныхъ одѣяніяхъ, въ лентахъ, въ звѣздахъ, въ шишакахъ съ высокими перьями. Сверхъ того пропасть разнодержавныхъ войскъ. По утрамъ маршируютъ, бьютъ въ барабаны, кричатъ ура! по вечерамъ: театры, балы, маскарады, клубы“ [2]).

Союзныя войска, утомленныя труднымъ походомъ, расположились для отдыха въ городѣ и его окресностяхъ на огромномъ пространствѣ. Франкфуртцы относились къ своимъ постояльцамъ—союзникамъ съ полнымъ радушіемъ; они смотрѣли на нихъ какъ на своихъ гостей. Въ иномъ домѣ стояло ихъ по 10—15 человѣкъ, — и однако хозяева не протестовали на это, а, напротивъ, поили, кормили ихъ и даже дѣлали для нихъ посильныя развлеченія [3]). Городъ для начальствующихъ давалъ обѣды, балы. Офицеры исправно посѣщали маскарады и театры. Не знавшіе ни слова по нѣмецки — и то восхищались франкфуртскимъ нѣмецкимъ театромъ [4]).

Союзники были вполнѣ довольны франкфуртцами и жили съ ними дружно. Только русско-прусскія войска, по прежнему, не особено ладили съ австрійцами. Дерзкіе австрій-

---

[1]) Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, соч. Шильдера, т. III, стр. 175.

[2]) Записки Шишкова, стр. 230—31.

[3]) Записки Муравьева-Карскаго, Русскій Архивъ, 1886 г., кн. I, стр. 52—53, Дневникъ свитскаго офицера, Русскій Архивъ, 1869 г., кн. II, стр. 288.

[4]) Дневникъ свитскаго офицера, см. Русскій Архивъ, 1869 года, кн. II, стр. 290—291.

скіе солдаты часто задирали русскихъ, за что имъ иногда и доставалось. Разъ австрійцы подрались съ прислугою Муравьева изъ за сѣна. Австрійскій солдатъ выстрѣлилъ въ русскаго. Пуля пролетѣла мимо. Поднялся шумъ. „Услыхавъ его",—говоритъ, не стѣсняясь, про себя Н. Н. Муравьевъ,— „я выскочилъ и двумя ударами руки сбилъ двухъ австрійцевъ съ ногъ; прочіе оробѣли и сдались. Вооруживъ двухъ казаковъ плетями, я разобралъ дѣло, велѣлъ раздѣть виновныхъ цесарцевъ (австрійцевъ) и, порядочно наказавъ ихъ, отправилъ на русскую гауптвахту, гдѣ имъ и еще досталось".

„Въ деревняхъ", — продолжаетъ Муравьевъ, — „происходили большія драки между австрійцами и нашими изъ-за фуражировки. Тутъ дѣло доходило иногда и до смертоубійства" [1]).

Императоръ Александръ, веселившійся не менѣе другихъ, и во Франкфуртѣ не забывалъ политическихъ и военныхъ дѣлъ; они стояли у него на первомъ планѣ. Онъ занимался здѣсь политическимъ устройствомъ Германіи и разработкою вопроса о продолженіи войны съ Наполеономъ. Первое дѣло улажено было очень скоро. Въ Германіи почти возстановленъ былъ прежній порядокъ. Всѣ члены Рейнскаго союза, находившіеся въ союзѣ съ Наполеономъ, не были наказаны и остались въ своихъ земляхъ. Въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Ольденбургѣ, Бременѣ и Гессенъ-Касселѣ были возстановлены старыя правительства.

Не то было съ вопросомъ о продолженіи войны съ Наполеономъ; тутъ произошли разногласія. Сторонники мира, отдыхая отъ военныхъ трудовъ въ Франкфуртѣ, заговорили о прекращеніи войны. Императоръ Францъ и князь Меттернихъ нисколько не стремились къ низложенію Наполеона; они хотѣли только ослабленія его могущества. Англія

---

[1]) Записки Муравьева-Карскаго, см. Русскій Архивъ, 1886 г., кн. I, стр. 53—54. «Разсказывали»,—говоритъ Муравьевъ,—«что и жена Барклая-де-Толли, Елена Ивановна, подралась съ своею хозяйкою за квартиру или за кофе». (Тамъ же).

также склонялась къ подобному воззрѣнію. И русскіе, съ своей стороны, не были чужды такого же взгляда на дѣло. Еще при началѣ войны 1813 года многіе изъ нихъ находили, что выгоднѣе заключить миръ, чѣмъ продолжать борьбу съ Наполеономъ за дѣло намъ совершенно чуждое—за освобожденіе Германіи. Теперь, когда союзники достигли Рейна, сторонники этой политики полагали, что послѣ столь труднаго, хотя и славнаго похода, настала пора заключить миръ. Они утверждали, что дальнѣйшее продолженіе войны не обѣщаетъ Россіи никакой выгоды и было-бы въ политическомъ отношеніи грубою ошибкою. Одинъ императоръ Александръ не вѣрилъ въ возможность прочнаго мира съ Наполеономъ. Онъ намѣренъ былъ продолжать борьбу до послѣдней крайности, чтобы предписать миръ въ Парижѣ. Онъ стремился къ низложенію Наполеона и къ полному освобожденію Европы отъ его вліянія. Поэтому государь требовалъ немедленнаго продолженія войны и зимняго похода; онъ хотѣлъ воспользоватьея полнымъ разстройствомъ французскихъ вооруженныхъ силъ. И съ военной точки зрѣнія государь, дѣйствительно, былъ вполнѣ правъ; французская армія послѣ Лейпцигскаго пораженія считала въ своихъ рядахъ не болѣе 60,000 человѣкъ, изъ которыхъ лишь 40,000 были способны къ бою. Чтобы довершить одержанные уже успѣхи и нужно было не давать Наполеону времени создать новую армію. Помимо того императоръ Александръ былъ твердо убѣжденъ, что всякій мирный договоръ съ Наполеономъ будетъ ничѣмъ инымъ, какъ перемиріемъ, которое французскій владыка всегда нарушитъ, какъ только этого потребуютъ его выгоды. „Я не могу каждый разъ поспѣшать къ вамъ на помощь за 400 лье“, — говорилъ Александръ своимъ союзникамъ.

Мнѣніе государя поддерживали нѣкоторые изъ выдающихся прусскихъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, Блюхеръ и Гнейзенау, но самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ не согла-

шался на этотъ разъ съ своимъ царственнымъ другомъ. Ему казалось, что союзники, дойдя до Рейна и освободивъ Германію, исполнили свою главную задачу. Онъ думалъ, что идти далѣе,—значило-бы испытывать Бога и рисковать потерею всего достигнутаго. Король опасался послѣдствій народнаго возстанія, которое могло вспыхнуть, какъ только союзники перейдутъ старую границу Франціи.

Прусскій генералъ Ф. Кнезебекъ сталъ убѣждать императора Александра въ невозможности немедленнаго продолженія войны. Въ бесѣдахъ съ нимъ онъ возставалъ не столько противъ продолженія войны, сколько доказывалъ, что вторженіе во Францію, защищенную самою природою, огражденную тройнымъ рядомъ крѣпостей, сопряжено съ величайшими трудностями. Онъ говорилъ, что для этого дѣла необходимы гораздо большія силы, нежели тѣ, которыми располагали союзники, что необходимо, слѣдовательно, выждать время, усилить союзную армію новыми подкрѣпленіями и идти за Рейнъ только тогда, когда на сторонѣ союзниковъ будетъ подавляющее превосходство силъ.

Доводы Кнезебека, поддерживаемые всѣми австрійскими генералами и нѣкоторыми изъ русскихъ, произвели свою долю впечатлѣнія на императора Александра. Государь изъявилъ свое согласіе на временное пріостановленіе военныхъ дѣйствій. Онъ не нашелъ также возможнымъ рѣшительно возставать и противъ всякихъ переговоровъ съ Наполеономъ.

Сторонники мира обрадовались. Князь Меттернихъ, больше всѣхъ хлопотавшій о прекращеніи войны, ликовалъ. Онъ пригласилъ къ себѣ барона Сентъ-Эньяна. Будучи французскимъ министромъ при Веймарскомъ дворѣ, онъ послѣ лейпцигскаго сраженія былъ казаками взятъ въ плѣнъ. Меттернихъ долго бесѣдовалъ съ барономъ въ Франкфуртѣ и наконецъ объявилъ ему о своемъ намѣреніи отправить его вѣстникомъ мира къ императору французовъ. Баронъ былъ,

конечно, въ восторгѣ и изъявилъ свою полную готовность принять предлагаемое ему порученіе. Князь Меттернихъ вручилъ ему условія, на основаніи которыхъ союзные государи согласились открыть переговоры съ Наполеономъ для установленія общаго мира. Союзники требовали признанія независимости Германіи, Италіи и Голландіи, возстановленія династіи Бурбоновъ въ Испаніи. Они предоставляли Франціи сохраненіе ея естественныхъ границъ: Рейна, Альпъ и Пиренеевъ. Со стороны Англіи была изъявлена готовность къ значительнымъ уступкамъ и къ соглашенію насчетъ свободы мореплаванія и торговли. Въ случаѣ принятія Наполеономъ этихъ условій, Меттернихъ предлагалъ признать нейтральнымъ какой-либо городъ на правомъ берегу Рейна и пригласить туда уполномоченныхъ всѣхъ воюющихъ державъ на мирный конгресеъ.

Эти условія были очень легки. Они оставляли за Франціею не только всю ея старую территорію, но также всю Бельгію, всѣ нѣмецкія земли на лѣвомъ берегу Рейна, Савойю и Ниццу. Тѣмъ не менѣе императоръ Наполеонъ къ предложеннымъ условіямъ отнесся не особенно сочувственно. Онъ только черезъ нѣсколько дней прислалъ во Франкфуртъ отвѣтную ноту. Она была написана въ сдержанномъ, почти высомѣрномъ тонѣ. Въ ней слышался не голосъ побѣжденнаго, а великодушнаго, могучаго, непобѣдимаго властелина. Наполеонъ выражалъ въ нотѣ свою готовность къ переговорамъ; онъ былъ не прочь прекратить кровопролитіе и даровать миръ Европѣ. Онъ находилъ даже удобнымъ назначить мѣстомъ для мирнаго конгресса городъ Мангеймъ, но онъ совершенно умалчивалъ о самомъ главномъ и существенномъ и не упоминалъ ни единымъ словомъ о предложенныхъ ему мирныхъ условіяхъ. Союзники увидѣли, что Наполеонъ вовсе не думалъ серіозно о мирѣ, что онъ смотрѣлъ на переговоры лишь какъ на средство выиграть время и окончить свои вооруженія. Они узнали, что во

Франціи приступлено къ усиленнымъ вооруженіямъ. Меттернихъ былъ сконфуженъ. Императоръ Александръ, котораго онъ хотѣлъ провесть, оказался мудрѣе и предусмотрительнѣе его.

Партія войны стала усиливаться. Помимо Блюхера и Гнейзенау, за продолженіе войны стали, прибывшіе въ главную квартиру, князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій, Поццо-ди-Борго и баронъ Штейнъ. Все это были люди важные, вліятельные. У нихъ были свои сторонники. Стали требовать немедленнаго перехода войскъ за Рейнъ.

Въ началѣ Декабря во Франкфуртъ пришло извѣстіе, что императоръ Наполеонъ видимо склоняется къ миру, что онъ принялъ всѣ предварительныя условія союзниковъ, что онъ назначилъ своимъ министромъ на конгрессъ миролюбиваго Коленкура. Князь Меттернихъ ухватился за это извѣстіе и настаивалъ на немедленномъ открытіи конгресса въ Мангеймѣ. Но было уже поздно. Императоръ Александръ рѣшительно заявилъ, что онъ несогласенъ на конгрессъ въ Мангеймѣ, что переговоры должны происходить непремѣнно на французской территоріи, что союзныя войска должны немедленно идти за Рейнъ. Къ виду такого рѣшительнаго слова русскаго государя должны были умолкнуть всѣ противорѣчія и разсѣяться всѣ сомнѣнія. На военномъ совѣтѣ во Франкфуртѣ было рѣшено приступить къ зимнему походу. Была обнародована декларація [1]), въ которой союзники объявили, что они ведутъ войну не противъ Франціи, но противъ преобладанія императора Наполеона, которымъ онъ, къ несчастію Европы и Франціи, пользовался слишкомъ долго внѣ предѣловъ своей имперіи. Этою деклараціею союзники разъединяли Францію и ея повелителя и тѣмъ сдѣлали первый шагъ къ низложенію Наполеона. Конечная цѣль политики императора Александра, благодаря той же

[1]) Декларація—объявленіе.

Грошенко

декларацiи, получила уже нѣкоторое осуществленiе и всеобщую гласность.

Передъ вступленiемъ союзныхъ войскъ въ предѣлы Францiи императоръ Александръ отдалъ слѣдующiй приказъ своей побѣдоносной армiи.

„Воины! Мужество и храбрость ваша привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ васъ далѣе: мы переходимъ за оный, вступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили свое отечество, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великiй подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствiе и тишина! да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго своего правительства властью и законами благополучно! да процвѣтаетъ на каждой землѣ, къ всеобщему благоденствiю народовъ: вѣра, языкъ, наука, художества и торговля! Сiе есть намѣренiе наше, а не продолженiе брани и разоренiя. Непрiятели, вступая въ средину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божiй покаралъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчiе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбiе и простертую для примиренiя руку. Слава Россiянина низвергать ополченнаго врага и, по исторженiи изъ рукъ его оружiя, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратiямъ. Сему научаетъ насъ свято почитаемая въ душахъ нашихъ православная вѣра; она божественными устами вѣщаетъ намъ: любите враги ваши, и ненавидящимъ васъ творите добро. Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что вы кроткимъ поведенiемъ своимъ въ землѣ непрiятельской столько же побѣдите ее великодушiемъ своимъ, сколько оружiемъ, и соединяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ съ благочестiемъ христiанина противъ безоружныхъ, довершите много-

трудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа. Вы ускорите через то достигнуть конца желаній нашихъ, всеобщаго мира".

Союзники предполагали начать вторженіе во Францію съ главными силами со стороны верхняго Рейна. Императоръ Александръ, одобряя это, выразилъ однако желаніе сохранить неприкосновенность нейтрайлитета Швейцаріи [1]). По прибытии же въ Карлсруэ, государь узналъ, что австрійцы, безъ его вѣдома, вступили въ Швейцарію. Этотъ поступокъ Меттерниха глубоко опечалилъ Александра. „Это одинъ изъ самыхъ непріятныхъ дней въ моей жизни", — сказалъ онъ при полученіи извѣстія о немъ. Но дѣлать было нечего; чтобы не обнаружить разногласія, существовавшаго между союзниками, пришлось помириться съ совершившимся фактомъ.

Главная квартира государя перемѣстилась въ Базель. 1-го (13-го) Января 1814 года, въ годовщину переправы через Нѣманъ, русскія войска, въ присутствіи императора Александра, перешли здѣсь по мосту черезъ Рейнъ. Погода была дурная: шелъ дождь со снѣгомъ и дулъ пронзительный вѣтеръ. Силезская армія переправилась черезъ Рейнъ у Кобленца.

Начался походъ 1814-го года, въ которомъ Сѣверная армія не принимала участія. Удерживаемая переговорами съ датчанами, она прибыла во Францію очень поздно.

---

[1]) Нейтралитетъ—положеніе государства, непринимающаго участія въ дѣлахъ враждующихъ державъ и продолжающаго съ ними торговыя сношенія. Если при этомъ нейтральное государство содержитъ наготовѣ войска для защиты своихъ правъ при нападеніи на его владѣнія, то такой нейтралитетъ называется вооруженнымъ.

На пути къ Парижу.

Послѣ Лейпцигскаго пораженія Наполеонъ съ своими войсками отступилъ за Рейнъ. Изъ всей громадной арміи, воевавшей съ союзниками въ Германіи, ему удалось съ собою увести только около 60,000 солдатъ, но и эти войска были слабы, изнурены переходами и болѣзнями. Страшная зараза, свирѣпствовавшая во французскихъ войскахъ въ теченіи всей кампаніи 1813 года, не прекратилась и по переходѣ арміи черезъ Рейнъ. Покой и сравнительное изобиліе, заступившіе вдругъ мѣсто прежней неутомимой дѣятельности и постоянныхъ лишеній, способствовали скорѣе развитію эпидеміи, нежели прекращенію ея. Тѣсныя квартиры, на которыхъ расположены были войска, дурная погода и излишества всякаго рода усиливали болѣзненность среди солдатъ. Плохое устройство госпиталей, отсутствіе медикаментовъ и медицинской помощи удвоивали и утроивали и безъ того уже ужасающую смертность. Главнымъ центромъ эпидеміи сдѣлался Майнцъ. Тутъ въ два мѣсяца умерло 14,000 солдатъ.

На такія войска плохая была надежда. Наполеонъ и не надѣялся на нихъ. Переведши остатки своихъ войскъ за Рейнъ, онъ оставилъ ихъ и возвратился въ Парижъ. Тутъ Наполеонъ съ обычною своею энергіею принялся за отысканіе мѣръ и средствъ къ борьбѣ съ союзниками, которые не-нынѣ-завтра появятся во Франціи. Онъ производилъ наборы и назначалъ новые тяжелые налоги, такъ какъ го-

сударственная казна уже была пуста. Онъ старался привлечь въ военную службу толпы рабочихъ, оставшихся безъ дѣла и хлѣба, обѣщая имъ принять на счетъ государства содержаніе ихъ семействъ. Въ театрахъ давали, по распоряженію полиціи, патріотическія пьесы и пѣли куплеты, въ которыхъ прославляли защитниковъ отечества. Наполеонъ всячески старался раздуть ненависть и отвращеніе народа къ чужеземцамъ, собиравшимся вторгнуться во Францію. Въ своихъ манифестахъ и объявленіяхъ онъ разсказывалъ самыя нелѣпыя вещи въ особенности о русскихъ войскахъ. Русскіе были, по словамъ его, варвары, дышащіе злобою и мщеніемъ; между ними были и настоящіе дикари, питающіеся человѣческимъ мясомъ, пожирающіе съ особенною охотою дѣтей. Отъ такихъ изверговъ нельзя ожидать ни пощады, ни состраданія. Они не имѣютъ ни малѣйшаго уваженія къ женскому полу; грабежи, пожары, убійства, насилія будутъ обозначать ихъ кровавый путь. Французы должны ополчиться всѣми силами противъ этихъ варваровъ, противъ этихъ новыхъ гунновъ; они должны подняться какъ одинъ человѣкъ на защиту своихъ женъ и дѣтей, своего имущества и отечества [1]).

Но толку изъ всего этого выходило не много. Французы и въ особенности француженки не вѣрили баснямъ Наполеона [2]). Наборъ, обученіе, маршировка, вооруженіе новобранцевъ подвигалось впередъ очень медленно. Въ концѣ Ноября мѣсяца Наполеонъ самъ сознавалъ, что у него ничего еще не было готово. Узнавъ о вторженіи союзниковъ во Францію, онъ 22-го Декабря 1813 года (3-го Января 1814 года) спросилъ Пакье, префекта полиціи, какого рѣшенія ожидаютъ съ его стороны? Пакье отвѣчалъ: „населеніе не сомнѣвается, что императоръ станетъ во главѣ

[1]) Записки Шишкова, т. I, стр. 265—266.
[2]) Тамъ же.

своихъ войскъ и двинется противъ непріятеля". Наполеонъ возразилъ: „Мои войска! мои войска! Развѣ думаютъ, что я еще имѣю армію? Развѣ та, которую я привелъ обратно изъ Германіи, не погибла почти вся отъ этой ужасной болѣзни, которая явилась довершить мѣру моихъ несчастій? Армія! Я буду очень счастливъ, если черезъ три недѣли отъ сего дня мнѣ удастся собрать тридцать или сорокъ тысячъ человѣкъ". Послѣднее какъ разъ и удалось осуществить Наполеону. Къ половинѣ Января ему удалось, наконецъ, собрать до семидесяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ не болѣе 50,000 были вполнѣ годны къ дѣйствію въ открытомъ полѣ. Съ этими войсками Наполеонъ хотѣлъ выгнать многочисленныхъ непріятелей изъ Франціи. Эти войска онъ послалъ противъ союзниковъ, занявшихъ уже городъ Лангръ.

Союзники, какъ уже извѣстно, перешли Рейнъ въ двухъ мѣстахъ. Главная или Богемская армія, бывшая подъ начальствомъ князя Шварценберга, перешла его у Базеля. Погода всѣ дни стояла дурная и неровная: снѣгъ смѣнялся дождемъ, морозы—оттепелью. Дороги страшно испортились. Союзники подвигались впередъ очень медленно. Мѣстность была холмистая, на пути встрѣчались рѣки. Каждая возвышенность Шварценбергу и его трусливымъ совѣтникомъ казалась почти непреодолимымъ препятствіемъ. За каждымъ пригоркомъ мерещились имъ многочисленныя полчища Наполеона и они ломали себѣ по нѣсколько дней голову, какими искуственными маневрами могутъ преодолѣть они воображаемую преграду. Императоръ Александръ находился при союзномъ войскѣ. Онъ то и дѣло побуждалъ главнокомандующаго къ большей предпріимчивости, къ быстрому наступленію. Пріучивъ себя съ молодыхъ лѣтъ переносить непогоду, государь большею частью ѣхалъ верхомъ, въ одномъ мундирѣ, и, по обыкновенію, былъ одѣтъ лучше всѣхъ. Казалось, что онъ былъ не на войнѣ, а спѣшилъ на веселый

праздникъ, и на переходахъ очаровывалъ всѣхъ своею привѣтливостью. Въ городахъ, гдѣ бывали ночлеги, Александръ принималъ мѣстныя власти и почетнѣйшихъ обывателей и обнадеживалъ ихъ своимъ покровительствомъ. Если ночью получались важныя донесенія,—сейчасъ же будили государя. Александръ, пренебрегая сномъ, вставалъ и, предшествуемый кѣмъ нибудь съ фонаремъ, ходилъ въ ненастную погоду по грязнымъ улицамъ деревень къ союзнымъ монархамъ или даже къ Шварценбергу. Разбудивъ ихъ онъ садился на ихъ кровать, читалъ имъ донесенія и условливался съ ними о мѣрахъ, требовавшихся обстоятельствами.

Союзники проходили по странѣ, совершенно не живописной, мало плодородной и бѣдной. Наши молодые офицеры, мечтавшіе такъ давно ознакомиться со всѣми прелестями Франціи, были видимо разочарованы. Обнаженныя, безлѣсныя возвышенности, каменистыя долины смѣняли безпрестанно другъ друга. Лишь изрѣдка попадались на пути селенія и города. Повсюду бросались въ глаза бѣдность и неопрятность. Города и деревушки утопали въ грязи. Невозможно было найти болѣе или менѣе порядочныхъ, удобныхъ квартиръ. Дома были выстроены дурно, безъ половъ, камины дымили, комнаты и мебель наполнены клопами. Вездѣ отвратительная грязь и нечистота. Жители этихъ домовъ производили столь-же невыгодное впечатлѣніе, какъ и ихъ жилища. Обыватели выглядывали крайне невзрачно. Необразованные, молчаливые, подавленные—они оживлялись только тогда, когда заходила рѣчь о Наполеонѣ. О своемъ великомъ императорѣ многіе не могли говорить иначе, какъ съ ругательствами и проклятіями. Всѣ жаловались на бѣдственныя времена, на невыносимую тяжесть поборовъ и налоговъ [1]).

[1]) «Я не встрѣтилъ во Франціи того»,—говоритъ Н. Н. Муравьевъ,—«чего ожидалъ по впечатлѣніямъ, полученнымъ о сей странѣ при изученіи географіи, въ года первой молодости. Жители были бѣдны, необходительны, лѣнивы и въ особенности

Войскамъ было приказано соблюдать порядокъ и дисциплину. Имъ строжайше было подтверждено о дружественномъ обхожденіи съ французами, но эти приказанія не всегда исполнялись. Выѣхавъ изъ „селенія Сентъ-Жомъ, въ которомъ было множество австрійцевъ“, Муравьевъ зашелъ въ домъ, стоявшій около лѣса, „чтобы обогрѣться. Мертвая тишина“, — говоритъ онъ,—„царствовала въ семъ мѣстѣ, она прерывалась только мѣрнымъ боемъ маятника стѣнныхъ часовъ и мяуканьемъ кота, который сидѣлъ на поваленномъ шкапѣ. Въ каминѣ былъ разведенъ большой огонь, у котораго сидѣлъ нагнувшись старикъ безъ всякаго движенія. Я остановился въ дверяхъ, пораженный ужасною картиной разоренія. Старикъ, услыша шумъ, хладнокровно повернулъ голову и, увидя меня, пригласилъ сѣсть къ огню. Я сѣлъ, и онъ, не обращая взгляда на меня, продолжалъ грѣться. Мы нѣсколько времени оставались въ такомъ положеніи, не говоря ни слова. Я, наконецъ, прервалъ молчаніе и спросилъ, кто онъ таковъ?“

— „Хозяинъ здѣшняго дома“.
— „Какъ тебя зовутъ?“
— „Бонне“.
— „Какого ты званія?“
— „Я арендаторъ“.
— „Гдѣ-же твое семейство?“
— „Не знаю“.

непріятны. Французъ въ состояніи просидѣть цѣлые сутки у окна безъ всякаго занятія и за работу вяло принимается. Ѣдятъ они весьма дурно вообще, какъ поселяне, такъ и жители городовъ; скряжничество ихъ доходитъ до крайней степени; нечистота же отвратительна какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ людей. Народъ вообще мало образованъ, немногіе знаютъ грамотѣ, и то нетвердо и неправильно пишутъ, даже городскіе жители. Они кромѣ своего селенія ничего незнаютъ и незнаютъ мѣстности и дорогъ далѣе 5 верстъ отъ своего жилища. Дома поселянъ выстроены мазанками и безъ половъ. Я спрашивалъ, гдѣ та очаровательная Франція, о которой намъ гувернеры говорили, и меня обнадеживали тѣмъ, что впереди будетъ, но мы подвигались впередъ и вездѣ видѣли то же самое». (См. Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго, Русскій Архивъ, 1886 г., № 2, стр. 75).

— „Какъ не знаешь, гдѣ-жъ ты былъ?“

— „Я ходилъ въ Шатильонъ и не болѣе часа тому какъ возвратился и нашелъ свой домъ въ положеніи, какъ вы его теперь видите; но семейства своего я болѣе не нашелъ. У меня была жена, двѣ взрослыя дочери, два небольшіе сына; куда же они дѣвались, не знаю; ихъ, можетъ быть, убили союзники, да и меня скоро туда-же приберутъ“.

„Тутъ старикъ обратился ко мнѣ и, осмотрѣвъ меня пристально съ головы до ногъ, спросилъ,—французъ ли я, или союзникъ“?

— „Союзникъ“,—отвѣчалъ я.

— „Ахъ“! сказалъ спокойно старикъ,—„много вы намъ зла надѣлали“, и задумался.

— „Старикъ“, — сказалъ я ему, — „огонь твой гаснетъ въ каминѣ, подложи дровъ“.

— „Сейчасъ, сударь“.

„Онъ всталъ, поднялъ стулъ, на которомъ самъ сидѣлъ и, съ силою ударивъ его о землю, разбилъ его въ дребезги, потомъ сталъ собирать куски и класть ихъ въ огонь. „Пускай горитъ“, приговаривалъ онъ съ досадою,—„по крайней мѣрѣ лишилъ я союзниковъ удовольствія разбить этотъ стулъ; такимъ образомъ сожгу я и всѣ остатки своего имущества. На что мнѣ оно, когда я семейства лишился“.

— „Нѣтъ-ли у тебя табаку“? спросилъ я, — „мнѣ хочется трубку набить“.

— „Былъ, сударь, спрятанъ табакъ за шкафомъ; не знаю, тутъ-ли онъ еще; я поищу“.

„Онъ нашелъ табакъ, я закурилъ трубку и поѣхалъ“ [1]).

Союзники стали подходить къ старинному французскому городу Лангру. Главнокомандующій вообразилъ, что въ этомъ городѣ непремѣнно находятся большія непріятельскія войска и сталъ подходить къ нему со всевозможными пре-

---

[1]) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Русскій Архивъ, 1886 г., № 2, стр. 76—77.

достороржностями. Волненіе и тревога его совѣтниковъ возрастали по мѣрѣ приближенія къ Лангру. Лазутчики доносили, что въ городѣ и его окресностяхъ находятся значительныя массы французской пѣхоты. Съ форпостовъ приходили извѣстія о сильныхъ непріятельскихъ разъѣздахъ, появляющихся въ различныхъ направленіяхъ. Эти грозныя вѣсти удвоили тревожное настроеніе и лихорадочную дѣятельность австрійской главной квартиры. Ежедневно и ежечасно предлагались и обсуждались новыя диспозиціи. Медленно и съ величайшими предосторожностями подступали союзныя колонны къ Лангру, поминутно останавливаясь на своемъ пути и готовясь къ рѣшительной встрѣчѣ съ многочисленнымъ непріятелемъ. Но время проходило, а о непріятелѣ не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, передовый отрядъ союзниковъ подошелъ къ самому Лангру. На небольшой возвышенности виднѣлся городъ, обнесенный старою стѣною и укрѣпленный сверхъ того нѣсколькими земляными шанцами. Мертвая тишина господствовала въ городѣ и безжизненной окрестности; ни одинъ выстрѣлъ, ни одно движеніе не обнаруживало присутствія непріятеля. Возникло придположеніе о засадѣ, о военной хитрости...

Князь Шварценбергъ послалъ парламентера въ Лангръ. Трубачъ подалъ парламентерскій сигналъ. Только теперь обнаружился первый признакъ жизни въ городѣ. Раздался пушечный выстрѣлъ, но ядро пролетѣло мимо. Трубачъ протрубилъ во второй разъ. Тогда изъ города вышелъ офицеръ, оказавшійся комендантомъ Лангра. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего лишь 180 человѣкъ солдатъ, онъ не въ состояніи былъ обороняться. И комендантъ безусловно сдался со всѣмъ своимъ маленькимъ отрядомъ. Вечеромъ 5-го (17-го) Января передовый отрядъ союзниковъ занялъ безъ выстрѣла городъ Лангръ, который своими мнимыми военными силами такъ тревожилъ и пугалъ австрійскую главную квартиру. Князь Шварценбергъ расположилъ свои войска въ окрес-

ностяхъ Лангра, разсчитывая не трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не приблизится Силезская армія и не съѣдутся въ Лангрѣ союзные монархи и дипломаты, отъ рѣшенія которыхъ должны были зависѣть всѣ дальнѣйшія военныя дѣйствія.

Движенія Силезской арміи, переправившейся черезъ Рейнъ у Кобленца, представляли полнѣйшую противоположность операціямъ главной арміи. Блюхеръ, главнокомандующій ея, быстро повелъ впередъ свои войска. Стремясь впередъ, онъ пользовался каждою оплошностью своего противника. Маршалъ Викторъ, отступая передъ Блюхеромъ, оставилъ въ цѣлости мосты на Маасѣ. Блюхеръ немедлено перевелъ свои войска на лѣвую сторону этой рѣки, повернулъ на Сенъ-Дизье и Жуанвиль и уже 15-го (25-го) Января передовыя войска его появились въ окресностяхъ Шомона и Лангра и вошли въ связь съ войсками главной арміи.

10-го (22-го) Января императоръ Александръ прибылъ въ Лангръ, и провелъ здѣсь пять дней. Къ нему присоединились также король прусскій и императоръ австрійскій. Сюда, по приглашенію государя, прибылъ и извѣстный Лагарпъ [1]). Радость Александра снова увидѣть своего бывшаго наставника, съ которымъ онъ не встрѣчался съ 1802 года, была вполнѣ искренней и неподдѣльной. Узнавъ о пріѣздѣ Лагарпа, съ которымъ можно было ему свидѣться только на слѣдующій день, государь писалъ ему: „Не нахожу словъ выразить вамъ все счастіе, которое я испытываю при мысли имѣть наконецъ возможность заключить васъ въ свои объятія и повторить вамъ на словахъ мою признательность за все то, чѣмъ я обязанъ вамъ, ибо во всѣхъ труд-

---

[1]) Меттернихъ былъ недоволенъ пріѣздомъ Лагарпа. Онъ боялся, какъ бы императоръ Александръ, бывшій, по его мнѣнію, и безъ того преисполненнымъ революціонныхъ идей, не подпалъ бы большему вліянію завзятаго швейцарскаго республиканца.

ныхъ минутахъ моей жизни меня поддерживала и возбуждала мою бодрость лишь одна мысль—не явиться недостойнымъ вашихъ заботъ".

Представляя Лагарпа въ Лангрѣ прусскому королю и его сыновьямъ, императоръ Александръ выразилъ чувства любви и признательности къ своему бывшему наставнику въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ словахъ: „всѣмъ, что я знаю и всѣмъ, что, быть можетъ, во мнѣ есть хорошаго, я обязанъ г. Лагарпу".

Союзники, во время пребыванія въ Лангрѣ, занялись разрѣшеніемъ вопроса: довольствоваться ли пріобрѣтенными успѣхами и заключить миръ съ Наполеономъ, или продолжать войну, имѣя въ виду возстановить тотъ порядокъ вещей въ Европѣ, который существовалъ до революціи. На сторонѣ заключенія мира съ Наполеономъ было большинство. Но императоръ Александръ, поддерживаемый Штейномъ, Разумовскимъ и Понцо-ди-Борго, стоялъ, по прежнему, за войну и требовалъ быстрыхъ и рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій. Сторонники мира, не желая расходиться съ государемъ, предложили полумѣру: они соглашались на энергическое продолженіе войны, но требовали, чтобы въ то же время открыты были и мирные переговоры съ Наполеономъ. Государь не сталъ противиться этому требованію. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что Наполеонъ, никогда и ни за что не согласится на основное требованіе союзниковъ—на то, чтобы Франція введена была въ свои до-революціонные предѣлы, чтобы она отказалась отъ всѣхъ своихъ завоеваній, начиная съ 1792 года. Мирные переговоры предположено было открыть въ Шатильонѣ.

Едва принято было союзниками это важное рѣшеніе, какъ ночью съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е) Января донесли императору Александру о начатіи Наполеономъ наступательныхъ дѣйствій. Государь въ мрачную бурную ночь немедленно отправился въ главную квартиру князя Шварценберга. Вслѣдъ

затѣмъ союзные уполномоченные выѣхали въ Шатильонъ. Такимъ образомъ военныя дѣйствія и дипломатическіе переговоры открылись почти одновременно и оставались въ неразрывной связи въ продолженіи всего похода 1814 года.

Наполеонъ, занятый всевозможными дѣлами, а всего болѣе организаціею своихъ военныхъ силъ, оставался въ Парижѣ до 13-го (25-го) Января. Узнавъ, что враги проникли въ самую глубь его имперіи, что союзники стояли въ предѣлахъ старой Франціи, онъ рѣшился оставить Парижъ и стать во главѣ своей арміи. Наполеонъ тѣмъ или инымъ способомъ хотѣлъ положить конецъ ихъ успѣхамъ, хотѣлъ выгнать союзниковъ изъ Франціи. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ. Но приверженцы его смотрѣли на положеніе дѣлъ иначе, нежели онъ. Многіе изъ нихъ боялись за него самого и за его династію. Что станется, думали они, съ императоромъ и его династіею, если союзники успѣютъ завладѣть Парижемъ, или если они явятся съ большими силами подъ стѣнами этого города. Нашлись смѣльчаки, которые рѣшились повергнуть этотъ вопросъ на усмотрѣніе императора, какъ-разъ передъ отъѣздомъ его изъ столицы. Наполеонъ вспыхнулъ, „Это можетъ случиться лишь тогда“.— воскликнулъ онъ съ негодованіемъ,—„когда императоръ и имперія не будутъ уже существовать. Пока я живъ, до тѣхъ поръ этого не случится“. Подумавъ немного, Наполеонъ добавилъ: „допустимъ, что я потеряю генеральное сраженіе и паду самъ въ битвѣ, что союзникамъ будетъ открытъ свободный путь къ Парижу. Въ такомъ случаѣ императрица и ея сынъ должны удалиться поспѣшно за Луару. Тамъ должны собраться вокругъ нихъ правительство и армія и продолжать борьбу съ нашествіемъ. Что-же касается до Парижа, то онъ будетъ предоставленъ его участи“.

Передъ отъѣздомъ въ армію Наполеонъ назначилъ императрицу Марію-Луизу регентшею, а брата своего Іосифа,

бывшаго короля испанскаго, императорскимъ намѣстникомъ. На Іосифа возложены были всѣ заботы о дальнѣйшихъ вооруженіяхъ. Ему подчинены были всѣ гвардейскіе депо и національная гвардія города Парижа [1]).

Передъ самымъ выѣздомъ изъ столицы Наполеонъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ парижской національной гвардіи на торжественное богослуженіе въ придворную церковь Тюльирійскаго дворца. По окончаніи богослуженія, офицеры были собраны въ такъ называемомъ маршальскомъ залѣ. Едва только построились они въ ряды, какъ одновременно открылись двѣ двери на противоположныхъ сторонахъ залы. Въ одну дверь вошелъ Наполеонъ, ведя подъ руку императрицу; въ другую вступила мадамъ де-Монтескью, держа на рукахъ римскаго короля. Среди всеобщей глубокой тишины Наполеонъ подошелъ къ своему сыну, велѣлъ поставить его на полъ, взялъ его за руку, а за другую руку взяла его императрица и обратился къ офицерамъ съ такими словами:

„Господа офицеры національной гвардіи города Парижа! съ удовольствіемъ вижу я васъ вокругъ себя. Я разсчитываю выѣхать въ эту ночь, дабы стать во главѣ моей арміи. Оставляя столицу, я оставляю съ довѣріемъ въ вашей средѣ мою жену и моего сына, на которыхъ возлагается столько надеждъ. Я плачу этимъ довѣріемъ за ту преданность, которую оказывали вы мнѣ во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни. Я уѣзжаю спокойно, зная, что они будутъ находиться подъ вашею охраною. Я оставляю вамъ и поручаю вашимъ заботамъ то, что для меня послѣ Франціи дороже всего въ мірѣ. Можетъ случиться, что непріятель, пользуясь моими маневрами, найдетъ случай приблизиться къ вашимъ стѣнамъ. Если это случится, помните, что такая случайность можетъ

---

[1]) Національная гвардія — войско изъ мѣстныхъ жителей какой-либо страны, охраняющее въ ней порядокъ. Во Франціи національная гвардія появилась при началѣ революціи — въ 1789 году.

продолжаться лишь нѣсколько дней, ибо я не замедлю поспѣшить къ вамъ на помощь. Я совѣтую вамъ дѣйствовать согласно и противиться всѣмъ попыткамъ, направленнымъ къ вашему разъединенію. Не будетъ недостатка въ стремленіяхъ поколебать вашу вѣрность, но я увѣренъ, что вы отвергнете всѣ подобныя коварныя внушенія".

Наполеонъ говорилъ свою рѣчь съ видимымъ одушевленіемъ. Произнося послѣднія слова, онъ взялъ на руки малютку и прошелъ съ нимъ вдоль рядовъ офицеровъ. Энтузіазмъ овладѣлъ присутствующими при этомъ зрѣлищѣ. Восторженные клики: да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императрица! да здравствуетъ король римскій! раздались въ залѣ. Наполеонъ достигъ своей цѣли. Ему казалось, что эти возгласы громко свидѣтельствуютъ о преданности парижскаго населенія его особѣ и его династіи.

Не безъ тяжелаго чувства покидалъ Наполеонъ Тюльирійскій дворецъ. Какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, что все кончено, что онъ никогда не увидитъ болѣе этихъ роскошныхъ залъ, что онъ разстается на—вѣки съ своимъ сыномъ. Самоувѣренность, никогда не покидавшая его, поколебалась въ моментъ отъѣзда. „Прощайте господа",— сказалъ Наполеонъ собравшимся вокругъ него министрамъ и сановникамъ, — „быть можетъ увидимся!" Было что-то странное, безнадежное въ тонѣ, которымъ произнесены были эти слова. Нѣкоторымъ изъ присутствующихъ вокругъ показалось, что они въ послѣдній разъ видятъ своего повелителя. „Прощаніе Наполеона съ императрицею и маленькимъ принцемъ, съ женою и ребенкомъ, какъ выражался онъ самъ, было долгое и мучительное; онъ едва могъ оторваться отъ нихъ, и императрица все вновь обнимала его. Быть можетъ, онъ предчувствовалъ уже тогда, что онъ никогда не увидитъ болѣе ихъ обоихъ" [1]).

---

[1]) Надлеръ. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, т. IV, стр. 201—202.

Наполеонъ путешествовалъ съ необыкновенною быстротою. 13-го (25-го) Января вечеромъ онъ выѣхалъ изъ Парижа, а уже на другое утро былъ въ Шалонѣ. Всѣхъ войскъ въ распоряженіи его было около 71,000 человѣкъ. Наполеонъ зналъ, что непріятель, стоявшій вблизи отъ него, располагаетъ почти что тройнымъ количествомъ силъ, однако, не колеблясь ни минуты, онъ порѣшилъ тотчасъ-же перейти въ наступленіе. Съ недоумѣніемъ встрѣтили его маршалы, ожидавшіе, что онъ явится къ арміи въ сопровожденіи цѣлыхъ массъ свѣжаго войска. Еще только что прочли они въ газетахъ, что въ Шалонѣ сформированъ цѣлый лагерь. Маршалъ отважился спросить императора, что означаетъ это извѣстіе и какъ велики подкрѣпленія, приведенныя имъ къ арміи.

— „Я не привелъ никакихъ подкрѣпленій, — отвѣчалъ ему спокойно Наполеонъ. „Я пріѣхалъ въ Шалонъ одинъ".

— „Но съ кѣмъ же пойдете вы на непріятеля"? возразилъ ему маршалъ.

— „Мы попытаемъ счастье съ тѣмъ, что у насъ есть подъ руками. Быть можетъ, оно будетъ благоволить намъ".

Наполеонъ хотѣлъ атаковать Силезскую армію до соединенія ея съ главною арміею. Но уже съ 15-го (27-го) Января Блюхеръ находился въ Бріеннѣ, составляя какъ бы авангардъ арміи Шварценберга. Здѣсь онъ былъ 17-го (29-го) Января атакованъ Наполеономъ и едва не попалъ въ плѣнъ. Ночью Блюхеръ отступилъ къ Транну для сближенія съ главною арміею. Французы слѣдовали за отступавшими войсками до селенія Ла-Ротьеръ. Союзники сосредоточили здѣсь до 90,000 человѣкъ, а у Наполеона было не болѣе 40,000.

По настоянію императора Александра, 20-го Января (1-го Февраля) произошло сраженіе при Ла-Ротьерѣ. Утро этого дня было пасмурное, дулъ холодный вѣтеръ и шелъ даже снѣгъ. Но вскорѣ небо прояснилось и союзники уви-

дѣли стройныя массы непріятелей. Союзная армія пошла въ атаку съ музыкой и развернутыми знаменами. Русскіе полки шли съ пѣснями, въ такомъ порядкѣ и съ такою стройностію, какъ на маневрахъ; особенно бодро шла наша артиллерія и пѣхота. Генералу Сакену удалось прорвать центръ непріятеля. Въ то же время было опрокинуто лѣвое крыло французовъ, и вскорѣ всѣ селенія у Бріення перешли въ руки союзниковъ. Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе. Союзникамъ досталось около 6,000 плѣнныхъ и 63 орудія [1]). Но

[1]) Послѣ сраженія на квартиру великаго князя нечаяннымъ образомъ пришли два раненые солдата. «Упоминаю о нихъ»,—говоритъ Н. Н. Муравьевъ,—«какъ о примѣрѣ необыкновеннаго терпѣнія. Константинъ Павловичъ сидѣлъ у камина и, подозвавъ къ себѣ солдатъ, распрашивалъ ихъ о ранахъ и о сраженіи и, какъ они пришли въ полной амуниціи и отвѣчали бойко, то они понравились великому князю, который велѣлъ доктору своему Кучковскому перевязать ихъ. У одного (онъ былъ Крымскаго пѣхотнаго полка) сидѣла пуля во лбу, такъ что больше половины оной застряло въ кости. Кучковскій прежде всего разрѣзалъ и взодралъ ему въ четыре стороны кожу на лбу и, оголивъ такимъ образомъ кость, схватилъ въ острые клещи пулю, которую сталъ тащить, но не вытащилъ. Пуля шевелилась, но не отдѣлялась отъ кости. Тогда Кучковскій приказалъ двумъ человѣкамъ держать раненаго за голову, а самъ съ помощію фельдшера воткнулъ по острому кривому шилу съ каждой стороны въ пулю и, упирая шилами въ лобъ, они оба стали всѣми силами выламывать ее; но и этотъ способъ не удался, и солдатъ остался съ пулею. Во все время операціи раненый не показалъ вида страданія, а только просилъ лѣкаря: «Ваше благородіе, не замай; у меня будетъ лобъ свинцовый». Кучковскій оставилъ его и обѣщался ему на другой день вынуть пулю. Солдатъ легъ въ какомъ-то холодномъ чуланчикѣ, положивъ себѣ подъ голову ранецъ. На другой день, взявъ ружье свое, онъ сталъ передъ Кучковскимъ и просилъ его исполнить данное обѣщаніе. Лѣкарь приказалъ ему лечь, выпилилъ ему лобовую кость около пули кругомъ и вынулъ ее съ частью кости, причемъ раненаго никто не держалъ, и онъ не испустилъ ни малѣйшаго крика. Онъ всталъ, поблагодарилъ лѣкаря и пошелъ къ казеннымъ ящикамъ, около которыхъ собирались раненые».

«Другой солдатъ былъ рекрутъ. Съ нимъ варварски поступили. Пуля попала ему въ руку пониже плеча и остановилась въ кости, которую она раздробила. Кучковскій сперва прорѣзалъ ему руку съ одной стороны до кости и, запустивъ два пальца въ новую рану, схватилъ пулю, но не могъ ее вынуть. «Экая шельма»,—сказалъ онъ,—«не хочетъ выходить, постой же, я ее съ другой стороны достану», и въ мигъ прорѣзалъ такую же рану съ противной стороны. Запустивъ въ обѣ раны пальцы, долго копался онъ, хватался за пулю, но не могъ ее достать. «Постой же, негодная»,—сказалъ онъ,—«ты и сюда лѣзть не хочешь, такъ выходи же сама». Онъ тогда перевязалъ солдату раздробленную руку и отпустилъ его. Солдатъ казался довольнымъ, поблагодарилъ лѣкаря и пошелъ. Но мнѣ Кучковскій

они не воспользовались одержанною побѣдою и подавляющимъ превосходствомъ своихъ силъ. Союзники начали преслѣдованіе разбитаго непріятеля такъ поздно и вели его такъ вяло, что Наполеонъ имѣлъ полную возможность перевести спокойно войска свои черезъ Объ у Лемона по единственному мосту и достигнуть затѣмъ благополучно Труа. Тутъ онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своей разстроенной арміи и соединился съ войсками маршала Мортье. Даже Мармонъ, оставленный почти на жертву, успѣлъ переправиться черезъ Луару и соединиться съ императоромъ. Онъ былъ спасенъ не столько своими искусными распоряженіями, сколько оплошностью своихъ преслѣдователей.

Вѣсть о пораженіи, понесенномъ Наполеономъ при Ла-Ротьерѣ, всего лишь въ шести переходахъ отъ Парижа, распространила ужасъ и смятеніе по всей странѣ. Въ самой столицѣ господствовала паника и Іосифъ Бонапарте готовился уже отправить императрицу и ея сына изъ города. Повсюду зашевелились сторонники прежней французской династіи—Бурбонской. Жители Труа, несмотря на присутствіе самого императора, относились съ явнымъ недоброжелательствомъ къ собственнымъ войскамъ и съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія союзниковъ. Все предвѣщало, повидимому, скорый конецъ борьбы. Еще нѣсколько дружныхъ усилій союзниковъ, и судьба Франціи и Наполеона должна была рѣшиться [1]).

Но союзники-то и спасли Наполеона. Они не только вяло преслѣдовали разбитыя французскія войска, но, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, составили въ Бріеннѣ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: „какъ продолжать войну“?... И

сказалъ, что онъ долженъ умереть отъ этой раны. Я удивился терпѣнію обоихъ раненыхъ, отъ которыхъ во время операціи не было слышно ни малѣйшей жалобы». (См. Записки Муравьева-Карскаго, Русскій Архивъ, 1886 г., № 2, стр. 78—79).

[1]) Надлеръ. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, т. IV, стр. 220—221.

рѣшили: обѣ союзныя арміи, едва соединившіяся, раздѣлятся опять и разойдутся въ противоположныя стороны. Каждая изъ нихъ будетъ продолжать наступленіе къ Парижу, одна долиною Марны, другая долиною Сены. Вслѣдствіе этого главная армія пошла дальше черезъ Бріеннь, Баръ-сюръ-Объ и Труа, а Блюхеръ съ корпусами Сакена и Олсуфьева направился къ Шалону. Онъ предполагалъ соединиться въ Вертю съ другими корпусами и вмѣстѣ съ ними идти на Парижъ.

Наполеонъ, узнавъ объ этихъ движеніяхъ союзниковъ, обрадовался и рѣшилъ немедленно воспользоваться ихъ оплошностію. Замѣтя, что Блюхеръ, преслѣдуя Макдональда, сильно растянулъ свою армію, онъ ударилъ на разобщенный корпусъ Олсуфьева, у котораго было только 3,690 человѣкъ и 24 орудія. Это было при Шампоберѣ. Захваченный совершенно врасплохъ, Олсуфьевъ выдвинулъ противъ непріятеля половину своего отряда и, собравъ на совѣтъ всѣхъ бывшихъ при немъ генераловъ, предложилъ имъ вопросъ, что дѣлать? Всѣ они единогласно предлагали отступить на Этожъ къ Вертси, чтобы соединиться тамъ съ другими войсками. Такое отступленіе еще было возможно; Наполеонъ не успѣлъ еще придвинуть къ мѣсту боя всѣ свои войска. Но Олсуфьевъ не рѣшился послѣдовать совѣту генераловъ;— онъ боялся нарушить приказаніе Блюхера, который велѣлъ ему, во что бы то ни стало, держаться въ Шампоберѣ, не желая вѣрить, чтобы самъ Наполеонъ могъ быть такъ близко. И Олсуфьевъ вступилъ въ борьбу съ непріятелемъ, въ шесть разъ превосходившимъ его своею численностью. Исходъ борьбы не могъ подлежать сомнѣнію. Русскіе солдаты дрались какъ львы и покрыли себя безсмертною славой. Не имѣя при себѣ кавалеріи, они отражали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безчисленныя атаки непріятельской конницы и пѣхоты. Громимые артиллеріею, изстрѣлявъ всѣ патроны, окруженные отовсюду врагами, они оборонялись штыками

и прикладами до тѣхъ поръ, пока не изсякли послѣднія ихъ силы. Наступила темнота, когда горсть русскихъ была наконецъ окончательно сломлена непріятелями. 1,200 храбрецовъ успѣли, однакоже, штыками проложить себѣ дорогу и укрыться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія въ сосѣднемъ лѣсу; 600 человѣкъ легло на мѣстѣ. Всѣ остальные, по большей части раненые, взяты были въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ были самъ Олсуфьевъ и генералъ Полторацкій.

Наполеонъ придалъ серьезное значеніе этой своей побѣдѣ и не хотѣлъ вѣрить, чтобы корпусъ Олсуфьева былъ такъ ничтоженъ. Пригласивъ его къ себѣ ужинать, онъ спросилъ у него.

— „Сколько васъ сегодня было въ дѣлѣ?"

Олсуфьевъ отвѣтилъ.

— „Вздоръ" — замѣтилъ Наполеонъ, — „этого быть не можетъ: вашъ корпусъ состоялъ по крайней мѣрѣ изъ 18,000 человѣкъ".

— „Русскій офицеръ не говоритъ вздора", — отвѣчалъ Олсуфьевъ, — „слова мои — настоящая истина. Впрочемъ, кромѣ меня, у васъ есть другіе плѣнные; отъ нихъ вы можете узнать то же самое, и удостовѣриться въ истинѣ".

— „Если это справедливо", — возразилъ Наполеонъ, — „то, по чести, можно сказать, что одни русскіе умѣютъ такъ жестоко драться. — Я прозакладывалъ-бы голову, что васъ было по крайней мѣрѣ 18,000".

Побѣдой при Шампоберѣ Наполеонъ разрѣзалъ Силезскую армію на двѣ части: Сакенъ былъ на лѣво отъ него, Блюхеръ—на право. Сначала Наполеонъ ударилъ на Сакена у Монмираля и разбилъ его, а на другой день [1]) обрушился на генерала Іорка при Шато-Тьери (на Марнѣ). Оба корпуса были поставлены въ затруднительное положеніе; кругомъ возставали крестьяне и угоняли отъ нихъ скотъ. Изнурен-

---

[1]) 31-го Января (12-го Февраля).

ные голодомъ и походомъ, солдаты шли по дурнымъ дорогамъ безлѣсной Шампаньи, безъ топлива и обуви, заболѣвая цѣлыми сотнями. Черезъ два дня [1]) Наполеонъ напалъ при Вошанѣ [2]) на Блюхера и, послѣ страшнаго дѣла, стоившаго союзникамъ до 6-ти тысячъ убитыми и ранеными, заставилъ его отступить на востокъ къ Этожу.

Четыре послѣдовательныя побѣды, одержанныя Наполеономъ, расшатали Силезскую армію [3]), и подняли духъ французовъ. Самъ Наполеонъ мечталъ уже о возвращеніи прежней своей славы и утраченныхъ завоеваній. Послѣ сраженія при Шампоберѣ онъ за ужиномъ сказалъ своимъ маршаламъ, что „если завтра намъ повезетъ также противъ Сакена, какъ повезло сегодня противъ Олсуфьева, то союзники уйдутъ обратно за Рейнъ скорѣе, нежели они пришли, а я буду опять на Вислѣ". Но замѣтивъ, что эти слова его не были встрѣчены сочувственно его сподвижниками, Наполеонъ прибавилъ: „и потомъ я заключу миръ при условіи естественной границы Рейна".

Считая Силезскую армію уничтоженною, Наполеонъ оставилъ въ долинѣ Марны только 20 тысячъ войска, а самъ съ гвардіей и кавалеріей поспѣшилъ за главной арміей. Въ полтора сутокъ онъ прошелъ около 90 верстъ; кавалерія шла день и ночь съ небольшими отдыхами, а пѣхоту везли на подводахъ. 4-го (16-го) Февраля Наполеонъ сосредоточилъ въ Гинь болѣе 60,000 человѣкъ и на другой день перешелъ въ наступленіе. Шварценбергъ располагалъ сравнительно съ Наполеономъ двойными силами, тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ отвести армію въ Труа и приказалъ Блюхеру примкнуть къ нему. Частныя неудачи, испытанныя [4]) графомъ

---

[1]) 2-го (14-го) Февраля.

[2]) На дорогѣ между Шампоберомъ и Монмиралемъ.

[3]) Силезская армія за это время потеряла 15,000 человѣкъ и 50 орудій. Хотя она была сильно разстроена, но, благодаря прибывшимъ подкрѣпленіямъ, вскорѣ оправилась и была готова къ новому наступленію.

[4]) 5-го (17-го) Февраля.

Паленомъ при Морманѣ и [1]) наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ у Монтеро, окончательно подорвали всякую предпріимчивость австрійскаго фельдмаршала. 11-го (23-го) Февраля Шварценбергъ приказалъ перевести армію на правый берегъ Сены.

12-го (24-го) Февраля, утромъ, передъ выѣздомъ изъ Труа, у короля прусскаго происходило совѣщаніе. На этомъ совѣщаніи присутствовали союзные монархи, Шварценбергъ и [illegible] генераловъ и министровъ. Здѣсь рѣшено было отправить письмо къ Бертье съ предложеніемъ перемирія. Всѣ упали духомъ и говорили о необходимости заключить миръ съ Наполеономъ. Одинъ только императоръ Александръ стоялъ, по прежнему, за продолженіе войны и говорилъ о необходимости довести ее до низложенія Наполеона. Лордъ Кестельри, англійскій уполномоченный, совѣтовалъ государю не отвергать мира и не ожидать необходимости перейти обратно за Рейнъ. Лордъ присовокупилъ: „я имѣю приказаніе парламента пользоваться обстоятельствами, благопріятствующими заключенію мира, который въ настоящее время тѣмъ болѣе необходимъ, что я вижу нашу коалицію готовою распасться“.

— „Милордъ“,—отвѣчалъ ему съ твердостью государь,— „это не будетъ миръ; это будетъ перемиріе, которое позволитъ вамъ положить оружіе лишь временно. Я не могу бѣжать къ вамъ на помощь, имѣя передъ собою четыреста лье, которыя я долженъ пройти съ моими войсками. Я не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ находиться на престолѣ“.

Тѣмъ не менѣе переговоры о перемиріи начались, но они ни къ чему не привели и прервались 21-го Февраля (5-го Марта).

Поспѣшное отступленіе главной союзной арміи, какъ

---

[1]) 6-го (18-го) Февраля.

будто послѣ проиграннаго сраженія, приводило къ дурнымъ послѣдствіямъ. Отступая по опустошенной странѣ, въ холодную погоду, войска изнурились и разстроились. Появилось множество больныхъ, отсталыхъ и мародеровъ. Дальнѣйшее отступленіе могло совершенно погубить армію, могло обратить ее въ необузданное скопище людей. Въ виду этого въ Баръ-сюръ-Объ былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ окончательно былъ установленъ новый планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій союзныхъ армій.

Въ началѣ совѣщанія мнѣнія были неодинаковы; большая часть присутствовавшихъ на совѣтѣ находила выгоднымъ отступить обѣимъ арміямъ. Императоръ Александръ былъ противъ этого и рѣшительно сказалъ: „Въ случаѣ отступленія я отдѣлюсь отъ главной арміи со всѣми находящимися здѣсь русскими войсками, гвардіею, гранадерами и корпусомъ графа Витгенштейна, соединюсь съ Блюхеромъ и пойду на Парижъ. Надѣюсь“,—присовокупилъ онъ, обратясь къ королю прусскому, „что ваше величество, какъ вѣрный союзникъ, явившій мнѣ многіе опыты дружбы своей, не откажетесь идти со мною“.

Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣтилъ, что „онъ не разстанется съ государемъ и давно уже предоставилъ свои войска въ распоряженіе его величества“.

— „Для чего же оставлять меня одного?“ сказалъ тогда императоръ Францъ.

По рѣшенію этого совѣта обѣ арміи, Главная и Силезская, помѣнялись ролями: армія Блюхера обращалась въ Главную, а армія Шварценберга въ вспомогательную. Такое рѣшеніе было единственнымъ средствомъ къ соглашенію мнѣній двухъ главнокомандующихъ, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ наступать, а другой во что бы то ни стало отступать. Государь, сдѣлавъ эту уступку Шварценбергу, требовалъ, однако, отъ него, чтобы въ случаѣ движенія Наполеона противъ Блюхера, онъ немедленно возобновилъ съ

своей арміей наступательныя дѣйствія. Иначе онъ отберетъ свои войска и присоединитъ ихъ къ Силезской арміи.

Послѣ этого совѣщанія императоръ Александръ поѣхалъ въ Шомонъ и пробылъ тамъ двѣ недѣли. Тутъ 17-го Февраля (1-го Марта) союзники скрѣпили коалицію особымъ договоромъ, заключеннымъ на двадцать лѣтъ. По этому договору Россія, Австрія, Англія и Пруссія обязались, въ случаѣ несогласія Франціи на предложенныя ей мирныя условія, выставлять противъ общаго непріятеля по 150,000 человѣкъ каждая. Англія, сверхъ того, обязалась уплатить прочимъ союзнымъ державамъ въ 1814 году пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ субсидіи.

Между тѣмъ Наполеонъ, занявши 12-го (24-го) Февраля Труа, надѣялся вовлечь Шварценберга въ генеральное сраженіе. Убѣдившись наконецъ въ невозможности этого, онъ направилъ противъ него Удино и Макдональда съ 40,000, а самъ съ 35,000 двинулся вновь противъ Блюхера, который съ 50,000 перешелъ Объ и двигался къ Сезану (на Марнѣ). Онъ намѣревался у Суасона перейти черезъ Энъ и соединиться съ корпусами Винцингероде и Бюлова. На этотъ разъ дѣйствія Наполеона были не такъ счастливы, какъ прежде. Упоенный недавними успѣхами, Наполеонъ утѣшалъ свою армію мыслію, что съ часу на часъ Русскіе и Пруссаки будутъ окружены и уничтожены. Дѣйствительно, на Энѣ не было ни однаго моста, кромѣ Суасонскаго, а городъ былъ въ рукахъ французовъ. Наполеонъ разсчитывалъ припереть Блюхера къ рѣкѣ и подвергнуть весь его корпусъ уничтоженію. Но Винцингероде и Бюловъ овладѣли Суассономъ, и Блюхеръ успѣлъ перейти на правый берегъ Эна и расположиться между Суассономъ и Кроаномъ. Тщетно Мармонъ и Мортье пытались отнять Суассонъ у 8,000 русскихъ, находившихся подъ начальствомъ храбраго Рудзевича. Также безуспѣшна была и попытка Наполеона разбить Блюхера. Сраженіе произошло 23-го Февраля (7-го

Марта) у Кроана. Въ 10 часовъ утра непріятель началъ битву убійственнымъ огнемъ. Большая часть Блюхеровой арміи шла въ обходъ лѣваго фланга непріятеля. Передъ Наполеономъ находились только русскіе корпуса Сакена и Воронцова. Наполеонъ посылалъ атаковать сначала лѣвое крыло Сакена, потомъ правое, затѣмъ снова лѣвое и центръ. Нѣкоторые полки его дѣлали по 8 атакъ одна за другою, но русскіе съ неимовѣрною стойкостію отражали натискъ непріятеля и заставили Наполеона къ вечеру прекратить наступленіе.

Блюхеръ отступилъ къ Лаону, который представлялъ болѣе средствъ къ защитѣ. Расположенный на горѣ, онъ былъ окруженъ каменной стѣной съ нѣсколькими башнями и по сторонамъ имѣлъ нѣсколько возвышенностей, господствующихъ надъ мѣстностію. Блюхеръ страдалъ глазами; но, не смотря на свою болѣзнь, рѣшился атаковать Наполеона прежде, нежели Мармонъ приведетъ къ нему подкрѣпленія. Сраженіе началось 25-го Февраля (9-го Марта) въ 11 часовъ утра, лишь только разсѣялся туманъ, и длилось цѣлый день, безъ рѣшительнаго перевѣса на чью-либо сторону. Союзники удержали свои позиціи, а французы держались въ деревняхъ, впереди ихъ фронта. Ночью Блюхеръ отправилъ Сакена и графа Ланжерона на сѣверовостокъ, къ селенію Атисъ, куда только что прибылъ Мармонъ. Русскіе должны были напасть на него врасплохъ и разбить его, послѣ чего Блюхеръ ударилъ бы на самаго Наполеона. Часть плана была приведена въ исполненіе. Мармонъ, утомленный длиннымъ переходомъ, только что расположился на отдыхъ и не помышлялъ о сопротовленіи. Захваченные врасплохъ, французы бѣжали, оставивъ союзникамъ 45 пушекъ, массу военныхъ снарядовъ и до 2,000 плѣнныхъ. На другой день, въ 9 часовъ утра, Наполеонъ возобновилъ нападеніе, но въ цѣлый день не сдѣлалъ ни одного шага впередъ.

Движеніе Наполеона за Силезской арміей отъ Труа къ Суассону и два дѣла—у Краона и Лаона чрезвычайно изнурили его армію и вообще обошлись дорого. Наполеонъ потерялъ 46 орудій и 12,000 убитыми и ранеными. Отдохнувши двое сутокъ съ своей арміей въ Реймсѣ, при которомъ онъ нанесъ противнику ничтожное пораженіе, Наполеонъ 5-го (17-го) Марта обратился снова противъ Шварценберга.

Въ это время пришло извѣстіе, что переговоры на конгрессѣ въ Шатильонѣ совершенно прервались. Теперь окончательно рѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ предоставлялось одному мечу.

Князь Шварценбергъ, узнавши, между тѣмъ, объ успѣхахъ Блюхера, ободрился, и, подстрекаемый императоромъ Александромъ, рѣшился атаковать Наполеона при переправѣ его черезъ Объ. Враги стали сближаться у города Арсисъ на Обѣ. 8-го (20-го) Марта произошло сраженіе, не имѣвшее рѣшительнаго исхода, потому что обѣ стороны поджидали подкрѣпленій: Наполеонъ—Макдональда, союзники 3 корпуса принца Виртембергскаго.

На слѣдующій день Наполеонъ готовился возобновить бой, но, убѣдившись въ огромномъ превосходствѣ силъ союзниковъ, внезапно обратился къ выполненію задуманнаго имъ другого плана дѣйствій. Онъ приказалъ начать отступленіе днемъ, въ виду всей сто-тысячной арміи его противниковъ. Замѣтя отступленіе французовъ, Шварценбергъ, вмѣсто того, чтобы обрушиться на нихъ тотчасъ же всѣми своими силами, созвалъ корпусныхъ командировъ на „краткое совѣщаніе“, продолжавшееся два часа. И только въ третьемъ часу по полудни началось общее наступленіе союзныхъ войскъ; но было уже поздно: въ это время Наполеонъ успѣлъ уже перевести большую часть своихъ войскъ на правую сторону р. Объ. Въ этотъ день императоръ Александръ по нездоровью не присутствовалъ на позиціи. Это печальное

обстоятельство позволило Шварценбергу, не стѣсняясь, придумывать полумѣры и уклоняться отъ рѣшенія покончить войну однимъ ударомъ. Будь государь 9-го (21-го) Марта на полѣ сраженія, — врядъ-ли Наполеону удалось бы съ 30,000 арміею благополучно совершить свое смѣлое отступленіе.

Наполеонъ отступалъ на сѣверо-востокъ, по дорогѣ къ Витри. Не разсчитывая, чтобы союзники осмѣлились идти къ Парижу, онъ направилъ свои силы на сообщенія главной арміи. Наполеонъ рѣшился обойти правый ея флангъ, зайти ей въ тылъ, отрѣзать ея сообщенія съ Германіею, усилить свою армію гарнизонами лотарингскихъ крѣпостей и тѣмъ заставить союзниковъ отойти къ Рейну. Онъ болѣе всего разсчитывалъ заманить за собой союзниковъ и привлечь ихъ въ ту мѣстность, гдѣ болѣе шансовъ нанести имъ пораженіе и гдѣ рядъ крѣпостей помогъ-бы ему выполнить свой смѣлый планъ. „Правда“,—говорилъ впослѣдствіи Наполеонъ,—„я открылъ союзникамъ дорогу на Парижъ, но что значитъ столица при государѣ воинственномъ? Его столица въ главной квартирѣ. Мое дѣйствіе не было оправдано успѣхомъ: его назовутъ сумасброднымъ. Люди судятся всегда послѣ происшествій. Тѣ же, которые теперь порицаютъ меня, потому что я не имѣлъ успѣха, вознесли бы мой планъ до небесъ, если бы Шварценбергъ отступилъ до Базеля; а я могъ ожидать этого отъ него“.

Дѣйствительно, Наполеону чуть не удалось провести союзниковъ. Союзники вовсе не ожидали, чтобы Наполеонъ двинулся на ихъ сообщенія. Они узнали объ этомъ совершенно случайно. Перехвачено было письмо Наполеона къ императрицѣ Маріи - Луизѣ, въ которомъ говорилъ онъ о своемъ затруднительномъ положеніи и сознавался въ своемъ намѣреніи удалить союзниковъ отъ Парижа. Прочитавъ это письмо, императоръ Александръ тотчасъ же собралъ военный совѣтъ. Рѣшено было двинуть главную армію къ Ша-

лону, на соединеніе съ Силезскою, а потомъ дѣйствовать обѣимъ вмѣстѣ въ тылъ и фланги Наполеона.

12-го (24-го) Марта, на разсвѣтѣ, императоръ Александръ, король прусскій и князь Шварценбергъ прибыли въ Сомпюи. Тутъ получено было извѣстіе, что обѣ союзныя арміи вошли между собою въ связь и тѣмъ совершенно разобщили Наполеона отъ войскъ Мармона и Мортье, шедшихъ къ нему изъ Этожа. Здѣсь же монархамъ доставлены были вновь перехваченныя письма непріятелей. Изъ нихъ они узнали о всеобщемъ неудовольствіи и жаждѣ мира, господствовавшихъ въ странѣ и особенно въ столицѣ. Въ своемъ письмѣ къ Наполеону Савари, министръ полиціи, доносилъ, что въ Парижѣ находится множество вліятельныхъ лицъ, враждебныхъ правительству, и что, въ случаѣ приближенія союзной арміи къ столицѣ, онъ не отвѣчаетъ за ея спокойствіе. Тѣмъ не менѣе, Шварценбергъ не измѣнилъ своего рѣшенія идти съ арміею вслѣдъ за Наполеономъ, и отправился около десяти часовъ утра изъ Сомпюи подорогѣ къ Витри. Туда же поѣхалъ и король прусскій.

Между тѣмъ императоръ Александръ, оставшись въ Сомпюи, приказалъ князю Волконскому пригласить къ себѣ генераловъ—графа Барклая-де-Толли, Дибича и Толя. Когда они явились, онъ развернулъ передъ ними карту и сказалъ: „по соединеніи обѣихъ нашихъ армій представляется намъ два случая: первый, идти на Наполеона и въ гораздо превосходнѣйшихъ силахъ атаковать его, а второй, скрывая отъ него наши движенія, идти прямо на Парижъ. Какое ваше мнѣніе, господа?“

Государь прежде всего обратился къ Барклаю. Осторожный Барклай, взглянувъ на карту, сказалъ: „надобно со всѣми силами идти за Наполеономъ и атаковать его, какъ только съ нимъ встрѣтимся“.

Императоръ Александръ не возразилъ ни слова, и посмотрѣлъ на Дибича. Дибичъ предложилъ „отрядить отъ

сорока до пятидесяти тысячъ къ Парижу, а съ прочими силами идти вслѣдъ за Наполеономъ".

Государь обратился къ Толю и спросилъ его мнѣнія. Толь совѣтовалъ „послать корпусъ въ десять тысячъ, преимущенно составленный изъ кавалеріи, за Наполеономъ, а съ арміями Блюхера и Шварценберга идти форсированными маршами къ Парижу".

Государь объявилъ, что мнѣніе генерала Толя есть и его собственное мнѣніе. Дибичъ замѣтилъ: „если ваше величество хотите возстановить Бурбоновъ, тогда, конечно, лучше идти со всѣми силами на Парижъ". Александръ на это сказалъ: „здѣсь дѣло идетъ не о Бурбонахъ, а о сверженіи Наполеона" [1]).

Послѣ этого приступлено было къ примѣрному разсчету, во сколько переходовъ союзники могли бы достигнуть Парижа. Очевидно было, что, по мѣрѣ приближенія къ столицѣ Франціи, на первомъ маршѣ они удалялись отъ Наполеоновской арміи на два марша, на второмъ—на четыре и т. д. Слѣдовательно, овладѣвъ Парижемъ, союзники могли имѣть достаточно времени для разрушенія господства Наполеона и для встрѣчи его, если бы онъ обратился къ Парижу.

По окончаніи военнаго совѣта, императоръ Александръ приказалъ подать лошадей, и, сопровождаемый всѣми четырьмя генералами, поскакалъ вслѣдъ за войсками. Проѣхавъ около восьми верстъ, онъ нагналъ короля Прусскаго,

---

[1]) Государь разсказывалъ князю А. Н. Голицыну, что во время совѣщанія онъ не рѣшился высказать собственное мнѣніе. «Въ глубинѣ сердца моего затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, какое-то непреоборимое желаніе предать это дѣло въ полную волю Божію. Совѣтъ продолжалъ заниматься, а я на время оставилъ его и поспѣшилъ въ собственную мою комнату; тамъ колѣни мои подогнулись сами собою, и я излилъ передъ Господомъ все мое сердце». По окончаніи молитвы, даровавшей Александру «сладостный миръ въ мысляхъ, проникновеніе спокойствія», онъ поспѣшилъ въ совѣтъ и въ ту же минуту объявилъ ему непремѣнное намѣреніе идти немедленно на Парижъ (см. Русскій Архивъ, 1886 г., кн. 5, стр. 95 и проч.).

князя Шварценберга и всю ихъ свиту. Государь сошелъ съ коня, подозвалъ Толя и приказалъ ему разостлать на землѣ карту театра войны. Онъ съ жаромъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ изложилъ передъ ними планъ движенія на Парижъ и указалъ на мѣры, которыя думалъ принять для прикрытія этого движенія. Король прусскій первый одобрилъ мысль Александра. Князь Шварценбергъ колебался; онъ не возражалъ противъ самой идеи предпріятія, но называлъ планъ государя слишкомъ смѣлымъ, почти дерзновеннымъ. „Не слѣдуетъ забывать“,—говорилъ онъ, — „что въ тылу нашемъ находятся значительныя силы французовъ. Я не могу принять на себя отвѣтственности и боюсь за армію, ввѣренную моему предводительству“. Австрійскіе генералы пытались поддержать мнѣніе своего фельдмаршала. Завязался споръ. Толь, Дибичъ и Волконскій отстаивали противъ австрійцевъ мнѣніе своего государя. Александръ слушалъ нѣкоторое время спокойно эти пренія. Наконецъ, замѣтивъ упорство своихъ противниковъ, онъ рѣшился положить конецъ спору. Государь объявилъ Шварценбергу, что онъ можетъ поступать и дѣлать, какъ ему угодно, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ беретъ на себя и всю тяжкую отвѣтственность, могущую произойти отъ его поступка. „Я и одинъ съ королемъ прусскимъ“, — заключилъ государь, — „пойду на Парижъ“. Эти слова государя подѣйствовали. Князь Шварценбергъ объявилъ, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ императора всероссійскаго и тотчасъ измѣнилъ свои прежнія распоряженія. Немедленно всѣмъ корпусамъ посланы были приказанія остановиться. Винценгероде съ десяти тысячнымъ отрядомъ конницы получилъ приказъ выступить на зарѣ въ Сэн-Дизье, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе непріятеля и прикрыть движеніе союзныхъ армій къ Парижу. Винцингероде долженъ былъ разыгрывать роль авангарда и заготовлять квартиры для союзныхъ монарховъ.

13-го (25-го) Марта началось движеніе союзниковъ къ Парижу. Войска выступили изъ бивуаковъ въ праздничномъ настроеніи духа. Во всѣхъ полкахъ играла музыка, всѣ барабанщики били маршъ, пѣсенники пѣли пѣсни. Забыты были всѣ страданія, невзгоды и ропотъ минувшихъ дней. Исчезли недовольство и досада на эту безконечную и безплодную войну. Всѣ знали, что конецъ близокъ, что паденіе Наполеона неизбѣжно. Всѣ были увѣрены, что въ Парижѣ союзниковъ ожидаетъ побѣда и столь желанный, столь заслуженный ими миръ.

Обѣ союзныя арміи подвигались впередъ густыми массами. Передъ фронтомъ союзныхъ колоннъ шла многочисленная кавалерія. Графъ Паленъ, шедшій въ авангардѣ, вскорѣ у Феръ-Шампенуаза открылъ непріятеля. То были войска маршаловъ Мармона и Мортье, спѣшившія на соединеніе съ своемъ императоромъ. Паленъ, не медля ни минуты, атаковалъ непріятеля. Атака удалась вполнѣ. Французская конница была сбита и обращена въ бѣгство при первомъ же натискѣ. Пѣхота отступила и заняла оборонительную позицію, но нѣсколько ротъ, отставшихъ отъ главной массы, были частью изрублены союзными всадниками, частью захвачены въ плѣнъ. Тщетно пыталась подать имъ руку помощи французская кавалерія; она была опрокинута вторично. На поле битвы прибылъ кронпринцъ виртембергскій, и принялъ начальство надъ 10,000 всадниковъ. Не дожидаясь пѣхоты, бывшей еще позади, онъ рѣшился ударить на непріятеля. Маневръ Палена повторенъ былъ съ двойными силами и съ двойнымъ успѣхомъ. Союзная кавалерія бросилась на оба фланга непріятеля и быстрымъ натискомъ опрокинула и смяла французскую конницу. Пѣхота, оставшаяся безъ прикрытія, атакованная со всѣхъ сторонъ союзною кавалеріею, поражаемая картечью нѣсколькихъ конныхъ батарей, приведена была вскорѣ въ полнѣйшее разстройство. Французы стали поспѣшно отступать.

Въ это время послышалась трескотня другой перестрѣлки. На горизонтѣ показались густыя массы непріятельской пѣхоты. Это были двѣ французскія дивизіи генераловъ Пактó и Аме, шедшія къ Наполеону съ громаднымъ транспортомъ съѣстныхъ припасовъ. Императоръ Александръ, смотрѣвшій на побѣдоносныя дѣйствія своей конницы противъ войскъ Мармона, услыша новую перестрѣлку, поспѣшилъ туда. Онъ сталъ лично распоряжаться ходомъ боя противъ Пактó и Аме. Русскіе врѣзались въ непріятельскія каре, которыя, будучи окружены со всѣхъ сторонъ, не хотѣли сдаваться. Въ пылу боя войска готовы были не давать пощады даже положившимъ, наконецъ, оружіе. Желая остановить рѣзню, государь, подвергая себя опасности, въѣхалъ въ непріятельское каре съ лейбъ-казачьимъ полкомъ. Напрасно многіе напоминали императору Александру объ угрожавшей ему опасности. „Хочу пощадить ихъ“, — отвѣчалъ онъ. Изъ всей восьмитысячной непріятельской колонны уцѣлѣли немногіе. Пактó и прочіе плѣнные генералы были представлены государю. Онъ хвалилъ выказанную ими храбрость и принялъ живое участіе въ судьбѣ плѣнныхъ [1]).

---

[1]) Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ было единственное во всей этой безпримѣрной войнѣ. 15,000 союзной кавалеріи разгромили въ этотъ день 25,000 французскую армію. Ни одна рота пѣхоты не участвовала въ дѣлѣ. Число трофеевъ было громадное. Однихъ плѣнныхъ взято было 10,000 человѣкъ, въ томъ числѣ было девять генераловъ. Орудій захвачено было 80. Союзники взяли кромѣ того 350 зарядныхъ ящиковъ и громадное количество обозныхъ фуръ съ припасами всякаго рода. Поле битвы представляло ужасающій видъ. Тысячи раненыхъ валялись на землѣ вмѣстѣ съ трупами убитыхъ, нерѣдко нагроможденные другъ на друга. Почти всѣ эти несчастные ранены были саблями въ голову; ихъ лица залиты были кровью и искажены зіяющими ранами. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ сидячемъ положеніи. Одни стонали, другіе ругались, но почти всѣ молили дать имъ хотя глотокъ воды. Были между ними и такіе, у которыхъ ненависть къ врагу могла исчезнуть лишь съ послѣднимъ издыханіемъ.

Принцъ Евгеній, объѣзжая поле битвы, замѣтилъ одного раненаго француза, облокотившагося на небольшое возвышеніе. На правой сторонѣ головы его виднѣлась глубокая зіяющая рана. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ ружье, а правою бросалъ во всѣхъ подходящихъ къ нему союзныхъ солдатъ камешки и комки земли. «Мы подъѣхали къ нему ближе и пытались утѣшить его. Онъ казался помѣшаннымъ, но

Отчаянное сопротивленіе отряда Пакто спасло отъ катастрофы войска Мармона и Мортье. Оставленные почти безъ вниманія союзниками, маршалы успѣли ускользнуть съ поля битвы подъ покровомъ наступившей темноты. Мармонъ во-время понялъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ одною конницею, а со всѣми силами союзниковъ. Страшная мысль, что непріятель идетъ прямо на Парижъ, мелькнула въ его головѣ. Онъ понялъ, что теперь нельзя терять ни минуты времени, что надо спѣшить какъ можно скорѣе на защиту столицы. И Мармонъ съ своимъ войскомъ повернулъ и пошелъ къ Парижу.

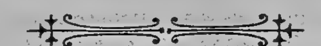
Послѣ блистательной побѣды у Феръ-Шампенуаза союзники уже не встрѣчали на пути своемъ къ Парижу никакого сопротивленія. Дивизія Компана, занимавшая Мо, отступила при ихъ приближеніи, взорвавъ предварительно на воздухъ громадные пороховые склады, находившіеся въ этомъ городѣ. Переправа черезъ Марну совершилась безпрепятственно. Впереди нигдѣ не видно было непріятеля. Войска шли впередъ форсированными маршами. Восторженное настроеніе господствовало въ средѣ союзныхъ ополченій. У всѣхъ былъ на умѣ одинъ Парижъ. Страна, по которой проходили войска, была прелестная, не тронутая опустошеніями войны. Въ съѣстныхъ припасахъ вмѣсто пряжняго недостатка было изобиліе. Но болѣе всего одушевляло солдатъ побѣдоносное сознаніе своей силы. Никто не тяготился форсированными маршами; никто не роптал на кратковременность и неудобства бивуачнаго отдыха. Сол-

просилъ дать ему пить. Одинъ изъ офицеровъ нашего штаба приказалъ своему деньщику подать ему вина. Деньщикъ опустился на колѣни передъ раненымъ и заботливо напоилъ его изъ походной фляжки. Отъѣхавъ отъ этого несчастнаго шаговъ на пятнадцать, мы еще разъ съ состраданіемъ оглянулись на него. И что же? мы видѣли, какъ онъ схватилъ свое ружье и выстрѣлилъ въ насъ. Пуля просвистала надъ нашими головами. Мы хотѣли вернуться къ безумному, но было уже поздно. Два казака изъ нашей свиты предупредили насъ. Они подскакали къ несчастному и пронзили его своими пиками (см. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, соч. Надлера, т. IV, стр. 381—382).

датамъ почти не давали времени для ѣды и сна, а они бодро и весело шли впередъ. Полки все время шли съ музыкой и барабаннымъ боемъ. Неумолкаемые крики *ура* сопровождали императора Александра, переѣзжавшаго отъ одного полка къ другому.

— „Ребята“! — говорилъ государь солдатамъ,—„уже до Парижа не далеко!“ а Преображенскому полку сказалъ: „поемъ послѣднюю пѣсню“,

Мармонъ и Мортье, отступивъ къ Парижу, подошли къ нему 17-го (29-го) Марта съ восточной горной стороны у форта Шарантонъ. Вечеромъ того же дня императоръ Александръ прибылъ на ночлегъ въ замокъ Бонди, въ семи верстахъ отъ Парижа. На другой день участь Парижа должна была рѣшиться сраженіемъ, для котораго союзники располагали 100,000 войскомъ. Въ числѣ этого войска однихъ русскихъ было болѣе 63,000 человѣкъ.

Подъ стѣнами Парижа.

Союзники подступили къ Парижу съ сѣверо-восточной стороны. Сторона эта была укрѣплена самою природою. Тутъ возвышались передъ самымъ городомъ двѣ группы холмовъ, — Бельвильскія высоты и Монмартръ, раздѣленныя глубокимъ ущельемъ, по которому проведенъ былъ Уркскій каналъ. Обѣ группы холмовъ отличаются совершенно различнымъ характеромъ и представляютъ не одинаковыя выгоды для обороны. Монмартръ тянется въ видѣ значительной и довольно крутой возвышенности и составляетъ превосходную оборонительную позицію. Гребень его очень узокъ. Разъ занятый непріятелемъ, онъ можетъ быть отнятъ обратно лишь съ большими потерями. Бельвиль, наоборотъ, представляетъ небольшую плоскую возвышенность, круто поднимающуюся изъ равнины. Поверхность ея волнообразна. Въ тѣ времена она была покрыта почти сплошь деревнями, состоявшими по большей части изъ каменныхъ загородныхъ домовъ. Въ деревняхъ были каменныя церкви, очень удобныя для защиты. Между деревнями лежали отдѣльныя виллы, окруженныя парками. По всѣмъ направленіямъ разбросаны были сады и виноградники, окруженные каменными оградами. По склонамъ холмовъ тянулись глубокія ущелья. Мѣстность представляла тутъ вообще большія выгоды для обороны. Помимо того, вокругъ всего города тянулась старая стѣна, но въ стѣнѣ этой было устроено

56 широкихъ воротъ, да и сама она легко могла быть разрушена нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Другихъ укрѣпленій около Парижа почти не было. Наполеонъ, полагавшійся на свой военный геній, на свое превосходство въ открытомъ полѣ, относился всегда съ пренебреженіемъ къ укрѣпленію своей столицы.

Французы занимали высоты, закрывающія ихъ столицу. Они были гораздо слабѣе союзниковъ; у нихъ было 150 орудій и не болѣе 45,000 человѣкъ войска. Тутъ находились остатки корпуса Мармона, который былъ разбитъ при Ферѣ-Шампенуазѣ, нѣсколько партій новобранцевъ, инвалиды, воспитанники военнаго училища, нѣсколько обывателей и часть національной гвардіи. Съ этими силами французы хотѣли воспрепятствовать побѣдоноснымъ союзникамъ занять столицу Франціи.

На военномъ совѣтѣ въ Бонди, гдѣ остановился императоръ Александръ, вечеромъ 17-го (29-го) Марта состоялось рѣшеніе атаковать на слѣдующее же утро Парижъ всѣми силами съ сѣверо-восточной стороны. Атака Монмартра возложена была на Блюхера, а штурмовать Бельвильскія высоты должна была главная армія.

Наступила ясная весенняя ночь. Въ лагерѣ союзниковъ кипѣла самая оживленная дѣятельность. Настроеніе было радостное, самоувѣренное. Никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. Солдаты готовились къ штурму, какъ къ празднику. Всѣ союзные воины обвязали себѣ руку бѣлою повязкою. Это необходимо было въ виду той массы разнообразныхъ мундировъ, которыми отличалось многонародное и разноязычное союзное ополченіе. По всѣмъ бивуакамъ пылали громадные костры. Вокругъ нихъ толпились, лежали и сидѣли солдаты, образуя нерѣдко живописныя группы. Шумный говоръ, веселыя шутки, смѣхъ раздавались отовсюду. Всѣ говорили о завтрашнемъ днѣ, о богатой добычѣ, ожидавшей ихъ въ вражеской столицѣ. Прислушиваясь къ бивуачному говору,

не трудно было замѣтить, что въ массѣ господствовало далеко не дружелюбное настроеніе къ парижанамъ. Французы побывали почти во всѣхъ странахъ и столицахъ Европы. Они повсюду оставили по себѣ страшную, неизгладимую память. Теперь насталъ часъ разсчета. Великолѣпная столица Франціи лежала у ногъ побѣдителей. Десятки тысячъ разноплеменныхъ воиновъ, соединенныхъ однимъ чувствомъ ненависти, пожирали глазами городъ, наполненный всевозможными богатствами и чудесами искусства, награбленными съ разныхъ концовъ міра. Тяжкія страданія и неслыханный позоръ, милліоны окровавленныхъ жертвъ громко и настойчиво вопили о возмездіи. И что могло помѣшать совершенію кары, гдѣ была та сила, которая могла спасти міровой городъ, осужденный, повидимому, на разрушеніе самою судьбою?...

Императоръ Александръ переживалъ самыя великія и торжественныя минуты своей жизни. Еще нѣсколько часовъ, еще одно послѣднее усиліе,—и цѣль, къ которой такъ настойчиво стремился онъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ,—будетъ достигнута? Государь выѣхалъ на передовыя позиціи и передъ нимъ, сверкая милліонами огней, развернулся Парижъ. Глухой шумъ, подобно рокоту моря, доносился до его слуха. Говоръ и крики толпы, стукъ сотенъ тысячъ колесъ, топотъ коней и трескотня барабановъ явственно выдѣлялись изъ общаго хаоса звуковъ. Парижъ видимо готовился къ послѣдней отчаянной оборонѣ... И Александръ понялъ въ свою очередь, что часъ разсчета и возмездія пробилъ, но онъ понялъ также, что разсчетъ и возмездіе должны совершиться не тѣми путями и способами, какъ понимали ихъ войска, какъ понимала толпа.

Государь не думалъ объ отмщеніи;—онъ былъ поборникъ мира, свѣта и добра. Онъ положилъ, что русскіе варвары и людоѣды должны пристыдить своимъ человѣколюбіемъ поборниковъ грабежа и насилій. Беззащитное населеніе го-

рода не должно было расплачиваться своею кровью, честью и имуществомъ за своего повелителя-тирана.

Императору Александру доносили, что въ средѣ союзнаго воинства господствуетъ самое озлобленное настроеніе, что пруссаки готовятся смыть въ крови парижанъ неслыханный позоръ, причиненный ихъ родинѣ французами. Ему доносили, что русскіе солдаты намѣреваются разсчитаться съ французами за пожаръ Москвы, за поруганіе святыни и опустошеніе своего отечества. Государь узналъ, что всѣ союзные воины, безъ исключенія, разсчитываютъ на грабежъ Парижа. Александръ спѣшилъ принять мѣры противъ собирающейся грозы. Онъ подѣлился своими мыслями прежде всего съ своимъ другомъ,—королемъ прусскимъ. Государь „весьма удивился, когда услышалъ отъ него, что онъ ни какъ не беретъ на себя воспретить такого лакомаго и такъ давно ожидаемаго случая для войскъ прусскихъ".

— „Возьмите государь, вы сами на себя",—сказалъ Фридрихъ,—„удержать мои войска, а я никакъ за это не берусь".

— „За моихъ русскихъ я могу смѣло отвѣтствовать",— промолвилъ государь. „Надѣюсь сдержать и вашихъ солдатъ" [1]).

Къ государю были призваны начальники всѣхъ отдѣльныхъ частей. Всѣмъ имъ отданъ былъ самый строгій приказъ принять самыя дѣятельныя мѣры къ сохраненію дисциплины къ предупрежденію безпорядковъ и насилій надъ мирными, жителями въ случаѣ взятія Парижа приступомъ.

Появленіе союзныхъ войскъ подъ стѣнами Парижа заставило Іосифа Банапарте, намѣстника Наполеона, прежде всего принять мѣры къ удаленію изъ города императрицы и ея сына короля римскаго. Бывшій испанскій король созвалъ по этому поводу Государственный совѣтъ. Засѣданіе

---

[1]) Русская Старина, 1886 г., кн. V, стр. 97.

совѣта открылось вечеромъ 17-го (29-го) Марта въ одной изъ залъ Тюльирійскаго дворца. На предсѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдала императрица Марія-Луиза, блѣдная, взволнованная, но по своей натурѣ неспособная къ энергической, самостоятельной дѣятельности. Собравшіеся члены совѣта долго говорили, много разсуждали и, наконецъ, рѣшили, что, согласно волѣ Наполеона [1], императрица должна выѣхать изъ Парижа въ 8 часовъ утра. Было уже три часа ночи, когда окончилось засѣданіе совѣта.

Страшная сумятица поднялась въ роскошныхъ покояхъ Тюльирійскаго дворца. Торопливо метались во всѣ стороны элегантныя придворныя дамы и простые лакеи. Забыты были правила строгаго этикета. Рабочіе заканчивали ящики и сундуки съ пожитками императрицы и ея дамъ. Чиновники, блѣдные отъ страха, упаковывали бумаги и остатки государственной казны. Никто не вздремнулъ въ эту ночь во всемъ дворцѣ. Да и возможно ли было думать о снѣ среди всѣхъ дѣйствительныхъ, а еще болѣе воображаемыхъ ужасовъ, потрясавшихъ нѣжные нервы придворнаго люда! Парижъ представлялъ въ эту ночь тревожную картину. Весь горизонтъ былъ залитъ яркимъ заревомъ десятковъ тысячъ костровъ, пылавшихъ въ непріятельскомъ лагерѣ. На всѣхъ улицахъ гремѣли барабаны, призывавшіе на сборъ національную гвардію. Толпы буйной черни бродили тамъ и сямъ, громко и неистово требуя оружія. Войска Мармона и Мортье торопливо проходили черезъ городъ, спѣша занять высоты Бельвиля и Монмартра.

Настало утро. Императрица Марія-Луиза готова была въ дорогу, но маленькій сынъ ея ни за что не хотѣлъ покидать отцовскаго дворца. Тщетно пытались уговорить малютку его мать и гувернантка. „Я не хочу ѣхать въ

[1]) Въ письмахъ къ брату своему Іосифу Бонапарте Наполеонъ предписывалъ немедленно увезти изъ Парижа императрицу и короля римскаго, если союзники явятся подъ стѣнами столицы съ главными своими силами.

Рамбулье! Это гадкій замокъ! Останемся здѣсь, мама“! кричалъ мальчикъ. Онъ какъ будто предчувствовалъ, что его влекутъ въ вѣчное изгнаніе. Шталмейстеръ вынесъ его на лѣстницу, но онъ сопротивлялся всѣми силами. Онъ хватался рученками за мебель, за двери, за перила лѣстницы. „Я не хочу оставлять мой домъ“! кричалъ онъ, обливаясь слезами. „Папа уѣхалъ! Онъ оставилъ меня здѣсь хозяиномъ“! Съ трудомъ вынесли его изъ дворца и усадили въ карету. Печальный поѣздъ тронулся въ путь. Императрицу сопровождали многія высокопоставленныя лица. Іосифъ Бонапарте и нѣкоторые министры остались пока въ городѣ, но и они готовы были къ отъѣзду.

На разсвѣтѣ 18-го (30-го) Марта вся свита императора Александра собралась верхомъ на дворѣ Бондійскаго замка и ожидала его выѣзда на поле сраженія. Пушки начали уже гремѣть и колонны наши приходили въ движеніе. Въ это время въ Бонди привели французскаго офицера, который выдавалъ себя за парламентера. Его тотчасъ ввели къ императору. Государь болѣе получаса разспрашивалъ его о настроеніи умовъ въ Парижѣ. Наконецъ, подозвавъ флигель-адъютанта своего, полковника Михаила Ѳеодоровича Орлова, сказалъ ему:

— „Ступайте немедленно съ непріятельскимъ офицеромъ. Я даю вамъ право остановить огонь вездѣ, гдѣ вы сочтете это нужнымъ. И для того, чтобы предупредить и отвратить всѣ бѣдствія, облекаю васъ властью — не подвергаясь никакой отвѣтственности, прекращать самыя рѣшительныя атаки, даже обѣщающія полную побѣду. Парижъ, лишенный своихъ разсѣянныхъ защитниковъ и своего великаго мужа, не будетъ въ состояніи противиться. Я твердо убѣжденъ въ этомъ. Богу, который даровалъ мнѣ могущество и побѣду, угодно, чтобы я воспользовался тѣмъ и другимъ только для дарованія мира и спокойствія Европѣ. Если мы можемъ пріобрѣсть этотъ миръ не сражаясь, тѣмъ лучше; если же нѣтъ,

то уступимъ необходимости, станемъ сражаться, потому что волей или неволей, съ бою или параднымъ маршемъ, на развалинахъ или во дворцахъ, но Европа должна нынѣ же ночевать въ Парижѣ".

Эти слова императора Александра произвели неизгладимое впечатлѣніе на М. Ѳ. Орлова. „Величаво и важно говорилъ государь всякій разъ",—пишетъ Орловъ, описывая капитуляцію [1]) Парижа, — „когда приходилось защищать общія европейскія выгоды, но былъ снисходителенъ и кротокъ, какъ скоро дѣло шло о немъ самомъ и его собственной славѣ. На дѣлѣ участь міра зависѣла отъ него, а онъ называлъ себя только страдательнымъ орудіемъ Провидѣнія. Политическій разговоръ его носилъ отпечатокъ этихъ двухъ положеній; съ увѣренностію въ побѣдѣ онъ соединялъ заботливость почти отеческую о жребіи побѣжденнаго врага. Съ первыхъ словъ, сказанныхъ имъ мнѣ, я понялъ этотъ двойственный характеръ и увидѣлъ, что день заключится рѣшительными усиліями, за которыми послѣдуетъ частная капитуляція" [2]).

Орловъ и французскій офицеръ поскакали къ деревнѣ Пантенъ, занятой русскою пѣхотною бригадою. Огонь ужъ начался. Общая перестрѣлка завязалась по всей линіи. Подъѣхавъ съ Орловымъ къ французской цѣпи, парламентеръ, оказавшійся обманщикомъ и военно-плѣннымъ, скрылся въ рядахъ своихъ. Русскій уполномоченный принужденъ былъ возвратиться обратно подъ сильнѣйшимъ огнемъ обѣихъ сторонъ, рискуя каждый моментъ своею жизнью. Человѣколюбивое желаніе Александра такимъ образомъ не могло быть исполнено. Бой усиливался, съ каждою минутою становился ожесточеннѣе и ожесточеннѣе. Русскія войска неудержимо

---

[1]) Капитуляція—договоръ между побѣдителями и побѣжденными о прекращеніи боя или о сдачѣ города.

[2]) Капитуляція Парижа въ 1814 году, разсказъ Орлова, см. Русскую Старину, 1877 г., Декабрь, стр. 635—636.

подвигались впередъ во всѣхъ направленіяхъ. Дѣло видимо клонилось къ развязкѣ. Громадное численное превосходство союзниковъ вступало въ свои права. Силы французовъ видимо истощались въ неравной, отчаянной борьбѣ. Войска Мармона съ трехъ сторонъ окружены были союзниками. Со стороны Сенъ-Дени союзники выгнали уже французовъ изъ всѣхъ ихъ позицій и войска Ланжерона собирались штурмовать Монмартръ. Отчаяніе и паника начали овладѣвать при такихъ обстоятельствахъ защитниками Парижа. Многіе солдаты побросали ружья и спѣшили укрыться за городскими заставами. Въ городѣ распространилась страшная тревога. Непріятельскія гранаты и ядра начали падать среди самыхъ неселенныхъ улицъ. Жители, обезумѣвшіе отъ страха, то искали спасенія въ погребахъ и подвалахъ, то тысячами бѣжали изъ города въ сторону, незанятую непріятелемъ.

Между тѣмъ король Іосифъ, получивъ донесеніе Мармона о невозможности продолжать защиту Парижа, приказалъ маршаламъ открыть переговоры съ русскимъ государемъ о сдачѣ города, а самъ поспѣшилъ уѣхать въ Блуа. Послѣ этого къ союзникамъ, въ четвертомъ часу пополудни, явился настоящій парламентеръ.

Императоръ повелѣлъ Орлову переговорить съ присланнымъ офицеромъ. Объясненіе было коротко; онъ не имѣлъ никакихъ полномочій и просто требовалъ, чтобы остановили атаку. Ему отказали. Орловъ, по приказанію государя, вмѣстѣ съ нимъ вновь поѣхалъ къ непріятелю. Первый человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ въ передней цѣпи французскихъ стрѣлковъ, былъ маршалъ Мармонъ. Онъ стоялъ со шпагою въ рукѣ, ободряя баталіоны свои движеніями и голосомъ къ отчаянной защитѣ. Увидѣвъ Орлова, онъ тотчасъ подошелъ къ нему и сказалъ безъ всякихъ околичностей.

— „Я герцогъ Рагузскій; вы кто?“

— „Полковникъ Орловъ, флигель-адъютантъ его величества Императора Всероссійскаго, который желаетъ спасти Парижъ для Франціи и міра“.

— „Это также наше желаніе и единственная надежда; безъ того всѣмъ намъ осталось бы только умереть здѣсь. Условія ваши?“

— „Огонь остановится; французскія войска войдутъ за укрѣпленныя заставы; тотчасъ назначить комиссію для переговоровъ о сдачѣ Парижа“.

— „Согласенъ, и буду съ герцогомъ Тревизскимъ (Мортье) ждать васъ у Пантенской заставы“.

— „И такъ, къ дѣлу; прекратимъ не мѣшкая огонь по всей линіи. До свиданія“!

Орловъ отправился, но, отъѣхавъ немного, воротился къ герцогу и сказалъ ему: „высота Монмартрская также должна быть очищена французскими войсками“.

Мармонъ подумалъ съ минуту и отвѣчалъ: „это справедливо; она внѣ укрѣпленныхъ заставъ“ [1]).

Орловъ поспѣшилъ къ своимъ, которые стояли въ двухъ стахъ шагахъ отъ непріятеля. Барабаны били отбой. Офицеры разъѣзжали по рядамъ. Перестрѣлка прекращалась. Только немногіе самые отчаянные солдаты упорно продолжали стрѣлять въ непріятеля. „Никогда не забуду комическаго неудовольствія одного русскаго гренадера“,—пишетъ М. Ѳ. Орловъ,—„котораго я не допустилъ выстрѣлить, приказавъ ему воротиться къ его ротѣ. Онъ взглянулъ на меня съ видомъ упрека и сказалъ умоляющимъ голосомъ, указывая рукой на французскаго стрѣлка, котораго, вѣроятно, почиталъ личнымъ врагомъ своимъ: „ваше высокоблагородіе, позвольте мнѣ только этого подстрѣлить“. Разумѣется, — я не далъ свободы его мщенію или гнѣву, и онъ, возвра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 637—638.

щаясь въ ряды, ворчалъ противъ того, что называлъ моей непонятной несправедливостью“ [1]).

Орловъ нашелъ императора Александра на Бельвильской высотѣ разставлявшимъ батарею изъ двадцати четырехъ орудій для обстрѣливанія города. Выслушавъ съ удовольствіемъ докладъ своего флигель-адъютанта, государь назначилъ комиссію для переговоровъ съ маршалами о сдачѣ Парижа. Она состояла изъ графа Нессельроде, М. Ѳ. Орлова и адъютанта Шварценберга графа Парра. Комиссія направилась къ Пантенской заставѣ. Мармонъ встрѣтилъ ее здѣсь со всѣмъ своимъ штабомъ. Французскія войска отходили въ городъ. Мармонъ предложилъ комиссарамъ проѣхать къ Ла-Виллетской заставѣ, гдѣ находился Мортье. Здѣсь въ небольшомъ трактирѣ начались переговоры.

Нессельроде предложилъ маршаламъ сдать Парижъ со всѣмъ его гарнизономъ. Мармонъ и Мортье съ жаромъ возстали противъ такого постыднаго, по ихъ мнѣнію, требованія. Они напоминали о прежнихъ своихъ заслугахъ, перечисляли сраженія, въ которыхъ покрыли они себя славою и объявили рѣшительно, что они скорѣе погребутъ себя подъ развалинами Парижа, нежели подпишутъ подобную капитуляцію. Союзные комиссары старались оправдать свое требованіе; они напоминали маршаламъ о спасеніи Парижа, о громадной отвѣтственности, которую берутъ они на себя. Они доказывали имъ, что только сдача Парижа со всѣми войсками можетъ сломить упорство Наполеона и заставить его подписать миръ. Ничто не помогало;—маршалы упорно стояли на своемъ. Они не хотѣли говорить о будущемъ, они стояли только за незапятнанное сохраненіе своей военной чести. Въ это время—въ самый разгаръ спора выстрѣлы, все время слышавшіеся со стороны Монмартра, вдругъ участились и слились въ одинъ потрясающій гулъ. Это былъ

[1]) Тамъ же, стр. 638.

заключительный актъ сраженія подъ Парижемъ: графъ Ланжеронъ взялъ штурмомъ Монмартръ.

Ланжеронъ не успѣлъ еще получить приказаніе государя о прекращеніи боя, какъ уже началъ осаду Монмартрскихъ высотъ. Онъ послалъ на приступъ 10 полковъ съ храбрымъ генераломъ Рудзевичемъ. Солдаты шли скоро съ крикомъ *ура*, и съ такимъ азартомъ лѣзли на огонь непріятеля, что офицеры едва могли сдерживать слишкомъ усердныхъ застрѣльщиковъ. Натискъ былъ такъ стремителенъ и силенъ, что французы успѣли сдѣлать только два выстрѣла картечью, какъ нижнія батареи были уже въ рукахъ нашихъ егерей. Отступившій непріятель поспѣшилъ сдѣлать залпъ изъ верхнихъ орудій, но и этотъ не могъ остановить наступленіе: черезъ десять минутъ всѣ батареи были взяты штыками и французы въ безпорядкѣ побѣжали къ Парижу. Въ эту минуту пришло къ Ланжерону приказаніе императора пріостановить военныя дѣйствія, съ извѣщеніемъ, что Парижъ сдается.

Извѣстіе о паденіи Монмартра не произвело никакого впечатлѣнія на маршаловъ. Они, по прежнему, отвергали съ негодованіемъ предложеніе союзныхъ комиссаровъ. Нессельроде рѣшился, наконецъ, отправиться за новыми полномочіями къ государю.

Императоръ Александръ и король прусскій находились въ это время на Шомонскомъ холмѣ, смотря оттуда на Парижъ. Государь сіялъ отъ радости. Съ любопытствомъ всматривался онъ въ толпы народа, высыпавшія на улицы и бульвары Парижа. Замѣтивъ въ толпѣ множество наряженныхъ женщинъ, государь съ улыбкою указалъ на нихъ королю. И въ самомъ дѣлѣ было чему улыбаться! „По-истинѣ замѣчательное зрѣлище“,—говоритъ очевидецъ,—„представляли эти пестро разукрашенныя и тщательно одѣтыя дамы. Переговоры еще продолжались и могли окончиться разрывомъ. Тогда должны были загремѣть вновь пушки и затре-

щать ружья, тогда могли наступить всѣ ужасы, которые могъ причинить побѣдоносный непріятель взятому городу. А эти женщины выползли на улицы съ своими зонтиками и вѣерами, чтобы поглазѣть и показать себя, какъ будто дѣло вовсе не касалось ихъ, какъ будто имъ не грозила ни малѣйшая опасность“ [1]).

Выслушавъ докладъ Нессельроде, монархи согласились не настаивать на сдачѣ войска, но потребовали, чтобы маршалы отступили по той дорогѣ, которая будетъ указана имъ союзниками.

Между тѣмъ, пока происходили переговоры о сдачѣ Парижа, императоръ Александръ объѣзжалъ войска и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. „Лицо государя свѣтлѣло радостью, любовью и благоволеніемъ“. Александръ раздавалъ награды щедрою рукою. Одинъ офицеръ получилъ св. Георгія „на радостяхъ“ — ни за что, ни про что [2]), Барклай-де-Толли пожалованъ былъ въ фельдмаршалы.

---

[1]) Императоръ Александръ I-й и идея священнаго союза, Надлера, т. IV, стр. 420.

[2]) «Нашимъ полкомъ»,—разсказываетъ капитанъ Межецкій,—«командовалъ генералъ-майоръ Трубачевъ, человѣкъ очень горячій. За время похода солдаты страшно оборвались и обносились; поэтому незадолго до того, какъ подошли къ Парижу, начальство отдало приказъ, чтобы захваченные во французскихъ складахъ и обозахъ мундиры и кивера пригнать на нашихъ солдатъ, а такъ какъ у французовъ были синіе мундиры, то окрасить сажей въ черный цвѣтъ. Для этого въ роты и были розданы французскіе мундиры и кивера, чтобы окрасить и пригнать. Въ то время какъ мы послѣ отбоя стояли, ожидая приказаній, нашъ генералъ вздумалъ провѣрить, исполнено-ли распоряженіе насчетъ мундировъ. Рота моего брата стояла на лѣвомъ флангѣ полка, какъ разъ на одной изъ дорогъ, ведущихъ съ равнины на Монмартръ. Тутъ-же валялись двѣ пушки, брошенныя непріятелемъ при отступленіи». Узнавъ, что братъ мой не успѣлъ исполнить распоряженія начальства, генералъ напустился на него.—«Какъ вы смѣете»,—кричитъ,—«не исполнять въ точности приказанія высшаго начальства? Готовимся вступить въ столицу Франціи, а въ чемъ вы вступите? Развѣ можно вести такихъ оборванцевъ? Да я васъ на гауптвахтѣ заморю! Роту отниму! Да я васъ...» вдругъ послышались крики «ура» сначала гдѣ-то вдали, въ равнинѣ, потомъ стали все разливаться шире и шире, ближе да ближе... Командиръ примолкъ; всѣ мы обратились въ ту сторону, откуда неслись крики, и увидѣли приближающуюся къ Монмартру большую толпу всадниковъ; крики «ура» все разростались, усиливались, охватили всю линію войскъ и неслись, словно какая буря. Не было сомнѣнія, что это приближается государь. Ему надобно было

Было уже семь часовъ вечера, когда комиссары союзниковъ явились къ маршаламъ опять въ тоже самое мѣсто—въ трактиръ у Ла-Виллетской заставы. Выслушавъ требованія побѣдителей и тихо переговоривъ между собою въ углу комнаты, Мармонъ и Мортье объявили, что Парижъ не окруженъ и не можетъ быть окруженъ, что на дѣлѣ всѣ дороги открыты для ихъ отступленія, но что они желаютъ, чтобы комиссары объяснили имъ точнѣе свое предложеніе и указали дорогу, по которой назначено будетъ отступать французской арміи. Нессельроде сказалъ, что союзные государи назначаютъ для отступленія Бретанскую дорогу. Мармонъ съ горячностію возразилъ, что онъ не можетъ согласиться на подобное условіе, что настоящій путь его отступленія для него открытъ и очевиденъ, что защищая Парижъ шагъ за шагомъ, онъ можетъ быть отброшенъ неиначе, какъ на Сенъ-Жерменское предмѣстіе, гдѣ онъ можетъ, перейдя черезъ Сену, отступить по дорогѣ на Фонтенебло.

ѣхать какъ разъ той дорогой, на которой мы стояли. Вотъ уже мы отчетливо стали различать лошадей и мундиры громадной свиты, впереди которой ѣхали государь и прусскій король. Наконецъ они приблизились къ намъ. Государь остановился.

— «А-а»,—сказалъ онъ, увидѣвъ брошенныя французскія пушки. «Непріятельскія орудія!.. Кто ротный командиръ?»

Нашъ генералъ представилъ брата.

— «Поздравляю васъ»,—обратился императоръ къ брату,—«георгіевскимъ кавалеромъ»,—и съ этими словами тронулъ лошадь. Отъ свиты отдѣлился какой-то молодой полковникъ, спросилъ брата, какой полкъ, рота, чинъ, фамилію и сталъ записывать въ книжку.

— «Позвольте, господинъ полковникъ, объяснить»,—началъ было братъ, желая сказать, какъ очутились тутъ пушки, но полковникъ прервалъ его словами:

— «Некогда, некогда, г. офицеръ!» и ускакалъ за удалявшейся свитой (см. Историческій Вѣстникъ за 1898 г., Августъ, стр. 468—469, ст. «Изъ давно минувшаго», Межецкаго).

За взятіе Монмартра Рудзевичъ получилъ Георгія 2-й степени, а графъ Ланжеронъ—алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго. По занятіи Парижа, государь однажды присутствовалъ на обѣдѣ у великаго князя Константина Павловича, гдѣ былъ и графъ Ланжеронъ. Увидѣвши генерала, государь спросилъ у него, не потерялъ-ли онъ чего-нибудь на Монмартрѣ, такъ какъ онъ нашелъ тамъ вещь, ему принадлежащую. Ланжеронъ увѣрялъ, что ничего не терялъ. Тогда государь подалъ ему конвертъ: «вотъ что я нашелъ на Монмартрѣ, это—вамъ принадлежитъ». Въ конвертѣ оказались орденскіе знаки.

— „Господа!“ сказалъ въ заключеніе Мармонъ,—„жребій оружія благопріятствовалъ вамъ; нѣтъ сомнѣнія, что вы побѣдили; я предвижу, что слѣдствія этой побѣды будутъ неисчислимы. Будьте вмѣстѣ и великодушны и благоразумны, не простирайте вашихъ требованій до крайности. Совѣты великодушія бываютъ часто лучше совѣтовъ силы“ [1]).

Поднялись новые споры, а время между тѣмъ проходило и наступило уже восемь часовъ вечера. Очевидно, что всѣ выгоды положенія были теперь на сторонѣ маршаловъ. Темнота уже начиналась и немыслимо было ночью штурмовать Парижъ. Волею неволею приходилось отложить нападеніе на городъ до утра, а за это время маршалы могли спокойно уйти изъ Парижа и избрать любой путь отступленія. Да они и готовились это сдѣлать. Мортье удалился изъ комнаты, объявивъ, что его ждутъ неотложныя дѣла и что онъ предоставляетъ вести переговоры одному Мармону. Не трудно было догадаться, что маршалъ отправился отдать приказъ войскамъ начать немедленное оступленіе.

Орловъ первый вѣрно оцѣнилъ и взвѣсилъ и общее положеніе дѣлъ, и намѣренія маршаловъ. Онъ посовѣтовалъ Нессельроде возвратиться еще разъ къ государямъ за новыми полномочіями. Самъ онъ изъявилъ готовность остаться заложникомъ у непріятеля въ ручательство того, что нападеніе на Парижъ не будетъ начато до тѣхъ поръ, пока онъ не переступитъ обратно черезъ русскіе аванпосты. Нессельроде согласился съ мнѣніемъ Орлова, Мармонъ одобрилъ его. Было уже совсѣмъ темно, когда Нессельроде и Парръ отправились въ союзный лагерь, а Мармонъ и его заложникъ поѣхали въ Парижъ.

„Мы ѣхали верхомъ и медленно“,—разсказываетъ М. Ѳ. Орловъ, — „въ глубочайшей тишинѣ и темнотѣ. Слышенъ былъ только раздавшійся топотъ лошадей нашихъ, и из-

[1]) Капитуляція Парижа въ 1814 году, Орлова, см. Русская Старина, 1877 г., Декабрь, стр. 642.

рѣдка нѣсколько лицъ, безпокойныхъ, волнуемыхъ тревожнымъ любопытствомъ, являлось въ окнахъ, которыя быстро открывались и опять закрывались. Улицы были пусты; казалось, безчисленное народонаселеніе Парижа бѣжало изъ него, но оно находилось только въ оцѣпенѣніи. Сами мы, въ рукахъ у кого находилась участь такого множества людей, сами мы походили на тихую патруль, объѣзжавшую улицы оставленнаго города. Каждый изъ насъ былъ погруженъ въ мысляхъ, и мнѣ не приходитъ на память, чтобы сказано было, въ продолженіе этого переѣзда, хоть одно слово, которое бы стоило быть сохранено“ [1]).

Наконецъ, путники пріѣхали въ отель герцога Рагузскаго. Онъ представлялъ совершенную противоположность съ улицами Парижа. Отель былъ освѣщенъ сверху до низу. Едва только Мармонъ и Орловъ поднялись по лѣстницѣ и вступили въ ярко освѣщенныя гостинныя, какъ на встрѣчу имъ хлынула со всѣхъ сторонъ самая разнообразная публика. Тутъ были и военные въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ, и штатскіе въ мундирахъ и фракахъ. Все общество видимо давно уже ожидало прибытія маршала. Взоры всѣхъ обратились на него и на сопровождавшаго его русскаго полковника. Но маршалъ видимо не находилъ удобнымъ удовлетворить общему любопытству. Поручивъ Орлова внимательности своихъ адъютантовъ, онъ прошелъ прямо въ кабинетъ съ нѣкоторыми только особами.

[1]) Однажды маршалъ Мармонъ подозвалъ къ себѣ одного изъ адъютантовъ и тихимъ голосомъ отдалъ ему какой-то приказъ. Адъютантъ отправился и черезъ нѣсколько минутъ мы услышали въ сосѣдней улицѣ шумъ, причиняемый отрядомъ, идущимъ съ пушками. Этотъ шумъ не прекращался во все продолженіе переѣзда нашего; его направленіе совершенно утвердило меня въ первой мысли моей, что оба маршала, не желая подвергнуть Парижъ бѣдствію, которое бы неминуемо повлекло на него сопротивленіе, несогласное съ ихъ силами, не желая также увидѣть себя вынужденными къ эксцентрической ретирадѣ, которая могла бы ихъ лишить возможности соединиться съ Наполеономъ, рѣшились, съ общаго согласія, выйти изъ города на ихъ естественную коммуникацію. Впослѣдствіи я узналъ, что предположеніе мое совершенно оправдалось событіемъ» (Русская Старина, 1877 годъ, Декабрь, стр. 643—644).

Толпа разсѣялась по заламъ и разбилась на нѣсколько группъ. Въ каждой изъ нихъ шелъ самый оживленный разговоръ. Французы, вѣжливые вообще, на этотъ разъ забыли долгъ гостепріимства. Шутки и колкія эпиграммы стали сыпаться на русскаго полковника, но Орловъ, владѣвшій въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, ловкій, находчивый, не оставался въ долгу у своихъ собѣсѣдниковъ.

— „Много ли въ вашемъ лагерѣ казаковъ?“ спросилъ его одинъ офицеръ;—„что касается до меня, то мнѣ показалось сегодня, что на насъ нападаетъ цѣлая армія казаковъ, такъ войска ваши сражались въ разсыпную“.

— „Это было дѣйствіе вашей прекрасной защиты“,— отвѣчалъ ему Орловъ,—„а вы знаете, что русскіе равно не боятся битвы свалочной, какъ и стройнаго сраженія“.

— „Знаете-ли вы, гдѣ императоръ Наполеонъ?“ вмѣшался въ разговоръ другой офицеръ,—„онъ ночуетъ нынѣ въ Мо“.

— „Какъ!“ вскричалъ Орловъ, — „у генерала Сакена, который, сколько мнѣ извѣстно, не думалъ выходить оттуда съ тремя корпусами своими!“

— „А! у васъ еще три корпуса въ Мо“, —подхватилъ онъ. „Подлинно прекрасная побѣда—раздавить 38,000 храбрыхъ соединенными силами цѣлой Европы“.

— „Послушайте“,—сказалъ Орловъ,—„не сердитесь на насъ слишкомъ, на нашу вѣжливость. Мы хотѣли во чтобы то ни стало отблагодарить васъ за посѣщеніе, которымъ вы удостоили насъ точно въ томъ же сопровожденіи“.

Такая война словъ и фразъ продолжалась, впрочемъ, недолго. Собесѣдники скоро убѣдились, что ни въ мысляхъ, ни въ выраженіяхъ Орлова не было ничего оскорбительнаго для самолюбія. И „мало по малу эпиграммы замѣнились разговоромъ болѣе дружелюбнымъ“. Военные и другіе анекдоты полились рѣкою. Одинъ изъ офицеровъ разсказалъ Орлову, что, возвращаясь во время заключенія Тиль-

зитскаго мира къ арміи, онъ встрѣтилъ въ нѣмецкомъ трактирѣ множество французскихъ солдатъ. Разговарившись съ ними, онъ спросилъ ихъ между прочимъ о храбрости русскихъ. „О! О! знайте государь мой“,—сказалъ одинъ старый французскій гренадеръ,—„что когда сто французскихъ гренадеровъ и сто русскихъ встрѣтятся между собою, такъ только живые вступаютъ по тѣламъ убитыхъ“. Орловъ отвѣчалъ извѣстнымъ анекдотомъ о князѣ Багратіонѣ, который, защищая одинъ изъ бородинскихъ редутовъ, до такой степени былъ восторженъ неустрашимостію нападающей французской колонны, что ударилъ въ ладоши и прокричалъ „браво!“ непріятелямъ, сорвавшимъ его позицію.

Но, отзываясь съ похвалою о русскихъ, собесѣдники Орлова не могли хладнокровно говорить о другихъ націяхъ. Въ ихъ глазахъ одни только русскіе достойные враги французовъ. „Что такое австріецъ?“ говорили они,—„ничто иное, какъ презрѣнный, коварный врагъ, желающій воспользоваться чужими побѣдами. А пруссакъ? это мятежникъ, побѣжденный столько разъ, котораго слѣдуетъ наказать. А англичанинъ? это существо вѣроломное, способное вызвать лишь одно чувство ненависти“. И всѣ эти изліянія оканчивались сожалѣніемъ объ отступленіи отъ того, что французы называли Эрфуртской политикой.

— „Если бы“—говорили они, — „оба императора остались друзьями, то они раздѣлили бы между собою весь міръ“.

— „Но“—прибавляли нѣкоторые въ полголоса,—„и весь міръ былъ тѣсенъ для Наполеона“ [1]).

Между тѣмъ комнаты маршала не пустѣли; знатныя лица все прибывали и прибывали. Пріѣхалъ князь Талейранъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ. Это былъ человѣкъ хитрый, ловкій, великій мастеръ на всякаго рода ди-

[1]) Капитуляція Парижа въ 1814 году, Орлова, Русская Старина, 1877 г., Декабрь, стр. 644—647.

пломатическія интриги. Онъ прошелъ прямо въ кабинетъ маршала и оставался тамъ довольно долго. Вышедши изъ кабинета, онъ остановился на минуту среди толпы и сказалъ нѣсколько словъ присутствовавшимъ. Всѣ бросились узнать, что онъ говорилъ, и Орловъ остался почти одинъ въ своемъ углу. Талейранъ воспользовался этой минутой, подошелъ къ Орлову и сказалъ съ нѣкоторою торжественностью.

— „Милостивый государь мой, возьмите на себя трудъ повергнуть къ стопамъ вашего государя выраженія глубочайшаго почтенія, которое питаетъ къ особѣ его величества князь Беневентскій".

— „Князь",—отвѣчалъ Орловъ въ полголоса,—„будьте увѣрены, что я непремѣнно повергну къ стопамъ его величества этотъ документъ".

Легкая, почти незамѣтная улыбка скользнула по устамъ Талейрана. Довольный тѣмъ, что его поняли съ полслова, онъ вышелъ, не показывая съ своей стороны виду, что понялъ Орлова.

Появился генералъ Жирарденъ, адъютантъ Наполеона. Онъ прибылъ въ Парижъ съ чрезвычайно важными сообщеніями и повелѣніями своего государя. Наполеонъ увѣдомлялъ свои войска и парижанъ о своемъ скоромъ прибытіи въ столицу. Жирарденъ долженъ былъ прежде всего объявить о мирѣ съ Австріею, заключенномъ будто бы Наполеономъ, и попытаться внести тѣмъ раздоръ въ среду союзниковъ. Этимъ обманомъ Наполеонъ разсчитывалъ также ободрить парижанъ. Жирарденъ долженъ былъ взволновать населеніе Парижа, убѣдить гражданъ подняться съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своихъ домовъ, своихъ женъ и дѣтей.

Но, давая подобныя порученія Жерардену, Наполеонъ врядъ-ли самъ ожидалъ отъ нихъ чего нибудь хорошаго. Онъ мало надѣялся на энтузіазмъ парижанъ; доведенный до отчаянія, онъ готовъ былъ самъ обречь на гибель и унич-

тоженіе столицу Франціи съ ея милліоннымъ населеніемъ. Жирардену отданъ былъ словесный приказъ, истощивъ всѣ другія средства, взорвать Гренельскій пороховой магазинъ и погребсти подъ развалинами столицы и друзей, и враговъ.

Жирарденъ прибылъ въ Парижъ 18-го (30-го) Марта вечеромъ и тотчасъ же убѣдился, что онъ опоздалъ, что дѣло его государя въ Парижѣ проиграно окончательно. Капитуляція столицы была уже почти заключена, войска Мармона и Мортье уже начинали покидать свои позиціи и даже очищать самый городъ. Для возбужденія народнаго энтузіазма не было ни времени, ни возможности. Жирарденъ попробовалъ было предпринять кое-что для исполненія своей миссіи, но наталкивался повсюду или на полную апатію, или на сопротивленіе. Онъ требовалъ отъ полковника Лескура, завѣдывавщаго пороховымъ магазиномъ, чтобы онъ взорвалъ послѣдній въ самый моментъ вступленія союзниковъ въ Парижъ. Благородный Лескуръ наотрѣзъ отказался исполнить варварское приказаніе, пока не получитъ отъ самого Наполеона письменнаго на счетъ этого приказанія.

Потерпѣвъ неудачу во всѣхъ своихъ попыткахъ, Жирарденъ явился поздно вечеромъ въ отель Мармона. Его появленіе произвело сильное движеніе въ многочисленной публикѣ, наполнявшей комнаты маршала. „Всѣ почувствовали какъ бы предвкусіе присутствія великаго человѣка; у всѣхъ лица сдѣлались болѣе важны, и каждый принялъ гордую, воинственную осанку. Разговоръ превратился въ шопотъ на ушко".

Въ одиннадцать часовъ вечера подали обѣдъ. Орлову пришлось сидѣть за столомъ бокъ о бокъ съ Жирарденомъ. Онъ былъ знакомъ съ наполеоновскимъ генераломъ. Орловъ видѣлся съ Жирарденомъ и бесѣдовалъ съ нимъ въ 1812 году въ Вильнѣ у князя Невшательскаго. Умный, развязный, вполнѣ свѣтскій человѣкъ, Жирарденъ на этотъ разъ былъ, видимо не въ духѣ. Онъ былъ взволнованъ, раздра-

женъ и очевидно искалъ человѣка, на которомъ онъ могъ бы излить свою злобу. Русскій полковникъ, пріѣхавшій закончить переговоры о капитуляціи Парижа, показался ему самымъ подходящимъ человѣкомъ. Но Орловъ деликатно и ловко отразилъ всѣ нападенія Жирардена на союзниковъ и особенно русскихъ. Онъ доказалъ всѣмъ сидѣвшимъ за столомъ, что государю нашему ничего не нужно, что онъ заботится только о всеобщемъ мирѣ и желаетъ французамъ всего хорошаго. И „слова мои",—пишетъ Орловъ,—„не остались безъ дѣйствія. Я имѣлъ сладостное удовольствіе замѣтить это по удвоившимся ко мнѣ вѣжливостямъ и внимательности, съ которой мои слушатели тѣснились вокругъ меня. Все доказывало мнѣ, что посланіе мое морально было приведено къ исполненію. Предшественникъ воплощенной кротости, я направлялъ всѣ мои усилія къ одной только цѣли, именно, чтобы предуготовить парижанъ къ вступленію Александра, окруженнаго милосердіемъ, могуществомъ и величіемъ... Путь былъ теперь проложенъ, осталось ему только явиться" [1]).

Было уже очень поздно, когда собесѣдники поднялись изъ за стола. Время проходило, а дѣло между тѣмъ не подвигались впередъ. Орловъ уже началъ безпокоиться, когда, наконецъ, около двухъ часовъ пополуночи извѣстили о прибытіи графа Парра. Онъ привезъ къ Орлову письмо отъ графа Нессельроде, уполномочивавшее „привести къ окончанію великое дѣло парижской капитуляціи".

Прочитавъ письмо [2]), Орловъ и Парръ послали сказать

---

[1]) Тамъ же, стр. 653.

[2]) «Государь императоръ»,—говорилось въ письмахъ,—«по соглашенію съ г. фельдмаршаломъ княземъ Шварценбергомъ, находитъ болѣе выгоднымъ для союзныхъ армій не настаивать на томъ условіи, которое прежде было предлагаемо для очищенія Парижа, но союзники предоставляютъ себѣ право преслѣдовать французскую армію, по дорогѣ, которую изберетъ она для своего отступленія. Итакъ, вы уполномочиваетесь вмѣстѣ съ господиномъ полковникомъ графомъ Парромъ заключить конвенцію относительно сдачи и занятія Парижа, на тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы согласились, до отъѣзда моего, съ господами герцогами Рагузскимъ и Тревизскимъ» (см. Русская Старина, 1877 г., Декабрь, стр. 654).

герцогу Рагузскому, что они готовы составить и подписать капитуляцію Парижа. Мармонъ немедленно явился. Всѣ трое усѣлись въ гостинной около стола. Вокругъ нихъ остановились группы гостей. „Не произошло ни малѣйшаго спора, никакого затрудненія“. Орловъ взялъ листъ простой почтовой бумаги и принялся составлять статьи капитуляціи столицы. Графъ Парръ, опираясь на плечо Орлова, слѣдилъ глазами за письмомъ и по мѣрѣ написанія статей, изъявлялъ на нихъ свое согласіе. Черезъ четверть часа все было готово и Орловъ подалъ Мармону проектъ капитуляціи. Въ немъ содержалось слѣдующее.

1) Французскія войска, состоящія подъ начальствомъ маршаловъ герцоговъ Тревизскаго и Рагузскаго очистятъ городъ Парижъ 19-го (31-го) Марта въ 7 часовъ утра.

2) Они возьмутъ съ собой всю артиллерію и тяжести, принадлежащія къ этимъ двумъ корпусамъ.

3) Военныя дѣйствія должны начаться вновь не прежде, какъ спустя два часа по очищеніи города, т. е. 19-го (31-го) Марта, въ девять часовъ утра.

4) Всѣ военные арсеналы, заведенія и магазины будутъ оставлены въ томъ состояніи, въ какомъ находились до заключенія настоящей капитуляціи.

5) Національная гвардія пѣшая и конная совершенно отдѣляется отъ линейныхъ войскъ; она будетъ сохранена, обезоружена или распущена по усмотрѣнію союзниковъ.

6) Городскіе жандармы раздѣляютъ вполнѣ участь національной гвардіи.

7) Раненые и мародеры, которые найдутся въ городѣ послѣ девяти часовъ, останутся военноплѣнными.

8) Городъ Парижъ предается на великодушіе союзныхъ государей.

Маршалъ Мармонъ взялъ бумагу, и пробѣжалъ ее съ безпокойнымъ видомъ. Казалось, онъ опасался встрѣтить въ условіяхъ союзныхъ уполномоченныхъ причины къ новымъ

спорамъ. Но вскорѣ лицо его прояснилось. Онъ прочелъ всѣ статьи вслухъ ясно и отчетливо. Онъ какъ будто требовалъ отъ многочисленныхъ слушателей своихъ замѣчаній и совѣтовъ. Всѣ молчали, никто не сказалъ ни слова. Тогда маршалъ отдалъ бумагу Орлову и объявилъ, что, не имѣя ничего сказать противъ трактата ни со стороны содержанія, ни со стороны формы, онъ изъявляетъ на него свое полное согласіе. Вслѣдъ затѣмъ онъ препоручилъ двоимъ полковникамъ подписать его вмѣстѣ съ союзными уполномоченными. Подписи были сдѣланы тотчасъ-же и Орловъ, взявъ съ собою оригиналъ капитуляціи, тутъ-же снялъ съ него копію и вручилъ ее маршалу Мармону [1]).

Послѣ этого Орловъ сказалъ герцогу Рагузскому, что представители Парижа могутъ лично высказать, не стѣсняясь, свои желанія императору Александру. Поэтому приступлено было къ избранію депутаціи. Она составилась изъ префекта полиціи Пакье, сенскаго префекта Шаброля и нѣкоторыхъ членовъ городскаго совѣта и представителей національной гвардіи. Депутаты немедленно должны были явиться въ союзную главную квартиру.

День уже занимался, когда депутація отправилась въ Бонди, гдѣ тогда находилась главная квартира императора Александра. Орловъ былъ верхомъ, а депутаты ѣхали въ каретахъ. Путь пролегалъ черезъ бивуаки союзныхъ войскъ. Повсюду пылали громадные костры. Солдаты уже видимо отдохнули. Почти никто не спалъ. Всѣ чистили ружья, приводили въ порядокъ свои мундиры и аммуницію. „Солдаты приготовлялись торжествовать послѣдній актъ страшной борьбы, только что приведенной къ концу“.

Пріѣхавши въ главную квартиру, Орловъ ввелъ депутатовъ въ большую залу замка и велѣлъ увѣдомить объ ихъ прибытіи графа Нессельроде. Послѣдній тотчасъ къ нимъ

[1]) Капитуляція Парижа въ 1814 году, Орлова, Русская Старина, 1877 г., Декабрь, стр. 654—655.

явился. Между тѣмъ самъ Орловъ прямо пошелъ къ государю, который принялъ его, лежа въ постели.

— „Ну“,—сказалъ онъ Орлову,—„что вы привезли новаго?“

— „Вотъ капитуляція Парижа“,—отвѣчалъ тотъ.

Императоръ взялъ ее и прочелъ, сложилъ бумагу и, положивъ подъ подушку, сказалъ.

— „Поцѣлуйте меня; поздравляю васъ, что вы соединили имя ваше съ этимъ великимъ событіемъ“.

Государь заставилъ Орлова разсказать подробно о вечерѣ, который онъ провелъ заложникомъ у маршала Мармона. Александръ выказалъ большое удивленіе, когда узналъ о встрѣчѣ русскаго парламентера съ княземъ Талейраномъ.

— „Пока это только анекдотъ“,—замѣтилъ государь,—„но онъ можетъ обратиться въ исторію“.

Отпустивъ затѣмъ Орлова, императоръ Александръ заснулъ глубокимъ сномъ почти въ ту же минуту [1]).

Около шести часовъ утра 19-го (31-го) Марта государь принялъ парижскую депутацію. Графъ Нессельроде представлялъ ему поименно ея членовъ. Александръ обратился къ нимъ съ рѣчью, которую Пакье въ своихъ запискахъ воспроизвелъ слѣдующимъ образомъ: „У меня только одинъ врагъ во Франціи,—это человѣкъ, который обманулъ меня самымъ недостойнымъ образомъ, который употребилъ во зло довѣріе, который нарушилъ по отношенію ко мнѣ всѣ свои клятвы, который внесъ въ мое государство войну самую беззаконную, самую возмутительную. Всякое примиреніе между нимъ и мною отнынѣ невозможно; но, повторяю, у меня во Франціи нѣтъ другого врага. Всѣ французы, за исключеніемъ его, пользуются моимъ благоволеніемъ. Я уважаю Францію и французовъ и желаю, чтобы они поставили меня въ положеніе, которое дало бы мнѣ возможность сдѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 655—656.

лать имъ добро. Я чувствую мужество и славу всѣхъ храбрыхъ, противъ которыхъ я сражаюсь уже два года и которыхъ я научился уважать при всѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ они находились. Я всегда буду готовъ оказать имъ справедливость и принадлежащія имъ по праву почести. Передайте же, господа, парижанамъ, что я не вступаю въ ихъ стѣны въ качествѣ врага и что отъ нихъ зависитъ имѣть меня другомъ; но скажите также, что у меня есть единственный врагъ во Франціи, и что въ отношеніи къ нему я непримиримъ". Пакье прибавляетъ, что государь, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, повторялъ эту свою послѣднюю мысль на двадцать различныхъ ладовъ и всегда съ выраженіемъ самой крайней запальчивости.

Перейдя затѣмъ къ подробностямъ занятія Парижа, императоръ Александръ согласился предоставить охраненіе спокойствія въ столицѣ національной гвардіи. Государь далъ слово, что онъ ничего не потребуетъ отъ жителей, кромѣ жизненныхъ припасовъ для арміи. Войска рѣшено было расположить бивуаками.

Отпустивъ депутатовъ, оставшихся вполнѣ довольными пріемомъ своего великодушнаго побѣдителя, императоръ Александръ приказалъ графу Нессельроде немедленно отправиться въ Парижъ къ Талейрану, чтобы условиться съ нимъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять на первыхъ порахъ. Нессельроде въѣхалъ въ городъ въ сопровожденіи одного казака.

„Бульвары были покрыты разряженною толпой", — пишетъ графъ Нессельроде въ своихъ воспоминаніяхъ. „Казалось, народъ собрался, чтобы погулять на праздникъ, а не для того, чтобы присутствовать при вступленіи непріятельскихъ войскъ. Талейранъ былъ за туалетомъ. Полупричесанный, онъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу, бросился въ мои объятія и осыпалъ меня пудрой. Успокоившись нѣсколько, онъ велѣлъ позвать нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми

находился въ заговорѣ. То были герцогъ Дальбергъ, аббатъ де Прадтъ, баронъ Луи. Я передалъ своимъ собесѣдникамъ желаніе императора Александра, сказавъ имъ, что онъ остановился окончательно на одной мысли—не оставлять Наполеона на французскомъ престолѣ; что затѣмъ вопросъ, какой порядокъ вещей долженъ водвориться отнынѣ, будетъ разрѣшенъ государемъ не иначе, какъ по совѣщаніи съ тѣми выдающимися людьми, съ которыми ему предстоитъ войти въ сношеніе“ [1]).

Императоръ Александръ намѣревался поселиться въ Елисейскомъ дворцѣ, но получивъ увѣдомленіе, что подъ дворецъ этотъ подведены мины, послалъ полученное имъ извѣстіе графу Нессельроде. Талейранъ, узнавъ объ этомъ, не хотѣлъ вѣрить этому сообщенію, но изъ предосторожности, предложилъ государю остановиться въ его отелѣ. Онъ, князь Беневентскій, почтетъ за величайшую милость подобную честь; его отель снабженъ къ тому-же всѣмъ необходимымъ для пріема высокаго посѣтителя. Эта поднявшаяся тревога, по всей вѣроятности, была подготовлена самимъ изворотливымъ, хитрымъ Талейраномъ, заручившимся, такимъ образомъ, присутствіемъ главы союзниковъ въ своемъ домѣ.

Около восьми часовъ утра императоръ Александръ выѣхалъ изъ Бонди по дорогѣ къ Парижу.

[1]) Императоръ Александръ I-й, его жизнь и царствованіе, Шильдеръ, т. III-й, стр. 208—210.

Въѣздъ императора Александра 1-го въ Парижъ.

Утромъ 19-го (31-го) Марта на дворѣ Бондисскаго замка свита нашего государя ожидала его выхода. Ровно въ восемь часовъ государь выѣхалъ изъ Бонди. Начался „день, безпримѣрный въ исторіи“,—начался торжественный въѣздъ императора Александра въ Парижъ. Государь ѣхалъ на великолѣпной свѣтло-сѣрой лошади, подаренной ему Коленкуромъ въ бытность его посломъ при нашемъ дворѣ. Онъ былъ одѣтъ въ парадный мундиръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Роскошный бѣлый султанъ разсыпался на его шляпѣ. Проѣхавъ съ версту, государь встрѣтилъ короля прусскаго. Поздоровавшись съ нимъ, онъ направился къ построеннымъ вдоль шоссе войскамъ. Осмотрѣвъ гвардейскую пѣхоту и пропустивъ мимо себя прусскую и русскую легкую гвардейскую кавалерію, назначенную идти въ головѣ шествія, императоръ двинулся впередъ къ Пантенской заставѣ. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и княземъ Шварценбергомъ. Онъ ѣхалъ медленно, сопровождаемый свитою въ числѣ болѣе тысячи генераловъ и офицеровъ различныхъ націй. Это былъ цѣлый потокъ разноцвѣтныхъ султановъ, вышитыхъ золотомъ мундировъ, орденовъ, лентъ. Красивые богато убранные кони, блистающее на солнцѣ оружіе и пестрое убранство придавали всему кортежу [1]) въ высшей

---

[1]) Кортежъ—торжественный поѣздъ, свита.

степени разнообразный и красивый видъ. Въ свитѣ находились великій князь Константинъ Павловичъ, кронпринцъ Виртембергскій, принцы Фридрихъ-Вильгельмъ и Вильгельмъ, дѣти короля прусскаго, Барклай-де-Толли, Милорадовичъ и сотни другихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ. Недоставало только Блюхера; престарѣлый фельдмаршалъ передъ самымъ входомъ союзниковъ въ Парижъ захворалъ. За свитою, въ небольшомъ разстояніи, шли австрійскіе гренадеры, русскіе гренадерскій корпусъ, гвардейская пѣхота и три кирасирскія дивизіи съ артиллеріею. Все это были лучшія, отборныя войска. Превосходная дисциплина въ ихъ рядахъ, внѣшняя выправка, доведенная до высшей степени совершенства, красивый подборъ людей и коней, — все это должно было производить самое блестящее и внушительное впечатлѣніе. Торжественные звуки трубъ и военной музыки оглашали окрестность. Прекраснѣйшая погода благопріятствовала торжественной обстановкѣ этого незабвеннаго дня.

Что чувствовалъ тогда императоръ Александръ? Что думалъ государь, пережившій тяжелое испытаніе Аустерлица, блескъ Тильзитскаго свиданія, переживщій пожаръ Москвы? Онъ съ полнымъ смиреніемъ готовился отплатить за испытанныя огорченія и зло неслыханнымъ въ исторіи великодушіемъ; онъ хотѣлъ воздать добромъ за зло. Побѣдитель, явясь въ Парижъ, думалъ только о счастіи побѣжденныхъ. Еще въ Вильнѣ, въ Декабрѣ 1812 года, императоръ Александръ сказалъ: „Наполеонъ могъ даровать миръ Европѣ. Могъ,—но не сдѣлалъ! Теперь очарованіе исчезло! Увидимъ, что лучше: заставить себя бояться или любить“ [1]). Въ Парижѣ государю предстояло обширное поприще для примѣненія на дѣлѣ этихъ великодушныхъ помысловъ и идеальныхъ стремленій.

---

[1]) Императоръ Александръ I-й въ воспоминаніяхъ Шуазель-Гуфье, Русская Старина, 1877 г., Декабрь, стр. 605.

Подозвавъ къ себѣ генерала Ермолова и указавъ ему незамѣтно на князя Шварценберга, государь сказалъ по-русски.

— „По милости этого толстяка не разъ у меня ворочалась подъ головою подушка“, и затѣмъ, помолчавъ съ минуту, спросилъ: „Ну что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простачка“.

— „Не знаю, государь“,—отвѣчалъ Ермоловъ,—„могу сказать только, что слова, которыя удостоился я слышать отъ вашего величества, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному“ [1]).

По мѣрѣ приближенія союзниковъ къ Парижу, начали показываться парижане. Толпы ихъ все густѣли и густѣли. Всѣ спрашивали: „гдѣ императоръ Александръ?“. Одинъ офицеръ русскаго генеральнаго штаба, ѣхавшій съ лейбъ-казаками впереди государя, безпрестанно повторялъ любопытнымъ: „бѣлая лошадь, бѣлый султанъ“.

Въ 11-мъ часу государь достигъ Пантенской заставы. У самыхъ воротъ императора Александра привѣтствовалъ во главѣ 20-го егерскаго полка герцогъ Евгеній Виртембергскій. Герцогъ представилъ императору полкъ, какъ покрывшій себя наибольшею славою въ теченіи всей кампаніи. Эти герои егеря принимали участіе въ 137 сраженіяхъ. Изъ 7000 нижнихъ чиновъ, поступившихъ въ ихъ ряды, начиная съ Апрѣля мѣсяца 1812 года, оставалось теперь на лицо 400 человѣкъ, а изъ 567 офицеровъ, перебывавшихъ за то же время въ полку, уцѣлѣло всего только 8 человѣкъ.

Императоръ принялъ привѣтствіе принца самымъ лю-

---

[1]) Этотъ достопамятный разговоръ императора Александра I-го съ А. П. Ермоловымъ приведенъ ген. Богдановичемъ въ сочиненіи «Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время», т. IV, стр. 507. Въ примѣчаніи авторъ прибавляетъ: «Слышано отъ А. П. Ермолова».

безнымъ, радушнымъ образомъ. Желая почтить его въ присутствіи представителей всей арміи и наградить его за великія его заслуги, государь обратился къ Евгенію съ такими словами: „поздравляю васъ съ чиномъ генерала отъ инфантеріи, или лучше сказать, поздравляю себя съ тѣмъ, что могу вамъ дать его“.

Отъ Пантенской заставы шествіе двинулось черезъ Сенъ-Мартенское предмѣстье,—одинъ изъ грязнѣйшихъ рабочихъ кварталовъ города Парижа. Улицы тутъ были грязныя и тѣсныя, дома старинные, закоптѣлые, выпачканные. Повсюду чувствовался какой-то удушливый, смрадный запахъ. Публика, тѣснившаяся на грязныхъ улицахъ, производила отталкивающее впечатлѣніе. Народу повсюду была бездна. Тысячи глазъ устремлены были отовсюду на блестящій кортежъ, но среди этой массы вовсе не было замѣтно чистой публики. Все это были блузники, мастеровые, фабричные рабочіе, ихъ жены и дѣти. На всѣхъ лицахъ ихъ выражалось лишь одно чувство тупаго, безсмысленнаго любопытства.

За рабочими предмѣстьями потянулись другіе городскіе кварталы, занятые болѣе зажиточными интеллигентными классами населенія. Шествіе вступило на сѣверный бульваръ и физіономія Парижа начала быстро измѣняться. Тутъ все имѣло парадный, праздничный видъ. По обѣимъ сторонамъ улицы потянулись дома, одинъ громаднѣе и изящнѣе другого. Пестрыя и разнообразныя вывѣски, великолѣпные магазины, богато разукрашенные балконы и колонны, широкіе каменные тратуары, затѣйливыя скульптурныя и архитектурныя изображенія замелькали передъ глазами иноземцевъ. И тутъ, среди этой блестящей обстановки, подъ этимъ яркимъ, ослѣпительнымъ солнцемъ, среди этихъ, только что покрывающихся нѣжною зеленью деревьевъ, тѣснились толпы публики, но эта публика была совсѣмъ уже другая, совсѣмъ непохожая на публику рабочихъ кварта-

ловъ. Тутъ вѣяло другимъ духомъ, тутъ все дышало приличіемъ, щеголеватостью. Массы этой публики наполняли всѣ тротуары и пространства, оставшіяся свободными отъ войска. Онѣ унизывали собою всѣ окна, балконы и даже крыши. Среди пестрой толпы зрителей особенно выдавались расфранченныя женщины всѣхъ сословій и общественныхъ положеній.

При первыхъ шагахъ на бульваръ на встрѣчу союзникамъ выѣхала странная процессія. То-была кавалькада [1]), состоявшая по крайней мѣрѣ изъ сотни парижскихъ щеголей, принадлежавшихъ къ самому высшему слою общества. Всѣ они ѣхали верхами на прекрасныхъ и богато убранныхъ лошадяхъ. Всѣ были одѣты, какъ одинъ человѣкъ, въ черные фраки. На всѣхъ были бѣлыя перчатки, у всѣхъ правая рука была перевязана бѣлою повязкою. Это были приверженцы Бурбоновъ — прежней королевской фамиліи. Это была настоящая политическая демонстрація [2]) въ пользу Бурбоновъ, устроенная ловкими агентами Талейрана. Щеголи подъѣхали къ свитѣ государя и втерлись въ ряды ея съ развязностью настоящихъ свѣтскихъ кавалеровъ. Они осыпали всѣхъ свитскихъ генераловъ и офицеровъ любезностями, старались обратить на себя вниманіе манарховъ, принцевъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Они превозносили союзниковъ и ихъ геройскихъ вождей и разражались бранью на императора Наполеона.

Но публика на эту продѣлку приверженцевъ Бурбонской династіи не обратила вниманія. Она была занята другимъ. Настроеніе ея было самое оживленное, радостное, почти восторженное. Къ возгласамъ любопытства, къ крикамъ изумленія стали присоединяться все чаще и чаще восклицанія

---

[1]) Кавалькада—всякій поѣздъ верхомъ на лошадяхъ.

[2]) Политическая демонстрація — заявленіе, гласное обнаруженіе народомъ, сословіемъ или союзомъ желаній своихъ, помощію скопища, празднества, отправки выборныхъ и проч.

симпатіи и сочувствія. Уже при первомъ появленія на бульварахъ союзниковъ парижане начали махать бѣлыми платками и крики: да здравствуютъ союзники! дайте намъ миръ! начали оглашать воздухъ. Энтузіазмъ возросъ, крики усилились еще болѣе, когда парижане увидѣли нашего государя. Бѣлыя ленты, букеты цвѣтовъ посыпались со всѣхъ балконовъ. Величественная, изящная фигура императора Александра, его глубоко-симпатическое лицо покорили ему и здѣсь при первомъ же взглядѣ всѣ сердца. Привѣтливое обращеніе государя, ласковыя слова, съ которыми онъ обращался къ народу, дѣйствовали на парижанъ какъ бы опьяняющимъ образомъ.

— „Вотъ онъ! Вотъ Александръ!“ кричали они въ восторгѣ, указывая его другъ другу. „Смотрите, какъ милостиво онъ кланяется, какъ хорошо говоритъ! Да здравствуетъ Александръ!“

— „Да здравствуетъ миръ!“ отвѣчалъ государь. „Я вступаю не врагомъ, а чтобы возвратить вамъ спокойствіе и свободу торговли“.

— „Мы уже давно ждали прибытія вашего величества“,—сказалъ одинъ французъ, успѣвшій протискаться до самаго государя.

— „Я пришелъ бы къ вамъ ранѣе“, — отвѣтилъ ему Александръ съ неподражаемою, ему одному свойственною, любезностію, — „но меня задерживала храбрость вашихъ войскъ“ [1]).

Слова императора Александра, передаваемыя изъ устъ въ уста, быстро разнеслись по всей многотысячной толпѣ. Съ этого момента энтузіазмъ народа достигъ крайнихъ предѣловъ. Парижъ встрѣчалъ побѣдителя Франціи такъ, какъ встрѣчаетъ отчизна своихъ побѣдоносныхъ сыновъ.

---

[1]) Исторія царствованія императора Александра I-го и Россіи въ его время, Богдановича, т. IV, стр. 508.

„Сначала французы“,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій,—„воображали увидѣть русскихъ людьми полудикими, изнуренныхъ походами, говорящихъ непонятнымъ для нихъ языкомъ, странно одѣтыхъ, съ понятіями застарѣлыми, и едва вѣрили глазамъ, видя красоту русскихъ мундировъ, блескъ оружія, веселую наружность войскъ, здоровыя лица, ласковое обращеніе офицеровъ, и слыша остроумные отвѣты ихъ на французскомъ языкѣ“. Они сначала считали русскихъ своими земляками. „Вы не русскіе“—говорили они намъ,—„вы эмигранты!“ Скоро удостовѣрились они въ противномъ, и вѣсть о невѣроятныхъ свойствахъ побѣдителей перелетала изъ устъ въ уста. Похвалы русскимъ загремѣли повсюду. Женщины изъ оконъ и съ балконовъ махали бѣлыми платками, привѣтствовали движеніемъ рукъ, и раздалось отъ одного конца Парижа до другаго: „да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ русскіе!“. Ликованія, возрастая безпрестанно, превзошли всякую мѣру. Съ трудомъ можно было ѣхать верхомъ. Парижане останавливали на каждомъ шагу лошадей нашихъ, превозносили, славили Александра, изрѣдка упоминая о другихъ союзникахъ“.

Чарующая внѣшность нашего государя, его изящное обращеніе, его слова, полныя гуманности и любви, поразили парижанъ. Они моментально поняли, что передъ ними явился не только ихъ побѣдитель, но и ихъ освободитель. И они бросились къ нему на встрѣчу, бросились со всѣмъ увлеченіемъ, свойственнымъ ихъ горячей натурѣ. Ободренные привѣтливостію Александра, парижане, тѣснясь вокругъ него, просили его остаться во Франціи.

— „Царствуйте надъ нами“, — говорили они, — „или дайте намъ монарха, похожаго на Васъ!“

Измученные не менѣе другихъ французовъ налогами и наборами Наполеона, парижане, обращаясь къ государю, говорили: „дайте намъ миръ! дайте миръ свѣту!“

„Никогда въ жизни“, — повѣствуетъ очевидецъ, — „не

видѣлъ я болѣе странныхъ сценъ, какъ въ этотъ замѣчательнѣйшій изъ дней. Все было увлечено настоящимъ потокомъ восторга и не было конца этому восторгу. Среди постоянно возрастающихъ кликовъ безчисленной массы народа, среди безпримѣрной толкотни, кипѣвшей вокругъ насъ, медленно подвигались мы впередъ къ Елисейскимъ полямъ. До сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ уцѣлѣлъ на государѣ его красный, кавалергардскій мундиръ. Сотни людей тѣснились вокругъ него, цѣловали его коня, его одежду, его ботфорты. И тутъ женщины подавали примѣръ: цѣлыми десятками хватались онѣ за сапоги и шпоры государя, были и такія, которыя цѣплялись за хвостъ его лошади. Государь терпѣлъ все, дозволялъ все. Среди страшной давки какой-то портной успѣлъ подать ему свой адресъ. Александръ принялъ его съ милостивою улыбкою. Этотъ первый примѣръ увлекъ за собою другихъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись къ государю руки съ адресами, съ прошеніями. Вскорѣ онъ не въ состояніи былъ принимать ихъ всѣ и поручилъ это дѣло одному изъ своихъ адъютантовъ“ [1]).

Среди такихъ-то сценъ достигло, наконецъ, шествіе Елисейскихъ полей. Тутъ императоръ Александръ остановился и сталъ смотрѣть проходившія церемоніальнымъ маршемъ войска, вступившія въ Парижъ. Величественное военное зрѣлище привлекло еще большія массы народа. Вся громадная площадь, всѣ сосѣднія улицы, всѣ крыши домовъ были переполнены сотнями тысячъ зрителей.

Сначала шли австрійцы“,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій. „Жандармы никакъ не могли удержать народъ, стремившійся въ ряды войскъ. Любопытные парижане тѣснили австрійскіе взводы, но когда показались русскіе гренадеры и пѣшая гвардія, французы, пораженные воинственною

---

[1]) Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, Надлера, т. V, стр. 25 и др.

осанкою ихъ, единодушно, какъ будто по нѣкоторому тайному согласію, отступили гораздо далѣе черты, назначенной для зрителей. Съ безмолвнымъ удивленіемъ взирали они на гвардейскій и гренадерскій корпуса, сознаваясь, что въ самое славное время французской имперіи, армія Наполеона не была въ такомъ блистательномъ положеніи, какъ сіи корпуса послѣ трехъ, совершенныхъ ими безсмертныхъ походовъ".

Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть небывалое военное зрѣлище, но очень многимъ это не удалось. Женщины и здѣсь дѣйствовали съ наибольшею отвагою и съ наибольшимъ успѣхомъ. Разсчитывая на любезность непріятельскихъ кавалеровъ, онѣ смѣло пробирались впередъ—въ самую средину свиты государя. Ни мало не стѣсняясь, онѣ обращались къ свитскимъ офицерамъ съ просьбою дозволить имъ взлѣсть на ихъ лошадей, чтобы удобнѣе смотрѣть церемоніальный маршъ непріятельскихъ войскъ, чтобы удобнѣе видѣть императора Александра. Полковникъ Левенштернъ былъ первый, подавшій другимъ союзнымъ офицерамъ примѣръ рыцарской услужливости. „Я скоро вступилъ въ бесѣду", — разсказываетъ онъ,—„съ одною молодою очень хорошенькою и прелестно одѣтою дамою. Она сама пробралась ко мнѣ и смѣло ухватилась своими миніатюрными ручками за узду моей лошади. Она просила меня показать ей монарховъ, князя Шварценберга и другихъ знатныхъ лицъ. Ея положеніе между лошадьми казалось мнѣ крайне неудобнымъ и я предложилъ ей подняться ко мнѣ на сѣдло. Безъ малѣйшихъ околичностей приняла она мое предложеніе, смѣло и ловко взлѣзла на коня и все время смотра сидѣла передо мною на сѣдлѣ, держась за гриву лошади". Примѣръ этой амазонки нашелъ себѣ послѣдователей. Вскорѣ нѣсколько десятковъ изящно одѣтыхъ дамъ очутились на коняхъ. Многіе всадники уступили своихъ лошадей дамамъ, другіе взяли ихъ къ себѣ на сѣдла. Государь, замѣтивъ эти продѣлки,

указалъ на нихъ съ улыбкою королю прусскому. Князь Шварценбергъ въ свою очередь, смѣясь, сказалъ: „какъ бы не вышло изъ этого новаго похищенія сабинянокъ“. И не прошло пяти минутъ послѣ этого, какъ около фельдмаршала очутилась одна парижанка. Полнота генерала, покрытаго орденами и звѣздами привлекла ея вниманіе.

— „Мсьё!“ обратилась парижанка къ нему. „Не можете-ли вы показать мнѣ короля прусскаго?“

— „Не угодно-ли вамъ взглянуть на лѣво, на моего сосѣда“.

— „А Блюхеръ?“ продолжала спрашивать француженка.

— „Его нѣтъ здѣсь“.

— „А Веллингтонъ?“

— „Онъ пока еще сражается“.

— „А Шварценбергъ?“

— „Онъ имѣетъ честь говорить съ вами“.

— „Ахъ, Боже мой, князь, какъ я счастлива познакомиться съ такимъ знаменитымъ человѣкомъ. Теперь я не сомнѣваюсь, что онъ носитъ на плечахъ своихъ всю Европу“.

Назойливость парижскихъ дамъ возрастала съ каждою минутою. Самыя серьезныя лица изъ свиты государя не въ состояніи были противостоять ихъ просьбамъ. Даже принцъ Евгеній Виртембергскій принужденъ былъ уступить своего коня какой-то молодой дѣвушкѣ.

— „Молодой господинъ!“—обратилась она къ нему, —„будьте такъ милостивы,—возьмите меня на сѣдло; я умираю отъ любопытства“.

— „Мадемуазель!“ — отвѣчалъ принцъ, „я состою на службѣ“.

— „А что это значитъ?“

— „А то, что мнѣ можетъ прійтись стать во главѣ отряда и обнажить шпагу“.

— „О! въ такомъ случаѣ, я буду держать ее вамъ“.

— „Вы слишкомъ обязательны, мадемуазель! Могу-ли я узнать ваше имя?“

— „Меня зовутъ Луизою. — Отецъ мой торгуетъ суконами.—Онъ будетъ крайне доволенъ видѣть васъ у себя“.

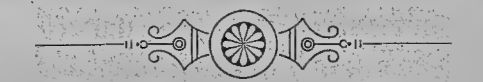
— „А въ такомъ случаѣ — просьба ваша должна быть исполнена“. И принцъ уступилъ дѣвицѣ своего коня.

Во время смотра одинъ французъ подошелъ къ Михайловскому-Данилевскому, находившемуся вблизи императора Александра, и просилъ предупредить государя, чтобы онъ не останавливался въ Тюльерійскомъ дворцѣ; — въ погребахъ послѣдняго положенъ порохъ съ намѣреніемъ взорвать его. Данилевскій „сообщилъ это извѣстіе князю Волконскому“. Послѣдній „сказалъ, что императоръ избралъ на первое время своего здѣсь пребыванія домъ Талейрана“. Въ это время Данилевскій увидѣлъ одного человѣка, который вдругъ, среди толпы, подлѣ самого государя поднялъ вверхъ ружье. „Мгновенно я на него бросился“,—разсказываетъ Данилевскій,—„и, почувствовавъ въ себѣ необыкновенную силу, вырвалъ у него ружье, схватилъ его за воротъ и закричалъ жандармамъ, чтобы они его взяли. Ужасный шумъ произошелъ въ народной толпѣ; „онъ пьянъ“,—говорили французы, столько же изумленные появленіемъ сего ружья, а государь, передъ глазами коего все сіе происходило, повторилъ нѣсколько разъ съ торопливостью: „Оставь его, Данилевскій, оставь его“. Одному небу извѣстны намѣренія сего человѣка, который скрылся въ толпѣ народа, но я почту себя всю жизнь счастливымъ, что я исторгъ оружіе изъ рукъ его. Свидѣтелемъ сего явленія былъ одинъ тогдашній товарищъ мой, Щербининъ, потому что всѣ чиновники, принадлежавшіе къ свитѣ государя, находились въ нѣкоторомъ разстояніи“ [1]).

---

[2]) Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, Шильдера, т. III, стр. 213—214.

Смотръ кончился въ пятомъ часу пополудни. Императоръ Александръ отправился пѣшкомъ въ Сенъ-Флорентинскую улицу въ домъ Талейрана, гдѣ все было готово къ его пріему. Князь встрѣтилъ государя у подъѣзда и почтительно привѣтствовалъ его. Александръ дружески подалъ руку Талейрану и вмѣстѣ съ нимъ прошелъ въ комнаты. Войска, вступившія въ Парижъ, расположились бивуаками по главнымъ парижскимъ площадямъ, а больше всего вдоль Елисейскихъ полей.

Наполеонъ передъ отреченіемъ своимъ отъ престола.

На другой день послѣ нерѣшительнаго сраженія при Арси [1]) Наполеонъ съ своими войсками сталъ отступать. Отступленіе это совершалось днемъ, въ виду всей сто-тысячной арміи союзниковъ. Наполеонъ хотѣлъ обойти ихъ, зайти имъ въ тылъ и отрѣзать ихъ отъ Рейна. Онъ былъ убѣжденъ, что союзники пойдутъ за нимъ и такимъ образомъ отдалятся отъ Парижа.

Эта военная хитрость Наполеона стала было, повидимому, удаваться. Изъ арріергарда пришло извѣстіе, что сильныя непріятельскія массы спѣшатъ по пятамъ французской арміи. Лазутчики доносили даже, что въ Сенъ-Дизье заготовляются уже квартиры для союзныхъ государей. Наполеонъ обрадовался, вообразивъ, что непріятели пошли въ поставленную имъ ловушку. Но вскорѣ пришло извѣстіе, что между преслѣдующими войсками союзниковъ незамѣтно вовсе пѣхоты, что онѣ состоятъ, повидимому, изъ одной легкой конницы. Наполеонъ задумался. Желая открыть, во что бы то ни стало, истину, Наполеонъ собралъ поспѣшно войска, находившіяся вблизи, и двинулся съ ними на Сенъ-Дизье. Тутъ онъ встрѣтился съ нашимъ генераломъ Винцингероде, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи десяти-тысячный конный отрядъ. Винцингероде долженъ былъ, какъ читатели

---

[1]) 9-го (21-го) Марта.

наши уже знаютъ, прикрывать движеніе союзныхъ армій къ Парижу и разыгрывать роль авангарда. Онъ не успѣлъ уклониться отъ грозившаго ему удара. Атакованный превосходными силами Наполеона у Сенъ-Дизье, онъ потерпѣлъ полное пораженіе. Разбитыя союзныя войска отступили. Но Наполеонъ не могъ радоваться свой побѣдѣ. Это сраженіе вполнѣ подтвердило донесенія, что непріятельскія войска, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, состояли изъ одной легкой конницы. Изъ разспросовъ плѣнныхъ Наполеонъ убѣдился, что за нимъ слѣдуетъ только кавалерійскій отрядъ и что главная армія его враговъ двинулась уже два дня тому назадъ на Парижъ.

— „Это прекрасный шахматный ходъ!“ воскликнулъ Наполеонъ,—„я никогда бы не повѣрилъ, что генералъ коалиціи способенъ сдѣлать это!“

Узнавъ объ опасности, угрожавшей Парижу, Наполеонъ рѣшилъ поспѣшить къ нему на выручку. Онъ зналъ, что съ занятіемъ союзниками Парижа рѣшится и его судьба. Чтобы предупредить это рѣшеніе, чтобы не выпустить Парижа изъ рукъ, онъ долженъ былъ спѣшить впередъ съ своею арміей. И Наполеонъ немедленно, 15-го (27-го) Марта, направилъ имѣвшіяся у него силы къ Парижу черезъ Труа и Фонтенебло.

Войска пошли ускоренным[illegible]емъ. Отданъ былъ приказъ маршировать день и ночь; для отдыха назначено было только нѣсколько часовъ въ сутки. А между тѣмъ погода была ужасная. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Дороги превратились въ непроходимыя болота. Армія нуждалась въ самомъ необходимомъ, не хватало даже хлѣба, солдаты совсѣмъ оборвались, многіе шли босикомъ. Лошади выбивались изъ силъ и сотнями падали на дорогѣ. Приказано было закапывать въ землю орудія, лишившіяся упряжныхъ лошадей, взрывать на воздухъ пороховые ящики.

Наполеонъ, какъ безумный, гналъ впередъ свои истом-

ленныя, измученныя войска. 17-го (29-го) Марта онъ прибылъ въ Дуланкуръ на Сенѣ и отправилъ отсюда генерала Дежана въ Парижъ съ извѣстіемъ о своемъ скоромъ прибытіи. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, армія поспѣшно двинулась дальше. Напрягая свои послѣднія силы, императорская гвардія прошла въ полдня 45 верстъ и утромъ 18-го (30-го) Марта прибыло въ Труа. До Парижа оставалось еще 150 верстъ. Отсюда посланъ былъ новый вѣстникъ въ столицу, генералъ Жирарденъ. И онъ долженъ былъ объявить о скоромъ прибытіи Наполеона.

Послѣ двухъ часовой остановки въ Труа, Наполеонъ двинулся впередъ съ своею гвардіею. Но гвардія вскорѣ не въ состояніи была идти дальше. Тогда Наполеонъ, отдавъ приказъ, чтобы армія слѣдовала за нимъ какъ можно скорѣе, поскакалъ въ Парижъ на почтовыхъ. Вмѣстѣ съ нимъ ѣхали Бертье и Коленкуръ.

По дорогѣ Наполеонъ то и дѣло получалъ непріятныя вѣсти. Онъ узналъ о бѣгствѣ своей жены и сына изъ Парижа, о появленіи непріятеля подъ стѣнами столицы, о началѣ боя. Нетерпѣніе Наполеона, его волненіе возрастали съ каждою минутою. Никогда еще разстояніе не казалось ему столь безконечнымъ, а бѣшеный бѣгъ лошадей столь медленнымъ. Наполеонъ самъ понукалъ почтальоновъ. Но вотъ онъ уже близокъ къ цѣли. Вдали показалась станція Ла-Куръ-де-Франсъ; отъ нея оставалось всего лишь двадцать верстъ до Парижа. Наполеонъ могъ пролетѣть это разстояніе въ какой-нибудь часъ. Но вмѣстѣ съ станціею Наполеонъ увидѣлъ во мракѣ ночи и нѣчто другое. Темныя массы двигались къ нему на встрѣчу по направленію отъ Парижа. Еще минута и коляска императора остановилась среди кавалерійскаго отряда, наполнявшаго всю дорогу. Страшное предчувствіе стѣснило грудь Наполеона. Онъ выскочилъ изъ коляски. Первый, кто ему попался на глаза, былъ генералъ Бельяръ. Наполеонъ схватилъ генерала за руку.

— „Гдѣ армія?“ спросилъ онъ его дрожащимъ голосомъ.

— „Она слѣдуетъ за мною, государь“,—отвѣчалъ Бельяръ.

— „А непріятель?“

— „Онъ стоитъ у воротъ Парижа?“

— „Кто занимаетъ городъ?“

— „Никто! онъ очищенъ всѣми войсками“.

— „Очищенъ?“ продолжалъ спрашивать Наполеонъ какъ бы во снѣ.—„А мой сынъ, моя жена, мое правительство, гдѣ они?“

— „На Луарѣ, государь!“

— „Кто же принялъ подобное рѣшеніе?“

— „Государь, говорятъ, что это было сдѣлано на основаніи вашихъ распоряженій“.

— „Въ моихъ приказахъ не заключалось ничего подобнаго.... но Іосифъ, Кларке, Мармонъ, Мортье, куда дѣвались они, что дѣлали они?“

— „Государь, мы не видѣли за цѣлый день ни Іосифа, ни Кларке, но Мармонъ и Мортье вели себя, какъ храбрые люди... Ахъ государь, если бы у насъ было 10,000 резерва, и если бы съ нами были вы, то мы бы отбросили союзниковъ за Сену, спасли Парижъ и отстояли бы честь нашей арміи“.

— „Безъ сомнѣнія“,—замѣтилъ императоръ,—„если бы я былъ съ вами. Но я не могу быть вездѣ“.

Наполеонъ стоялъ нѣсколько минутъ какъ уничтоженный. Страшный, неожиданный ударъ ошеломилъ его. Казалось, онъ потерялъ способность думать, разсуждать, дѣйствовать. Но потомъ онъ вдругъ вышелъ изъ своего оцѣпененія. Припадокъ бѣшенства напалъ на него. Наполеонъ метался изъ стороны въ сторону, кричалъ, какъ безумный. Онъ осыпалъ страшными ругательствами и проклятіями виновниковъ парижской катастрофы. Онъ называлъ своего брата подлымъ, презрѣннымъ трусомъ. Онъ клеймилъ военнаго министра Кларке именемъ измѣника. Онъ восклицалъ, что въ его

отсутствіе всѣ его подчиненные дѣлаютъ только глупости. Какъ въ былое время, такъ и теперь, Наполеонъ думалъ поправить все однимъ своимъ появленіемъ. Онъ объявилъ, что онъ пойдетъ на Парижъ, соберетъ войско, призоветъ къ оружію народъ, погребетъ себя подъ развалинами столицы. Дикая корсиканская натура проснулась въ немъ. Грубыя, простонародныя ругательства, грязные эпитеты сыпались изъ его устъ.

Между тѣмъ со стороны Парижа подходили все новыя и новыя войска. Вокругъ Наполеона собралась цѣлая группа генераловъ и офицеровъ. Императоръ продолжалъ кричать и неистовствовать. Онъ приказывалъ, чтобы всѣ войска шли немедленно на Парижъ, чтобы ему подали тотчасъ же его коляску. Никто не думалъ, однакоже, исполнять его приказаній. Даже коляска не появлялась. Коленкуръ распорядился потихоньку, чтобы не закладывали лошадей. Всѣ окружающіе смотрѣли на Наполеона, какъ на человѣка, потерявшаго разсудокъ. Давъ ему накричаться, они объявили, что они не въ состояніи исполнить его приказаній. Болѣе деликатные изъ генераловъ начали доказывать ему, что невозможно защищать Парижъ послѣ потери высотъ, что городъ уже вѣроятно занятъ непріятелемъ, что, продолжая далѣе свое путешествіе, онъ рискуетъ попасть въ плѣнъ. Бельяръ-же прямо объявилъ ему, что онъ вышелъ изъ Парижа по условію капитуляціи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ возвратиться туда.

Наполеонъ вздрогнулъ при этихъ словахъ генерала.

— „Капитуляція!“—закричалъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства,—„а какой подлецъ заключалъ ее?“

— „Честные люди, которые не могли поступить иначе“,—отвѣчалъ Бельяръ.

Но Наполеонъ уже не слышалъ этого отвѣта. Онъ пропродолжалъ идти впередъ по шоссе, громко требуя свою коляску, осыпая ругательствами и проклятіями все и всѣхъ.

Вдругъ онъ столкнулся почти лицемъ къ лицу съ пѣхотнымъ офицеромъ, по имени Курьяномъ. Наполеонъ подозвалъ его къ себѣ и услышалъ отъ него, что пѣхота, защищавшая Парижъ, давно уже вышла изъ города, что она находится здѣсь, въ двадцати верстахъ отъ столицы.

Эта вѣсть произвела на императора потрясающее впечатлѣніе. Онъ смутно понялъ, что все потеряно для него, что ему остается лишь одинъ выборъ между смертью и безславною покорностью побѣдителямъ. Сраженный судьбою, Наполеонъ остановился у двухъ колодезей, находившихся при дорогѣ. Безсильно опустился онъ на край одного изъ нихъ и, закрывъ лицо руками, застылъ на мѣстѣ.

Прошло около получаса. Наполеонъ не трогался съ мѣста. Генералы, офицеры, толпившіеся вокругъ него, хранили глубокое молчаніе. Обычный страхъ передъ грознымъ повелителемъ утратилъ еще для нихъ своего послѣдняго обаянія.

Наконецъ, Наполеонъ очнулся. Прежняя энергія, казалось, возвратилась къ нему. Онъ уже не чувствовалъ ни физической усталости, ни нравственнаго удрученія. Ему вдругъ показалось, что еще не все кончено, что есть еще возможность бороться съ судьбою. Наполеонъ потребовалъ столъ, свѣчи, карту. Тутъ-же на мѣстѣ онъ хотѣлъ сдѣлать свои соображенія, раздать приказанія. Окружающіе почтительно предложили ему взойти въ станціонный домикъ. Онъ послѣдовалъ ихъ предложенію. Сопровождаемый Бертье и Коленкуромъ, Наполеонъ вошелъ въ комнату и долгое время оставался у стола, разсматривая свои карты, погруженный въ глубокое размышленіе.

— „Если бы у меня была здѣсь армія“,—вдругъ заговорилъ онъ, — „то все можно было бы поправить. Александръ пойдетъ показаться парижанамъ, онъ не золъ, онъ не сожжетъ Парижа, онъ хочетъ лишь показать себя великому городу. Онъ устроитъ завтра парадъ; одна часть

его солдатъ будетъ на правомъ берегу Сены, другая — на лѣвомъ; одна половина въ Парижѣ, другая—за городомъ, а въ такомъ положеніи я легко истребилъ-бы ихъ всѣхъ, будь лишь у меня моя армія. Населеніе присоединилось бы ко мнѣ, оно забросало бы союзниковъ всякою всячиною. Бургонскіе крестьяне добили бы ихъ окончательно. Ни одинъ изъ нихъ не ушелъ бы обратно за Рейнъ, и величіе Франціи было бы возстановлено. Ахъ! если бы у меня была армія! но она будетъ не раньше какъ черезъ три, четыре дня. А! зачѣмъ не продержались они хотя еще нѣсколько часовъ".

Страсть видимо начинала заглушать въ Наполеонѣ опять спокойный голосъ разсудка. Лицо его пылало гнѣвомъ. Онъ метался взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ.

— „Но государь", — сказалъ Коленкуръ, желая успокоить своего повелителя,—„армія прійдетъ черезъ четыре дня и тогда ваше величество совершите то, что невозможно сдѣлать сегодня".

Услыхавъ эти слова, Наполеонъ повернулся къ говорившему.

— „А! Коленкуръ", — воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ,—„вы не знаете людей! — Три дня, два дня! Вы не знаете, что можно сдѣлать въ этотъ короткій срокъ! Вы не знаете, сколько интригъ будетъ пущено въ ходъ противъ меня; вы не знаете, сколько людей готовы бросить меня. Если хотите, я назову ихъ вамъ всѣхъ. Смотрите, они говорятъ, что я самъ приказалъ удалить изъ Парижа императрицу и моего сына; это правда, но вѣдь я не могъ сказать всего, я не могъ сказать, что императрица—дитя, что ею могутъ воспользоваться противъ меня, что отъ нея могутъ вынудить, Богъ знаетъ, какіе акты противъ меня! Но забудемъ этихъ презрѣнныхъ! Три дня, четыре дня, — это слишкомъ долго! Армія прибудетъ и если только мнѣ помогутъ, Франція будетъ спасена".

Послѣ этого Наполеонъ приказалъ Коленкуру немедленно отправиться въ Парижъ, а оттуда въ главную квартиру императора Александра. Въ Парижѣ онъ долженъ былъ предупредить готовящійся переворотъ; Александра онъ долженъ былъ обмануть мирными предложеніями и коварными переговорами. Коленкуръ долженъ былъ „выиграть ему два, три дня. За это время армія подойдетъ“,—говорилъ Наполеонъ,—„и явится возможность вступить въ послѣдній, отчаянный бой“.

Честный, благородный Коленкуръ былъ неспособенъ играть роль обманщика, которую возложилъ на него Наполеонъ. Герцогъ думалъ воспользоваться своею миссіею въ иномъ смыслѣ. Онъ хотѣлъ предпринять послѣднюю попытку спасти Наполеона вопреки ему самому. Быть можетъ, ему удастся подѣйствовать въ пользу Наполеона на благороднаго и великодушнаго Александра,—быть можетъ, ему удастся что нибудь сдѣлать для спасенія его трона. Съ слабою надеждою на успѣхъ Коленкуръ оставилъ почтовый домикъ въ Ла-Куръ-де-Франсъ и поспѣшилъ въ Парижъ.

Наполеонъ оставался еще нѣкоторое время на станціи. Онъ рѣшилъ отправиться въ сосѣднее Фонтенебло, въ тотъ самый замокъ, гдѣ еще такъ недавно томился въ плѣну папа Пій VII, одна изъ жертвъ его ненасытнаго властолюбія. Отдавъ приказаніе войскамъ, прибывавшимъ изъ Парижа, занять позиціи вдоль праваго берега Эссонскаго ручья, Наполеонъ выѣхалъ со станціи на зарѣ 19-го (31-го) Марта въ сопровожденіи маршала Бертье.

Коленкуръ, между тѣмъ, прибылъ въ Парижъ уже по наступленіи разсвѣта. Онъ не нашелъ непріятеля въ городѣ, но судьба столицы рѣшена была уже безповоротно. Въ Парижѣ вовсе не было французскихъ войскъ, лишь на городскихъ заставахъ оставались небольшіе караулы, которые должны были сдать ихъ союзникамъ. Коленкуръ узналъ, что въ Парижѣ не осталось ни одного представителя импе-

раторскаго правительства, что всѣ они бѣжали или спрятались тотчасъ-же послѣ отъѣзда короля Іосифа. Герцогъ поспѣшилъ въ городской домъ. Тутъ онъ узналъ, что капитуляція Парижа подписана и утверждена окончательно, что оба префекта и городская депутація отправилась уже въ Бонди, главную квартиру императора Александра. Тутъ ему передали, что населеніе столицы совершенно спокойно и ожидаетъ съ нетерпѣливымъ любопытствомъ вступленія союзниковъ въ Парижъ.

Не теряя ни минуты времени, Коленкуръ, въ сопровожденіи трубача, выѣхалъ въ Бонди. Его пропустили безпрепятственно черезъ союзные форпосты. Проѣзжая черезъ бивуаки, герцогъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ шумной и радостной жизни, кипѣвшей въ союзномъ станѣ. На пути онъ встрѣтилъ парижскую депутацію, возвращавшуюся изъ Бонди. Депутаты передали Коленкуру подробности аудіенціи. Они были въ восторгѣ отъ пріема, оказаннаго имъ императоромъ Александромъ; они превозносили до небесъ благородство и великодушіе нашего государя.

Коленкуръ, искренно преданный Наполеону, былъ опечаленъ этими разсказами. Онъ понялъ, что Александръ побѣдилъ Парижъ не только силою оружія, но и силою кроткаго, христіанскаго своего величія. Послѣдняя почва исчезла подъ ногами уполномоченнаго Наполеона. Коленкуръ убѣдился въ безуспѣшности своей миссіи; онъ подумалъ, что императоръ Александръ не захочетъ принять его. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ ошибся.

Государь, какъ только узналъ о пріѣздѣ Коленкура, тотчасъ-же принялъ его, хотя до начала торжественнаго вступленія въ Парижъ оставалось не болѣе часа. Онъ встрѣтилъ входящаго герцога какъ стараго своего знакомаго и усадилъ его рядомъ съ собою.

— „Я чуждъ всякаго чувства мести“, — сказалъ государь, — „я хочу только мира. Не найдя его въ Шатильонѣ,

я пришелъ искать его въ Парижѣ. Я хочу мира почетнаго для Франціи, но прочнаго для Европы, а посему ни я, ни мои союзники не соглашались вести переговоры съ Наполеономъ. У насъ не будетъ затрудненія найти того, съ кѣмъ можно будетъ придти къ соглашенію, ибо отовсюду получаемъ мы извѣстія, что Франція тяготится Наполеономъ не менѣе остальной Европы, что она стремится лишь освободиться отъ его деспотизма".

Государь говорилъ тихо, спокойно, но слова его тѣмъ не менѣе дышали непоколебимою рѣшимостью. Коленкуръ— пытался возражать.

— „Союзники", — замѣтилъ онъ, — „выставлющіе себя представителями порядка и монархизма въ Европѣ, явятся поборниками революціи, низвергая съ престола государя, давно уже признаннаго всѣми дворами, бывшаго союзника нѣкоторыхъ и зятя одного изъ нихъ"...

— „Союзные государи",—отвѣчалъ Александръ Коленкуру,—„вовсе не имѣютъ желанія ниспровергать троны, да и не могутъ имѣть его. Они считаются съ опасностью довести Наполеона до отчаянія, но они твердо намѣрены, зайдя разъ такъ далеко, продолжать борьбу до конца, дабы не быть вынужденными начинать ея вновь, при обстоятельствахъ, быть можетъ менѣе для нихъ благопріятныхъ. Они ожидаютъ отъ Наполеона новыхъ отчаянныхъ ударовъ, до тѣхъ поръ пока мечъ остается въ его рукахъ, но если бы ему и удалось оттѣснить ихъ отъ Парижа, то они вернутся опять, пока не завоюютъ прочнаго мира. Разсчитывать же на прочный миръ съ человѣкомъ, опустошившимъ всю Европу отъ Кадикса до Москвы, союзные государи считаютъ невозможнымъ".

Поговоривши еще нѣсколько минутъ съ государемъ, Коленкуръ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что всѣ дальнѣйшія попытки склонить императора Александра на переговоры съ Наполеономъ безнадежны. Онъ замолчалъ.

Но Александръ ласково заговорилъ съ нимъ, увѣрялъ его въ своемъ къ нему расположенiи и обѣщался принять его во всякое время въ Парижѣ. „Но",—добавилъ государь,— „вы должны мнѣ дать слово, что будете вести себя въ городѣ, какъ парламентеръ".

Съ этими словами Александръ подалъ руку Коленкуру и вышелъ изъ комнаты.

Пользуясь дозволенiемъ государя, Коленкуръ оставался, первые три дня по вступленiи союзниковъ, въ Парижѣ. Онъ хлопоталъ за Наполеона и передъ Талейраномъ и другими парижскими политиками, и предъ представителями союзной Европы, но тутъ и тамъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу. Тогда Коленкуръ рѣшился попытать еще счастья разъ у императора Александра.

Государь принялъ герцога съ прежнею любезностью, но на его усиленныя просьбы оставить престолъ Францiи за Наполеономъ онъ отвѣчалъ рѣшительныхъ отказомъ. „Вамъ остается теперь лишь одно",—добавилъ императоръ Александръ,—„отправиться въ Фонтенебло и убѣдить Наполеона принести неизбѣжную жертву. Поѣзжайте скорѣе... Я не питаю никакой ненависти къ Наполеону. Онъ несчастенъ и я прощаю ему то зло, которое причинилъ онъ Россiи. Но Францiя и Европа нуждаются въ спокойствiи, а съ нимъ они никогда не будутъ имѣть его. Рѣшимость наша въ этомъ отношенiи непреклонна. Пусть Наполеонъ требуетъ для себя лично, чего хочетъ; нѣтъ того убѣжища, въ которомъ мы отказали бы ему. Пусть онъ приметъ руку, которую я предлагаю ему; пусть онъ удалится въ мои владѣнiя и онъ найдетъ тамъ не только щедрое, но и сердечное гостепрiимство. Мы дали бы великiй примѣръ свѣту, я предложивъ, а онъ принявъ такое убѣжище. Но мы не можемъ вести съ нимъ переговоровъ на иномъ основанiи, кромѣ его отреченiя. Поѣзжайте-же скорѣе и убѣдите Наполеона дать свое согласiе на неизбѣжное".

Коленкуръ пытался узнать, не сохранитъ ли Наполеонъ престолъ Франціи для своего сына, отрекаясь отъ него лично. Александръ отвѣчалъ ему на это уклончиво. Онъ еще разъ настоятельно посовѣтовалъ Коленкуру ѣхать какъ можно скорѣе къ Наполеону въ Фонтенебло.

— „Необходимо“, — замѣтилъ онъ, — „прежде всего устроить личную судьбу Наполеона“.

— „Но, отнимая у Наполеона Францію“, — возразилъ Коленкуръ,—„не согласятся ли союзники дать ему Тоскану?“

— „Тоскану“—отвѣчалъ государь,—„конечно она ничего не значитъ въ сравненіи съ французскою имперіею; но неужели, вы полагаете, что державы согласятся оставить Наполеона на материкѣ, и что Австрія потерпитъ его пребываніе въ Италіи“.

— „Но быть можетъ державы согласятся предоставить ему Парму или Лукку!“ продолжалъ настаивать Коленкуръ.

— „Нѣтъ! Нѣтъ! На материкѣ ничего. Островъ—пожалуй. Быть можетъ, Корсику“.

— „Но Корсика—часть Франціи“, — возразилъ Коленкуръ. „Наполеонъ не согласится принять ее“.

— „Ну такъ островъ Эльбу“, сказалъ государь. „Но только поѣзжайте скорѣе и побудите вашего господина покориться необходимости, а за тѣмъ мы посмотримъ. Все, что только возможно, будетъ сдѣлано для него. Я не забуду, что подобаетъ человѣку, столь великому и столь несчастному“.

Коленкуръ вышелъ отъ императора Александра твердо убѣжденнымъ, что все кончено для Наполеона и что только одно чудо можетъ спасти его. Оставался еще одинъ лучъ надежды спасти престолъ Франціи для его сына — короля римскаго. Съ слабою надеждою на послѣднее Коленкуръ поспѣшилъ въ Фонтенебло.

Отреченіе Наполеона отъ престола.

Возвратившись изъ Парижа въ Фонтенебло, Коленкуръ нашелъ Наполеона въ спокойномъ настроеніи духа. Онъ ласково принялъ герцога, и, не волнуясь выслушалъ его разсказъ о парижскихъ событіяхъ за послѣдніе дни. Ни словомъ, ни жестомъ онъ не выразилъ негодованія или удивленія по поводу даже своего низложенія, провозглашеннаго французскимъ сенатомъ. Наполеонъ былъ убѣжденъ въ легкости возвращенія прежняго порядка вещей. Высказавши свой взглядъ на только что разсказанныя Коленкуромъ парижскія событія, Наполеонъ произнесъ въ заключеніе. „Погодите, дайте срокъ! Послѣ завтра у меня будутъ корпуса Макдональда, Удино, Жерара; пусть только все послѣдуетъ за мною и я измѣню разомъ положеніе вещей. Вожди арміи утомлены, но масса пойдетъ за мною. Мои старые усачи, гвардейцы подадутъ примѣръ и послѣдній солдатъ послѣдуетъ за ними. Все можетъ перемѣниться въ нѣсколько часовъ, дорогой мой Коленкуръ! Какое удовлетвореніе! какая слава!“

Весь слѣдующій день, 23-го Марта (3-го Апрѣля), прошелъ для Наполеона въ напряженной, лихорадочной дѣятельности. Онъ то погружался въ глубокое раздумье и сидѣлъ надъ своими планами и картами; то быстро спускался во дворъ, осматривалъ войска и обращался съ пламенными рѣчами къ своимъ солдатамъ. И солдаты приходили въ во-

сторгъ, завидѣвъ обожаемаго своего вождя. При его видѣ, при его словахъ они забывали всѣ неудачи, лишенія и страданія послѣднихъ войнъ. Онъ говорилъ имъ, что чужеземцы хитростью и измѣною завладѣли Парижемъ,—и они вѣрили ему. Онъ объявилъ, что онъ поведетъ ихъ на Парижъ, онъ обѣщалъ имъ имъ месть и славу, — и они кричали ему „да здравствуетъ императоръ!"

Съ такимъ же воодушевленіемъ относились къ словамъ Наполеона и многіе офицеры, но совершенно иное настроеніе господствовало въ средѣ князей, герцоговъ, маршаловъ и генераловъ, выведенныхъ имъ изъ ничтожества. Эти лица лучше солдатъ понимали положеніе дѣлъ. Они не сомнѣвались въ совершенной безнадежности дальнѣйшей борьбы, и не чувствовали ни малѣйшаго желанія раздѣлять участь Наполеона. Они знали, что, оставаясь при Наполеонѣ, они неизбѣжно потеряютъ все, но что оставивъ его, они могутъ сохранить и свое положеніе, и свои богатства. Они начали совѣщаться, передавать другъ другу свои опасенія и надежды. Маршалы составили настоящій заговоръ противъ своего императора. Положено было открыто отказаться отъ дальнѣйшаго повиновенія Наполеону и потребовать его отреченія отъ престола въ пользу короля римскаго. Маршалы начнутъ это дѣло, а остальные будутъ поддерживать ихъ требованіе, не останавливаясь, въ случаѣ надобности, даже передъ насиліемъ.

Между тѣмъ наступательные планы Наполеона созрѣли совсѣмъ. Утромъ 24-го Марта (4-го Апрѣля) онъ объявилъ Коленкуру, что время дѣйствовать наступило. „Завтра",— сказалъ онъ,—„должны прибыть корпуса Макдональда, Удино, Жерара; я дамъ имъ одинъ день роздыха, а затѣмъ 6-го числа двину ихъ впередъ. Въ моемъ распоряженіи будетъ 70,000 человѣкъ".

Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы вся гвардія выступила изъ Фонтенебло и расположилась позади корпуса Мар-

мона. Онъ хотѣлъ напутствовать гвардейцевъ одною изъ тѣхъ рѣчей, которыя производили всегда такое магическое дѣйствіе на солдатъ. Передъ выступленіемъ въ походъ весь гвардейскій корпусъ былъ собранъ на обширной площади передъ дворцомъ. Наполеонъ вышелъ къ войскамъ въ сопровожденіи маршаловъ, генераловъ и адъютантовъ. Онъ приказалъ вызвать изъ всѣхъ полковъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и нѣсколько рядовыхъ. Окруживъ ими себя, онъ обратился къ нимъ съ такими словами:

— „Солдаты! непріятель, опередивъ насъ на три перехода, завладѣлъ Парижемъ. Мы должны выгнать его оттуда. Недостойные французы, эмигранты, пощаженные нами, соединились съ иностранцами и водрузили бѣлое знамя. Малодушные! они будутъ наказаны за это новое преступленіе. Поклянемся побѣдить или умереть и заставимъ уважать трехцвѣтную кокарду, уже двадцать лѣтъ носимую нами на поприщѣ чести и славы. Отомстимъ обиду, нанесенную отечеству и нашему оружію!"

— „Клянемся!" закричали гвардейцы, объятые воинственнымъ пыломъ. Да здраствуетъ императоръ! Вслѣдъ затѣмъ гвардія выступила въ походъ.

Наполеонъ, довольный результатами своей рѣчи, быстро поднялся по дворцовой лѣстницѣ, не удостоивая ни единымъ взглядомъ блестящую, двигающуюся за нимъ толпу. Глубокое молчаніе царствовало въ этой толпѣ. Мрачное недовольство, страхъ и озлобленіе выражались на всѣхъ лицахъ, но Наполеонъ, не обращавшій вниманія на мнѣнія и настроенія своихъ окружающихъ, дѣлалъ видъ, какъ будто онъ ничего не замѣчаетъ. Скорыми шагами прошелъ онъ въ свой кабинетъ, сопровождаемый лишь тремя лицами — Бертье, Коленкуромъ и Море. Толпа военныхъ наполнила всѣ смежныя залы. Прошло нѣсколько минутъ въ совѣщаніяхъ между маршалами и ихъ ближайшими сообщниками. Наконецъ, вожаки движенія порѣшили, что минута дѣй-

ствовать наступила. Маршалы Лефевръ, Удино, Ней, Макдональдъ, приказавъ доложить о себѣ, вошли въ кабинетъ. При видѣ своего властелина, они вдругъ забыли заученную ими роль. Ни одинъ не рѣшался открыть рта; всѣ молчали, потупивъ глаза въ землю. Наполеонъ, съ своей стороны, какъ будто не замѣчалъ маршаловъ. Занятый своими думами, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ онъ остановился передъ вошедшими маршалами.

— „Что новаго изъ Парижа?“ сказалъ онъ, смотря имъ прямо въ глаза.

— „Новостей, много, государь“, отвѣчалъ одинъ изъ маршаловъ,—„и одна изъ нихъ печальнѣе другой“.

— „Знаю“,—возразилъ Наполеонъ. „Ну, а вы что думаете обо всемъ этомъ?“

— „Печальнѣе всего“, — отвѣчалъ одинъ изъ маршаловъ, — „что не видно даже конца этого печальнаго положенія“.

— „Конца?!“—прервалъ Наполеонъ съ живостью. „Солдаты знаютъ и видятъ этотъ конецъ. Они знаютъ, что надо или умереть, или вырвать Францію изъ рукъ иноземцевъ. Послѣдуемъ за ними. Союзники стоятъ по обоимъ берегамъ Сены, мы владѣемъ всѣми мостами, успѣхъ нашъ несомнѣненъ. Парижское населеніе подымется за насъ. Мы выбьемъ ихъ изъ города. Пусть они попытаются возвратиться. Я не боюсь. Черезъ нѣсколько дней наши силы удвоятся... Я брошу въ Рейнъ все, что выйдетъ изъ Парижа, и что попытается возвратиться туда. Мы спасемъ Францію, мы отомстимъ за честь нашу и тогда я заключу умѣренный миръ. Еще одно послѣднее усиліе и для васъ настанетъ время отдыха послѣ двадцати пятилѣтнихъ трудовъ“.

— „Сраженіе, которое намѣревается дать императоръ“,— замѣтили маршалы,—„быть можетъ окончится побѣдоносно, но оно обречетъ на гибель Парижъ и его милліонное населеніе. Послѣдній отчаянный бой будетъ происходить на

улицахъ столицы Франціи. Мыслимо-ли приносить въ жертву Парижъ, наполненный беззащитнымъ населеніемъ, подобно тому, какъ принесена была въ жертву Москва, покинутая своими обитателями?".

Наполеонъ вспыхнулъ.

— „Говорятъ, что я хочу отомстить парижанамъ за ихъ измѣну", сказалъ онъ. „Это ложь. Я вовсе не намѣренъ искать поля битвы въ Парижѣ. Я дамъ сраженіе тамъ, гдѣ назначитъ это Провидѣніе. Но не въ этомъ дѣло. Я вижу господа, что вы предпочитаете жить подъ властью Бурбоновъ; не [illegible] ли?" спросилъ Наполеонъ, обращаясь поочередно къ Лефевру, Нею и Удино.

Маршалы отвѣчали съ живостью, что ихъ желанія далеки отъ этого.

— „Мы желаемъ",—добавилъ Ней, — „лишь одного государя, короля римскаго".

— „Такъ значитъ дѣло идетъ о моемъ отреченіи",—сказалъ Наполеонъ. „Но неужели вы полагаете, что, покидая престолъ, я гарантирую вамъ возможность жить спокойно подъ скипетромъ моего сына. Моя жена, мой сынъ не продержатся и часу. Затѣмъ настанетъ анархія, а черезъ пятнадцать дней будутъ Бурбоны... А Бурбоны развѣ могутъ умиротворить страну? они приведутъ все лишь въ окончательное разстройство".

— „Быть можетъ государь", — возразилъ Макдональдъ. „Но сражаясь на развалинахъ Парижа, мы будемъ сражаться и на трупахъ нашихъ дѣтей. Къ тому же я не увѣренъ, что мои солдаты послѣдуютъ за мною".

— „Да",—подхватилъ Ней, — „солдаты не пойдутъ за нами".

— „Если солдаты не пойдутъ за вами, то они пойдутъ за мною",—воскликнулъ Наполеонъ. „Довольно одного моего слова и я поведу ихъ, куда хочу".

— „Нѣтъ, государь",—отвѣчалъ Ней съ возрастающею

смѣлостью; — „теперь уже поздно думать о битвахъ, теперь надо подумать объ иныхъ средствахъ".

— „А какія это средства?" спросилъ Наполеонъ.

— „Ваше отреченіе, государь, лишь оно одно можетъ спасти насъ".

Наполеонъ стоялъ пораженный какъ громомъ. Всѣ ожидали страшнаго припадка ярости, но онъ съумѣлъ овладѣть собою въ эту тяжелѣйшую минуту своей жизни. Помолчавъ съ минуту, онъ сказалъ маршаламъ: „удалитесь отсюда! мнѣ нужно подумать. Я сообщу вамъ мое рѣшеніе".

Маршалы, молча, вышли изъ кабинета.

Оставшись съ Коленкуромъ, Бертье и Море, Наполеонъ долго и спокойно обсуждалъ свое положеніе и терпѣливо выслушивалъ замѣчанія своихъ собесѣдниковъ. Ему не трудно было догадаться, что и эти вѣрнѣйшіе изъ вѣрныхъ раздѣляютъ въ душѣ мнѣніе непокорныхъ маршаловъ о безполезности и невозможности всякой дальнѣйшей борьбы. Коленкуръ замѣтилъ ему между прочимъ, что идея отреченія въ пользу короля римскаго сильно распространена въ рядахъ арміи и что Наполеону не слѣдовало бы отвергать безусловно эту комбинацію.

— „Хорошо", — сказалъ наконецъ императоръ, — „я вижу, что эта идея господствуетъ въ настоящій моментъ. Я готовъ дать удовлетвореніе этимъ трусамъ. Отправляйтесь въ Парижъ и ведите переговоры на этомъ основаніи. Захватите съ собою маршаловъ, наиболѣе заинтересованныхъ этимъ проектомъ. Вы избавите меня отъ ихъ присутствія, и это будетъ для меня немалая выгода. Я найду, кѣмъ замѣнить ихъ здѣсь, а пока вы будете занимать союзниковъ этимъ новымъ предположеніемъ, я двинусь впередъ и покончу все съ мечемъ въ рукахъ".

Наполеонъ приказалъ позвать маршаловъ. — „Я обдумалъ", — сказалъ онъ имъ торжественно, — „наше положеніе, высказанныя вами мнѣнія и рѣшаюсь испытать искренность

союзныхъ государей. Они объявляютъ, что я одинъ являюсь препятствіемъ для мира и счастія вселенной. Хорошо, я готовъ принести себя въ жертву, я готовъ оставить престолъ, но подъ условіемъ перехода его къ моему сыну, за малолѣтствомъ котораго должна будетъ управлять императрица. Довольны-ли вы этимъ предложеніемъ?".

Маршалы выразили полнѣйшее удовольствіе; они выражали ему свою признательность, свое удивленіе. Они восклицали, что Наполеонъ никогда не былъ такъ великъ, какъ въ этотъ моментъ своей жизни.

Императоръ спокойно, не шевеля ни однимъ мускуломъ, принялъ эти оваціи. Глубокое презрѣніе наполняло его душу, но онъ продолжалъ владѣть собою.

— „Я уступаю вашимъ желаніямъ",—сказалъ онъ, когда все стихло,—„но помните, что вы обязаны защищать права моего сына, какъ ваши собственныя, и защищать ихъ не только мечемъ, но и вашимъ нравственнымъ авторитетомъ... А теперь послушайте эту бумагу".

Наполеонъ прочелъ актъ своего отреченія. Онъ былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ: „Союзныя державы объявили, что императоръ Наполеонъ составляетъ единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ. Императоръ Наполеонъ, исполняя данный имъ обѣтъ, объявляетъ, что онъ готовъ низойти съ престола, удалиться изъ Франціи и даже пожертвовать жизнью для блага отечества, тѣсно связаннаго съ правами его сына и регенства императрицы и постановленіями имперіи".

Прочитавъ актъ отреченія, Наполеонъ обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ: „одобряютъ-ли они его редакцію!" Никто ни противорѣчилъ. Наполеонъ взялъ перо, чтобы подписать бумагу, но въ этотъ моментъ на него напало еще разъ раздумье. Ему стало жутко. Въ душѣ его зашевелилась мысль, что все кончено для него и онъ готовится самъ подписать свой смертный приговоръ. Наполеонъ взглянулъ

на маршаловъ, стоявшихъ вокругъ него съ поникшими головами; онъ видимо ожидалъ, что они не допустятъ его до этого самоубійства, что они вырвутъ перо изъ его рукъ въ послѣднюю минуту. Но все было нѣмо и неподвижно вокругъ него. Озлобленіе, досада омрачили лицо императора. „Вѣдь мы могли-бы побить ихъ, если бы только захотѣли!“ воскликнулъ онъ съ горечью. И на этотъ возгласъ никто не отозвался; только головы маршаловъ склонились еще ниже; никто изъ нихъ не рѣшался взглянуть прямо въ глаза своему государю. Наполеонъ подписалъ бумагу и вручилъ ее Коленкуру. Маршалы вышли. Уполномоченные—Коленкуръ, Ней и Макдональдъ раскланялись. Наполеонъ остался одинъ, всецѣло занятый своими воинственными замыслами.

Оставленный всѣми, окруженный измѣнниками, Наполеонъ воображалъ себя по прежнему властелиномъ. Измѣнническій поступокъ маршаловъ взволновалъ его до глубин души. Наполеонъ готовилъ въ душѣ примѣрное наказаніе всѣмъ этимъ, по его мнѣнію, негодяямъ; но онъ продолжалъ еще вѣрить тѣмъ изъ нихъ, которые не принимали участія въ только что закончившейся неприглядной сценѣ. Но и въ этомъ ему пришлось скоро разочароваться. Духъ крамолы овладѣлъ всѣми его приверженцами.

Ночью доложили Наполеону о пріѣздѣ полковника Гурго. Императоръ тотчасъ же принялъ его. Гурго сообщилъ ему, что маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, оставилъ свой постъ, что онъ уѣхалъ въ Парижъ и заключилъ договоръ съ непріятелемъ.

Наполеонъ такъ ошеломленъ былъ этою вѣстью, что не хотѣлъ вѣрить ей.

— „А войска герцога?“ спросилъ онъ съ недовѣріемъ полковника,—„гдѣ они?“

— „Войска шестого корпуса“, — отвѣчалъ Гурго, — „снялись неизвѣстно по чьему приказу съ своихъ позицій;

въ эти минуты они проходятъ черезъ русскія линіи. Фонтенебло открыто теперь непріятелю“.

Наполеонъ изъ дальнѣйшихъ разспросовъ скоро убѣдился въ несомнѣнности донесенія Гурго. Его отчаяніе не знало границъ. Какъ безпомощный, опустился онъ на кресло. Взоръ его сдѣлался неподвиженъ; онъ впалъ въ глубокое, продолжительное молчаніе. Лишь по временамъ изъ груди его вырывались какіе-то стоны и малопонятныя отрывочныя фразы.

Уполномоченные Наполеона, по пріѣздѣ въ Парижъ, скоро были допущены къ императору Александру. Государь принялъ маршаловъ съ изысканною любезностью. Осыпавши ихъ похвалами за ихъ подвиги въ истекшую войну и объяснивши имъ, почему Наполеонъ не можетъ оставаться на французскомъ престолѣ, Александръ въ заключеніе сказалъ, что „если придется избрать главу Франціи изъ вашей среды, соединяющей въ себѣ столько заслугъ и славы, то мы охотно признаемъ и его, лишь бы только онъ не угрожалъ ни нашему спокойствію, ни нашей независимости“.

— „Мы“,—сказалъ Ней,—„страдали болѣе нежели кто-либо отъ этихъ непрерывныхъ войнъ, опустошавшихъ Европу. Мы не желаемъ признавать долѣе этого абсолютнаго владыку; мы были всегда его первыми жертвами; трупами нашихъ товарищей по оружію покрылъ онъ весь материкъ. Если кто либо, то именно мы желаемъ устранить его отъ престола. Но нѣтъ возможности замѣнить этого человѣка, осужденнаго самою судьбою, отрекшагося отъ престола, кѣмъ либо изъ среды военныхъ. Никто изъ насъ не достигъ до такой высоты, съ которой онъ могъ бы властвовать надъ народомъ... Только одинъ сынъ Наполеона, подъ регенствомъ своей матери, представляетъ собою правительство, наиболѣе подходящее для Франціи и для арміи“.

Наполеоновскіе уполномоченные начали приводить разные доводы въ защиту правъ короля римскаго. Они говорили даже, что желаніе ихъ есть желаніе арміи, всѣхъ вои-

новъ, проливавшихъ столько разъ свою кровь за Францію. Маршалы говорили съ убѣжденіемъ и не безъ краснорѣчія. И слова ихъ произвели замѣтное впечатлѣніе на императора Александра. Государь не былъ противъ ихъ желанія; онъ не отрицалъ возможности признанія короля римскаго и регенства императрицы Маріи-Луизы, но онъ не зналъ, какъ отнесутся къ этому союзники. Александръ видимо колебался въ своемъ рѣшеніи. Онъ медлилъ отвѣтомъ.

Въ эту минуту государю доложили о прибытіи адъютанта съ важными донесеніями. То былъ русскій офицеръ, прибывшій съ депешею отъ князя Шварценберга. Подойдя къ государю, офицеръ подалъ ему письмо и сказалъ въ полголоса нѣсколько словъ. Государь пробѣжалъ депешу.

— „Весь корпусъ?“ спросилъ онъ офицера по русски.

— „Да, государь!“ отвѣчалъ тотъ.

Коленкуръ, понимавшій не много по русски, понялъ, что рѣчь идетъ объ отложеніи корпуса Мармона, о чемъ уполномоченные узнали при проѣздѣ въ Парижъ. „Теперь все погибло“,—сказалъ онъ шопотомъ своимъ товарищамъ.

Александръ помолчалъ съ минуту.

— „Господа“,—сказалъ онъ маршаламъ, — „я долженъ оставить васъ на короткое время. Мнѣ необходимо поговорить съ моими союзниками“. Съ этими словами государь вышелъ изъ залы.

Маршалы не долго ждали императора Александра. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился къ нимъ.

— „Слѣдуетъ отказаться отъ регенства“,—сказалъ имъ государь твердымъ голосомъ. „Одни Бурбоны могутъ удовлетворить рѣшеніямъ Франціи и Европы. Къ тому же настроеніе арміи вовсе не такъ единодушно, какъ вы только что утверждали. Одна часть ея не хочетъ знать Наполеона. Я сейчасъ получилъ извѣстіе, что весь корпусъ герцога Рагузскаго оставилъ императорское знамя. Въ эту минуту, когда я говорю эти слова, войска шестого корпуса пере-

ходятъ черезъ нашу линію. По всей вѣроятности и прочія войска послѣдуютъ этому примѣру. Мы озаботимся о соблюденіи чести и выгодъ вашей арміи. Что же касается до Наполеона, то пусть онъ будетъ увѣренъ, что съ нимъ и его семействомъ поступятъ сообразно его высокому сану".

Кто-то изъ маршаловъ высказалъ сомнѣніе въ возможности измѣны корпуса Мармона. — „Прочитайте-же сами, господа, сказалъ государь маршаламъ, передавая имъ депешу князя Шварценберга. Въ депешѣ говорилось, что всѣ полки корпуса Мармона покинули свои позиціи и идутъ поспѣшно въ Версаль.

Маршалы молчали. Они поняли, что судьба Наполеона и его семейства рѣшена безповоротно.

Маршалы - уполномоченные удалились. Остался только одинъ Коленкуръ. Въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ государь повторилъ еще разъ свои обѣщанія относительно Наполеона и его семейства. „Я поступилъ, быть можетъ, нѣсколько опрометчиво",—сказалъ онъ,—„обѣщавъ Наполеону островъ Эльбу, но теперь я долженъ сдержать свое обѣщаніе. Что касается до Маріи-Луизы и ея сына, то имъ предоставлено будетъ владѣтельное княжество въ Италіи. Французское правительство должно будетъ ассигновать на содержаніе Наполеона нѣсколько милліоновъ франковъ ежегодно". Прощаясь съ Коленкуромъ, государь просилъ его употребить все свое личное вліяніе на Наполеона и убѣдить его какъ можно скорѣе покориться необходимости.

Уполномоченные Наполеона поспѣшили въ Фонтенебло съ роковою вѣстью. Маршалъ Ней, уѣзжая изъ Парижа, далъ Талейрану слово, что онъ вернется изъ Фонтенебло на слѣдующій же день съ полнымъ и безусловнымъ отреченіемъ Наполеона. Желая поскорѣе исполнить свое обѣщаніе, онъ опередилъ на пути своихъ товарищей и первый явился къ Наполеону.

Наполеонъ принялъ Нея крайне холодно.

— „Что новаго?“ сказалъ онъ ему. „Имѣли-ли вы успѣхъ?“

— „Отчасти государь“, — отвѣчалъ Ней, — „но только не по вопросу о регенствѣ“. И маршалъ разсказалъ подробно о переговорахъ съ императоромъ Александромъ, упомянулъ о блеснувшей было одно время надеждѣ на полный успѣхъ и добавилъ, что неожиданная измѣна шестого корпуса дала совершенно иной оборотъ дѣлу.

Наполеонъ какъ будто не слушалъ разсказа Нея. Лицо его было спокойно. Онъ съумѣлъ вполнѣ овладѣть собою въ эти тяжелыя минуты. Онъ не выдалъ себя ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ въ присутствіи человѣка, къ которому онъ питалъ въ душѣ безграничное презрѣніе.

— „А гдѣ же буду жить я съ моимъ семействомъ?“ спросилъ онъ маршала.

— „Гдѣ вамъ будетъ угодно, государь“, — отвѣчалъ Ней, — „напримѣръ на островѣ Эльбѣ. Вы будете получать шесть милліоновъ франковъ ежегодно“.

— „Шесть милліоновъ!“ возразилъ Наполеонъ, — „о это слишкомъ много. Что я буду съ ними дѣлать? Я не издерживаю и луидора въ день. Я опять простой солдатъ. Я прощаюсь съ моими товарищами по оружію. Желаю имъ всевозможнаго счастья. Я хотѣлъ сдѣлать Францію счастливою. Я вижу, что я ошибался“.

Сказавъ эти послѣднія слова, Наполеонъ далъ Нею знакъ рукою, чтобы онъ оставилъ его одного. Маршалъ поспѣшилъ удалиться.

Утомленный страшными потрясеніями истекшаго дня, Наполеонъ, по уходѣ Нея, погрузился въ глубокій сонъ, но уже черезъ часъ его разбудили извѣстіемъ о пріѣздѣ Коленкура и Мокдональда. Наполеонъ тотчасъ принялъ ихъ. Въ почтительныхъ, мягкихъ выраженіяхъ сообщили они ему о результатахъ своей миссіи. Отреченіе и отреченіе безусловное было теперь, по ихъ словамъ, единственнымъ сред-

ствомъ обезпечить будущность какъ самого императора, такъ и его семейства.

— „Но у меня еще останется такъ много средствъ“,— возразилъ Наполеонъ, — „неужели я долженъ принять это крайнее предложеніе? А Евгеній?“—продолжалъ онъ, возвышая голосъ,—„Ожеро, Сюше, Сультъ, [1]) а пятьдесятъ тысячъ здѣсь, неужели, по вашему, все это ничего не значитъ? А впрочемъ, мы увидимъ. До завтра, господа. Теперь уже поздно“.

Маршалы удалились, но черезъ нѣсколько минутъ Наполеонъ потребовалъ къ себѣ вновь Коленкура. Въ разговорѣ съ этимъ человѣкомъ, наиболѣе ему близкимъ, онъ далъ полную волю чувствамъ, накипѣвшимъ въ его груди. Онъ жаловался ему на измѣнившихъ ему маршаловъ, увѣрялъ его, что съ своими войсками и при помощи народа онъ легко можетъ поправить дѣло, и, наконецъ, что для себя лично онъ готовъ принять островъ Эльбу, но что онъ желалъ бы, чтобы его сынъ и его жена получили, по крайней мѣрѣ, Тоскану.

Коленкуръ возразилъ, что о Тосканѣ не можетъ быть и рѣчи, но что, благодаря великодушію Александра, король римскій получитъ Парму.

— „Какъ?“ прервалъ его Наполеонъ. „Неужели въ обмѣнъ за французскую имперію ему не дадутъ даже Тоскану?“

Впрочемъ, Наполеонъ не настаивалъ далѣе на этомъ требованіи. Онъ заговорилъ о первой своей женѣ императрицѣ Жозефинѣ, Евгеніи Богарне, королевѣ Гортензіи и выразилъ надежду, что участь ихъ будетъ обезпечена. Въ заключеніе своей бесѣды съ Коленкуромъ Наполеонъ просилъ его „заняться обезпеченіемъ его семейства. Мнѣ лично,“—

---

[1]) Евгеній Богарне, пасынокъ императора, по мнѣнію послѣдняго, долженъ былъ придти къ нему изъ Италіи съ 36,000 войска. Ожеро, Сюше и Сультъ—маршалы. Они тоже, по словамъ Наполеона, не нынѣ—завтра придутъ къ нему съ юга Франціи съ нѣсколькими десятками тысячъ войскъ.

сказалъ онъ,—„не нужно ничего! Пусть мнѣ назначатъ пенсію инвалида, этого будетъ достаточно!“

Покончивъ бесѣду съ Коленкуромъ, Наполеонъ занялся составленіемъ акта своего безусловнаго отреченія. Вслѣдъ затѣмъ онъ велѣлъ позвать всѣхъ маршаловъ, находившихся въ Фонтенебло.

Маршалы явились.

— „Я хотѣлъ обезпечить престолъ за моимъ сыномъ столько же ради васъ“,—сказалъ Наполеонъ бывшимъ своимъ сподвижникамъ на полѣ брани,—„сколько и ради моей семьи. Я полагалъ, что такое рѣшеніе было бы выгоднѣе для васъ, нежели для меня самого. Вамъ пришлось бы жить подъ властью правительства, вполнѣ соотвѣтствующаго и вашему происхожденію, и вашимъ чувствамъ, и вашимъ интересамъ. Это было возможно, но недостойная измѣна лишила васъ положенія, которое стремился я предоставить вамъ. Безъ отложенія шестого корпуса мы добились бы этого, добились бы и многаго другого, мы подняли бы Францію. Но суждено было иначе. Я покоряюсь моей судьбѣ, покоритесь и вы своей. Примиритесь съ мыслью жить подъ властью Бурбоновъ и служите имъ вѣрно. Вы добивались покоя, — вы будете имѣть его. Но смотрите! Дай Богъ, чтобы мои предчувствія обманывали меня. Наше поколѣніе не создано для отдыха! Миръ, котораго добиваетесь вы, можетъ оказаться для васъ гибельнѣе войны. Онъ будетъ пожирать васъ на мягкихъ пуховыхъ постеляхъ скорѣе и безпощаднѣе, нежели пожирала васъ война на нашихъ бивуакахъ“.

Произнесши эти послѣднія слова печальнымъ, торжественнымъ тономъ, Наполеонъ твердымъ голосомъ прочелъ актъ своего безусловнаго отреченія. Онъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Въ виду заявленія союзныхъ державъ, что императоръ Наполеонъ является единственнымъ препятствіемъ для возстановленія европейскаго мира, императоръ Наполеонъ, вѣр-

ный своей присягѣ, объявляетъ, что онъ отказывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи, такъ какъ нѣтъ такихъ личныхъ жертвъ, не исключая даже принесенія въ жертву своей жизни, передъ которыми онъ отступилъ бы ради блага Франціи“.

Маршалы держали себя также безтактно по прочтеніи этого акта, какъ и въ первый разъ, когда Наполеонъ сообщилъ имъ о своемъ отреченіи въ пользу своего сына. И теперь зала огласилась шумными восклицаніями. И теперь маршалы, оставившіе съ такимъ легкимъ сердцемъ своего повелителя и благодѣтеля, осмѣливались превозносить великодушіе Наполеона и объявлять ему въ глаза, что никогда не былъ онъ такъ великъ, какъ въ эту минуту своей жизни Наполеонъ выслушалъ молча эти заявленія, хорошо понимая настоящій ихъ источникъ.

Наполеонъ холодно простился съ маршалами. Онъ спокойно распорядился на счетъ дальнѣйшаго веденія переговоровъ и вручилъ актъ своего отреченія Коленкуру. Герцогъ немедленно долженъ былъ отправиться въ Парижъ въ сопровожденіи маршаловъ Макдональда и Нея. Уполномоченные должны были явиться къ императору Александру. На основаніи этого новаго акта они должны были заключить договоръ съ союзными державами [1]).

Ознакомившись съ актомъ отреченія и выслушавъ объясненія Коленкура объ условіяхъ, предъявленныхъ Наполеономъ, императоръ Александръ объявилъ, что ни одно изъ этихъ условій не можетъ возбудить серьезныхъ затрудненій. Государь обѣщался сдѣлать съ своей стороны все для облегченія участи Наполеона.

Но затрудненіе нашлось. Меттернихъ сталъ возражать противъ предоставленія Наполеону во владѣніе острова Эльбы. Онъ выражалъ опасеніе за спокойствіе Европы въ буду-

---

[1]) Все это произошло 25-го Марта (6-го Апрѣля).

щемъ и находилъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ великодушіе неумѣстно. Онъ говорилъ, что Наполеона нужно отправить куда нибудь подальше. Императоръ Александръ стоялъ за свое обѣщаніе и возражалъ, что онъ не можетъ взять назадъ своего слова. Онъ говорилъ, что нельзя сомнѣваться въ обѣщаніи солдата и государя, не оскорбляя его. Меттернихъ покорился обстоятельствамъ и согласился, наконецъ, подписать договоръ, который, по его мнѣнію, не позже какъ черезъ два года снова приведетъ союзниковъ на поле битвы. 30-го Марта (11-го Апрѣля) въ Парижѣ министры союзниковъ и уполномоченные Наполеона подписали такъ называемый Фонтенеблосскій договоръ, опредѣлившій судьбу императора Наполеона и его семейства.

Наполеонъ, на основаніи этого договора, сохранялъ свой императорскій титулъ и получалъ въ полное пожизненное владѣніе и при томъ со всѣми верховными правами островъ Эльбу. Ему назначена была пенсія въ два милліона франковъ, которую обязано было выплачивать ему ежегодно французское правительство. Его жена и сынъ получили въ потомственное владѣніе герцогства Парму, Піаченцу и Гвастолу. Всѣ члены его семейства обезпечены были пожизненными рентами [1]). Всѣмъ выдающимся генераламъ Наполеоновой арміи предоставлены были весьма значительныя денежныя награды. Выборъ лицъ и размѣръ вознагражденія предоставлены были самому Наполеону. Наполеону дозволено было взять на островъ Эльбу 400 человѣкъ изъ своей старой гвардіи, солдатъ, унтеръ-офицеровъ и офицеровъ. Союзные монархи обязались назначить особыхъ коммисаровъ, которые должны были сопровождать Наполеона въ его путешествіи на островъ Эльбу и принимать всѣ мѣры для обезпеченія его личной безопасности.

---

[1]) Пожизненная рента—пожизненное пользованіе процентами съ отданнаго въ ссуду за высокій ростъ капитала, который по смерти капиталиста переходитъ въ собственность заемщика.

Какъ ни выгоденъ былъ этотъ договоръ для Наполеона и его семейства, однако онъ колебался ратификовать [1]) его. Честолюбивыя мечты не давали ему покоя. Наполеонъ все чего-то ждалъ, на что-то надѣялся.

Ночь на 31-е Марта (12-го Апрѣля) онъ провелъ очень безпокойно. Послѣ полуночи Наполеонъ почувствовалъ себя очень дурно. У него открылись сильныя желудочныя спазмы, появилась рвота. Императоръ потребовалъ къ себѣ Коленкура и своего лейбъ-медика Ивала. Онъ жаловался на сильныя боли и требовалъ, чтобы Ивалъ далъ ему сильную дозу опіума, которая могла бы покончить его страданія. Докторъ испугался, бѣжалъ изъ дворца и въ туже ночь скрылся изъ Фонтенебло. Къ утру Наполеону стало легче. Страданія прекратились, осталась одна слабость. Его усадили на креслѣ подлѣ открытаго окна и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ. Вмѣстѣ съ физическою болью затихла и страшная внутренняя борьба. Настроеніе Наполеона сдѣлалось спокойное. Онъ уже не говорилъ болѣе о своихъ страданіяхъ, о предстоящемъ ему позорѣ. Онъ простился съ Макдональдомъ и любимцемъ своимъ Бертье. Наполеонъ видимо покончилъ свои счеты съ прошлымъ. Онъ потребовалъ актъ договора и снабдилъ, наконецъ, его своею подписью.

Побѣжденный императоръ сталъ готовиться въ путь-дорогу—къ отъѣзду въ свои новыя владѣнія.

---

[1]) Ратификація—утвержденіе государемъ договора, сдѣланнаго его уполномоченнымъ. Ратификовать—одобрять, утверждать.

Путешествіе Наполеона на островъ Эльбу.

Послѣдніе дни пребыванія своего въ Фонтенебло Наполеонъ проводилъ почти въ однѣхъ заботахъ и хлопотахъ по устройству своей будущей жизни на островѣ Эльбѣ. Готовясь въ дорогу, онъ рѣшилъ захватить съ собою на Эльбу все, что только можно было увезти изъ роскошно убраннаго Фонтенеблскаго дворца. Цѣлая сотня фургоновъ и телѣгъ нагружены были, по его распоряженію, мебелью, зеркалами, бронзою, картинами, статуями, книгами и другими предметами. Наполеонъ, видимо, хотѣлъ устроиться на Эльбѣ со всевозможнымъ комфортомъ, даже роскошью. Въ деньгахъ онъ не нуждался. Помимо ожидаемой пенсіи, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще нѣсколько милліоновъ франковъ звонкой монеты. Цѣлый фургонъ нагруженъ былъ этими деньгами.

Начали прибывать въ Фонтенебло одинъ за другимъ коммиссары союзныхъ державъ. Они должны были сопровождать Наполеона на его пути черезъ Францію и оберегать его особу отъ всякихъ непріятностей.

— „Я возлагаю на васъ важную обязанность",—сказалъ императоръ Александръ графу Шувалову, отправляя его коммиссаромъ въ Фонтенебло. „Вы будете строго отвѣчать за каждый волосъ, который упадетъ съ головы Наполеона".

Австрійскимъ коммиссаромъ назначенъ былъ баронъ Коллеръ, прусскимъ—графъ Вальдбургъ и англійскимъ—Кемпебель. Всѣ коммиссары были люди честные, благородные,

извѣстные своими военными подвигами. Наполеонъ могъ быть вполнѣ доволенъ выборомъ своихъ спутниковъ. Онъ принималъ ихъ каждаго отдѣльно въ особой аудіенціи. При этомъ пріемѣ на императорѣ былъ старый, зеленый мундиръ, синіе панталоны и сапоги съ красными отворотами. Видъ его былъ крайне неряшливый, замѣтно было, что онъ не занимался собою въ послѣдніе дни. Волосы его были растрепанные, борода небритая, грудь и верхняя губа запачканы нюхательнымъ табакомъ. Вѣжливѣе всего Наполеонъ отнесся къ русскому коммиссару. Онъ освѣдомился у графа Шувалова даже о здоровьи императора Александра и сказалъ при этомъ нѣсколько любезныхъ фразъ.

Сдѣланъ былъ вызовъ офицерамъ и солдатамъ старой гвардіи, кто изъ нихъ желаетъ сопровождать императора на Эльбу. Желающихъ оказалось много. Изъ нихъ выбрано было, по личному усмотрѣнію Наполеона, 800 человѣкъ. Все это были старые, заслуженные, украшенные орденами, солдаты. Изъ нихъ былъ составленъ батальонъ, который 7-го (18-го) Апрѣля выступилъ изъ Фонтенебло на Савону (въ сѣверной Италіи), гдѣ должна была послѣдовать посадка на суда. Нѣсколько лицъ изъ свиты Наполеона рѣшились также сопровождать своего повелителя въ изгнаніе.

Все было, повидимому, готово къ отъѣзду, но Наполеонъ все откладывалъ его день за день. Ему было тяжело разставаться съ Фонтенебло и съ послѣдними призрачными надеждами на внезапный поворотъ счастья. Онъ изобрѣталъ все новые и новые предлоги, только бы отложить ненавистное ему путешествіе. Наконецъ, отъѣздъ назначенъ былъ на 8-е (20-е) Апрѣля, въ девять часовъ утра. Въ минуту отъѣзда Наполеонъ вдругъ потребовалъ къ себѣ австрійскаго коммиссара Коллера и объявилъ ему, что онъ не поѣдетъ. Императоръ былъ въ страшно возбужденномъ состояніи.

— „Я не могу ѣхать“, — говорилъ Наполеонъ; „союзники не сдержали данныхъ мнѣ обѣщаній, они дали мнѣ

этимъ право взять назадъ мое отреченіе. Я получилъ въ эту ночь болѣе тысячи депешъ. Всѣ умоляютъ меня взять въ мои руки бразды правленія. Я обращусь къ моей старой гвардіи и тогда увидите, что значутъ старые солдаты. Меня хотятъ замкнуть въ ловушку, моей женѣ мѣшаютъ ѣхать со мною. Императоръ австрійскій человѣкъ безчестный: онъ хочетъ расторгнуть бракъ своей дочери. Императоръ Александръ отнялъ у императрицы регенство, а потомъ, какъ бы въ насмѣшку сдѣлалъ ей визитъ въ Рамбулье, да еще потащилъ съ собою короля прусскаго".

Наполеонъ горячился всѣ болѣе и болѣе. Онъ вспомнилъ прошлое и горько жаловался на свою судьбу. Наконецъ, наговорившись вдоволь, онъ началъ мало по малу успокоиваться. Онъ понялъ безплодность дальнѣйшей борьбы. Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ флигель-адъютантъ Буши и доложилъ отъ имени гофмаршала, что все готово къ отъѣзду и что скоро будетъ 11 час. Наполеонъ вспыхнулъ.

— „Ого!" закричалъ онъ. „Развѣ господинъ маршалъ не знаетъ меня. Съ которыхъ это поръ долженъ я жить по его часамъ? Я поѣду, когда мнѣ будетъ угодно, а можетъ быть, мнѣ не будетъ угодно и вовсе ѣхать".

— „Если вы будете упорствовать, государь",—сказалъ Наполеону Коллеръ, — „если вы будете откладывать вашъ отъѣздъ подъ разными предлогами, то вы можете погубить все. Союзники не будутъ считать себя связанными данными обѣщаніями; вы лишитесь всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ вами по договору 11-го Апрѣля".

Смѣлая рѣчь коммиссара произвела на Наполеона желанное дѣйствіе.

— „Вы знаете",—сказалъ онъ,—„что я никогда не нарушалъ даннаго мною слова" и, наконецъ, объявилъ, что онъ готовъ ѣхать.

Наступила послѣдняя, торжественная минута. Наполеону предстояло сказать послѣднее прости своей старой гвардіи.

Ровно въ полдень императоръ, сопровождаемый немногими лицами своей свиты, спустился по большой мраморной лѣстницѣ дворца въ обширный дворъ Фонтенеблоскаго замка. Тутъ все было готово въ ожиданіи его. Вся старая гвардія выстроена была на дворѣ въ боевомъ порядкѣ. Всѣ ворота и выходы заняты были толпами народа, сбѣжавшагося изъ окрестностей. Императоръ приказалъ ударить сборъ. Всѣ генералы и офицеры выступили впередъ и стали полукругомъ вокругъ него. Глубоко взволнованный, Наполеонъ обратился къ своимъ старымъ солдатамъ съ слѣдующими словами:

„Солдаты, вы мои старые сотоварищи по оружію, которыхъ я постоянно находилъ на пути чести, намъ надо наконецъ разстаться! Я могъ бы остаться съ вами еще долѣе, но для этого пришлось бы продолжить тяжелую борьбу, быть можетъ, къ войнѣ съ чужеземцами прибавить войну междоусобную, и я не могъ рѣшиться еще долѣе терзать Францію. Наслаждайтесь покоемъ, на который вы пріобрѣли столь неоспоримое право, и будьте счастливы. Что касается меня, то обо мнѣ не сожалѣйте. У меня есть обязанность, и если я и соглашаюсь жить, то только для того, чтобы выполнить ее—разсказать потомству о томъ великомъ, что мы совершили вмѣстѣ. Я хотѣлъ бы васъ всѣхъ сжать въ своихъ объятіяхъ, но предоставьте мнѣ обнять это знамя, являющееся вашимъ представителемъ“... При этихъ словахъ Наполеонъ привлекъ къ себѣ генерала Пти, носившаго знамя старой гвардіи, поцѣловалъ его въ обѣ щеки и горячо прижалъ къ груди своей знамя... „Прощайте всѣ!“ воскликнулъ императоръ и съ влажными глазами кинулся въ карету, которая должна была увезти его изъ Фонтенебло [1]).

---

[1]) Почти одновременно съ отъѣздомъ Наполеона изъ Фонтенебло на Эльбу и императрица Марія-Луиза съ своимъ сыномъ, королемъ римскимъ, направилась въ Вѣну.

Рѣчь Наполеона произвела потрясающее впечатлѣніе. Неизгладимыми чертами врѣзалась эта сцена въ воспоминаніе всѣхъ присутствовавшихъ. Старые, закаленные ветераны рыдали, какъ дѣти; генералы, офицеры тѣснились вокругъ императора; каждый изъ нихъ старался пожать его руку, поцѣловать край его одежды. Союзные коммиссары— и тѣ были тронуты до слезъ. „Какая трогательная сцена",— воскликнулъ Кемпебель,—„и какъ достойна она такого великаго человѣка!" [1]).

Печальный кортежъ тронулся въ путь, въ изгнаніе. Поѣздъ императора носилъ торжественный характеръ. Впереди ѣхалъ небольшой отрядъ гвардейской кавалеріи. За нимъ слѣдовалъ генералъ Друо въ четырехъ-мѣстной закрытой каретѣ съ своими офицерами. Затѣмъ ѣхалъ самъ Наполеонъ съ маршаломъ Бертраномъ также въ закрытой каретѣ. За императоромъ слѣдовалъ второй отрядъ гвардейской кавалеріи. Далѣе ѣхали коммиссары, каждый въ особой каретѣ и, наконецъ, тянулась свита императора.

Офицеры старой гвардіи сопровождали нѣкоторое время отъѣзжающихъ. Многіе изъ нихъ обращались къ союзнымъ коммиссарамъ съ трогательными словами, въ которыхъ высказывалась вся ихъ привязанность къ падшему своему государю. „Прощайте!"—кричали они имъ. „Заботьтесь о нашемъ дорогомъ Императорѣ! Проводите его благополучно въ изгнаніе! Мы вѣчно за это будемъ благодарны!"

Первые дни путешествія прошли совершенно благополучно. Наполеонъ ѣхалъ подъ прикрытіемъ своей конной гвардіи, и населеніе по пути встрѣчало его не только привѣтливо, но даже восторженно. Въ городкахъ и мѣстечкахъ толпа, собиравшаяся на дорогѣ, встрѣчала Наполеона громкими криками: да здравствуетъ императоръ! и осыпала насмѣшками и ругательствомъ союзныхъ офицеровъ.

---

[1]) Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, Надлера, т. V стр. 148 и друг..

Наполеонъ былъ видимо доволенъ этими шумными оваціями. Его прежняя надменность возвратилась къ нему. Онъ началъ вести себя не какъ изгнанникъ, а какъ повелитель. Онъ держалъ себя вдали отъ союзныхъ коммиссаровъ, обѣдалъ ужиналъ одинъ и дѣлалъ при каждомъ удобномъ случаѣ колкія замѣчанія на счетъ своихъ спутниковъ.

За Неверомъ Наполеонъ распрощался съ своимъ военнымъ конвоемъ, и настроеніе населенія измѣнилось. Не слышно было болѣе восторженныхъ восклицаній. Повсюду встрѣчались молчаливыя, иногда даже угрюмыя, нахмуренныя, мрачныя лица. Наполеонъ сталъ побаиваться народа.

По мѣрѣ приближенія поѣзда къ Ліону безпокойство Наполеона стало усиливаться. Онъ ни за что не хотѣлъ проѣзжать черезъ Ліонъ днемъ и остановился обѣдать за два часа пути отъ него въ небольшомъ деревенскомъ трактирѣ. Наполеонъ обѣдалъ этотъ разъ не одинъ, а вмѣстѣ съ союзными коммиссарами и всею своею свитою. Его поведеніе измѣнилось. О недавней надменной гордости не было и помину. Онъ сдѣлался очень любезенъ со всѣми и особенно съ союзными коммиссарами.

Была уже темная ночь, когда путники достигли Ліона. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, командиръ австрійскихъ войскъ въ южной Франціи, заранѣе принялъ всѣ мѣры для обезпеченія безопасности Наполеона. Весь австрійскій гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ, сильныя патрули ходили по улицамъ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать поѣздъ. Тѣмъ не менѣе безъ скандала дѣло не обошлось. На пути слѣдованія поѣзда собрались порядочныя толпы народа. Едва только показался экипажъ Наполеона, какъ раздались яростные крики: „долой Наполеона! долой Наполеона!“ Экипажи поспѣшно проѣхали черезъ городъ. Наполеонъ требовалъ ускорить путешествіе черезъ эти опасныя мѣста. И коммиссары спѣшили исполнить его желаніе. Всю ночь ѣхали, не останавливаясь, перемѣняя только лошадей.

Въ теченіе всего 12-го (24-го) Апрѣля путешествіе продолжалось безостановочно. Наполеонъ былъ все еще въ возбужденномъ состояніи. Онъ не могъ оставаться одинъ съ Бертраномъ и приглашалъ въ свою карету то одного, то другого изъ союзныхъ коммиссаровъ. Онъ обращался съ ними теперь просто, какъ съ товарищами. Онъ бесѣдовалъ съ ними по цѣлымъ часамъ, а иногда даже шутилъ. Припоминая однажды важнѣйшіе моменты своей жизни, Наполеонъ, смѣясь, замѣтилъ: „въ концѣ концовъ я вышелъ изъ всей этой исторіи не дурно. Я началъ партію, имѣя въ карманѣ всего лишь шесть франковъ, а теперь я ухожу со сцены съ порядочнымъ кушемъ“.

Неподалеку отъ р. Изеры Наполеонъ встрѣтился съ маршаломъ Ожеро. Послѣдній командовалъ южною французскою арміею. Ожеро былъ человѣкъ не особенно честныхъ правилъ. Узнавъ о паденіи Парижа и учрежденіи временнаго правительства, онъ заключилъ съ австрійцами договоръ, по которому предоставилъ въ ихъ распоряженіе Ліонъ со всею его областью. Этого мало. Не дожидаясь извѣстія объ отреченіи Наполеона, Ожеро спѣшилъ самъ отречься отъ императора и увлечь за собою армію. Онъ обратился къ своимъ солдатамъ съ прокламаціею, въ которой между прочимъ было сказано: „солдаты, вы свободны отъ вашей присяги, вы освобождены отъ нея самою націею, которой присущи самодержавная власть; вы освобождены отъ нея, наконецъ, и отреченіемъ человѣка, который, принеся въ жертву своему честолюбію столько милліоновъ жизней, не съумѣлъ умереть самъ, какъ солдатъ“. Теперь этотъ человѣкъ, всѣмъ обязанный Наполеону, захотѣлъ полюбоваться на своего благодѣтеля, бывшаго своего властелина и выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ великолѣпномъ экипажѣ, запряженномъ шестернею и съ двумя форейторами.

Наполеонъ ничего не слыхалъ о послѣднихъ выходкахъ маршала и объ его прокламаціи. Онъ вообразилъ, что Ожеро

поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, влекомый чувствами преданности и сожалѣнія. Завидѣвъ карету маршала, Наполеонъ приказалъ остановить свой экипажъ, вышелъ на дорогу, дружески поздоровался съ Ожеро, взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону.

— „Куда это ты ѣдешь?“ спросилъ онъ его, — „не ко двору-ли?“

— „Нѣтъ, пока только въ Ліонъ!“ отвѣчалъ маршалъ, давая понять Наполеону, что онъ вовсе не думалъ выѣзжать къ нему на встрѣчу.

Съ четверть часа императоръ и маршалъ прогуливались рука объ руку по шоссе. Коммиссары наблюдали за ними, но они не могли разслышать ихъ бесѣды. Они замѣтили только, что Наполеонъ говорилъ много и горячо, тогда какъ маршалъ изрѣдка отвѣчалъ ему отрывистыми фразами. Ожеро держалъ себя надменно и холодно, тогда какъ Наполеонъ чуть не заискивалъ у своего бывшаго слуги. Наконецъ разговоръ окончился. Наполеонъ пошелъ къ своему экипажу, но вдругъ обернулся назадъ, обнялъ крѣпко маршала, снялъ шляпу и сѣлъ въ свой экипажъ. Ожеро, заложивъ назадъ руки, даже не прикоснулся рукою къ околошу своей фуражки. Онъ подошелъ къ каретѣ Наполеона, когда тотъ уже сѣлъ въ нее, и, какъ бы нехотя, подалъ ему руку. Вслѣдъ затѣмъ маршалъ вѣжливо раскланялся съ коммиссарами и отправился по дорогѣ въ Ліонъ.

Коммиссары были возмущены поведеніемъ Ожеро. Когда спустя четверть часа экипажъ остановились на берегу Изеры, баронъ Коллеръ подошелъ къ Наполеону и выразилъ ему свое крайнее удивленіе по поводу его сердечнаго отношенія къ маршалу, отрекшемуся отъ него такимъ постыднымъ образомъ. Коллеръ вынулъ изъ кармана экземпляръ прокламаціи Ожеро и подалъ ее Наполеону. Императоръ, пробѣжавъ бумагу, замѣтилъ съ горечью: „да, люди дурны, но я могу выдать себѣ свидѣтельство, что я поступалъ съ ними, какъ съ таковыми“.

Утромъ 13-го (25-го) Апрѣля императорскій поѣздъ прибылъ къ Авиньону. Почтовыя лошади стояли наготовѣ за полъ-версты отъ города, но вокругъ нихъ успѣли уже собраться большія толпы народа. Едва только показались экипажи, какъ толпа разразилась дикими неистовыми криками: „долой тирана! долой разбойника!“ Разъяренная толпа хлынула къ экипажу Наполеона. Многіе лѣзли на подножки, грозили императору кулаками, кричали ему въ уши самыя площадныя ругательства. Другіе бросали каменьями въ карету. Заложивши лошадей, ямщики ударили, что называется, по всѣмъ по тремъ, и экипажи понеслись по объѣздной дорогѣ вокругъ города, сопровождаемые крикомъ, ругательствами и свистками толпы.

Въ Оргонѣ, небольшой деревушкѣ, гдѣ надо было перемѣнить лошадей, Наполеона ожидала пьяная и буйная толпа крестьянъ. Подлѣ самой почтовой станціи висѣло на висилицѣ соломенное чучело, забрызганное кровью и грязью. Чучело должно было изображать императора. Сама висилица покрыта была всевозможными ругательными надписями. Вокругъ станціи стояло около сотни мужиковъ и бабъ.

— „Долой вора! долой убійцу!“ заревѣла толпа при видѣ кареты Наполеона.

Крестьяне окружили экипажъ. Они лѣзли другъ другу на плечи, совались въ карету, осыпали Наполеона грубою бранью и плевками. Императоръ, блѣдный, полумертвый отъ страха, прижался въ уголъ кареты, пытаясь спрятаться за Бертрана. То была страшная минута для изгнанника. Десятки рукъ готовились вытащить его изъ экипажа и разорвать на клочки. Коммиссары спѣшили на помощь къ несчастному. Шуваловъ, одинъ изъ первыхъ, протѣснился черезъ бѣснующуюся толпу и, стоя у самого экипажа, грудью своею старался прикрыть Наполеона. Шуваловъ пытался успокоить народъ. Онъ взывалъ къ чувству великодушія и жалости; онъ говорилъ, что стыдно и позорно оскорблять без-

защитнаго бывшаго своего повелителя. Рѣшительный видъ русскаго офицера, а еще болѣе его мундиръ образумили немного толпу. Всеобщее вниманіе обратились на смѣлаго русскаго офицера, а тѣмъ временемъ ямщики успѣли заложить лошадей въ карету Наполеона и умчали его во весь карьеръ изъ деревни.

Наполеонъ долеко опередилъ своихъ спутниковъ. Страшно взволнованный, онъ пытливо всматривался въ даль и распрашивалъ каждаго путника, попадавшагося ему по дорогѣ. Отъ одного изъ нихъ онъ узналъ, что вездѣ по пути народъ страшно раздраженъ противъ него, что агенты, разосланные временнымъ правительствомъ, намѣренно волнуютъ населеніе, что многіе поклялись не выпускать его живого изъ Франціи.

Наполеонъ перетрусилъ не на шутку. Онъ не полагался уже болѣе на защиту коммиссаровъ и рѣшился искать спасенія въ другихъ средствахъ. Онъ снялъ съ себя свой обычный костюмъ, надѣлъ простую синюю блузу и круглую шляпу, украшенную большою бѣлою кокардою. Онъ сѣлъ на отпряженную почтовую лошадь и поскакалъ впередъ въ сопровожденіе одного изъ форейторовъ. Не давая себѣ ни минуты отдыха, онъ доскакалъ до города, но не рѣшился въѣхать въ него, вернулся назадъ и остановился въ дрянномъ деревенскомъ трактирѣ, въ небольшомъ селеніи Ла-Каладъ. Тутъ Наполеона нагналъ его камердинеръ Пеларъ. Посовѣтовавшись между собою, они порѣшили, что Наполеонъ будетъ выдавать себя за полковника Кемпбеля, уѣхавшаго за два дня передъ тѣмъ впередъ къ морскому берегу, чтобы подготовить все къ переѣзду Наполеона на Эльбу.

Войдя въ трактиръ, Наполеонъ заказалъ обѣдъ для себя и для ѣдущихъ вслѣдъ за нимъ и разговорился съ хозяевами. Трактирщикъ оказался человѣкомъ спокойнымъ, умѣреннымъ, даже расположеннымъ къ падшему императору, но за то его жена не могла слышать равнодушно даже имени Наполеона.

— „Я знаю, что вы принадлежите къ свитѣ императора,“—сказала она мнимому полковнику. „Вчера обѣдали у насъ нѣсколько господъ, они не могли надивиться, какъ это могли отдать Наполеону островъ, столь близкій къ берегамъ Франціи. Я сама точно такого же мнѣнія. Не даромъ же говорятъ про него, что у него больше ума, нежели у всей Европы. Надо надѣяться, что народъ покончитъ съ нимъ прежде, нежели онъ успѣетъ добраться до моря. Если же этотъ проклятый доберется съ цѣлою шкурою до берега, то совѣтую вамъ, господинъ полковникъ, не ѣхать съ нимъ на кораблѣ; я твердо убѣждена, что найдутъ средства утопить его въ морѣ. Не правда-ли?“ приставала неотвязчивая трактирщица, глядя прямо въ глаза Наполеону.

— „Правда, правда!“ отвѣчалъ ей императоръ, стараясь, по возможности, выдержать свою роль.

Болтливая хозяйка отправилась, наконецъ, въ кухню.

Терзаемый страхомъ, измученный безсонницею и голодомъ, Наполеонъ потерялъ способность спокойно обсудить свое положеніе. Какъ ребенокъ, искалъ онъ успокоенія у своего камердинера и задремалъ, наконецъ, склонившись къ нему на плечо. Минутъ черезъ пять онъ проснулся и прежній ужасъ овладѣлъ имъ. Онъ проклиналъ все свое прошлое, онъ давалъ обѣтъ никогда не увлекаться впередъ честолюбивыми мечтами.

— „Я навсегда откажусь отъ политической жизни“, — говорилъ онъ со слезами на глазахъ,—„я не буду заботиться ни о чемъ. Я буду счастливъ на Эльбѣ, счастливѣе нежели когда либо прежде; я буду заниматься наукою. Пусть предлагаютъ мнѣ корону Европы, я отвергну ее. Ты видѣлъ, что такое этотъ народъ? Да, я имѣлъ право презирать людей. И однако-же, эта Франція! Какая неблагодарность! Мнѣ противно мое властолюбіе, я не хочу болѣе царствовать!“

Въ этотъ моментъ раздался стукъ подъѣзжавшихъ экипажей. Наполеонъ вздрогнулъ; ему казалось, что пріѣхали

его убійцы. Но то были коммиссары, успѣвшіе нагнать, наконецъ, бѣглеца [1]). Пеларъ выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу. Онъ просилъ ихъ не выдавать инкогнито [2]) его господина и обращаться съ нимъ какъ съ полковникомъ Кемпбелемъ.

Графъ Вальдбургъ первый вошелъ въ трактиръ. Онъ увидѣлъ въ углу комнаты человѣка, въ простой синей блузѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ, оперши голову на руки, погруженный, повидимому, въ глубокія думы. Графъ быстро подошелъ къ нему. Шумъ его шаговъ пробудилъ незнакомца. Онъ поднялъ голову и быстро, испуганно, взглянулъ на подошедшаго. Лицо его было искажено страхомъ и скорбью; по щекамъ его текли слезы. Вальдбургъ взглянулъ на него и сразу узналъ въ немъ императора. Наполеонъ далъ ему знакъ не выдавать его; — въ эту самую минуту въ комнату вошла хозяйка. Вальдбургъ усѣлся рядомъ съ императоромъ и заговорилъ съ нимъ о постороннихъ предметахъ. Между тѣмъ вошли остальные коммиссары. Замѣтивъ, что Наполеонъ впалъ въ глубокое раздумье, какъ только хозяйка вышла изъ комнаты, они хотѣли оставить его одного, но онъ упрашивалъ ихъ не дѣлать этого, вести себя совершенно свободно, входить и выходить и держать себя съ нимъ какъ съ равнымъ. Онъ сообщилъ имъ о принятой на себя роли полковника Кемпбеля, но коммиссары замѣтили ему, что люди могутъ узнать, что Кемпбель проѣхалъ уже давно и совѣтовали ему выдавать себя за лорда Боргерша. Наполеонъ согласился. Подъ вліяніемъ страха за свою

---

[1]) На дорогѣ въ Сенъ-Кана, гдѣ мѣняли лошадей, съ коммиссарами чуть не произошла катастрофа. Едва только остановились экипажи, какъ градъ камней посыпался на карету, гдѣ за отсутствіемъ Наполеона сидѣлъ лишь одинъ несчастный Бертранъ. Коммиссары, ничего не знавшіе о бѣгствѣ Наполеона, тщетно пытались успокоить толпу. Женщины отличались особенною яростью. Какъ безумныя лѣзли онѣ къ экипажу Наполеона. «Ради милосердія Божія, выдайте его намъ»,—кричали онѣ коммиссарамъ. «Вѣдь и вамъ онъ надѣлалъ не меньше зла, какъ намъ. Предоставьте же его нашей мести». Съ трудомъ удалось, наконецъ, ускакать со станціи.

[2]) Инкогнито—чужое имя.

жизнь, онъ готовъ былъ надѣть какую угодно маску, играть какую угодно роль.

Подали обѣдъ. Хозяйка разливала кушанье. Наполеонъ усѣлся вмѣстѣ съ другими, но онъ не могъ ѣсть. Ему казалось, что кушанья отравлены и онъ не рѣшался проглотить ни кусочка. Видя, что его спутники ѣдятъ съ аппетитомъ и опасаясь возбудить подозрѣніе, онъ накладывалъ себѣ на торелку изъ каждаго блюда, бралъ даже въ ротъ, но затѣмъ выплевывалъ все незамѣтно на полъ. За все это время онъ питался однимъ хлѣбомъ и виномъ, которые тайкомъ приносилъ ему изъ экипажа Пеларъ. Первымъ и самымъ страшнымъ лицемъ была теперь для Наполеона болтливая хозяйка. Бывшій грозный властелинъ половины Европы дрожалъ теперь передъ простою деревенскою трактирщицею. Она управляла всѣми его движеніями, отъ нея зависѣло его настроеніе. Она входила въ комнату,—и Наполеонъ вдругъ дѣлался живымъ и веселымъ. Онъ начиналъ болтать, шутить и смѣяться съ своими спутниками. Она уходила, — и онъ погружался въ прежнее молчаливое, угнетенное состояніе.

Послѣ обѣда Наполеонъ началъ ломать голову, какъ бы спастись имъ изъ этой берлоги. Онъ освѣдомлялся, нѣтъ ли въ трактирѣ задней двери, черезъ которую можно бы было ускользнуть въ случаѣ опасности. Онъ велѣлъ посмотрѣть, высоко-ли отъ окошка до земли и можно ли будетъ выпрыгнуть изъ него въ случаѣ надобности. Коммиссары исполняли всѣ его желанія. Узнавъ отъ нихъ, что окно задѣлано рѣшеткою, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно. При малѣйшемъ шумѣ, даже шорохѣ, онъ вздрагивалъ и измѣнялся въ лицѣ.

Между тѣмъ въ другихъ комнатахъ трактира собралось довольно много посѣтителей, желавшихъ взглянуть на падшаго императора. Отъ нихъ коммиссары узнали о тревожномъ настроеніи жителей города Э. Тогда коммиссары, посовѣтовавшись между собою и съ Наполеономъ, рѣшили от-

править въ городъ графа Клама съ приказомъ городскому меру, чтобы къ 11 часамъ ночи заперты были городскія ворота и чтобы по дорогѣ были выставлены для охраненія порядка жандармы и національная гвардія.

Наполеонъ считалъ однако всѣ принятыя мѣры недостаточными и рѣшился обезпечить себя на всякій случай новымъ переодѣваніемъ. По его просьбѣ, адъютантъ графа Шувалова облекся въ костюмъ Наполеона. Самъ Наполеонъ надѣлъ на себя австрійскій генеральскій мундиръ Коллера съ крестомъ Маріи-Терезіи, накрылъ голову полевою фуражкою графа Вальдбурга и накинулъ на плечи шинель Шувалова. Окончивъ переодѣваніе, Наполеонъ занялся установленіемъ порядка, въ которомъ должно было двинуться шествіе черезъ трактиръ. Впереди всѣхъ долженъ былъ идти Друо, затѣмъ мнимый Наполеонъ, потомъ Коллеръ, потомъ Наполеонъ настоящій, Шуваловъ, Вальдбургъ и свита.

Шествіе совершилось благополучно. Народъ, тѣснившійся вокругъ трактира и наполнявшій всѣ переднія комнаты, никоимъ образомъ не могъ догадаться,—кто изъ проходившихъ былъ настоящій Наполеонъ. Путешественники размѣстились по экипажамъ. Поѣздъ тронулся и Наполеонъ ускользнулъ, наконецъ, изъ ненавистнаго трактира, гдѣ онъ провелъ столько мучительныхъ часовъ.

Была уже глухая ночь, когда путешественники приблизились къ Э, на старинныхъ городскихъ валахъ оказалось еще достаточно публики. Обычные крики: долой тирана! встрѣтили и здѣсь Наполеона. Блѣдный отъ страха, сидѣлъ онъ въ углу своей кареты,—но все обошлось на этотъ разъ одними ругательствами, проклятіями и свистками.

Мѣра, принятая коммиссарами, оказалась вполнѣ цѣлесообразною. Жандармы и національная гвардія удержала чернь отъ явнаго и открытаго насилія. Съ этихъ поръ коммиссары посылали въ каждый городъ и мѣстечко по пути

Клама съ открытымъ приказомъ, и всюду появленіе австрійскаго графа съ его „ордеромъ“ [1]) имѣло однѣ и тѣ же умиротворяющія послѣдствія.

Но Наполеону всего этого было мало. Онъ изощрялъ свою находчивость въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ фокусовъ, только бы скрыть отъ взоровъ толпы свою особу. Онъ оставилъ свою карету и переселился въ экипажъ Коллера. Онъ распорядился, чтобы камердинеръ Коллера, сидѣвшій на козлахъ, курилъ постоянно простой табакъ и окружалъ карету облаками дыма. Наполеонъ просилъ, чтобы самъ Коллеръ напѣвалъ какую-нибудь пѣсенку, при въѣздѣ въ деревни и мѣстечки. Коллеръ замѣтилъ, что онъ, къ сожалѣнію, совершенно незнакомъ съ искусствомъ пѣнія.

— „Ну, въ такомъ случаѣ, насвистывайте что нибудь,“— упрашивалъ его Наполеонъ.

Коммиссаръ согласился. И съ этихъ поръ карета, въ которой сидѣлъ Наполеонъ, въѣзжала въ селенія и города, окутанная клубами табачнаго дыма и оглашаемая посвистываніемъ австрійскаго генерала [2]).

Испытанія Наполеона приближались къ концу. Берегъ моря былъ уже недалеко. Въ полдень 14-го (26-го) Апрѣля прибыли въ Ле-Люкъ. Тутъ ожидала Наполеона любимая сестра его Полина. Слабая здоровьемъ, она хотѣла сопровождать брата на Эльбу и нарочно поспѣшила къ нему навстрѣчу, подъ прикрытіемъ двухъ эскадроновъ австрійскихъ гусаръ. Свиданіе было очень трогательное. Наполеонъ обрадовался сестрѣ. Полина схватила за руки брата и покрыла ихъ поцѣлуями и слезами. Наполеонъ прослезился. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, что сестра хочетъ раздѣлить съ нимъ изгнаніе, но надеждамъ его не суждено было исполниться. Уже въ слѣдующую ночь страданія принцессы

---

[1]) Ордеръ—приказъ, письменное предписаніе.

[2]) Императоръ Александръ I-й и идея священнаго союза, Надлера, т. V, стр. 157—163.

КАРТА
ВОЙНЫ СЪ НАПОЛЕОНОМЪ
1813–1815 гг.
ГРАНИЦА ФРАНЦІИ СЪ 1815 ГОДА.
нѣмецкое море
средиземное море
адріатическое море
ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРІЯ
КРЛ. ИСПАНІЯ
ШВЕЙЦАРІЯ
ИТАЛІЯ
КРЛ. ВЕСТФАЛІЯ
КРЛ. САКСОНІЯ
КРЛ. ПРУССІЯ
МЕКЛЕНБУРГЪ
ШВЕД. ПОМЕРАНІЯ
КРЛ. ДАНІЯ
ГЕР. ВАРШАВСКОЕ
СИЛЕЗІЯ
ГАЛИЦІЯ
АВСТРІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ
БОГЕМІЯ
МОРАВІЯ
ВЕНГРІЯ
ИЛЛИРІЯ
ТУРЦІЯ
ТИРОЛЬ
КРЛ. БАВАРІЯ
ВЮРТЕМБЕРГСКОЕ КРЛ.
В. Г. БАДЕНСКОЕ
НЕАПОЛИТАНСКОЕ КРЛ.
КОРСИКА
АФРИКА
о. Св. Елены
Парижъ
Гага
Амстердамъ
Антверпенъ
Брюссель
Бременъ
Гамбургъ
Любекъ
Ольденбургъ
Гановеръ
Минденъ
Брауншвейгъ
Магдебургъ
Потсдамъ
Берлинъ
Кюстринъ
Штеттинъ
Варшава
Модлинъ
Калишъ
Краковъ
Бреславль
Лейпцигъ
Дрезденъ
Торгау
Бауценъ
Люценъ
Іена
Ерфуртъ
Ауерштедтъ
Кассель
Кельнъ
Кобленцъ
Ахенъ
Франкфуртъ
Майнцъ
Мангеймъ
Карлсруэ
Ульмъ
Мюнхенъ
Прага
Теплицъ
Ольмюцъ
Аустерлицъ
Вѣна
Базель
Ліонъ
Авиньонъ
Марсель
Рошефоръ
Оксеръ
Шатильонъ
Лангръ
Труа
Реймсъ
Суассонъ
Лаонъ
Шато-Тьери
Шампоберъ
Фонтенебло
Арсисъ
Бріенъ
Ла-Ротіеръ
Пьяченца
Парма
Лукка
Римъ
Порто-Ферайо
о. Эльба
Луара
Сена
Рона
Гаронна
Дордонь
Рейнъ
Эльба
Одеръ
Висла
Дунай
Драва
Сава
По

К
ск
ро

св
фо
О
ле
д
о
са
в
ж

у

к
с
в

м
п
с
н
п
н
]
(

стр.

такъ усилились, что она принуждена была отказаться на-время отъ поѣздки.

Наполеонъ продолжалъ свой путь къ морю подъ прикрытіемъ австрійскихъ гусаръ. Онъ былъ очень доволенъ этимъ конвоемъ, и его трусость почти исчезла. Въ Фрежюсѣ Наполеонъ увидѣлъ, наконецъ, море. Тутъ ему сообщили, что для переѣзда его на островъ Эльбу французское правительство назначило бригъ.

Наполеонъ обидѣлся; онъ увидѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ личное оскорбленіе.

— „Что это значитъ?“ съ досадою воскликнулъ императоръ, къ которому вернулось уже его прежнее высокомѣріе. „Мнѣ предлагаютъ какой-то жалкій бригъ?! Они должны были дать мнѣ линейный корабль! Я создалъ для Франціи военный флотъ, а правительство присылаетъ мнѣ маленькій жалкій бригъ! Это—низость!“

Охраняя свое достоинство и не довѣряя всему французскому, начиная отъ правительства и оканчивая капитанами и матросами, Наполеонъ объявилъ, что онъ отправится на англійскомъ фрегатѣ „Неукротимый“, который стоялъ въ одной гавани съ французскимъ бригомъ. Коммиссары не противорѣчили. Они сами не довѣряли французамъ и предпочитали перевести Наполеона на островъ на англійскомъ караблѣ. Дѣло было улажено очень скоро. Уже вечеромъ въ тотъ же день Ушеръ капитанъ „Неукротимаго“ лично представился Наполеону и предложилъ къ его услугамъ свой фрегатъ.

Наполеонъ принялъ капитана какъ настоящій повелитель. За послѣдніе часы онъ преобразился совершенно. Онъ забылъ печальныя событія только что минувшихъ дней. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія при видѣ людей, бывшихъ свидѣтелями его жалкой трусости. Наполеонъ пригласилъ къ обѣду всѣхъ коммиссаровъ и англійскаго капитана. Онъ держалъ себя за столомъ весело, развязно, но

давалъ въ то же время чувствовать всѣмъ и каждому свое превосходство. Съ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ онъ о своихъ планахъ, объяснялъ, какъ много великаго хотѣлъ онъ сдѣлать для Франціи и утверждалъ, что въ концѣ концовъ онъ успѣлъ бы покорить и Англію. Онъ принялъ такой положительный, не терпящій возраженій тонъ, что его собесѣдникамъ казалось, что передъ ними находится дѣйствительный и настоящій, а не свергнутый императоръ Франціи. Въ пылу бесѣды онъ говорилъ „о своихъ“ флотахъ въ Тулонѣ, Брестѣ, Антверпенѣ, „о своей“ арміи въ Гамбургѣ, „о своихъ“ мортирахъ въ Гіерѣ, какъ бы забывая, что все это не принадлежитъ уже ему теперь.

Окончивъ свои приготовленія къ переѣзду, Наполеонъ вечеромъ 16-го (28-го) Апрѣля отправился на бортъ „Неукротимаго“. На фрегатѣ его приняли со всѣми почестями, подобающими его сану. Шуваловъ и Вальдбургъ явились проститься съ нимъ. Наполеонъ былъ любезенъ съ обоими, благодарилъ ихъ за всѣ оказанныя ему услуги на пути и пожелалъ имъ счастливой дороги. Онъ вспомнилъ объ императорѣ Александрѣ и просилъ Шувалова передать ему выраженіе своей искренней признательности, но о королѣ прусскомъ не упомянулъ ни однимъ словомъ. Баронъ Коллеръ и полковникъ Кемпебель остались при императорѣ.

„Неукротимый“ въ тотъ же вечеръ снялся съ якоря и вышелъ въ море; 18-го (30-го) Апрѣля фрегатъ находился уже на высотѣ Ниццы. Наполеонъ былъ въ отличномъ расположеніи духа. Радостное сознаніе, что онъ избѣгъ, наконецъ, опасностей, грозившихъ его жизни, видимо оживляло и ободряло его. Онъ говорилъ, что онъ никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь въ открытомъ морѣ. Наполеонъ обѣдалъ во все время переѣзда по морю въ обществѣ Коллера, Клодта, Кемпебеля, капитана Ушера и кого-нибудь изъ офицеровъ фрегата. За столомъ онъ говорилъ всегда много, смѣялся и шутилъ. Онъ не мало рас-

пространялся о своей будущей жизни на Эльбѣ. Разсказывая однажды графу Кламу, какъ онъ будетъ на островѣ опять заниматься математикою, Наполеонъ добавилъ:

— „Вы должны знать, что я человѣкъ совершенно особаго покроя; я могу вести жизнь чрезвычайно дѣятельную, но я способенъ и къ жизни сидячей“.

— „Это происходитъ отъ того“, — замѣтилъ графъ, — „что ваше величество обладаете слишкомъ большою силою воображенія“.

— „Да, это правда“, — подтвердилъ Наполеонъ. — „У меня слишкомъ много воображенія, а по временамъ у меня было его и черезчуръ много“.

Фрегатъ быстро подвигался впередъ. 19-го Апрѣля (1-го Мая) показался берегъ Корсики. Наполеонъ впивался глазами въ родной островъ и указывалъ своимъ спутникамъ на замѣчательные въ томъ или другомъ отношеніи пункты его.

21-го Апрѣля (3-го Мая) Корсика начала скрываться изъ виду. Наполеонъ снялъ шляпу, какъ бы навсегда прощаясь съ родиною... Фрегатъ прошелъ мимо Капрайи и вслѣдъ затѣмъ показалась на горизонтѣ Эльба. Друо и Кламъ отправились впередъ на шлюпкѣ, чтобы приготовить все къ пріему императора.

Въ десять часовъ „Неукротимый“ сталъ на якорь въ гавани Порто-Феррайо, главнаго города острова Эльбы. Раздались обычные салюты съ фрегата и форта.

Друо и Кламъ успѣли уже исполнить свое порученіе. На укрѣпленіяхъ Порто-Феррайо развѣвался императорскій флагъ. Въ 4 часа пополудни Наполеонъ ступилъ на берегъ Эльбы. Пушки форта гремѣли. Весь французскій гарнизонъ стоялъ въ парадѣ подъ ружьемъ. Комендантъ почтительно встрѣтилъ Наполеона на берегу. Бѣдное населеніе острова, ожидавшее отъ новаго повелителя всевозможныхъ благъ въ мірѣ, встрѣтило его съ шумнымъ восторгомъ. Впрочемъ, обстановка торжества была довольно жалкая и не мало на-

поминала деревенскую свадьбу. Власти острова, члены общиннаго совѣта, мѣстное духовенство, явились въ парадномъ, старомодномъ одѣяніи. Три скрипки и два контръбаса наигрывали веселый маршъ. Для Наполеона приготовленъ былъ даже балдахинъ изъ стараго полинявшаго бархата, но за то украшенный новыми вѣнками и гирляндами изъ цвѣтной и золотой бумаги.

Бертранъ и Друо негодовали по поводу этой жалкой пріемной встрѣчи, но Наполеонъ принималъ всѣ предлагаемыя ему почести съ видомъ совершенно серьезнымъ, съ величавымъ, свойственнымъ ему во всѣхъ парадныхъ случаяхъ, достоинствомъ. Послѣ встрѣчи вся процессія направилась въ церковь, гдѣ было принесено благодарственное моленіе за благополучное прибытіе новаго государя. Изъ церкви Наполеонъ отправился въ ратушу. Тутъ представлялись ему члены мѣстнаго управленія и духовенство. По выходѣ изъ ратуши Наполеонъ сѣлъ на коня и отправился въ сопровожденіи своей свиты осматривать укрѣпленія острова.

Наполеонъ началъ новую жизнь, которая, впрочемъ, къ его несчастію, продолжалась недолго.

Императоръ Александръ въ Парижѣ.

Вступивши 19-го (31-го) Марта въ Парижъ, императоръ Александръ остановился въ домѣ Талейрана. Здѣсь ожидали его тяжелыя заботы. Ему нужно было создать новое правительство во Франціи и примирить по этому вопросу противоположныя мнѣнія и убѣжденія французовъ. Задача была не легкая, но Александръ вышелъ побѣдителемъ и здѣсь, среди новыхъ и небывалыхъ политическихъ затрудненій.

По прибытіи къ государю короля прусскаго и князя Шварценберга, началось совѣщаніе, къ которому приглашены были государственныя и вліятельныя французскія лица. Во главѣ ихъ былъ Талейранъ. Государь открылъ собраніе краткою рѣчью, въ которой высказалъ мысль, что онъ и союзники его „признаютъ всякое правительство, только бы оно было признано всѣми французами". Начались пренія. Всѣ присутствовавшіе на совѣщаніи французы утверждали, что владычество Наполеона немыслимо и что никто, кромѣ Бурбоновъ [1]), не можетъ замѣнить Наполеона. Принявъ этотъ единогласный отзывъ за выраженіе мнѣнія всѣхъ французовъ, государь, посовѣтовавшись съ прусскимъ королемъ и Шварценбергомъ, сказалъ: „намъ, чужеземцамъ, не подобаетъ провозглашать низложеніе Наполеона; еще

---

[1]) *Бурбоны*—французская королевская фамилія. Первымъ королемъ изъ Бурбоновъ былъ Генрихъ IV (съ 1589); во время революціи король Людовикъ XVI Бурбонъ былъ низвергнутъ и казненъ (1793). Послѣ него остался братъ Людовикъ.

менѣе того можемъ мы призывать Бурбоновъ на престолъ Франціи. Кто же возьметъ на себя починъ въ этихъ двухъ великихъ дѣяніяхъ?“ Талейранъ указалъ на сенатъ и взялся устроить дѣло.

20-го Марта (1-го Апрѣля) французскій сенатъ, подъ руководствомъ Талейрана, учредилъ временное правительство и на слѣдующій день объявилъ Наполеона и всѣхъ членовъ его семейства лишенными права на престолъ Франціи.

Въ тотъ же день, 21-го Марта (2-го Апрѣля), государь принялъ сенатъ, представленный ему Талейраномъ. Александръ обратился къ этому собранію со слѣдующею рѣчью: „Я—другъ французскаго народа; то, что вы совершили только что, еще болѣе усугубляетъ это чувство. Справедливо и разумно дать Франціи учрежденія сильныя и либеральныя, которыя соотвѣтствовали бы степени настоящаго просвѣщенія. Мои союзники и я, мы намѣрены только обезпечить независимость вашихъ рѣшеній“. И потомъ прибавилъ самымъ доброжелательнымъ тономъ: „Въ доказательство прочнаго мира, который я хочу заключить съ вашей націей, я возвращаю ей всѣхъ плѣнныхъ французовъ, которые находятся въ моей имперіи. Временное правительство обратилось ко мнѣ съ просьбою объ этомъ; дарую свое согласіе сенату послѣ рѣшеній, принятыхъ имъ сегодня“.

Въ день безусловнаго отреченія Наполеона отъ престола сенатъ утвердилъ выработанную новую конституцію [1]). Одна статья этой конституціи постановляла, что Людовикъ, братъ послѣдняго короля Людовика XVI, призывается на престолъ свободною волею французскаго народа. Людовикъ будетъ провозглашенъ королемъ французовъ по принесеніи присяги конституціи.

Въ то время, когда совершались вышеуказанныя важ-

---

[1]) Конституція—государственный актъ, которымъ опредѣляются предѣлы власти правительства надъ подданными.

ныя событія, наступила уже страстная недѣля. Императоръ пожелалъ говѣть.

„Наше вхожденіе въ Парижъ было великолѣпное“, — разсказывалъ впослѣдствіи самъ государь князю А. Н. Голицыну. „Все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремена; оглушали воздухъ радостными криками, поздравленіями. Но душа моя ощущала тогда въ себѣ другую радость. Она, такъ сказать, таяла въ безпредѣльной преданности къ Господу, сотворившему чудо своего милосердія; она, эта душа, жаждала уединенія, жаждала субботствованія; сердце мое порывалось пролить передъ Господомъ всѣ чувствованія мои. Словомъ, мнѣ хотѣлось говѣть и пріобщиться св. Тайнъ; но въ Парижѣ не было русской церкви. Милующій Промыслъ, когда начнетъ благодѣтельствовать, тогда бываетъ всегда безмѣренъ въ своей изобрѣтательности; и вотъ, къ крайнему моему изумленію, вдругъ приходятъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что столь желанная мною русская церковь явилась въ Парижѣ; послѣдній нашъ посолъ, выѣзжая изъ столицы Франціи, передалъ свою посольскую церковь на сохраненіе въ домъ американскаго посланника. И вотъ, сейчасъ же, насупротивъ меня, французы нашли чей-то домъ, и церковь русская въ то же время была устроена, а отъ дома моего, въ которомъ я жилъ уединенно, въ тотъ же разъ французы сдѣлали переходъ для удобнаго посѣщенія церкви. Французское правительство, узнавшее о моемъ намѣреніи исполнить предвзятую мною религіозную обязанность, приняло мѣры распорядиться, въ самое скорѣйшее время, чтобы по той улицѣ никакіе экипажи не ѣздили. И вотъ ничто уже мнѣ не мѣшало исполнять мою обязанность предъ Господомъ. Бывало, всякій день хожу въ церковь. Но, идучи туда и возвращаясь обратно въ домъ, трудно однакожъ мнѣ было сохранить чувствованіе своего

ничтожества, котораго требуетъ святая наша церковь въ подвигѣ покаянія; какъ бывало только покажусь на улицу, такъ густѣйшая толпа, что есть только лучшаго въ парижскомъ обществѣ, толпа, составленная изъ кавалеровъ и дамъ, тѣсно обступитъ и смотритъ на меня съ тѣмъ одушевленіемъ признательнаго чувства, съ тѣмъ доброжелательствомъ, которыя для лицъ нашего значенія такъ сладко и обаятельно видѣть въ людяхъ. Съ трудомъ каждый разъ пробирался я на уединенную свою квартиру. Никогда съ такимъ удобствомъ и спокойствіемъ я не говѣлъ, какъ въ многолюдной столицѣ Франціи. Промыслъ всѣ, такъ сказать, милости излилъ на меня отъ Своей десницы; Онъ ниспослалъ мнѣ всевозможное спокойствіе къ исполненію этого священнаго долга. Но прежде, чѣмъ я къ тому приступилъ, душа моя была, однакожъ, не безъ смущенія; мнѣ совершенно извѣстно было, что грозныя еще своимъ отчаяніемъ полчища Наполеоновы стягивались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Фонтенебло; слѣдовательно, союзныя арміи, такъ недавно вступившія въ стѣны столицы, должны были вновь готовиться не для одного отдыха и наслажденія; мнѣ скоро надлежало выводить ихъ для новаго боя, можетъ быть отчаяннѣйшаго, чѣмъ всѣ прежніе; мнѣ надлежало принять также всевозможныя мѣры, чтобы сдерживать и буйную чернь парижскую, могущую удобно зажигаться и волноваться даже и отъ наималѣйшаго успѣха Наполеонова. Какъ же мнѣ, говорю, было спокойно говѣть, когда надлежало, можетъ быть, въ скорѣйшее время выводить войска изъ Парижа? Но я и здѣсь повторю то же, что, если кого милующій Промыслъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ божественной Своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія добровольное отреченіе Наполеона какъ будто нарочно поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобы совершенно успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь".

Императоръ Александръ пожелалъ также, чтобъ говѣли войска. Былъ изданъ приказъ, который запрещалъ офицерамъ и солдатамъ посѣщеніе въ это время театровъ, шумныхъ народныхъ собраній и всякихъ публичныхъ увеселеній. Приказъ оканчивался такими словами: „А кто явится изъ русскихъ въ спектакль, о томъ будетъ извѣстно Его Императорскому Величеству“.

Въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова, 29-го Марта (10-го Апрѣля), парижане были свидѣтелями совершенно новаго для нихъ зрѣлища. Объ этомъ также государь разсказывалъ А. Н. Голицыну [1]). „Еще скажу тебѣ о новой и отрадной для меня минутѣ въ продолженіе всей жизни моей“, — продолжалъ императоръ Александръ, — „я живо тогда ощущалъ, такъ сказать, апоѳеозъ русской славы между иноплеменниками; я даже ихъ самихъ увлекъ и заставилъ раздѣлить съ нами національное торжество наше. Это вотъ какъ случилось. На то мѣсто, гдѣ палъ кроткій и добрый Людовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ; по моему приказанію сдѣланъ былъ амвонъ; созваны были всѣ русскіе священники, которыхъ только найти было можно; и вотъ, при безчисленныхъ толпахъ парижанъ всѣхъ состояній и возрастовъ, живая гекатомба наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ русскимъ пѣніемъ... Все замолкло, все внимало!.. Торжественная была эта минута для моего сердца; умилителенъ, но и страшенъ былъ для меня моментъ этотъ. Вотъ, думалъ я, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, изъ холодной отчизны Сѣвера привелъ я православное мое русское воинство для того, чтобъ въ землѣ иноплеменниковъ, столь недавно еще нагло наступавшихъ на Россію, въ ихъ знаменитой столицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пала царственная жертва отъ буйства народнаго,

---

[1]) Разсказы князя Александра Николаевича Голицына, записанные Ю. Н. Бартеневымъ, Русскій Архивъ, 1886 г., кн. 2, стр. 97—100.

принести совокупную, очистительную и вмѣстѣ торжественную молитву Господу. Сыны Сѣвера совершили какъ бы тризну по королѣ французскомъ. Русскій царь по ритуалу православному, всенародно молился вмѣстѣ со своимъ народомъ и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто пораженной царственной жертвы. Духовное наше торжество въ полнотѣ достигло своей цѣли; оно невольно втолкнуло благоговѣніе и въ самыя сердца французовъ. Не могу не сказать тебѣ, Голицынъ, хотя это и не совмѣстно въ теперешнемъ разсказѣ, что мнѣ даже было забавно тогда видѣть, какъ французскіе маршалы, какъ многочисленная фаланга генераловъ французскихъ тѣснилась возлѣ русскаго креста и другъ друга толкала, чтобъ имѣть возможность скорѣе къ нему приложиться. Такъ обаяніе было повсемѣстно: такъ оторопѣли французы отъ духовнаго торжества русскихъ".

Молебствіе окончилось провозглашеніемъ многолѣтія союзнымъ государямъ и ихъ храброму воинству. Раздались сто пушечныхъ выстрѣловъ. Площадь огласилась громовымъ „ура". Народъ пришелъ въ неописанный восторгъ. Громадныя толпы сопровождали государя шумными, радостными восклицаніями.

Въ тотъ же первый день праздника императоръ Александръ вспомнилъ своего бывшаго наставника Лагарпа. Полный глубочайшей признательности и благодарности къ своему бывшему воспитателю, государь пожаловалъ Лагарпу, имѣвшему въ Россіи только чинъ полковника, орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Лагарпъ, находившійся нѣкоторое время при арміи, разстался съ государемъ при движеніи ея на Парижъ. Онъ не былъ свидѣтелемъ торжества бывшаго своего ученика, и не успѣлъ еще прибыть во французскую столицу. Но Александъ вспомнилъ о своемъ наставникѣ и среди охватившаго его политическаго водоворота. На другое утро послѣ вступленія въ Парижъ, императоръ послалъ Михайловскаго-Да-

нилевскаго къ супругѣ Лагарпа извѣстить ее, что мужъ ея находится въ безопасности въ Дижанѣ, въ главной квартирѣ австрійскаго императора, и предложить ей отъ имени его величества всевозможныя услуги, караулъ въ загородный домъ ея и, если нужно, денегъ. Данилевскій, кромѣ того, сказалъ ей, что государь не имѣлъ еще ни одной свободной минуты, чтобы посѣтить ее, но что въ самомъ скоромъ времени онъ лично будетъ у нея.

Услыхавъ о волѣ императора, госпожа Лагарпъ, заплакавъ, отвѣчала: „вы видите мои слезы, вотъ мой отвѣтъ".

Александръ не замедлилъ исполнить свое обѣщаніе. Онъ взобрался на четвертый этажъ, въ скромный уголъ, занимаемый г-жею Лагарпъ. Побѣдитель Наполеона, вершитель судебъ Франціи и Европы, предсталъ предъ женою своего бывшаго учителя, какъ добрый, старый знакомый, какъ благодарный памятливый ученикъ. Госпожа Лагарпъ нѣсколько оторопѣла. Не смотря на всѣ приглашенія государя сѣсть, она почтительно стояла передъ нимъ.

— „Вы очень перемѣнились",—сказалъ государь.

— „Ваше Величество, и я, какъ всѣ, терпѣла горе".

— „Вы меня не поняли",—продолжалъ Александръ,— „бывало, вы сидѣли подлѣ воспитанника вашего супруга и дружески съ нимъ разговаривали, а теперь стоите передъ нимъ. Надѣюсь, что наши прежнія отношенія не измѣнились"[1]).

Императоръ Александръ, занимавшійся въ Парижѣ высшими государственными дѣлами, руководившій изъ своего кабинета политикою всей Европы, находилъ время предаваться и постороннимъ занятіямъ. „Александръ", — по словамъ Пакье, префекта парижской полиціи, — „ѣздилъ верхомъ по городу по всѣмъ направленіямъ и внимательно осматривалъ всѣ общественныя учрежденія. Совершая эти поѣздки,

---

[1]) Исторія царствованія имп. Александра I-го и Россіи въ его время, Богдановичъ, т. IV, стр. 529—530.

онъ искалъ случая дѣлать то, что могло возбудить къ нему сочувствіе всѣхъ классовъ общества“ [1]).

Всѣ эти поѣздки государь предпринималъ безъ всякаго конвоя и безъ предваренія о нихъ французской полиціи. Пакье сильно безпокоился и не разъ умолялъ государя измѣнить этотъ порядокъ осмотра парижскихъ достопримѣчательностей. Но, къ счастью, всѣ опасенія Пакье оказались напрасными; кромѣ хорошаго государь въ Парижѣ ничего не встрѣчалъ.

Вскорѣ послѣ своего вступленія въ Парижъ, императоръ Александръ посѣтилъ знаменитый домъ инвалидовъ, гдѣ проводили въ тишинѣ и довольствѣ свои послѣдніе дни искалѣченные герои наполеоновскихъ войнъ. „Въ величественномъ зданіи семъ“, — говоритъ очевидецъ Н. Н. Муравьевъ, — „инвалиды живутъ гораздо лучше нашего брата. Дворы, коихъ много, именуются по названіямъ сраженій и побѣдъ Наполеона, что видно по доскамъ съ надписанными названіями, прибитыми къ воротамъ. Помѣщеніе подъ большимъ куполомъ, который отовсюду видѣнъ, раздѣлено на двѣ части; въ одной половинѣ находится церковь инвалидовъ, въ другой же — большая зала, посвященная всѣмъ убитымъ генераламъ, прославившимся въ французской арміи. Посѣтитель съ уваженіемъ вступаетъ въ сію залу, гдѣ совершенная тишина прерывается только раздающимся стукомъ отъ шаговъ идущаго. Направо въ стѣнахъ видна съ изваяніемъ гробница маршала Тюреннъ, гдѣ изображенъ онъ самъ лежащимъ подъ осѣняющими его знаменами, а со всѣхъ сторонъ видны гробницы бывшихъ предводителей. Въ самой глубинѣ залы видна небольшая дверь, у которой сидитъ часовой, инвалидный солдатъ безъ ноги, или безъ руки. Выйдя въ эту дверь, я очутился въ маленькой комнатѣ, сплошь обтянутой чернымъ бархатомъ и обитой серебряными галунами.

---

[1]) Шильдеръ. Имп. Александръ I-й, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 230.

Въ срединѣ этой комнаты стоялъ гробъ на подножіи. Комната освѣщалась только двумя лампами, которыя темно горѣли. Невыразимо впечатлѣніе, производимое симъ зрѣлищемъ. Какъ бы опасаешься громко говорить, дабы не потревожить покойника. Тутъ похороненъ маршалъ Дюранъ, который былъ убитъ подлѣ Наполеона въ сраженіи подъ Бауценомъ" [1]).

Съ благоговѣніемъ вступилъ Александръ подъ величественные своды этого пріюта воинской славы. Онъ засталъ жителей инвалиднаго дома въ глубокой печали. Слухъ, разнесшійся по городу, что побѣдители намѣрены отобрать у нихъ всѣ трофеи ихъ славныхъ побѣдъ, всѣ пушки, взятыя при Аустерлицѣ, Іенѣ, Ваграмѣ, достигъ до нихъ и повергъ ихъ въ глубокое уныніе. Государь спѣшилъ успокоить ихъ.

— „Утѣшьтесь, мои храбрые", — сказалъ онъ имъ. — „Я явлюсь за васъ ходатаемъ предъ государями, моими союзниками; я попрошу ихъ оставить вамъ нѣсколько воспоминаній вашихъ славныхъ подвиговъ".

И Александръ подалъ примѣръ великодушія своимъ союзникамъ; оставляя домъ инвалидовъ, онъ отдалъ приказъ оставить въ немъ двѣнадцать русскихъ пушекъ, взятыхъ при Аустерлицѣ.

Пораженные безпримѣрнымъ великодушіемъ русскаго государя, представители города Парижа предложили ему измѣнить названіе Аустерлицкаго моста.

— „Нѣтъ",—отвѣтилъ Александръ. — „Достаточно уже и того, что императоръ Александръ перешелъ этотъ мостъ съ своею арміею".

Ученыя и художественныя учрежденія города Парижа возбуждали особый интересъ государя и пользовались его особеннымъ покровительствомъ. Союзники хотѣли возвратить на прежнія мѣста, прежнимъ законнымъ владѣльцамъ драго-

[1]) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго, см. Русскій Архивъ, 1886 г., кн. 2, стр. 111.

цѣнныя произведенія искусства, награбленныя Наполеономъ въ разныхъ столицахъ Европы. Александръ возсталъ противъ этого. Онъ убѣждалъ своихъ союзниковъ не касаться произведеній искусства, сосредоточенныхъ въ Парижѣ. Онъ говорилъ, что онѣ здѣсь наиболѣе доступны для всей Европы.

Государь не разъ посѣщалъ галлереи Лувра и всегда проводилъ по нѣсколько часовъ въ созерцаніи безсмертныхъ произведеній древняго и новаго искусства. Въ первое изъ такихъ посѣщеній Александръ замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ подножіяхъ не было статуй. Указавъ сопровождавшему его директору музея на одно изъ такихъ пустыхъ подножій, государь спросилъ:

— „Что здѣсь прежде стояло?"

— „Аполлонъ Бельведерскій",—отвѣчалъ директоръ.

— „Гдѣ онъ теперь?"—продолжалъ Александръ.

— „Опасность, угрожавшая Парижу",—отвѣчалъ директоръ,—„заставила насъ отправить нѣкоторые предметы въ Орлеанъ".

— „Если бы вы оставили Аполлона въ Парижѣ", — возразилъ государь, — „то увѣряю васъ, никто бы не прикоснулся къ нему, но теперь, если казаки возьмутъ его на дорогѣ, онъ будетъ законною добычею" [1]).

Французскій институтъ, не пользовавшійся при Наполеонѣ свободою въ научныхъ изслѣдованіяхъ, поспѣшилъ заявить свое глубокое уваженіе побѣдителю, даровавшему Франціи свободу и миръ. На привѣтственную рѣчь президента института Александръ отвѣчалъ такими словами: „Я всегда воздавалъ должную справедливость работамъ и успѣхамъ французовъ въ области наукъ и изящныхъ искусствъ. Я не приписываю сословію ученыхъ бѣдствій, обрушившихся на Францію и Европу. Я радуюсь вмѣстѣ съ вами, что

---

[1]) Исторія царствованія Александра I-го, Богдановичъ, т. IV, стр. 540.

вамъ возвращена, наконецъ, свобода мысли. Мое счастіе, мое единственное желаніе быть полезнымъ человѣчеству. Вотъ мотивъ, который привелъ меня во Францію".

За депутацiею отъ института явилась депутація отъ общества поощренія искусствъ и ремеселъ. Одинъ изъ депутатовъ изъявилъ государю отъ имени всѣхъ своихъ товарищей благодарность за покровительство, оказанное имъ всѣмъ художественнымъ и ремесленнымъ учрежденіямъ города Парижа. Александръ отвѣчалъ: „Я желаю, чтобы искусства и полезныя ремесла распространились по всей поверхности земнаго шара. Я глубоко уважаю всѣхъ тѣхъ, кои способствуютъ достиженію этой благородной цѣли своими усиліями и талантами".

„Александръ",—говорится въ однихъ современныхъ запискахъ,—„посѣщалъ всѣ учрежденія Парижа, посвященныя наукамъ, искусствамъ, индустріи, гуманности не изъ любопытства, а влекомый дѣйствительнымъ интересомъ. Его появленіе, его привѣтливость, его слова возбуждали повсюду удивленіе, смѣшанное съ уваженіемъ, внушали теплое, благоговѣйное чувство любви къ его великой личности. Ученые всѣхъ отраслей знанія, знаменитѣйшіе литераторы не могли достаточно надивиться его тонкому, наблюдательному уму, его вѣрнымъ сужденіямъ, выражавшимся въ каждомъ его отвѣтѣ и замѣчаніи. Но болѣе всего они изумлялись тому благородному, изящному и естественному краснорѣчію, которое обнаружилъ государь въ языкѣ, служившемъ предметомъ ихъ постоянныхъ изслѣдованій и занятій" [1]).

„Посѣщая всѣ учрежденія Парижа, посвященныя наукамъ и искусствамъ", императоръ Александръ не забывалъ и дѣлъ благотворительности. Къ этому влекло его сердце, преисполненное любви и состраданія къ несчастному человѣчеству. Государь посѣщалъ больницы, сиротскія училища,

[1]) Надлеръ. Императоръ Александръ I-й и идея священнаго союза, т. V, стр. 197—198.

разныя человѣколюбивыя учрежденія. Словомъ и дѣломъ онъ ободрялъ повсюду нуждающихся и страждущихъ и оставлялъ по себѣ въ сердцахъ всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе [1]). Государь взялъ подъ свое покровительство больныхъ и раненыхъ. Какъ въ Вильнѣ, такъ и теперь, онъ поручалъ иногда надзоръ за госпиталями, гдѣ лежали вмѣстѣ съ нашими солдатами и французскіе, французамъ, состоявшимъ въ нашей службѣ. Разъ парижскіе банкиры пожертвовали въ пользу нашихъ раненыхъ 8,600 франковъ. Государь, изъявивъ свое благоволеніе банкирамъ, приказалъ раздать эти деньги по-ровну русскимъ, австрійскимъ, прусскимъ и французскимъ раненымъ [2]). Какъ въ этомъ случаѣ, такъ вездѣ и всегда, Александръ не дѣлалъ различія между своими и чужими.

Благотворительность и щедрость государя не знали предѣловъ. Парижане не знали, чему удивляться имъ болѣе— скромности ли и простотѣ жизни, которую велъ нашъ государь въ Парижѣ, или же его щедротамъ, изливавшимся на всѣ страны. Сотни просителей прибѣгали ежедневно къ милосердію русскаго царя, и ни одинъ изъ нихъ не уходилъ отъ него неудовлетворенный въ своихъ нуждахъ. Не имѣя возможности собирать свѣдѣнія о положеніи каждаго изъ просителей, государь приказалъ, наконецъ, разослать довольно значительную сумму денегъ приходскимъ священникамъ. Послѣдніе уже, по своему усмотрѣнію, должны были раздать эти деньги неимущимъ жителямъ столицы.

Понятно, что такая безпредѣльная, истинно христіанская благотворительность могла лишь усилить обаяніе, про-

---

[1]) Несчастіе и падшее величіе возбуждали въ государѣ живѣйшее сочувствіе. Онъ посѣтилъ въ Мальмезонѣ императрицу Жозефину, первую супругу Наполеона. Онъ обошелся съ нею, какъ съ настоящею императрицею. Рыцарское обращеніе государя тронуло до глубины души женщину, принесенную бездушнымъ Наполеономъ въ жертву своему тщеславію и высокомѣрію.

[2]) Исторія царствованія императора Александра I-го, Богдановичъ, т. IV, стр. 527.

изведенное и безъ того уже на французовъ великодушною личностью ихъ побѣдителя. Признательность, восторженная благодарность парижанъ выражалась различными способами. Народъ всегда толпился на улицѣ передъ квартирой императора, ожидая съ нетерпѣніемъ выхода его, чтобы привѣтствовать его изъявленіями своего восторга. Многіе въ ожиданіи выхода государя сидѣли на крышахъ домовъ. Вездѣ, гдѣ только ни показывался Александръ, населеніе встрѣчало его восторженными криками. Мальчишки бѣгали по улицамъ, распѣвая куплеты, сочиненные въ честь русскаго государя. Французы сравнивали Александра съ своимъ любимымъ національнымъ героемъ Генрихомъ IV. Парижане отлично сознавали, что только великодушіе Александра, неслыханное во всей исторіи, спасло Францію отъ разъяренной мести народовъ, а Парижъ отъ участи, постигшей Москву. Это сознаніе проявлялось вездѣ, всюду и особенно въ театрѣ. Трудно себѣ представить восторгъ публики, когда разнесся слухъ, что императоръ собирается въ театръ на представленіе оперы *Трояново торжество*. Когда передъ самымъ пріѣздомъ государя на сцену вышелъ актеръ и громогласно объявилъ, что, по внезапной болѣзни главнаго актера, взамѣнъ оперы *Трояново торжество* пойдетъ *Весталка*, публика стала неистово кричать: „не хотимъ Весталки! Давайте Трояна!“ Но когда зрителямъ объявили, что императоръ по скромности не позволяетъ себѣ принять жертвы, приготовлявшейся ему въ Троянѣ и согласенъ на перемѣну,—всѣ умолкли и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія Александра. Лишь только государь появился въ ложѣ, начались ликованія; крики восторга не унимались въ продолженіи четверти часа. Они возобновлялись всякій разъ, когда какое-нибудь слово актера намекало на торжество, воздаваемое Александру. Въ антрактахъ знаменитый актеръ Лапсъ нѣсколько разъ, по требованію публики, пѣлъ сочиненное имъ стихотвореніе въ честь нашего государя.

Образованные парижане и аристократы относились къ императору тоже не безъ удивленія и увлеченія. „Сущій прельститель“ [1]) обворожилъ всѣхъ. Бывая иногда въ избранныхъ парижскихъ гостиныхъ, государь своею изысканною деликатностью, любезностью, своими возвышенными, благородными политическими взглядами, убѣжденіями и стремленіями привлекъ къ себѣ сердца образованныхъ и знатныхъ парижанъ. Въ бесѣдахъ съ ними онъ говорилъ о политическихъ нуждахъ Франціи и средствахъ къ удовлетворенію ихъ, говорилъ, что на предстоящемъ конгрессѣ потребуетъ прекращенія невольничества, а по возвращеніи домой займется уничтоженіемъ русскаго крѣпостничества.

Выслушивая такія рѣчи, госпожа де-Сталь, тогдашняя знаменитая писательница, приходила въ восхищеніе. „Что за человѣкъ этотъ императоръ Россіи!“ писала она. „Безъ него мы не имѣли бы ничего похожаго на конституцію. Я отъ всего сердца желаю осуществленія всего того, что можетъ возвысить этого человѣка, представляющагося мнѣ чудомъ, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для спасенія свободы, со всѣхъ сторонъ окруженной опасностями“ [2]).

Вообще, литераторы, поэты, художники и ваятели прославляли государя. Ученые и профессора наперерывъ старались сказать ему что нибудь пріятное. При посѣщеніи императоромъ Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ французскаго института, президентъ послѣдняго, прославивъ въ своей рѣчи дѣянія Петра Великаго и Фридриха II-го, превозносилъ еще болѣе ихъ августѣйшихъ преемниковъ. Въ главномъ уголовномъ судѣ краснорѣчивый Белларъ, упомянувъ имя Александра, сказалъ: „Герой, почти баснослов-

---

[1]) Сперанскій, услышавъ въ далекой ссылкѣ о восторгѣ, съ которымъ вездѣ встрѣчали Александра, сказалъ: «Вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи; будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ,—и тотъ не устоитъ противъ обращенія государя: это—сущій прельститель».

[2]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I-й, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 232.

ный, отличный плѣнительнымъ обращеніемъ столько же, сколько и доблестный рыцарь, тотъ, чье имя отъ глубокой древности увѣнчано другого рода славою, нынѣ украшается единственною, новою въ исторіи славою, показавъ Европѣ, что сила оружія, покровительствуя и милуя, можетъ исторгать слезы умиленія“ [1]).

Въ то время, когда французы не безъ причины превозносили нашего государя, увлекались его дѣйствіями, русскія войска проводили время въ Парижѣ безъ особеннаго удовольствія. И офицеры наши, и солдаты не могли похвалиться своимъ житьемъ-бытьемъ во французской столицѣ.

Переговоры объ отреченіи Наполеона не были приведены еще къ концу, военныя дѣйствія могли еще возобновиться, когда многіе французскіе офицеры начали пробираться въ Парижъ и проживать тамъ, скрываясь въ партикулярномъ платьѣ. Узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, императоръ Александръ „объявилъ, что эти офицеры свободны, совершенно свободны, и что имъ, какъ и всѣмъ прочимъ французскимъ гражданамъ, предстоитъ обязанность способствовать мѣрамъ, которыя надлежитъ принять для благоденствія Франціи и всего свѣта“ [2]).

Великодушное распоряженіе нашего государя привело, однако, къ довольно печальнымъ послѣдствіямъ. Французскіе офицеры начали пользоваться въ широкомъ размѣрѣ данною имъ льготою. Толпами приливали они отовсюду въ Парижъ, шатались въ своихъ мундирахъ по улицамъ и публичнымъ мѣстамъ, намѣренно затѣвая ссоры съ союзными офицерами и вели себя съ необычайною наглостью. Въ скоромъ времени между ними и союзными офицерами установились самыя враждебныя отношенія. Поединки слѣдовали за поединками.

---

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I-го, т. IV, стр. 530.
[2]) Тамъ же, стр. 526.

Враждуя особенно съ пруссаками, французы относились съ ненавистью и къ русскимъ офицерамъ. Бывшіе сподвижники Наполеона не могли равнодушно видѣть своихъ побѣдителей въ стѣнахъ Парижа. Намѣренно тѣснились они вокругъ русскихъ офицеровъ, въ театрахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, всячески стараясь задѣть и оскорбить ихъ тѣмъ или инымъ способомъ. Русскіе, конечно, никогда не уклонялись отъ вызова и всегда умѣли постоять за свою честь. Напротивъ, между французами попадались иногда настоящіе трусы и негодяи. Сдѣлавъ сами вызовъ русскимъ, они уклонялись затѣмъ отъ дуэли и тайкомъ убѣгали изъ Парижа.

Хотѣли остановить эти скандалы, запретивъ русскимъ офицерамъ, посѣщавшимъ Парижъ, ходить въ форменной одеждѣ. Но это вызвало крайнее недовольство между ними. И поединки между нашими и французскими офицерами сдѣлались еще чаще прежняго.

Виновниками всего этого были главнымъ образомъ генералъ Сакенъ, парижскій военный генералъ-губернаторъ и Рошешуаръ, комендантъ Парижа, флигель-адъютантъ государя. Первый, заботясь только о поддержаніи дисциплины въ русскихъ войскахъ, потворствовалъ во всемъ французамъ, не унималъ и не наказывалъ ихъ буйствъ. А „Рошешуаръ дѣлалъ всякіе непріятности русскимъ офицерамъ, почему и не терпѣли его. Онъ окружилъ себя французами, которыхъ поддерживалъ и которымъ всегда давалъ преимущество надъ нашими“ [1]).

Стараясь всячески угодить французамъ, Сакенъ и Рошешуаръ заботились очень мало даже о матеріальныхъ потребностяхъ нашихъ войскъ. Городскія власти Парижа, трепетавшія сначала при одной мысли о взятіи города союзниками, вскорѣ совершенно успокоились, убѣдившись воочію

[1]) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго, см. Русскій Архивъ, 1886 г., кн. 2, стр. 106.

въ крайнемъ добродушіи и непритязательности своихъ побѣдителей. Уже черезъ день они почти забыли объ ихъ существованіи и начали морить голодомъ союзныхъ солдатъ. Дня черезъ два, по занятіи города, государь былъ вечеромъ въ театрѣ, когда ему доложили, что наши войска, расположенныя бивуаками на Елисейскихъ поляхъ, не получаютъ своихъ раціоновъ [1]) и что въ средѣ солдатъ начинается сильный ропотъ. Государь немедленно вышелъ изъ ложи, потребовалъ къ себѣ чиновниковъ городского управленія и объявилъ имъ, что онъ не беретъ на себя отвѣтственности за могущіе произойти безпорядки въ томъ случаѣ, если солдатъ его будутъ оставлять безъ пищи. Чиновники поняли намекъ государя; они тотчасъ взяли массу извощиковъ и отправили на Елисейскія поля огромное количество припасовъ всякаго рода. „Эти русскіе солдаты", — говоритъ по этому поводу одинъ современникъ,—„видѣвшіе опустошеніе своей страны французами, явившіеся въ свою очередь побѣдителями во Францію, не позволили себѣ никакого насилія, не смотря на то, что ихъ, изнуренныхъ трудами и голодомъ, оставляли цѣлый день безъ пищи. Какіе люди! какая армія! и какъ великъ былъ государь, съумѣвшій превратить своихъ солдатъ въ людей, съ которыми онъ могъ бы, еслибы только пожелалъ, покорить весь міръ" [2]).

Правда, наши войска скоро изъ подъ открытаго неба размѣщены были по казармамъ, но участь ихъ отъ этого не улучшилась. „Во все время пребыванія нашего въ Парижѣ",—пишетъ Н. Н. Муравьевъ, — „часто дѣлались парады, такъ что солдату въ Парижѣ было болѣе трудовъ, чѣмъ въ походѣ. Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Государь былъ пристрастенъ къ французамъ и до такой степени, что прика-

---

[1]) Раціонъ—ежедневный паекъ, выдаваемый войскамъ.

[2]) Императоръ Александръ І-й и идея священнаго союза, Надлеръ, т. V, стр. 190—191.

залъ парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ на улицѣ встрѣчали, отъ чего произошло много दракъ, въ которыхъ большею частію наши оставались побѣдителями". Солдатъ наказывали безпощадно за малѣйшее нарушеніе дисциплины. „Такое обращеніе съ солдатами отчасти склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа, множество изъ нихъ осталось во Франціи" [1]).

1-го (13) Апрѣля графъ д'Артуа, братъ Людовика XVIII, пріѣхалъ въ Парижъ и вступилъ въ управленіе дѣлами въ качествѣ намѣстника короля. Принимая на другой день въ Тюльери сенаторовъ, онъ далъ обѣщаніе, что король одобритъ составленную сенатомъ конституцію.

Ожидали пріѣзда самого короля изъ Англіи, гдѣ онъ жилъ за послѣдніе годы. Наконецъ, 17-го (29-го) Апрѣля Людовикъ XVIII прибылъ въ Компіенъ. Это былъ уже человѣкъ пожилой—60-ти лѣтъ. Тучный, дряхлый, подагрикъ, не особенно далекій, король хотѣлъ управлять Франціею въ духѣ временъ Людовика XIV. Ему не хотѣлось ограничивать свою власть конституціей и онъ не любилъ разговавать о ней.

Государь, узнавъ о прибытіи во Францію короля, послалъ къ нему на встрѣчу генералъ-адъютанта Поццо-ди-Борго съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ Людовику даровать Франціи свободныя учрежденія. Королю это не понравилось. Онъ не далъ никакого отвѣта на письмо государя. Тогда императоръ Александръ самъ отправился въ Компіенъ. Король и къ нему былъ не особенно любезенъ. Принимая императора, онъ самъ сѣлъ въ кресло, а своему высокому гостю предложилъ стулъ. Обрисовавъ королю положеніе дѣлъ во Франціи и настроеніе общественнаго мнѣнія, государь замѣтилъ, что Людовику слѣдуетъ сдѣлать уступки духу

[1]) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго, см. Русскій Архивъ, 1886 г., кн. 2, стр. 106.

времени, и что онъ, съ своей стороны, совѣтуетъ ему принять конституцію, составленную сенатомъ. Людовикъ, выслушавъ замѣчаніе государя, разсѣянно, какъ бы нехотя, ничего не отвергъ, ничего не уступилъ, но за то много говорилъ о Всевышнемъ Промыслѣ и о могуществѣ законности, которой онъ былъ представителемъ.

Александръ вышелъ отъ короля съ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Разсказывая вечеромъ князю Волконскому о своемъ визитѣ къ королю, императоръ, смѣясь, замѣтилъ: „весьма естественно, что король, больной и дряхлый, сидѣлъ въ креслѣ, но я, въ такомъ случаѣ, приказалъ бы подать для гостя другое“ [1]). Графъ Нессельроде, сопровождавшій императора въ Компіень, говоритъ: „король выказалъ неумѣстную надменность въ отношеніи къ государю, которому онъ былъ обязанъ возвращеніемъ престола; императоръ былъ очень оскорбленъ этимъ поведеніемъ, и оно повліяло на послѣдующія отношенія обоихъ монарховъ“ [2]).

По прибытіи Людовика XVIII въ Сентъ-Уэнъ, государь приказалъ объявить ему, что онъ не въѣдетъ въ Парижъ до тѣхъ поръ, пока не приметъ конституцію или по крайней мѣрѣ объявитъ о ней народу. Король повиновался и согласился на послѣднее. 21-го Апрѣля (3-го Мая) состоялся въѣздъ его въ Парижъ.

Съ водвореніемъ Людовика XVIII въ Тюльерійскомъ дворцѣ отношенія его къ императору Александру значительно обострились. Король завидовалъ популярности, которою пользовался государь среди французовъ. Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Парижъ, король пригласилъ къ себѣ на обѣдъ императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма. Когда гости пошли въ обѣденную залу, Людовикъ, не желая уронить своего первенства, спѣша и задыхаясь, обогналъ ихъ и усѣлся на почетномъ мѣстѣ. Этого мало.

[1]) Богдановичъ. Исторія царст. императора Александра I-го, т. IV, стр. 535.
[2]) Шильдеръ. Импер. Александръ I-й, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 227.

Когда одинъ изъ придворныхъ служителей, подавая блюдо, подошелъ, прежде всѣхъ, къ императору Александру, Людовикъ громко вскричалъ: „подайте мнѣ, прошу васъ!“ [1]).

Вспоминая впослѣдствіи этотъ обѣдъ, государь замѣтилъ: „мы, сѣверные варвары, болѣе вѣжливы у себя дома“. — „Людовикъ XIV, во время наибольшаго своего могущества“,—говорилъ въ другой разъ императоръ по поводу неумѣстнаго высокомѣрія главы Бурбонскаго дома,—„не принялъ бы меня иначе; можно было подумать, что онъ возвратилъ мнѣ утраченный престолъ. Его пріемъ произвелъ на меня то же впечатлѣніе, какъ и ушатъ холодной воды, который бы мнѣ вылили на голову“ [2]).

Императоръ Александръ, бывая иногда въ избранныхъ парижскихъ гостиныхъ, не стѣснялся высказывать свои взгляды на Бурбоновъ. „Эти люди“,—сказалъ онъ однажды,—„никогда не съумѣютъ поддержать себя“. — „Бурбоны“,— сказалъ государь въ другой разъ,—„неисправившіеся и неисправные, полны предразсудковъ стараго режима“ [3]). Все это передавалось, куда слѣдуетъ и, конечно, не содѣйствовало улучшенію отношеній между императоромъ и династіею, имъ же водворенной на французскомъ престолѣ.

Не мудрено послѣ этого, что Людовикъ XVIII желалъ скорѣйшаго выхода союзниковъ изъ Парижа. Но императоръ Александръ хотѣлъ оставить его только послѣ заключенія мира съ королевскою Франціею и обнародованія конституціи.

18-го (30-го) Мая заключенъ былъ, такъ называемый, *первый Парижскій трактатъ*. Франція лишилась населенія въ 15,360,000 и вошла въ границы 1792 года. Она обязывалась выплатить союзнымъ державамъ около 25 милліоновъ франковъ. Рейнъ объявленъ свободнымъ для плаванія

---

[1]) Богдановичъ. Исторія царст. Александра I-го, т. IV, стр. 536.
[2]) Шильдеръ. Импер. Александръ I-й, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 228.
[3]) Тамъ же, стр. 228 и 231.

до самаго устья. По 32 статьѣ этого трактата, положено было въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ собрать конгрессъ въ Вѣнѣ.

По случаю заключенія мира съ Франціею, состоявшагося въ праздникъ Сошествія Св. Духа, были обнародованы манифестъ и приказъ по арміи.

Въ приказѣ государя по арміи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: „совершена война, для свободы народовъ и царствъ подъятая... Побѣда, сопровождавшая знамена ваши, водрузила ихъ въ стѣнахъ Парижа. При самыхъ вратахъ его ударилъ громъ вашъ. Побѣжденный непріятель простеръ руку къ примиренію! Нѣтъ мщенія! Нѣтъ вражды! Вы даровали ему миръ, залогъ мира во вселенной! Храбрые воины, вамъ, первымъ виновникамъ успѣховъ, принадлежитъ слава мира!... Пріятно мнѣ при семъ случаѣ увѣрить, что нѣтъ ни единаго изъ васъ, коего бы отличной неустрашимости и ревнія, или будучи самъ свидѣтелемъ, или зная о многихъ опытахъ мужества и усердія, временемъ и мѣстомъ ознаменованныхъ, не сохранилъ въ памяти моей. Вы снискали право на благодарность отечества, именемъ отечества ее объявляю“.

Миръ былъ заключенъ и подписанъ, но обнародованіе конституціи откладывалось подъ разными предлогами со дня-на-день. Императоръ Александръ объявилъ, что ни союзные государи, ни ихъ войска не оставятъ Франціи до тѣхъ поръ, пока правительство Людовика не обнародуетъ ея. Король принужденъ былъ уступить. Онъ назначилъ 23-е Мая (4-е Іюня) днемъ торжественнаго обнародованія французской конституціи. Но потомъ вдругъ измѣнилъ это рѣшеніе. Онъ отсрочилъ обнародованіе ея еще на четыре дня. Людовикъ XVIII разсчитывалъ, что за эти дни союзные государи выѣдутъ изъ Парижа. Тогда прусскій министръ Бюловъ явился внезапно къ министру Беньо и сообщилъ ему, что отъѣздъ государей назначенъ черезъ три

дня. Беньо, смущенный, замѣтилъ, что конституція, до обнародованія которой государи намѣрены были оставаться въ Парижѣ, будетъ готова не ранѣе, какъ черезъ пять дней.

— „Вы должны быть готовы завтра", — возразилъ ему холодно Бюловъ. „Конституція должна быть обнародована 4-го Іюня, какъ обѣщано это королемъ. 5-го мы уѣзжаемъ; распоряженія уже сдѣланы".

— „Но вы начинаете говорить чисто Наполеоновскимъ языкомъ":—„вы должны", „распоряженія отданы".

— „Это правда, но какъ вы полагаете, развѣ всѣ союзные государи вмѣстѣ не значутъ болѣе одного Наполеона. Шутки въ сторону, не забывайте сказаннаго вамъ мною".

И шутки были устранены. Французская конституція, подъ названіемъ „хартіи", была обнародована 23-го Мая (4-го Іюня).

Бурбоны радовались отъѣзду русскаго государя, но населеніе Парижа провожало Александра съ чувствами живѣйшей признательности и глубокаго сожалѣнія. Наканунѣ отъѣзда государя въ парижскомъ Монитерѣ напечатана была слѣдующая статья: „Его величество императоръ Всероссійскій оставляетъ завтра нашу столицу. Сей государь, стяжавшій уваженіе всего свѣта, ознаменовалъ всѣ свои поступки, каждый шагъ свой среди насъ, неизгладимыми чертами благороднѣйшаго характера. Неусыпныя попеченія его о заключеніи мира не помѣшали ему заниматься другимъ для пользы его народа нужнымъ дѣломъ: не проходило ни одного дня, чтобы онъ не осмотрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ какое-либо изъ общественныхъ заведеній, изъявляя свое благоволеніе и предполагая ввести въ своемъ государствѣ все, что находилъ наиболѣе полезнымъ. Наши ученые не разъ имѣли случай удивляться его свѣдѣніямъ; художники его превосходному вкусу; люди всѣхъ состояній могли его видѣть, говорить съ нимъ; никто не отходилъ отъ него,—

не услышавъ изъ устъ его заслуженной похвалы, или благосклоннаго одобренія; многіе имѣли счастіе получить лестные знаки Его Высочайшаго благоволенія. Повсюду сопровождали его восторгъ и глубокое уваженіе здѣшней публики, принимаемые имъ съ признательностью, достойною откровенности и благородства нашихъ соотечественниковъ. Отъѣзжая отъ насъ, сей великій монархъ оставляетъ между нами, ровно какъ и въ лѣтописяхъ міра, незабвенную память своихъ высокихъ качествъ и достославное имя“ [1]).

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Парижа въ Англію. Генералъ Сакенъ сложилъ съ себя званіе военнаго губернатора Парижа. Городскіе караулы были сданы національной гвардіи. Союзныя войска отправились по домамъ—на родину.

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I-го и Россіи въ его время, т. IV, стр. 541—542.

Императоръ Александръ въ Англіи, Голландіи и Брухзалѣ. Возвращеніе государя въ Петербургъ.

Во время пребыванія въ Парижѣ императоръ Александръ получилъ отъ Великобританскаго правительства приглашеніе посѣтить Англію. Зная, какое большое участіе принимала Англія въ борьбѣ союзниковъ съ наполеоновскими войсками, зная, съ какою сердечностью относились всегда англичане къ военнымъ успѣхамъ союзныхъ державъ, государь рѣшился исполнить просьбу англійскаго правительства. Выѣхавъ изъ Парижа, императоръ Александръ въ сопровожденіи Фридриха-Вильгельма отправился въ Булонъ, откуда 26-го Мая (7-го Іюня) и отплылъ въ Дувръ. Государей сопровождала блестящая свита, состоявшая изъ принцевъ, принцессъ, генераловъ и дипломатовъ. Тутъ были всѣ выдающіеся герои окончившейся войны. Плаваніе совершалось на англійскихъ королевскихъ яхтахъ. Многочисленная эскадра, состоявшая изъ самыхъ отборныхъ кораблей англійскаго флота, сопровождала ихъ. Во все время переѣзда почти не умолкали громовые залпы тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій. Когда яхты приблизились къ Дувру, то весь берегъ на громадномъ протяженіи былъ покрытъ безчисленными толпами народа. Восторженные клики толпы заглушали грохотъ артиллеріи. Наступилъ отливъ, и государямъ и ихъ свитѣ пришлось переѣзжать съ кораблей на берегъ въ шлюпкахъ. Толпа получила такимъ образомъ возмож-

ность насмотрѣться вдоволь на дорогихъ гостей, и ея энтузіазмъ достигъ до высшей степени [1]).

Выйдя на берегъ, государи сѣли въ приготовленныя для нихъ кареты, но народъ тотчасъ же отпрягъ лошадей и повезъ на себѣ монарховъ въ Дувръ, оглашая воздухъ восторженными восклицаніями: да здравствуетъ императоръ Александръ! да здравствуетъ Фридрихъ-Вильгельмъ!

При въѣздѣ въ Дувръ императоръ Александръ былъ встрѣченъ несмѣтными толпами народа. Едва только показалась карета государя, какъ раздались торжественные звуки британскаго народнаго гимна: „Боже, спаси короля". На привѣтственную рѣчь депутатовъ городскаго управленія, государь сказалъ въ отвѣтъ по англійски: „радуюсь, слыша, что оказанныя моей арміей въ великомъ дѣлѣ услуги вполнѣ оцѣнены англійскимъ народомъ. Не менѣе мнѣ пріятны обстоятельства, подавшія мнѣ случай посѣтить Англію, къ которой издавна питаю особенное уваженіе. Прошу васъ принять мою благодарность за ваше ко мнѣ вниманіе и мои желанія благосостоянія вашему городу. Увѣряю васъ, что буду стараться о всегдашнемъ сохраненіи дружбы между Англіей и Россіей [2]).

---

[1]) Въ свитѣ государей между другими важными лицами находились нашъ атаманъ Платовъ и престарѣлый Блюхеръ. Толпа замѣтила въ одной изъ шлюпокъ высокаго офицера въ парадной формѣ и приняла его почему-то за Блюхера. Не думая долго, англичане бросились въ воду и схватили изъ шлюпки воображаемаго Блюхера. Послѣдній сталъ сопротивляться, но его понесли къ берегу съ громкими и радостными криками. Вдругъ въ это самое время на берегу раздались еще болѣе громкіе и восторженные клики; оказалось, что настоящій Блюхеръ былъ уже тамъ, и что онъ, равно какъ и сами государи, былъ одѣтъ въ статское платье. Увидѣвъ свою ошибку, толпа, несшая офицера, тотчасъ же бросила своего героя въ воду, и поспѣшила присоединиться къ другой толпѣ, успѣвшей разыскать настоящаго Блюхера.

[2]) Блюхера до самаго города народъ несъ на рукахъ. Въ Дуврѣ стараго фельдмаршала ожидали дѣвушки почтенныхъ семействъ: онѣ наперерывъ тѣснились къ нему, чтобы поцѣловать его. Дуврскіе жители умоляли Блюхера, чтобы онъ позволилъ имъ отрѣзать себѣ на память по кусочку отъ его сюртука. Фельдмаршалъ

На слѣдующій день уже съ самаго ранняго утра вся дорога изъ Дувра въ Лондонъ была покрыта безчисленными экипажами, всадниками и пѣшеходами, спѣшившими на встрѣчу государю. Всѣ дома и другія зданія по пути были богато украшены флагами. Но ожиданія народа не сбылись. Александръ былъ не любитель народныхъ встрѣчъ. Желая избѣгнуть ожидавшихъ его шумныхъ парадныхъ овацій, онъ выѣхалъ изъ Дувра въ четыре часа утра въ обыкновенной почтовой каретѣ, двумя часами ранѣе назначеннаго времени.

Въ два часа по-полудни государь, не будучи никѣмъ узнанъ на пути, прибылъ въ Пультенейскій отель, гдѣ жила тогда великая княгиня Екатерина Павловна. Встрѣченный съ восторгомъ обожавшею его сестрою, императоръ предполагалъ отдохнуть, но былъ обманутъ въ своемъ ожиданіи. Съ быстротою молніи разлилась по городу вѣсть о прибытіи русскаго государя. Со всѣхъ сторонъ Лондона устремились къ Пультенейскому отелю несмѣтныя массы народа, горѣвшія желаніемъ увидѣть какъ можно скорѣе освободителя Европы. Народъ запрудилъ всѣ улицы, ведшія съ различныхъ сторонъ къ отелю. Громовые возгласы сотни тысячъ голосовъ: да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ Александръ! потрясали воздухъ. Крики эти слились въ какой-то оглушительный гулъ, когда государь, уступая желанію толпы, вышелъ на балконъ и ласково раскланялся съ народомъ.

Первые два дня по прибытіи въ Лондонъ государь провелъ въ церемоніальныхъ пріемахъ, представленіяхъ и встрѣчахъ. Онъ держалъ себя на нихъ не только съ свойственной ему чарующей любезностью, но и съ необычайною простотою и естественностью. Такъ, на торжественномъ пріемѣ въ

охотно согласился, но число желающихъ получить такой необычайный подарокъ было такъ велико, что Блюхеру пришлось наконецъ остаться въ костюмѣ, похожемъ на короткую куртку (см. Богдановичъ, Исторія царствованія императора Александра I-го и Россіи въ его время, т. IV, стр. 544).

Сенъ - Джемскомъ дворцѣ, гдѣ представлялись государю принцъ-регентъ Георгъ IV [1]), братъ его герцогъ Іорскій и цѣлая масса знати, онъ замѣтилъ въ толпѣ лорда Эрскина, друга и почитателя Лагарпа. Государь подошелъ къ нему, вручилъ ему письмо отъ Лагарпа и сказалъ: „я обѣщалъ передать вамъ лично письмо моего друга и наставника, которому я обязанъ правилами, руководящими мой умъ и сердце“ [2]).

На третій день императоръ Александръ отправился послѣ обѣда верхомъ, въ сопровожденіи одного лорда и полковника, осматривать улицы и важнѣйшія зданія Лондона. Онъ былъ, какъ и всегда, въ обыкновенномъ армейскомъ мундирѣ. Повсюду сопровождали его несмѣтныя толпы народа, оглашавшія воздухъ радостными восклицаніями. Величественная осанка государя, его прекрасное, благородное лицо, его изящныя манеры и его изумительная простота невольно приводили въ восторгъ англичанъ. Государь во время прогулки держалъ себя, къ великому удивленію толпы, какъ простой смертный, пренебрегающій всякими излишними услугами. Замѣтивъ, что подпруга подъ сѣдломъ его ослабла, императоръ сошелъ съ лошади и подтянулъ ее самъ, не принимая услугъ сопрождавшаго его верховаго. Государь продолжалъ свою прогулку за городъ и возвратился въ Лондонъ только вечеромъ. Всѣ улицы, по которымъ онъ проѣзжалъ, были великолѣпно иллюминованы. Повсюду тѣснились массы народа. Среди непрерывающихся шумныхъ овацій, государь достигъ наконецъ Пультенейскаго отеля. Здѣсь обратилъ на себя его вниманіе громадный огненный щитъ, на которомъ горѣли слова: „Господу Богу подобаетъ благодареніе“ [3]).

---

[1]) Георгъ IV управлялъ Англіею за болѣзнію своего отца Георга III-го.

[2]) Богдановичъ, Ист. царст. импер. Александра I-го, т. IV, стр. 546.

[3]) Англичане, вездѣ и всюду встрѣчавшіе и провожавшіе нашего государя съ неподдѣльнымъ восторгомъ, не забывали своимъ вниманіемъ и нѣкоторыхъ членовъ

30-го Мая (11-го Іюня) къ государю въ Сенъ-Джемскій дворецъ явился лордъ-меръ города Лондона [1]) въ сопровожденіи альдермановъ [2]). Лордъ-меръ поднесъ ему адресъ, заканчивающійся такими словами: „Позвольте, всемилостивѣйшій государь, заявить вамъ, сколь лестна честь, оказанная Англіи посѣщеніемъ императора, который одинаково высокъ и своимъ саномъ, и сердцемъ своимъ, вмѣщающемъ въ себѣ всѣ благородныя, добрыя, великія и привлекательныя качества“.

„Благодарю васъ за столь лестный для меня адресъ“,— сказалъ въ отвѣтъ государь.—„Я уже давно желалъ посѣтить вашу страну и нынѣ радуюсь, что мнѣ удалось исполнить мое намѣреніе. Европа пріобрѣла послѣ великой войны миръ, который, надѣюсь, утвердитъ на долгое время счастіе рода человѣческаго. Увѣрьте согражданъ своихъ, что британская нація пользовалась всегда моимъ уваженіемъ. Ваши подвиги въ теченіе только что окончившейся тяжелой и долговременной войны возбуждаютъ удивленіе мое и всего свѣта. Въ войнѣ я былъ вѣрнымъ союзникомъ Великобританіи, въ мирѣ буду твердымъ ея другомъ“.

изъ его свиты. Въ этомъ отношеніи больше всѣхъ посчастливилось нашему графу Платову. Привлеченные слухами о сказочныхъ подвигахъ нашихъ донцевъ и геройской отвагѣ ихъ атамана, лондонцы спѣшили наперерывъ увидѣть Платова или даже познакомиться поближе съ нимъ. Особенно симпатично относилась къ атаману британская аристократія. Важнѣйшіе лорды наперерывъ приглашали его въ свои дворцы и загородныя помѣстья и старались угостить его на славу. Платовъ оказывался на этихъ угощеніяхъ такимъ же непобѣдимымъ, какъ и на полѣ битвы. Онъ истреблялъ на устраиваемыхъ для него попойкахъ такое огромное количество всевозможныхъ напитковъ, что приводилъ въ изумленіе самыхъ опытныхъ кутилъ. Знатнѣйшіе аристократы ставили себѣ за высокую честь прислуживать атаману, а одинъ изъ нихъ, графъ Перси, повезъ Платова на скачки въ Аскотъ, при чемъ атаманъ сидѣлъ въ фаэтонѣ, а Перси сидѣлъ вмѣсто кучера. Лордъ Лоутеръ устроилъ роскошный обѣдъ для атамана и въ заключеніе угостилъ его зрѣлищемъ кулачнаго боя, въ которомъ принимали участіе искуснѣйшіе бойцы. (См. Исторія царст. имп. Александра І-го, Богдановичъ, т. IV, стр. 546).

[1]) Лордъ-меръ—глава англійскаго купечества, градской голова.

[2]) Альдерманы—должностныя лица въ Англіи, образующія городской совѣтъ.

Вечеромъ того же дня государь присутствовалъ вмѣстѣ съ принцемъ-регентомъ на представленіи италіанской оперы. Громадный залъ театра, всѣ ложи и мѣста въ партерѣ были переполнены зрителями. У кассы давка была такъ велика, что невозможно было продавать билетовъ. При входѣ государя, всѣ зрители встали съ своихъ мѣстъ и музыка, по требованію публики, заиграла національный гимнъ.

2-го (14-го) Іюня императоръ Александръ поѣхалъ въ старый университетскій городъ, Оксфордъ. На другой день назначено было торжественное собраніе въ главной залѣ университета. Государь вошелъ въ залу въ докторской мантіи и занялъ мѣсто около принца-регента. Затѣмъ лордъ Гренвиль, канцлеръ университета, подалъ императору дипломъ доктора правъ.

Императоръ Александръ, обратясь къ ректору университета, сказалъ: „Какъ мнѣ принять дипломъ? Я не держалъ диспута".

— „Государь", — возразилъ ректоръ, — „вы выдержали такой диспутъ противъ утѣснителя народовъ, какого не выдержалъ ни одинъ докторъ правъ во всемъ свѣтѣ".

Лордъ Гренвиль наградилъ тѣмъ же самымъ почетнымъ ученымъ званіемъ и короля прусскаго, герцога Веллингтона, Меттерниха, нашего англійскаго посла графа Ливена и, наконецъ, князя Блюхера [1]). Изъ университета императоръ поѣхалъ въ ратушу [2]), гдѣ ему поднесенъ былъ въ золотой шкатулкѣ патентъ на званіе почетнаго гражданина города Оксфорда.

По возвращеніи въ Лондонъ, государь былъ приглашенъ на обѣдъ, данный въ честь его столицею Англіи. Обѣдъ происходилъ въ городской ратушѣ, при обстановкѣ, по ис-

---

[1]) Старому Блюхеру награда ученою степенью показалась шуткою. «Кстати», — замѣтилъ онъ на приносимое ему поздравленіе, — «было бы пожаловать моего сотрудника Гнейзенау, по крайней мѣрѣ, въ аптекари».

[2]) Ратуша — купеческая управа въ городахъ.

тинѣ сказочной. Огромная зала ратуши была убрана съ неслыханнымъ великолѣпіемъ и необыкновеннымъ вкусомъ. Обѣденный столъ былъ приготовленъ на 470 персонъ; весь сервизъ былъ изъ чистаго золота, стоющаго до полутора милліона рублей. Лордъ-меръ верхомъ, съ городскимъ мечемъ въ рукѣ, безъ шляпы, ѣхалъ впереди коляски принца-регента. Проводивъ его въ залу, онъ отправился къ подъѣзду ратуши для встрѣчи высокаго гостя. Въ 5 часовъ пополудни императоръ Александръ съ великой княгиней выѣхалъ изъ Пультенейскаго отеля въ парадной каретѣ принца-регента, запряженной шестью бѣлыми лошадьми. Императоръ Александръ, въ генеральскомъ англійскомъ мундирѣ, съ открытой головой, привѣтливо кланялся народу, толпившемуся по всѣмъ улицамъ, гдѣ пролегалъ его путь и встрѣчавшему его радостными криками. Великая княгиня была встрѣчена у подъѣзда ратуши супругою лорда-мера; самъ же лордъ-меръ встрѣтилъ государя, привѣтствовалъ его краткою рѣчью отъ имени города Лондона и торжественно ввелъ его въ обѣденную залу. Едва только государь вступилъ въ нее, какъ музыка заиграла арію: „Идетъ побѣдоносный герой". Обѣдъ начался въ 7 часовъ. Въ обѣдѣ участвовало самое блестящее общество. Наряду съ принцами, министрами и дипломатами были всѣ выдающіеся герои только что окончившейся безпримѣрной войны. На галлереяхъ присутствовала отборная аристократическая публика, въ томъ числѣ около шести сотъ великолѣпно разодѣтыхъ дамъ. Обѣдъ продолжался до 11 часовъ вечера. Послѣ отъѣзда государя Платовъ и нѣкоторые другіе гости остались по англійскому обычаю съ лордомъ Кестльри и лордъ-меромъ. Оживленная бесѣда и пиршество продолжались далеко за полночь.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого пышнаго обѣда, государь присутствовалъ въ Портсмутѣ на большомъ смотру Британскаго военнаго флота. Въ смотрѣ принимали участіе

80 линейныхъ кораблей; число же всѣхъ судовъ, толпившихся на обширномъ Спитгейдскомъ рейдѣ, доходило до тысячи. Генералъ-адмиралъ герцогъ Кларенскій, окруженный 89 адмиралами, встрѣтилъ брата своего принца-регента и императора Александра на кораблѣ „Импренебль". Едва только государь вступилъ на бортъ корабля, какъ раздались оглушительные залпы всего флота. И при этомъ случаѣ русскій государь изумилъ всѣхъ присутствующихъ своей необычайной любезностью, неслыханною простотою и истинно царскою щедростью. По окончаніи смотра, онъ вмѣстѣ съ сестрою своею отправился на то мѣсто, гдѣ раздавалась матросамъ обѣденная порція. Государь ласково говорилъ съ матросами и, положивъ имъ на столъ горсть червонцевъ, пожелалъ имъ хорошаго аппетита.

14-го (26-го) Іюня императоръ Александръ оставилъ Англію. Онъ отплылъ изъ Дувра въ Кале, сопровождаемый, какъ и при встрѣчѣ, англійской военной эскадрой.

Не останавливаясь въ Кале, государь выѣхалъ въ дальнѣйшій путь на Дюнкирхенъ, Остенде и Антверпенъ. Уже при первыхъ шагахъ по Нидерландской землѣ государь встрѣтилъ самый восторженный и радушный пріемъ со стороны населенія. Все его путешествіе походило на тріумфальное шествіе. При всей своей скромности государь не въ состояніи былъ уклониться отъ повсюду ожидавшихъ его не только офиціальныхъ пріемовъ, но и отъ чисто популярныхъ овацій. Уже въ Антверпенѣ обнаружилось ясно, что нидерландскій народъ смотрѣлъ на него, какъ на своего единственнаго освободителя. У самаго въѣзда въ городъ сооружена была тріумфальная арка съ надписью: „Александру Благословенному. Онъ освободилъ человѣчество. Онъ возвратилъ намъ отечество". Огромная толпа народа и всѣ мѣстныя власти встрѣтили государя. Антверпенскій губернаторъ привѣтствовалъ Александра, какъ освободителя нидерланцевъ.

— „Радушіе, съ которымъ вы принимаете меня“,— сказалъ въ отвѣтъ государь,—„глубоко меня трогаетъ. Не мнѣ, но единому Богу, рѣшителю судебъ человѣчества, обязаны вы благодарностью за ваше счастливое освобожденіе. Я всегда съ сердечнымъ удовольствіемъ буду видѣть счастіе и благоденствіе голландцевъ“.

Рѣчь государя вызвала цѣлую бурю восторга; она была покрыта громовымъ восклицаніемъ народа: „Да здравствуетъ императоръ Александръ!“

Изъ Антверпена государь выѣхалъ въ Бреду, гдѣ его встрѣтили со всевозможными почестями. Ему приходилось проѣзжать чрезъ нѣсколько тріумфальныхъ арокъ, украшенныхъ разными флагами. Громъ пушекъ, колокольный звонъ, военная музыка и радостныя восклицанія народа сопровождали его на пути. Жители встрѣчали его, по свидѣтельству очевидца, какъ встрѣчаютъ дѣти своего отца; они тѣснились вокругъ него и старались прикоснуться къ его одеждѣ. Государь ласково разговаривалъ съ тѣми счастливцами, которымъ удавалось протѣсниться поближе къ нему. Онъ спрашивалъ ихъ, довольны ли они своимъ теперешнимъ положеніемъ и, получая отъ всѣхъ удовлетворительные отвѣты, радовался вмѣстѣ съ ними ихъ счастію.

Чѣмъ далѣе императоръ проникалъ въ глубь голландской страны, тѣмъ сильнѣе и искреннѣе проявлялся энтузіазмъ населенія. Повсюду, въ Роттердамѣ, Гагѣ, Гаарлемѣ и Амстердамѣ повторялись тѣ же восторженныя сцены народнаго пріема. Повсюду государь однимъ своимъ появленіемъ и своею чарующею любезностью и простотою привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. И здѣсь, въ Голландіи, точно также какъ въ Англіи, народъ не могъ достаточно надивиться простому образу жизни государя, его отвращенію ко всякой пышности, его ласковому обращенію со всѣми, начиная отъ знатнаго вельможи и оканчивая простымъ крестьяниномъ. И здѣсь всѣ дивились рыцарской вѣжливости его въ обращеніи съ

женщинами, не только со знатными дамами, но и съ простыми поселянками. Государь не брезгалъ ни чьими приглашеніями; онъ охотно посѣщалъ балы, устраиваемые для него магистратами голландскихъ городовъ, всегда танцовалъ со многими изъ дамъ и держалъ себя такъ, что никто не чувствовалъ стѣсненія въ его присутствіи. Осматривая достопримѣчательности городовъ, государь предпочиталъ ходить пѣшкомъ и въ партикулярномъ платьѣ. Всегда и вездѣ старался онъ отклонить отъ себя офиціальныя встрѣчи и почести. Въ Гаарлемѣ, гдѣ государь осматривалъ университетъ и его богатыя научныя коллекціи, профессоръ Ланге обратился къ нему съ такими словами: „Государь! Наше общество гордится, видя въ средѣ своей героя, которому человѣчество даетъ названіе Марка-Аврелія, а религія — Благословеннаго“.

— „Маркъ-Аврелій можетъ служить хорошимъ примѣромъ властителямъ“,—отвѣчалъ Александръ,—„но я не могу съ нимъ равняться, я только стараюсь подражать ему“ [1]).

Неутомимость, съ которою государь посѣщалъ всевозможныя ученыя, художественныя, благотворительныя и торговыя учрежденія, приводили всѣхъ въ изумленіе. Въ Амстердамѣ, на другой день пріѣзда, онъ осматривалъ съ ранняго утра городъ и въ 9-мъ часу зашелъ къ Кесвельту, одному изъ членовъ извѣстнаго торгового дома Гопе и К°. Государь хотѣлъ видѣть здѣсь знаменитую картинную галлерею. Одинъ [illegible] кдавшихъ государя мѣстныхъ жителей замѣтилъ ему, что онъ встаетъ очень рано и не даетъ себѣ даже достаточнаго отдыха.

— „Я привыкъ къ такому образу жизни въ военное время“,—отвѣчалъ ему съ улыбкою Александръ.—„Правда, я купилъ эту привычку дорогою цѣною и надѣюсь впередъ

[1]) Маркъ-Аврелій — римскій императоръ, отличавшійся строгостію къ себѣ и крайнею снисходительностью къ другимъ.

не имѣть въ томъ нужды, но продолжаю вставать рано, потому что выигрываю такимъ образомъ нѣсколько часовъ времени".

Съ особенною любовью посѣщалъ государь мѣста и учрежденія, освященныя пребываніемъ его великаго предка, Петра I-го. Саардамъ въ этомъ отношеніи занималъ видное мѣсто. Саардамцы заранѣе знали о намѣреніи государя посѣтить ихъ городъ и потому хотѣли достойнымъ образомъ приготовиться къ пріему желаннаго гостя. Не было ни одного дома, ни одной мельницы, ни фабрики, которые не были-бы заранѣе изукрашены флагами, а въ день посѣщенія государя убраны вѣнками и гирляндами. Саардамцы особенно хлопотали объ украшеніи дома, который служилъ первоначальнымъ пристанищемъ Петру Великому. Тамъ предполагали они принять и его потомка и съ этою цѣлью старались украсить ветхій домикъ,—по выраженію одного изъ участниковъ торжества,—какъ украшаетъ свою храмину женихъ въ ожиданіи любимой невѣсты. У входа въ домикъ они начертали надпись: „Для великаго человѣка нѣтъ ничего малаго". Были воздвигнуты тріумфальныя ворота съ аллегорическимъ изображеніемъ мира и съ надписью: „Александру Миротворцу радостный Саардамъ". По сторонамъ колоннъ висѣли два щита: на одномъ изъ нихъ было начертано: „Отъ Петра Великаго—честь"; на другомъ—„отъ Александра Благословеннаго—миръ".

Прибывъ въ Саардамъ, императоръ Александръ сказалъ встрѣтившему его губернатору округа: „Передайте добрымъ саардамцамъ, что я хочу провести съ ними весь день". Все населеніе города и безчисленныя толпы народа, стекшагося изъ окрестностей, сопровождали императора въ его прогулкахъ по городу. Александръ посѣтилъ прежде всего корабельную верфь, гдѣ трудился великій преобразователь Россіи. Отсюда онъ отправился въ домъ, гдѣ жилъ Петръ Великій. Здѣсь принцъ Оранскій предложилъ государю оста-

вить постоянный памятникъ своего пребыванія въ Саардамѣ. Государь согласился. Принесены были необходимые матеріалы и самъ государь, съ помощью серебряной кирки, вставилъ въ трубу камина камень изъ бѣлаго мрамора съ надписью золотыми буквами: „Петру Великому—Александръ. 1814 годъ“.

Принцъ Оранскій изъявилъ затѣмъ желаніе вставить другой камень въ честь императора Александра.

Государь прервалъ его съ живостью: „Все и вся Петру Великому, мнѣ ничего. Мое имя не можетъ стоять на ряду съ именемъ Петра“.

— „Но мы“, — возразилъ принцъ, — „обязаны воздать должное вашему величеству“.

Губернаторъ и другія присутствующія лица присоединились къ просьбамъ принца и умоляли государя уступить общему желанію. Александръ, не желая обижать своихъ радушныхъ хозяевъ, вынужденъ былъ, наконецъ, согласиться. Уже по отъѣздѣ его изъ Голландіи, вставленъ былъ въ каминъ другой камень съ надписью: „Александру Благословенному“ [1]).

Изъ Голландіи императоръ Александръ направился на средній Рейнъ, въ Баденъ. Тамъ, въ замкѣ Брухзалъ находилась въ то время супруга его, императрица Елизавета Алексѣевна, гостившая у своей матери маркграфы баденской.

Императрица выѣхала на встрѣчу къ государю и затѣмъ они вмѣстѣ прибыли въ замокъ.

Во время пребыванія въ Брухзалѣ государь получилъ поднесенное ему Св. Синодомъ, Государственнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ прошеніе о принятіи императоромъ наименованія *Благословеннаго*, „тѣмъ болѣе приличнаго скромности и благочестивому смиренію государя императора, что великіе

[1]) Исторія царствованія императора Александра I-го, Богдановичъ, т. IV, стр. 557—559.

подвиги его, очевидно, ознаменованы покровительствомъ Всевышняго Промысла“. Вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалось черезъ депутатовъ высочайшее соизволеніе—выбить медаль и воздвигнуть въ Петербургѣ памятникъ съ надписью: *„Александру Благословенному, императору Всероссійскому, великодушному державъ возстановителю отъ признательныя Россіи“*.

Государь принялъ депутатовъ съ свойственною ему любезностью. Выслушавъ прошеніе государственныхъ чиновъ, Александръ, глубоко растроганный, благодарилъ депутатовъ, но заявилъ, что онъ не считаетъ себя достойнымъ предлагаемыхъ ему титула и памятника и никоимъ образомъ не можетъ дать имъ на сей предметъ своего соизволенія.

На другой день, 29-го Іюня (11-го Іюля), государь призвалъ къ себѣ государственнаго секретаря Шишкова и повелѣлъ написать ему въ отвѣтъ на прошеніе государственныхъ чиновъ указъ, въ которомъ было бы изъяснено, что Его Величество, благодаря за ихъ къ нему любовь и усердіе, отъ сооруженія ему памятника и принятія наименованія Благословеннаго „отрицается и не соизволяетъ“.

Выслушавъ приказаніе государя, Шишковъ нѣсколько призадумался.

— „Что съ тобою?“ — спросилъ государь своего секретаря.—„О чемъ ты такъ призадумался?“

— „Государь!“ — отвѣчалъ Шишковъ, — „мнѣ кажется, вы, по скромности мыслей вашихъ и чувствъ, можете отрещись отъ воздвигнутія вамъ памятника; но отказаться отъ наименованія *Благословеннаго* требуетъ нѣкотораго особеннаго размышленія, потому что словамъ симъ не иное что испрашивается, какъ называть васъ *благимъ*, добрымъ государемъ: какъ же можно не желать сего и еще воспрещать, чтобы народъ вашъ называлъ васъ симъ именемъ? Поистинѣ, я въ недоумѣніи, какимъ образомъ объяснить это. Позвольте мнѣ хорошенько объ этомъ подумать и написать такъ,

чтобъ не видно было ни явнаго въ томъ утвержденія, ни совершеннаго отрицанія вашего".

— „Хорошо",—сказалъ государь,—„напиши, какъ лучше придумаешь; это не требуетъ поспѣшности".

На слѣдующій день Шишковъ принесъ указъ, написанный въ этомъ смыслѣ. Государь выслушалъ его, прочелъ самъ нѣсколько разъ и, наконецъ, убѣдившись, что Шишковъ съумѣлъ выразить вполнѣ одушевлявшія его чувства, подписалъ указъ безъ всякой перемѣны. Указъ оканчивался словами: „Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!" [1]).

Отдохнувъ въ Брухзалѣ, государь въ началѣ Іюля выѣхалъ въ Россію. Онъ ѣхалъ, по обыкновенію, очень быстро. 4-го (16-го) Іюля императоръ Александръ прибылъ въ Лейпцигъ, а 12-го (24-го) онъ уже пріѣхалъ въ Павловскъ. Здѣсь его съ нетерпѣніемъ ожидала мать, вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. Въ сопровожденіи своихъ сыновей и дочери Анны Павловны, она встрѣтила на площадкѣ передъ дворцомъ своего сына-побѣдителя послѣ полутора-годового отсутствія его изъ Россіи. Быстро выскочивъ изъ коляски, Александръ хотѣлъ цѣловать руки у своей матери, но она обняла его и отъ радости заплакала. „Въ эту торжественную минуту",—говоритъ одинъ очевидецъ,—„мгновенно смолкли не только восторженные клики народа, собравшагося около дворца, но даже всякій говоръ между присутствовавшими при этой трогательной сценѣ; всѣ въ благоговѣйномъ молчаніи устремили на нее взоры свои, и глубокая тишина царствовала на дворцовой площадкѣ во все время, пока продолжалось изліяніе первыхъ чувствъ ра-

[1]) Записки Шишкова, т. I, стр. 301—302.

дости царственной семьи при этомъ свиданіи. Но когда императоръ, взявъ подъ руку августѣйшую родительницу и привѣтливо кланяясь тѣснившемуся со всѣхъ сторонъ народу, вошелъ во дворецъ, воздухъ огласился долго неумолкавшими восторженными криками ура!" [1]).

Въ Петербургѣ производились, между тѣмъ, большія приготовленія къ торжественной встрѣчѣ государя. По главнымъ улицамъ сооружались тріумфальныя арки и различныя приспособленія для иллюминаціи. На каждомъ почти шагу виднѣлись щиты и транспаранты съ вензелями и изображеніями императора. Повсюду красовались надписи: „Отцу отечества. Побѣдителю—возстановителю царствъ. За раззореніе Москвы—благодѣяніе Парижу". Предполагалось, между прочимъ, поднести государю хлѣбъ-соль въ огромныхъ золотыхъ вазахъ, стоимость которыхъ доходила до 60,000 руб.

Узнавъ обо всѣхъ этихъ приготовленіяхъ, императоръ, по своему смиренію, рѣшился отклонить всякія торжества. Уже 7-го (19-го) Іюля петербургскій главнокомандующій генералъ Вязмитиновъ получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ: „Сергѣй Козмичъ! Дошло до моего свѣдѣнія, что дѣлаются разныя пріуготовленія къ моей встрѣчѣ. Ненавидя оныя всегда, почитаю ихъ еще менѣе приличными нынѣ. Единъ Всевышній причиною знаменитыхъ происшествій, довершившихъ кровопролитную брань въ Европѣ. Передъ нимъ мы всѣ должны смириться. Объявите повсюду мою непремѣнную волю, дабы никакихъ встрѣчъ и пріемовъ для меня не дѣлать. Пошлите повелѣніе губернаторамъ, дабы ни одинъ не отлучался отъ своего мѣста для сего предмета. На вашу отвѣтственность возлагаю точное исполненіе сего повелѣнія".

Воля государя была исполнена; разобраны были всѣ тріумфальныя арки и всѣ сооруженія для иллюминаціи.

[1]) Галактіоновъ, Императоръ Александръ І-й и его царствованіе, ч. I, стр. 131.

На другой день по прибытіи въ Павловскъ, императоръ Александръ прибылъ въ Петербургъ въ семь часовъ утра и прежде всего остановился у Казанскаго собора. Вѣсть объ его прибытіи въ столицу распространилась только во время молебствія. Тѣмъ не менѣе вокругъ собора и на прилегающихъ улицахъ, въ особенности же на соборной площади и на Невскомъ проспектѣ, собрались почти моментально громадныя толпы народа. Радостные клики огласили воздухъ, едва только государь вышелъ изъ собора. Массами бѣжалъ народъ за царскимъ экипажемъ вплоть до самаго Зимняго дворца. Въ часъ пополудни, государь, на парныхъ дрожкахъ, безъ свиты, отправился въ любимое свое мѣстопребываніе— Каменноостровскій дворецъ.

На слѣдующій день, 14-го (26-го) Іюля, въ Казанскомъ соборѣ назначено было торжественное молебствіе. Къ 11 часамъ съѣхались въ соборъ приглашенныя къ молебствію особы, а къ 12-ти прибыла императорская фамилія. Императоръ и великій князь Константинъ Павловичъ ѣхали верхами передъ парадною каретою, въ которой сидѣли императрица Марія Ѳеодоровна и великая княжна Анна Павловна. Весь путь отъ Каменнаго острова до Казанскаго собора занятъ былъ массами народа. Неумолкающее „ура“ сотенъ тысячъ голосовъ потрясало воздухъ. Многіе бросались на колѣни, завидѣвъ государя и благословляли его крестнымъ знаменіемъ. У входа въ соборъ императоръ Александръ былъ встрѣченъ митрополитомъ Амвросіемъ, привѣтствовавшимъ государя рѣчью. По окончаніи молебствія происходило церемоніальное шествіе изъ собора во дворецъ, при громѣ пушекъ и восклицаніяхъ народа [1]). Этою церемоніею окончилось все торжество возвращенія государя-побѣдителя въ свою столицу.

---

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра и Россіи въ его время, т. IV, стр. 583—584.

Вѣнскій конгрессъ.

Послѣ перваго низложенія Наполеона и водворенія Людовика XVIII на французскомъ престолѣ, союзники условились собрать на конгрессъ въ Вѣнѣ уполномоченныхъ отъ европейскихъ государствъ. Конгрессъ этотъ долженъ былъ возстановить порядокъ въ Европѣ, нарушенный завоеваніями французской революціи и Наполеона и раздѣлить завоеванныя земли между союзниками. Онъ долженъ былъ открыться въ началѣ Августа 1814 года; но, за поѣздкою императора Александра въ Россію, дѣло замедлилось: открытіе конгресса послѣдовало только 1-го Ноября.

Къ сроку открытія конгресса въ столицу Австріи стали пріѣзжать коронованныя и не коронованныя особы, разныя высокопоставленныя лица и вообще сильные міра сего. Самъ императоръ Александръ, глава безсмертной европейской коалиціи, выѣхалъ въ Вѣну, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, въ половинѣ Сентября. Они уговорились въѣхать въ городъ вмѣстѣ, чтобы показать вѣнскому двору, что между ними существуетъ полное согласіе. 13-го (25-го) Сентября друзья—монархи прибыли въ окрестности Вѣны и остановились на лѣвомъ берегу Дуная, у Таборскаго моста. Здѣсь ихъ ожидала блестящая встрѣча. Съ ранняго утра всѣ австрійскія войска, расположенныя въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ, стояли подъ ружьемъ. Императоръ Францъ, сопровождаемый всѣми эрцгерцогами, иностранными принцами, генералами, прибылъ къ Таборскому мосту какъ разъ въ тотъ моментъ,

когда коляски союзныхъ государей остановились у него. Встрѣча была самая радушная. Оба императора и король прусскій вышли изъ экипажей, дружески обнялись и сѣли на приготовленныхъ для нихъ коней. Торжественное шествіе двинулось черезъ мостъ въ городъ. Вся Вѣна высыпала на встрѣчу высокимъ гостямъ. Тысячи зрителей покрывали оба берега Дуная. Безчисленная свита, двигавшаяся за государями, пестрота и разнообразіе мундировъ, ярко блиставшихъ на солнцѣ, приводили въ восторгъ и въ изумленіе толпу. Сознаніе, что союзные монархи собираются въ Вѣну для окончательнаго утвержденія столь желаннаго мира, усиливало всеобщій энтузіазмъ. Радостныя восклицанія народа, торжественный звонъ колоколовъ, громовые залпы артиллеріи смѣшивались въ одинъ потрясающій гулъ. Среди возрастающихъ, бурныхъ овацій населенія монархи вступили, наконецъ, въ ворота гостепріимнаго Гофбурга, гдѣ приготовлены были для нихъ особые аппартаменты.

Черезъ два дня новая торжественная встрѣча. Императрица Елизавета Алексѣевна, ожидавшая прибытія своего супруга въ Мюнхенѣ, приблизилась къ Вѣнѣ въ сопровожденіи блестящей свиты. Императрица австрійская со всѣмъ своимъ дворомъ выѣхала къ ней далеко на встрѣчу. Вслѣдъ за нею поѣхали оба императора. Встрѣча произошла у церкви Марія-Брунъ. Здѣсь соединились оба кортежа. Открытая четырехъ-мѣстная коляска, съ лошадьми въ парадной сбруѣ, ожидала у церкви прибытія высочайшихъ особъ. Обѣ императрицы, послѣ дружественныхъ привѣтствій, сѣли въ нее; на переднихъ мѣстахъ расположились оба императора. Отряды залитыхъ золотомъ венгерскихъ гусаръ, улановъ и пажей верхами окружали экипажи. Все населеніе Вѣны было вновь на ногахъ, и возгласы сто-тысячной толпы опять потрясали воздухъ. На дворѣ Гофбурга русскую императрицу привѣтствовали дѣвицы знатнѣйшихъ австрійскихъ фамилій, одѣтыя въ бѣлыя платья, съ корзинами

цвѣтовъ въ рукахъ. Безчисленныя массы народа наводняли всѣ подъѣзды ко дворцу. Зрители всѣхъ сословій и разныхъ народностей не могли надивиться сердечности и простотѣ, обнаруживавшихся въ каждомъ движеніи и словѣ августѣйшихъ особъ.

Въ лѣтописяхъ міра не встрѣчается такого собранія царственныхъ особъ, какое поселилось у австрійскаго императора въ Гофбургѣ въ 1814 году. Кромѣ императора Александра, его супруги, двухъ его сестеръ, царевича Константина Павловича и короля прусскаго въ Вѣнѣ находились братъ короля прусскаго, принцъ Вильгельмъ и принцъ Августъ, затѣмъ король датскій съ зятемъ принцемъ Гольштейнъ-Бекскимъ, король баварскій, его супруга, наслѣдный принцъ Лудвигъ, король виртембергскій и наслѣдный принцъ Вильгельмъ, бывшій вице-король итальянскій, принцъ Евгеній-Богарне, и сверхъ того различные нѣмецкіе князья цѣлыми сотнями. „Перечислить ихъ трудно“,—пишетъ очевидецъ,—„а еще труднѣе изложить всѣ ихъ притязанія. За то и положеніе ихъ во время конгресса было незавидно; никто не хотѣлъ ихъ выслушивать, ни отвѣчать на записки, которыя подавались ихъ уполномоченными. Въ этомъ царственномъ сонмѣ государь нашъ отличался не только видомъ и пріятною наружностью, но и своею доступностью, и если бы возможно было позабыть въ немъ его значеніе, то все таки это былъ бы одинъ изъ любезнѣйшихъ въ свѣтѣ людей“ [1]).

Императоръ Францъ оставался совершенно чуждъ происходившему вокругъ него. Среди царившей суеты онъ сохранялъ то добродушное спокойствіе, которое очень нравилось его невзыскательнымъ подданнымъ. Прусскій король, поднявъ голову, щеголялъ въ изящномъ гусарскомъ мундирѣ. Король виртембергскій удивлялъ всѣхъ чудовищною

[1]) Императоръ Александръ I-й, его жизнь и царствованіе, Шильдеръ, т. III, стр. 270.

дородностью: животъ у него свисалъ складками до самыхъ колѣнъ. Король датскій напоминалъ собою альбиноса [1]). Незнакомый съ обычаями и пріемами большого европейскаго общества, онъ былъ всегда неловокъ и иной разъ не на мѣстѣ среди этихъ блестящихъ собраній. Гессенскій курфирстъ, у котораго на лицѣ было что-то въ родѣ рака, имѣвшій ужасающую репутацію, вселялъ общее отвращеніе.

Всѣ эти лица и цѣлая толпа другихъ владѣтельныхъ особъ, званыя и незваныя, нужныя и совершенно лишнія заняли квартиры въ Гофбургѣ. Австрійскій дворъ не жалѣлъ никакихъ издержекъ на пріемъ и содержаніе высокихъ гостей, съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ въ Вѣну. Онъ принялъ на себя всѣ заботы и расходы по ихъ содержанію [2]). Учрежденъ былъ особый комитетъ изъ эрцгерцоговъ и знатныхъ особъ, на обязанности котораго лежали заботы объ устройствѣ все новыхъ и новыхъ праздниковъ, торжествъ, развлеченій. Помѣщенія Гобурга, отведенныя для царственныхъ гостей, не отличались особенною роскошью, но снабжены были за то всевозможными удобствами. Отсутствіе всякихъ претензій и излишняго этикета дѣлало жизнь высокихъ гостей особенно пріятной. Императрица австрійская Марія-Людовика, третья супруга императора Франца, играла роль августѣйшей хозяйки съ такою тонкостью и прелестью, какія свойственны были ей только одной. Своею любезностью и радушіемъ она совершенно заслоняла неподвижнаго и флегматичнаго своего супруга.

„Увеселительный комитетъ“ очень ревностно принялся за свое дѣло. Занятія по конгрессу еще не наступили, а ужъ развлеченія, увеселенія начались. Балы смѣнялись фейер-

---

[1]) Альбиносы—люди, страдающіе неизлѣчимою болѣзнію, которая проявляется въ безцвѣтности кожи и волосъ и краснотѣ глазъ.

[2]) Угощеніе гостей обходилось каждый день въ 50,000 флориновъ, а всѣ расходы австрійскаго правительства по поводу конгресса дошли до 35 милліоновъ флориновъ. *Флоринъ,* австрійская монета, стоитъ на наши деньги около 75 коп.

верками и проч., и проч. Не проходило дня, чтобы „комитетъ“ не выдумалъ какого нибудь новаго увеселенія.

Всѣ австрійскія и пріѣзжія знаменитости устраивали у себя въ извѣстные дни болѣе или менѣе многочисленныя и блестящія собранія. Но нигдѣ такъ не было весело, какъ на собраніяхъ императрицы австрійской. Трудно было представить себѣ болѣе изящное и изысканное и въ то же время болѣе оживленное и разнообразное общество, какъ то, которое собиралось въ грандіозныхъ залахъ императорскаго дворца, въ тѣ вечера, когда назначались придворные балы, концерты и въ особенности характерные маскарады, такъ называемые, редуты. „Здѣсь“,—говоритъ очевидецъ,—„подъ покровомъ домино [1]) или характерной маски создавались нерѣдко сложныя политическія комбинаціи, возникали и разрѣшались ловкія интриги“. Главная зала дворца, окруженная со всѣхъ сторонъ хорами, залитая тысячами огней, представляла въ такіе вечера волшебный видъ. Корридоры и арки, роскошно убранные тропическими растеніями, вели въ сосѣднія помѣщенія, назначавшіяся для отдыха, для карточной игры, для ужина. Такъ называемая зала редутовъ роскошно убиралась цвѣтами, представлявшими дивное сочетаніе красокъ и тончайшаго аромата. Шелковые обои съ серебряными бордюрами, бархатная съ богатою позолотою мебель и 8,000 горящихъ свѣчей превращали эту залу въ какой-то колоссальный, блистающій тысячами цвѣтовъ драгоцѣнный камень. Оркестры, составленные изъ лучшихъ вѣнскихъ исполнителей и искусно скрытые за массами зелени, наигрывали самыя очаровательныя мелодіи, чередовавшіяся то съ торжественными мотивами полонеза, то съ граціозными и легкими звуками вальса.

Для царственныхъ особъ устраивалась на такихъ вечерахъ особая эстрада, убранная знаменами и штандартами,

---

[1]) *Домино*—маскарадное одѣяніе, на подобіе балахона съ рукавами и капюшономъ.

обитая бѣлою шелковою матеріею, обшитою по краямъ серебряною бохрамою. Но несравненно интереснѣе этого сказочнаго убранства была эта масса людей, которая собиралась на этихъ вечерахъ. „Какое неисчерпаемое разнообразіе мундировъ",—говоритъ очевидецъ,—„какая подавляющая масса орденовъ, звѣздъ лентъ! И прежде всего какое собраніе прелестныхъ женщинъ! И если Вѣна кишала въ эти мѣсяцы всевозможными, а подчасъ и невозможными знаменитостями, если въ этихъ салонахъ можно было встрѣтить все, что имѣло хотя нѣкоторое притязаніе на извѣстность, то и красота имѣла здѣсь массу самыхъ изысканныхъ представительницъ". Наша императрица Елизавета производила особенное впечатлѣніе. „Это былъ ангелъ, ниспосланный съ неба. Въ ея глазахъ отражалась вся чистота ея души. Ея прелестные пепельнаго цвѣта волосы разсыпались роскошными локонами по ея плечамъ. Ея высокій, стройный ростъ, ея царственная походка выдавали ее подъ покровомъ маски [1]).

Весело было на великосвѣтскихъ собраніяхъ, весело было при дворѣ,—не скучно было и на городскихъ улицахъ. Тѣсная Вѣна въ эпоху конгресса представляла самую разнообразную картину. Огромное количество иностранцевъ, стекшихся отовсюду въ Вѣну, вносило оживленіе и въ безъ того уже веселую австрійскую столицу. Пріѣзжихъ было болѣе ста тысячъ человѣкъ. Среди нихъ можно было встрѣтить всѣхъ знаменитостей тогдашняго европейскаго міра, начиная отъ героевъ только что завершившейся, безпримѣрной борьбы, и оканчивая блестящими красавицами высшаго свѣтскаго круга. И все это стеклось на неожиданное, радостное торжество всеобщаго мира; все стремилось упиться наслажденіями и радостями жизни, забыться, освободиться отъ ужасовъ только что пережитой грозной эпохи. Стоило лишь взглянуть на тогдашнія вѣнскія улицы, чтобы убѣдиться,

[1]) Императоръ Александръ I-й и идеи священнаго союза, Надлера, т. V, стр. 387—388.

что здѣсь—въ австрійской столицѣ назначило себѣ свиданіе все то, что имѣло притязаніе на дѣйствительныя, или мнимыя заслуги, на знатность, блескъ. Безчисленное количество экипажей всѣхъ возможныхъ видовъ наполняли съ утра до вечера улицы Вѣны. Впереди многихъ изъ нихъ бѣжали легкіе, богато одѣтые скороходы. На гуляньяхъ, на площадяхъ, можно было встрѣтить безчисленное количество военныхъ всевозможныхъ чиновъ, пѣшихъ и конныхъ, одѣтыхъ въ разнообразнѣйшіе мундиры всѣхъ европейскихъ армій. Присоединимъ къ этому тысячи лакеевъ, одѣтыхъ въ пестрыя ливреи, громадныя толпы зѣвакъ, вѣчно толкавшихся на улицахъ, чтобы посмотрѣть ту или другую знаменитость, того или другаго монарха, министра, посла, полководца, и мы будемъ имѣть хотя нѣкоторое представленіе объ уличной жизни, кипѣвшей тогда въ Вѣнѣ. При наступленіи ночной темноты жизнь эта принимала еще болѣе своеобразный, фантастическій оттѣнокъ. Театры, кофейни и другія публичныя мѣста наполнялись тогда пестрыми толпами людей, искавшихъ развлеченія и отдыха послѣ дневныхъ занятій и суеты. Щегольскіе экипажи катились въ удвоенномъ количествѣ по улицамъ. Лакеи, стоявшіе на запяткахъ, скороходы, бѣжавшіе впереди, держали въ рукахъ пылающіе факелы. Со всѣхъ сторонъ раздавались мелодіи, наигрываемыя на самыхъ различныхъ инструментахъ. Отовсюду раздавался оглушающій шумъ, не прекращавшійся до глубокой ночи.

Императоръ Александръ жилъ въ Вѣнѣ, какъ и всегда, въ высшей степени просто. Онъ, по возможности, старался избѣгать всякой офиціальности. Государь выѣзжалъ и выходилъ почти всегда одинъ, безъ всякой свиты, иногда вдвоемъ съ императрицею. Больше всего онъ любилъ ходить одинъ, пѣшкомъ. Встрѣтивъ на улицѣ кого-либо изъ знакомыхъ, онъ останавливалъ его, вступалъ съ нимъ въ разговоръ и иногда продолжалъ прогулку въ его обществѣ.

Утромъ онъ отдавалъ визиты государямъ, принцамъ, дамамъ, или же присутствовалъ на парадахъ, маневрахъ. По вечерамъ онъ ѣздилъ во всѣ знакомые ему дома, гдѣ любилъ проводить время въ непринужденной бесѣдѣ. Государь принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ публичныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ. Его утонченная вѣжливость, его красивая и изящная внѣшность, его деликатность и щедрость, его доступность и ласковость сдѣлала его съ первыхъ же дней пріѣзда любимцемъ вѣнской публики. Вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества, больше всего говорили о немъ.

Общественная вѣнская жизнь съ ея развлеченіями и удовольствіями не поглощала однако собою всецѣло Александра. И среди шума свѣтской жизни онъ слѣдилъ за политическими дѣлами. Съ самыхъ первыхъ дней своего пріѣзда въ Вѣну государь зорко слѣдилъ за подготовительными работами къ конгрессу. Онъ зналъ, какъ шли, такъ называемыя, предварительныя совѣщанія, на которыхъ уполномоченные разбирали проекты и вопросы, долженствовавшіе поступить на разсмотрѣніе и утвержденіе конгресса. „Не взирая на великое число чиновниковъ россійскаго дипломатическаго корпуса, находящихся въ Вѣнѣ“,—говоритъ Михайловскій - Данилевскій,—„государь самъ занимается безпрестанно дѣлами, относящимися до конгресса. Въ затруднительныхъ случаяхъ, гдѣ уполномоченные его [1]) встрѣчаютъ противорѣчіе, онъ лично ведетъ переговоры не только съ монархами, но даже съ министрами ихъ, которые проводятъ съ нимъ наединѣ по нѣсколько часовъ въ его кабинетѣ въ жаркихъ спорахъ. Мнѣ часто случается приглашать къ его величеству Меттерниха, Годенберга, Веллингтона, Кестельри,

---

[1]) Русскими уполномоченными на Вѣнскомъ конгрессѣ были: графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, графы Нессельроде и Стакельбергъ. Они иногда пользовались совѣтами генералъ-адъютанта Поццо - ди - Борго, барона Анстеда и графа Каподистріи. Всѣ эти лица, важныя по своему положенію и званію, по своимъ дипломатическимъ способностямъ стояли далеко ниже императора Александра.

Талейрана и другихъ, и слышать изъ другой комнаты весьма продолжительные и громкіе ихъ разговоры и споры, изъ коихъ господа сіи выходили съ столь пламенными лицами, что принуждены бывали отирать съ нихъ потъ... Государь лично велъ переговоры съ иностранными дворами, не страшился возраженій искуснѣйшихъ государственныхъ мужей своего вѣка и торжествовалъ надъ ними не силою, но убѣжденіемъ и превосходствомъ своихъ умственныхъ способностей“ [1]).

Всѣ эти „весьма продолжительные и громкіе разговоры“ государя съ уполномоченными отъ европейскихъ державъ вызываемы были главнымъ образомъ Саксонско-Польскимъ вопросомъ. Императоръ Александръ потребовалъ, чтобы Пруссіи уступлена была Саксонія, а Россіи — герцогство Варшавское [2]). Онъ находилъ, что такою уступкою, такимъ присоединеніемъ конгрессъ вознаградитъ Пруссію и Россію за громадныя жертвы и труды, которые они понесли въ минувшую войну, окончившуюся низложеніемъ Наполеона.

Уполномоченные, во главѣ которыхъ стоялъ австрійскій дипломатъ, князь Меттернихъ, человѣкъ мелкій, низкій, коварный и двоедушный, относились къ требованію государя на первыхъ порахъ болѣе или менѣе сдержанно. Но когда пріѣхалъ въ Вѣну французскій уполномоченый Талейранъ,— дѣло о вознагражденіи Пруссіи и Россіи приняло совершенно иной оборотъ.

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I-й, т. III, стр. 274—275.

[2]) Варшавское герцогство образовалось по условіямъ Тильзитскаго мира, въ 1807 году, изъ земель, доставшихся Пруссіи по тремъ раздѣламъ Польши (1773, 1793 и 1795 гг.). Недовольные уничтоженіемъ своей самостоятельности, поляки мечтали о возстановленіи ея при помощи Наполеона. Разгромивъ Пруссію въ 1807 году, Наполеонъ, дѣйствительно, отнялъ у нея польскія земли и образовалъ изъ нихъ Варшавское герцогство, отданное подъ управленіе короля саксонскаго. Въ 1809 году Наполеонъ присоединилъ Галицію къ Варшавскому герцогству, а въ 1811 году выражалъ открыто свое намѣреніе возстановить Польшу. Этого же желалъ и Александръ I-й съ 1811 года: онъ имѣлъ намѣреніе возстановить Польшу, но подъ верховною властью русскаго императора. Размолвка между императорами по этому поводу были отчасти причиною войны 1812 года, послѣ которой русскія войска заняли Варшавское герцогство.

Талейранъ былъ дипломатъ хитрый, ловкій, наглый. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ обладалъ еще свѣжею памятью и необыкновенно яснымъ умомъ. Разстрига [1]) былъ самонадѣянъ и рѣшителенъ. Талейранъ пріѣхалъ съ цѣлію ослабить быстро возрастающее могущество Россіи и—поднять значеніе Франціи. Къ достиженію того и другого онъ пошелъ смѣло. Требованія императора Александра онъ называлъ и несправедливыми, и опасными. За что лишать саксонскаго короля законныхъ его владѣній,—за то только, что онъ былъ вѣрнымъ союзникомъ Наполеона?!. А присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи Талейранъ считалъ дѣломъ опаснымъ и для Австріи, и для Пруссіи, и для всей Европы. Онъ сталъ требовать отъ своихъ товарищей по конгрессу рѣшительныхъ мѣръ противъ заявленія императора Александра. Талейранъ занялъ на конгрессѣ самое влiятельное положеніе.

Узнавъ объ образѣ мыслей и поведеніи Талейрана, государь рѣшился переговорить съ нимъ самъ. Представитель Франціи получилъ черезъ графа Нисельроде приглашеніе явиться на аудіенцію къ императору. Талейранъ явился.

„Александръ“,—говоритъ онъ въ письмѣ къ своему государю Людовику XVIII,—„принялъ меня ласково и пожалъ мнѣ руку, но выраженіе лица его не было такъ любезно, какъ всегда. Его слова были коротки, его осанка серіозна, почти торжественна. Я видѣлъ ясно“,—присовокупилъ Талейранъ,—„что онъ намѣренъ разыграть роль“.

Спросивъ кое-что у Талейрана о парижскихъ дѣлахъ, государь, наконецъ, произнесъ:

— „Теперь поговоримъ о нашихъ дѣлахъ: ихъ нужно кончить здѣсь“.

— „Это зависитъ отъ вашего величества“,—сказалъ Талейранъ.—„Они будутъ окончены скоро и благополучно,

[1]) Талейранъ былъ прежде епископомъ.

если ваше величество приступите къ разрѣшенію ихъ съ тѣмъ же благородствомъ и тѣмъ же величіемъ души, съ которыми порѣшили вы дѣла во Франціи".

— „Однако необходимо, чтобы каждый нашелъ въ нихъ свои удобства".

— „И каждый—свое право".

— „Я сохраню за собою то, что занимаю".

— „Ваше величество изволите сохранить за собою лишь то, что будетъ законно принадлежать вамъ".

— „Я дѣйствую съ согласія съ великими державами".

— „Я не знаю, считаете-ли ваше величество Францію въ ряду таковыхъ державъ".

— „Да, конечно; но если вы не хотите, чтобы каждый преслѣдовалъ свои удобства, то въ чемъ же заключаются ваши намѣренія?"

— „Я прежде всего ставлю право, а затѣмъ удобства".

— „Удобства Европы суть право".

— „Эта рѣчь, государь, не ваша; она вамъ чужда, и ваше сердце не признаетъ ея".

— „Нѣтъ, повторяю, удобства Европы суть право".

При этихъ словахъ государя Талейранъ поворотился къ стѣнѣ, около которой онъ стоялъ, ударилъ въ нее нѣсколько разъ головою и воскликнулъ: „Европа, несчастная Европа!"

Оборотившись затѣмъ снова къ императору онъ спросилъ: „Неужели предопредѣлено, что вы ее погубите?"

Александръ остался непоколебимъ. „Лучше война",— сказалъ онъ съ твердостью,—„чѣмъ отказаться отъ того, что занято мною".

Талейранъ опустилъ руки и замолчалъ. Принявъ видъ человѣка опечаленнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительнаго, онъ какъ бы говорилъ государю своимъ видомъ: вина будетъ не на нашей сторонѣ.

Императоръ также замолкъ на нѣсколько мгновеній, а затѣмъ повторилъ: „Да, лучше война".

Талейранъ остался въ томъ же положенiи. Тогда Александръ въ волненiи торопливо и громко сказалъ: „Наступилъ часъ спектакля; я долженъ идти, я обѣщалъ императору; меня ждутъ“.

Талейранъ пишетъ: „Онъ удалился; затѣмъ, открывъ дверь, вернулся ко мнѣ и, сжавъ обѣими руками, измѣнившимся голосомъ сказалъ: „Прощайте, прощайте, мы еще увидимся“.

Императоръ Александръ рѣшился лучше вести новую войну, чѣмъ уступить занятое имъ герцогство Варшавское.

Эта рѣшимость русскаго государя не испугала, впрочемъ, ловкаго дипломата. Онъ полагалъ, что Александръ никогда не отважится на войну, если онъ окажется въ положенiи изолированномъ, одинокомъ. Надо поставить его въ это положенiе, надо лишить Россiю всѣхъ ея союзниковъ. Талейранъ порѣшилъ теперь стремиться къ этой цѣли. Онъ поговорилъ съ Меттернихомъ, побесѣдовалъ съ англiйскимъ уполномоченнымъ Кестельри. Тотъ и другой оказались сторонниками его взглядовъ, — сочувствующими его стремленiямъ. Талейранъ началъ дѣятельно работать въ пользу образованiя тройственнаго союза противъ Россiи. Францiя, Австрiя и Англiя должны были силою оружiя противодѣйствовать притязанiямъ русскаго государя, освободителя Европы, своего благодѣтеля. „Людская благодарность“,— говаривалъ Александръ,—„такъ же рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ“. Справедливость этого изрѣченiя пришлось ему теперь, въ эпоху Вѣнскаго конгресса, испытать на себѣ въ полной мѣрѣ.

11-го (23-го) Октября, по просьбѣ Талейрана, состоялась вторая аудiенцiя у императора Александра. Это свиданiе продолжалось полтора часа, и бесѣда не сопровождалась никакими театральными выходками со стороны Талейрана. Императоръ указалъ прежде всего уполномоченному Францiи на его собственную непослѣдовательность.

— „Въ Парижѣ вы высказались въ пользу Польскаго королевства; какимъ образомъ совершилась такая перемѣна въ вашихъ взглядахъ?“—спросилъ императоръ.

— „Мое мнѣніе, государь, остается безъ измѣненія“,— отвѣтилъ Талейранъ:—„въ Парижѣ рѣчь шла о возстановленіи всей Польши. Я былъ тогда, какъ и теперь, сторонникомъ ея независимости. Но въ настоящее время рѣчь идетъ о совершенно другомъ; вопросъ поставленъ теперь въ зависимость отъ границъ, которыя обезпечили бы Австрію и Пруссію“.

— „Онѣ не должны безпокоиться: впрочемъ, у меня двѣсти тысячъ человѣкъ въ герцогствѣ Варшавскомъ; пусть же меня выгонятъ. Я отдалъ Саксонію Пруссіи, Австрія на это согласна“.

— „Я не знаю, согласна ли на это Австрія. Позволяю себѣ въ этомъ сомнѣваться, до такой степени оно противорѣчитъ ея интересамъ. Но можетъ-ли согласіе Австріи сдѣлать Пруссію собственницею того, что принадлежитъ королю Саксонскому?“

— „Если саксонскій король не отречется,—его повезутъ въ Россію, тамъ онъ и умретъ. Уже одинъ король умеръ тамъ“ [1]).

— „Позвольте не вѣрить этому, ваше величество; не для того собрался конгрессъ, чтобы видѣть подобное покушеніе“.

— „Какъ такъ! Покушеніе? Вотъ еще что! Развѣ не отправился въ Россію Станиславъ? Почему бы и королю Саксонскому не отправиться туда? Положеніе ихъ одно и тоже. Для меня тутъ не существуетъ никакой разницы.— Я полагалъ, что Франція кой-чѣмъ обязана мнѣ. Вы всегда говорите мнѣ о принципахъ: ваше общественное право для меня ровно ничего не значитъ; я не знаю, что это такое.

---

[1]) Станиславъ Понятовскій, послѣдній король польскій.

Какое употребленіе, думаете вы, я могу сдѣлать изъ всѣхъ вашихъ пергаментовъ и трактатовъ? Для меня одно превыше всего—это данное мною слово. Я его далъ и сдержу; я обѣщалъ Саксонію прусскому королю въ то время, когда мы сошлись вмѣстѣ".

— „Ваше величество обѣщали прусскому королю отъ девяти до десяти милліоновъ душъ; вы можете дать ему ихъ и безъ уничтоженія Саксоніи".

— „Саксонскій король измѣнникъ".

— „Государь, наименованіе измѣнника никогда не можетъ быть присвоено какому-либо королю; необходимо даже, чтобы это никогда не было даваемо ему".

Талейранъ произнесъ эти послѣднія слова свои съ особеннымъ удареніемъ; онъ, очевидно, думалъ произвести ими сильное впечатлѣніе на Александра, но онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Послѣ минутнаго молчанія государь заключилъ бесѣду словами: „Король прусскій будетъ королемъ прусскимъ и саксонскимъ, такъ же, какъ я буду императоромъ россійскимъ и королемъ польскимъ. Предупредительность, которую Франція окажетъ мнѣ относительно этихъ двухъ пунктовъ, послужитъ мнѣ мѣриломъ той предупредительности, которую я окажу ей, съ своей стороны, во всемъ, что можетъ ее интересовать" [1]).

Императору Александру по тому же саксонско-польскому вопросу пришлось говорить и съ Меттернихомъ; но объясненіе съ австрійскимъ дипломатомъ получило болѣе рѣзкій оттѣнокъ, чѣмъ обмѣнъ мыслей съ Талейраномъ.

Непріязненныя отношенія между Александромъ и Меттернихомъ начались съ тѣхъ поръ, какъ австрійскій дипломатъ осенью 1813 года помѣшалъ государю назначить главнокомандующимъ союзныхъ войскъ генерала Моро. Меттер-

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 282—283.

нихъ провелъ на эту должность князя Шварценберга. Затѣмъ, во время всего похода 1814 года и послѣ занятія Парижа, не мало тоже было поводовъ къ разногласію между императоромъ и главою австрійскаго кабинета. Наконецъ, въ Вѣнѣ Александръ окончательно убѣдился, что Меттернихъ вездѣ и во всемъ становится поперекъ намѣреній и проектовъ русскаго императора. Такое поведеніе австрійскаго дипломата возмущало государя. Александръ осыпалъ его въ вѣнскихъ гостинныхъ сарказмами и неблагопріятными отзывами. Увѣренный въ поддержкѣ императора Франца, Меттернихъ относился ко всему этому весьма равнодушно. Взаимное нерасположеніе привело, наконецъ, къ сценѣ весьма страннаго характера, и вскорѣ слухъ о ней распространился по всему городу. Разсказывали, что государь обошелся съ Меттернихомъ такъ рѣзко, употреблялъ въ разговорѣ съ нимъ такія выраженія, которыя были немыслимы даже по отношенію къ лакею. Меттернихъ замѣтилъ, что если дѣло идетъ о возстановленіи Польши, то дѣло это можетъ быть сдѣлано такъ же хорошо Австріею, какъ и Россіею. Императоръ не только назвалъ это замѣчаніе неприличнымъ и дерзкимъ, но и выразился прямо, что во всей Австріи только одинъ Меттернихъ осмѣливается принимать подобный, возмутительный тонъ. Дѣло наконецъ дошло до того, что Меттернихъ объявилъ Александру, что онъ будетъ просить своего императора назначить на конгрессъ вмѣсто себя другого министра. Меттернихъ вышелъ послѣ этого разговора изъ кабинета государя въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ близкіе къ нему люди никогда не видѣли его.

Но этимъ разговоромъ размолвка между императоромъ Александромъ и Меттернихомъ не окончилась. Въ разговорѣ съ прусскимъ уполномоченнымъ Гарденбергомъ Меттернихъ далъ понять ему, что императоръ Александръ, повидимому, болѣе заботится о Польшѣ, чѣмъ о Саксоніи. Гарденбергъ

встревожился, и поспѣшилъ передать слышанное Александру. Государь тотчасъ же отправился къ императору Францу и объяснилъ, что, считая себя лично оскорбленнымъ Меттернихомъ, онъ рѣшился вызвать его на поединокъ. Францъ замѣтилъ, что Меттернихъ не откажется дать ему удовлетвореніе, приметъ его вызовъ, но что не мѣшало бы имъ предварительно объясниться. Это объясненіе состоялось при посредствѣ генералъ-адъютанта Ожаровскаго. Меттернихъ оправдывался глухотою Гарденберга и тѣмъ, что тотъ его не совсѣмъ понялъ. Этимъ объясненіемъ закончилось дѣло о поединкѣ. Но императоръ не могъ забыть этой выходки австрійскаго дипломата и пересталъ являться на вечерахъ и балахъ Меттерниха. При ежедневныхъ почти встрѣчахъ въ вѣнскомъ обществѣ они дѣлали видъ, что не замѣчаютъ другъ друга. И подобное натянутое положеніе дѣлъ продолжалось до самаго бѣгства Наполеона съ острова Эльбы.

Во время этой ожесточенной дипломатической борьбы изъ-за Польши и Саксоніи вѣнскія развлеченія и увеселенія продолжались по прежнему. Австрійскій дворъ не щадилъ на нихъ средствъ, а гости его—своихъ силъ и здоровья.

6-го (18-го) Октября въ Вѣнѣ праздновали первую годовщину Лейпцигской битвы. Празднество носило на себѣ военный и религіозный характеръ. Весь вѣнскій гарнизонъ, въ числѣ 17,000 человѣкъ, собранъ былъ на парадъ въ Пратерѣ [1]). Войска построились въ громадное, двойное карре. Въ центрѣ четырехугольника возвышался алтарь, богато украшенный знаменами и трофеями. Вся земля вокругъ была усыпана травою и цвѣтами. У алтаря расположились союзные государи верхомъ на коняхъ, окруженные громадною блестящею свитою. Для императрицъ, королевъ, принцессъ и знатныхъ дамъ устроены были особыя сидѣнья, обитыя бархатомъ. Десятки тысячъ народа присутствовали

---

[1]) Пратеръ—мѣсто для гулянья въ Вѣнѣ.

въ качествѣ зрителей. Престарѣлый вѣнскій архіепископъ, окруженный духовенствомъ, совершалъ торжественное, благодарственное богослуженіе. Въ моментъ освященія даровъ страшный артиллерійскій залпъ потрясъ воздухъ. Государи и принцы, императрицы, королевы, принцессы и придворныя дамы, генералы и солдаты преклонили колѣна. Ихъ примѣру слѣдуютъ зрители. Пушечный громъ умолкаетъ, водворяется глубокая, торжественная тишина. Архіепископъ, поднявъ крестъ, благословляетъ войска и всѣхъ присутствующихъ. Молящіеся подымаются, стукъ и бряцанье оружія вновь наполняютъ воздухъ. Хоръ музыкантовъ начинаетъ играть гимнъ въ честь мира и десятки тысячъ голосовъ аккомпанируютъ ему. По окончаніи пѣнія войска проходятъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государей. Императоръ Александръ, при приближеніи гренадерскаго своего имени полка, сталъ впереди взвода, обнажилъ шпагу и отдалъ честь императору Францу. Вѣнскіе жители отнеслись къ этому съ большимъ удовольствіемъ; никто этого не ожидалъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ продолженіе парада командовалъ своимъ кирасирскимъ полкомъ на нѣмецкомъ языкѣ и также салютовалъ австрійскому императору.

Присутствовавшія на празднествѣ царственныя особы привѣтствовали князя Шварценберга, какъ будто бы они считали его въ самомъ дѣлѣ виновникомъ Лейпцигской побѣды. Каждый считалъ своимъ долгомъ послѣдовать ихъ примѣру. Князь Шварценбергъ былъ окруженъ, подавленъ, почти задушенъ комплиментами, изъ которыхъ одинъ былъ лживѣе другаго. Произошла полная мистификація [1]). Люди благоразумные пожимали плечами, находя ее неумѣстною въ такомъ торжественномъ случаѣ. Вокругъ павильона, назначеннаго для государей, накрыты были столы. За ними обѣдали солдаты, окруженные народомъ и иностранцами. Ши-

[1]) Мистификація—намѣренный обманъ для шутки и насмѣшки, дураченье, введеніе въ заблужденіе.

рокое, полное веселье господствовало въ средѣ обѣдающихъ. Видъ этихъ длинныхъ столовъ, унизанныхъ сіяющими физіономіями, былъ очарователенъ. Подъ конецъ обѣда, на эстрадѣ, окружавшей павильонъ, показались государи. Императоръ Александръ, блиставшій радостью и граціею, взялъ стаканъ съ виномъ, подошелъ къ краю балкона и провозгласилъ тостъ за народъ и за армію. Этотъ внезапный порывъ любящаго сердца, эта восхитительная фигура, каждое движеніе которой было преисполнено граціи, вызвали всеобщій энтузіазмъ. Толпа огласила воздухъ кликами любви и счастья, а русскіе плакали отъ горделивой радости.

Императоръ Александръ, съ своей стороны, желалъ также отпраздновать годовщину Лейпцигскаго боя. На другой день, послѣ парада, государь пригласилъ къ себѣ на обѣдъ болѣе трехъ сотъ особъ. Кромѣ двухъ императоровъ съ ихъ супругами, четырехъ королей и тридцати особъ, принадлежавшихъ къ владѣтельнымъ домамъ, тутъ находились только военные различныхъ державъ, участвовавшихъ въ великой битвѣ народовъ. Обѣдъ происходилъ въ великолѣпномъ домѣ графа Разумовскаго, славившемся во всей Вѣнѣ своею сказочною роскошью, своимъ богатѣйшимъ собраніемъ произведеній искусства. Всѣхъ приглашенныхъ нельзя было помѣстить ни въ одной изъ залъ дворца Разумовскаго. Пришлось обратить въ столовую большой манежъ [1]), находившійся при домѣ. Это громадное помѣщеніе убрано было съ большимъ вкусомъ цвѣтами и знаменами союзныхъ державъ. На столахъ поставлены были военные трофеи, украшенные трехцвѣтными французскими знаменами съ наполеоновскими орлами. Между знаменами виднѣлись щиты съ именами всѣхъ тѣхъ сраженій, которыя были вы-

[1]) Манежъ—строеніе, состоящее изъ одной обширной залы съ землянымъ поломъ, усыпаннымъ пескомъ, назначенное для выѣздки лошадей.

играны союзниками въ послѣднюю войну. Обѣдъ былъ великолѣпный и стоимость его обошлась, какъ говорили, въ 200,000 флориновъ [1]).

12-го (24-го) Октября императоръ Александръ предпринялъ путешествіе въ Венгрію. Императоръ Францъ, Фридрихъ-Вильгельмъ и нѣкоторые принцы также отправились туда. По прибытіи въ Офенъ, Александръ принималъ во дворцѣ духовенство, военныхъ, дворянъ, чиновниковъ и дамъ. Всѣ представлявшіеся были въ національномъ платьѣ. Государь явился тутъ въ первый разъ въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ. Это чрезвычайно понравилось венгерцамъ, какъ

---

[1]) Еще большимъ богатствомъ и великолѣпіемъ отличался балъ, данный императоромъ Александромъ также во дворцѣ Разумовскаго въ день св. великомученицы Екатерины. Государь желалъ отпраздновать достойнымъ образомъ тезоименитство своей сестры, великой княгини Екатерины Павловны и угостить на славу всѣхъ членовъ конгресса. Всѣ государи и принцы и все, что было въ Вѣнѣ великаго и знатнаго, собрались въ этотъ день въ роскошныхъ помѣщеніяхъ графа Разумовскаго. Гостей было такъ много, что опять пришлось превратить манежъ на этотъ разъ въ бальную залу. Въ концѣ манежа устроена была изящная декорація, изображавшая русскій видъ. Оперные танцоры и танцовщицы протанцовали при входѣ высочайшихъ особъ русскія пляски. Самый балъ открылся, по обыкновенію, церемоніальнымъ польскимъ. По окончаніи польскаго, княгиня Репнина и графъ Ожаровскій, одѣтые въ великолѣпные національные костюмы, протанцовали русскую пляску. Какъ костюмы, такъ и самая пляска привели въ восторгъ всѣхъ зрителей. Въ два часа ночи открылись двери въ колоссальную залу, гдѣ были сервированы для ужина 50 столовъ. Исполинскіе канделябры съ тысячами зажженныхъ свѣчей, гигантскія тропическія растенія, массы благоухающихъ цвѣтовъ придавали залѣ волшебный видъ. Самый ужинъ поражалъ своею изысканностью и невѣроятною дороговизною. На немъ были всѣ гастрономическія рѣдкости Италіи, Германіи, Франціи, Россіи и другихъ странъ: волжскія стерляди, остендскія устрицы, перигорскія трюфли, сицилійскіе апельсины. Особенное вниманіе обращали на себя ананасы, доставленные въ громадномъ количествѣ изъ царскихъ оранжерей въ Москвѣ; клубника, привезенная изъ Англіи, виноградъ изъ Франціи, казалось, только что сорванный съ лозъ, и что всего изумительнѣе, у каждаго прибора стояла тарелка, полная свѣжихъ вишень, привезенныхъ, не смотря на зимніе холода, изъ Петербурга, вишень, стоимость коихъ обходилась по рублю за штуку. Послѣ ужина танцы возобновились. И въ то время, когда молодежь упивалась веселіемъ, люди болѣе пожилые и солидные размѣстились за карточными столами, тогда какъ любители искусства имѣли полную возможность налюбоваться вдоволь художественными коллекціями, собранными во дворцѣ графа Разумовскаго. (См. Надлеръ, Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, т. V, стр. 395—396).

знакъ уваженія къ ихъ народному одѣянію. На придворномъ балу государь много танцовалъ и, по обыкновенію, привелъ въ восхищеніе всѣхъ венгерскихъ дамъ.

По возвращеніи государя въ Вѣну ему пришлось продолжать переговоры съ лукавыми союзниками. Возникшія между ними несогласія были уже не тайною. Поговаривали о войнѣ, которая должна была скоро возгорѣться между ними. Нѣкоторыя державы стали вооружаться противъ Россіи, въ особенности англичане. Лордъ Кестельри открыто говорилъ, что Россія отъ присоединенія къ ней Варшавскаго герцогства будетъ до того сильна, что, въ случаѣ ея враждебныхъ дѣйствій, всей Европѣ необходимо будетъ вооружиться противъ нея, какъ это дѣлалось до сихъ поръ противъ Франціи. Австріи также не нравилось желаніе Россіи перешагнуть за Вислу. Меттернихъ объявилъ, что „Австрія скорѣе погибнетъ, чѣмъ дозволитъ Россіи перешагнуть черезъ Вислу“.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ государь снова бесѣдовалъ съ Талейраномъ о положеніи дѣлъ конгресса. На вопросъ Александра, въ какомъ положеніи находятся дѣла и каково отношеніе къ нимъ его, Талейрана, послѣдній отвѣтилъ, что оно осталось безъ измѣненія.

— „Если ваше величество намѣрены возстановить независимость Польши въ полномъ ея объемѣ“,—присовокупилъ Талейранъ,—„мы готовы поддержать васъ“.

— „Я желалъ въ Парижѣ возстановленія Польши, и вы одобряли это“,—возразилъ Александръ,—„я и теперь желаю этого, какъ человѣкъ, всегда вѣрный либеральнымъ идеямъ, которыхъ я никогда не покину. Но въ занимаемомъ мною положеніи желанія человѣка не могутъ служить руководствомъ для государя. Быть можетъ, настанетъ день, когда окажется возможнымъ возстановить Польшу, но въ настоящее время объ этомъ нельзя думать“.

— „Если рѣчь идетъ лишь о раздѣлѣ герцогства Варшавскаго, то это дѣло относится гораздо болѣе къ Австріи и Пруссіи, чѣмъ къ намъ. Разъ эти двѣ державы признаютъ себя удовлетворенными въ этомъ отношеніи, мы также будемъ удовлетворены... Впрочемъ, этотъ вопросъ имѣетъ вообще для Франціи второстепенное значеніе, но она выступаетъ впередъ въ саксонскомъ вопросѣ".

— „Дѣйствительно, саксонскій вопросъ имѣетъ для Бурбонскаго дома семейное значеніе".

— „Нисколько, государь; въ саксонскомъ вопросѣ рѣчь вовсе не идетъ объ отдѣльной личности или объ особомъ семействѣ; это дѣло касается интересовъ всѣхъ государей; оно касается болѣе всего вашего величества, ибо ваша собственная выгода прежде всего требуетъ сохранить за собою пріобрѣтенную личную славу, блескъ которой падаетъ на вашу имперію. Ваше величество должны заботиться объ этой славѣ не только для себя, но и для вашей страны, для которой она составляетъ наслѣдство; вы довершите ее, оказывая покровительство и требуя уваженія къ принципамъ, которые служатъ основаніемъ общественному порядку и всеобщей безопасности. Я говорю съ вами, государь, не какъ французскій министръ, а какъ человѣкъ, который къ вамъ искренно привязанъ".

— „Вы говорите о принципахъ; но вѣдь это тоже принципъ—держать данное слово, а я далъ слово".

— „Бываютъ различныя обязательства, и то обязательство, которое принято вашимъ величествомъ при переходѣ черезъ Нѣманъ по отношенію къ Европѣ, должно имѣть преимущество передъ всѣми другими. Позвольте, государь, еще присовокупить, что на вмѣшательство Россіи въ дѣла Европы смотрятъ вообще съ ревностью и безпокойствомъ, и если оно было терпимо, то единственно ради личнаго характера вашего величества. Поэтому необходимо, чтобы этотъ характеръ всецѣло сохранился".

— „Это есть дѣло, которое касается только лично меня, и въ которомъ лишь я одинъ могу быть судьею".

— „Простите, государь: когда принадлежишь исторіи, весь міръ является судьею".

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Талейранъ выразилъ согласіе Франціи, ради сохраненія мира, уступить часть Саксоніи въ пользу Пруссіи. Но государь не одобрилъ этого предложенія. Наконецъ императоръ Александръ сказалъ будто бы своему собесѣднику: „послушайте, заключимъ сдѣлку: будьте любезны для меня въ саксонскомъ вопросѣ, и я тѣмъ же отплачу вамъ въ неаполитанскомъ. Съ этой стороны у меня нѣтъ обязательствъ".

Талейранъ отвѣтилъ, что такая сдѣлка невозможна, такъ какъ между этими двумя вопросами нѣтъ ничего общаго.

— „Ну, такъ убѣдите пруссаковъ, чтобы они вернули мнѣ мое слово",—сказалъ государь.

— „Я очень рѣдко вижусь съ ними и, конечно, мнѣ не удастся убѣдить ихъ въ этомъ. Но ваше величество располагаете всѣми средствами, чтобы удовлетворить пруссаковъ".

— „Это какимъ образомъ?"

— „Удѣливъ имъ что-нибудь побольше изъ Польши".

— „Вы предлагаете мнѣ странный способъ",—замѣтилъ Александръ по поводу этого остроумнаго предложенія—„Вы хотите, чтобы я взялъ у себя, чтобы дать имъ".

Въ заключеніе бесѣды Талейранъ заявилъ, что онъ долженъ настаивать на сохраненіи Саксонскаго королевства съ 1.600,000 жителей.

— „Да",—отвѣтилъ ему государь,—„вы очень настаиваете на *рѣшенномъ* вопросѣ".

Сообщая Людовику XVIII содержаніе этого разговора, Талейранъ въ заключеніе говоритъ, что государь не прочь подъ благовиднымъ предлогомъ освободиться отъ слова, даннаго имъ прусскому королю. Но, высказавъ это, Талейранъ черезъ нѣсколько дней сообщилъ однако своему королю, что

императоръ Александръ все еще не обнаруживаетъ склонности къ уступкамъ [1]).

Въ то время, когда Талейранъ и Меттернихъ тайно подготовляли коалицію противъ императора Александра, Пруссія не разъ колебалась, и не знала, какой ей избрать путь, чтобы обезпечить за собою обладаніе Саксоніею. Прусскіе уполномоченные начали уже склоняться на сторону враговъ Россіи, какъ вдругъ личное объясненіе государя съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ вывело ихъ на настоящую, опредѣленную дорогу. Государь пригласилъ къ себѣ обѣдать прусскаго короля и вступилъ съ нимъ въ продолжительное объясненіе. Онъ напомнилъ Фридриху-Вильгельму о соединяющихъ ихъ узахъ дружбы, говорилъ о желаніи своемъ, чтобы она навсегда осталась неизмѣнною и о значеніи ея для ихъ подданныхъ. Затѣмъ Александръ сказалъ, что онъ всегда связывалъ свою личную славу съ возстановленіемъ Польскаго королевства, и неужели теперь, когда онъ уже близокъ къ осуществленію своихъ желаній, неужели ему суждено испытать горечь видѣть между своими противниками самого дорогого друга и единственнаго монарха, на чувства котораго онъ разсчитывалъ?

Король разсыпался въ сердечныхъ изліяніяхъ и поклялся поддерживать его въ польскомъ вопросѣ.

— „Недостаточно", — сказалъ ему императоръ, — „если вы сами усвоите себѣ подобный взглядъ: необходимо еще, чтобы съ нимъ сообразовались ваши министры".

Король призвалъ тогда своего уполномоченнаго Гарденберга. Государь повторилъ ему все сказанное королю, и что король уже далъ ему свое слово. Министръ долженъ былъ повиноваться. Меттернихъ и Кестельри совѣтовали Гарденбергу подать въ отставку, но прусскій дипломатъ не согласился на это.

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 295—299.

Такимъ образомъ врагамъ Россіи не удалось сдѣлать ее одинокою, изолированною; требованія ея стали поддерживаться Пруссіею.

При такихъ-то обстоятельствахъ оканчивался 1814 и начинался 1815 годъ. По наружности казалось, ничто не измѣнилось въ Вѣнѣ. Конгрессъ продолжалъ „танцовать". Увеселенія, одно изысканнѣе, одно дороже другого, смѣняли другъ друга. Балы, маскарады, катанья, охоты, карусели собирали, по прежнему, конгресное общество. Высочайшія особы и министры продолжали встрѣчаться съ прежнею утонченною любезностью и притворною вѣжливостью. „Комитетъ развлеченій" истощался въ изобрѣтеніи новыхъ удовольствій, но притупленные нервы высокихъ и малыхъ гостей не довольствовались уже обычнымъ весельемъ, а требовали новыхъ, болѣе сильныхъ впечатлѣній. Талейранъ пытался доставить имъ эти впечатлѣнія, устроивъ въ день казни Людовика XVI торжественную мессу [1]) въ вѣнскомъ соборѣ. Всѣ монархи и высочайшія особы, всѣ министры и уполномоченные присутствовали на печальной церемоніи. Всѣ государи были въ полной парадной формѣ, за исключеніемъ императора Франца, явившагося, въ знакъ своего особаго соболѣзнованія, въ черномъ траурномъ платьѣ. По краямъ катафалка поставлены были четыре статуи: Франція, погруженная въ глубокое горе, плачущая Европа, религія съ завѣщаніемъ Людовика XVI въ рукахъ и надежда, устремляющая свои взоры къ небу. Священникъ произнесъ рѣчь, вполнѣ соотвѣтствовавшую и цѣли торжества, и обстоятельствамъ, и высокому сану главнѣйшихъ изъ присутствовавшихъ. Французы—приверженцы Бурбоновъ, были въ восторгѣ какъ отъ рѣчи, такъ и отъ празднества. Въ соединеніи всѣхъ монарховъ на богослуженіи въ память казненнаго Людовика XVI усматривали они первый, великій результатъ конгресса. Та-

---

[1]) Месса—католическая литургія.

лейрана, виновника этой затѣи, сторонники Бурбоновъ провозглашали теперь царемъ дипломатовъ.

„Царь дипломатовъ“, несумѣвши сдѣлать Россію одинокою, рѣшился теперь скорѣе приготовить державы къ разрыву, къ борьбѣ съ нею и Пруссіею. 24-го Декабря 1814 г. (3-го Января 1815 г.) Талейранъ, Меттернихъ и Кестельри заключили между собою договоръ противъ Пруссіи и особенно Россіи. По этому договору Франція, Австрія и Англія обязывались каждая выставить по полутораста тысячъ войска, назначить сообща главнокомандующаго и не иначе заключать миръ, какъ съ общаго согласія. Положено было, сверхъ того, пригласить къ участію въ союзѣ Баварію, Виртембергъ, Нидерланды и Ганноверъ. Этого мало. Дипломаты предписали своимъ представителямъ въ Константинополѣ, чтобы они возбуждали Турцію противъ Россіи. Талейранъ, наконецъ, хотѣлъ обратиться съ тѣмъ же и къ Швеціи.

Посылая договоръ къ Людовику XVIII, Талейранъ умолялъ его о наискорѣйшей ратификаціи конвенціи. И 7-го (19-го) Января Талейранъ получилъ уже обратно изъ Парижа утвержденный королемъ договоръ. Императоръ Францъ также не отказался отъ тайной подписи этого договора.

Князь Шварценбергъ составилъ подробный планъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій. Въ концѣ марта рѣшено было начать кампанію.

Императоръ Александръ не подозрѣвалъ двуличія своихъ коварныхъ союзниковъ. Онъ ничего не зналъ о составившемся противъ него союзѣ. Не знали о немъ и наши дипломаты, почти ежедневно бесѣдовавшіе съ Талейраномъ и Меттернихомъ. Наконецъ, узналъ о тайномъ договорѣ извѣстный Штейнъ, и доложилъ о немъ государю. Александръ, неспособный даже понять подобной низости, отнесся къ сообщенію Штейна недовѣрчиво; такая „людская неблагодарность“ казалась ему почти что невозможною. Однако тайный договоръ былъ фактъ, съ которымъ, къ счастью, не

пришлось считаться. Случилось событіе, котораго никто не ожидалъ и которое разомъ уничтожило всѣ коварные замыслы враждебныхъ намъ дипломатовъ. Это событіе—бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и возвращеніе его во Францію. Это событіе произошло какъ разъ въ томъ мѣсяцѣ (Мартѣ), когда рѣшено было начать военныя дѣйствія противъ насъ.

Бѣгство Наполеона какъ громомъ поразило вѣнскій конгрессъ. Дипломаты переполошились, засуетились и бросились къ тому же императору Александру, противъ котораго они, что называется, въ тайнѣ точили ножи. Великодушный государь, уже убѣдившійся въ тайномъ заговорѣ противъ него, примирился съ дипломатами, простилъ ихъ [1]) и опять сталъ во главѣ европейской коалиціи, рѣшившейся, во что бы то ни стало, вторично низложить Наполеона.

Возстановленіе французской имперіи подъ властью Наполеона ускорило развязку спорныхъ вопросовъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. 21-го Апрѣля (3-го Мая) 1815 года были подписаны трактаты между Россіею, Австріею и Пруссіею, опредѣлявшіе судьбу Варшавскаго герцогства. Оно было навсегда присоединено къ Россійской имперіи, за исключеніемъ Познани, Бромберга и Торна, отданныхъ Пруссіи и соляныхъ копей Велички, возвращенныхъ Австріи вмѣстѣ съ Торнопольскою областью, которая съ 1809 года принадлежала Россіи. Краковъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ. Александръ принялъ титулъ короля Польскаго. Онъ предоставилъ себѣ право даровать этому государству то *внутреннее расширеніе*, которое признаетъ за благо.

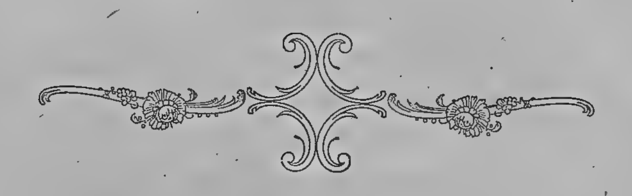
Король саксонскій уступилъ Пруссіи почти всю Лузацію и часть Саксоніи.

По Вѣнскому конгрессу 1815 года Россія пріобрѣла около 2,100 кв. миль съ народонаселеніемъ болѣе чѣмъ въ три милліона человѣкъ. Австріи досталось 2,300 кв. миль

---

[1]) Подробный разсказъ объ этомъ представленъ въ главѣ «Сто дней».

съ десятью милліонами человѣкъ, а Пруссіи—2,217 кв. миль съ 5.362,000 человѣкъ. Такимъ образомъ, Россія, которая на своихъ плечахъ вынесла всю тяжесть трехлѣтней войны съ Наполеономъ и принесла наибольшія жертвы для торжества европейскихъ интересовъ, получила наименьшее вознагражденіе. Россія больше всѣхъ хлопотала, трудилась, больше всѣхъ пожертвовала для европейскаго спокойствія, а получила меньше всѣхъ.

Эльбскій императоръ.

Наполеонъ, получивши во владѣніе островъ Эльбу, поселился въ Порто-Феррайо. Тутъ у него былъ небольшой дворецъ, въ которомъ онъ проводилъ осень и зиму. Въ лѣтнія жары дворъ эльбскаго императора жилъ въ палаткахъ за городомъ, на сосѣднихъ высотахъ.

Наполеонъ горячо принялся за дѣло. Ознакомившись съ средствами и нуждами небольшого новаго своего государства, онъ примѣнилъ къ управленію имъ всѣ свои таланты. Императоръ улучшилъ дороги, укрѣпилъ важнѣйшіе пункты и сформировалъ прекрасную армію, численностью въ 1,600 человѣкъ. Наполеонъ слѣдилъ за всѣми доходами и расходами своей крохотной имперіи. Саловарни и желѣзные рудники, бывшіе главными источниками мѣстнаго благосостоянія, немедленно сдѣлались значительно доходнѣе. Подати стали взиматься болѣе или менѣе равномѣрно и цѣлесообразно. Благодаря бережливости и хорошему хозяйничанью, расходы на островѣ не стали превышать доходовъ. Вообще, геніальныя государственныя способности Наполеона, властвовавшія когда-то надъ міромъ, проявлялись съ большимъ успѣхомъ и здѣсь—въ маленькомъ его государствѣ [1]).

Принцесса Полина Боргезе, разведшаяся съ своимъ мужемъ, не замедлила исполнить свое обѣщаніе; она пріѣхала

---

[1]) Пространство занимаемое островомъ Эльбою равняется 200 квадр. верстамъ.

на островъ Эльбу, чтобы утѣшать своего брата. Мать Наполеона, Летиція, державшаяся въ сторонѣ отъ сына во время его благоденствія, пріѣхала теперь тоже утѣшать его въ несчастьѣ. Но Марія-Луиза, жена императора, не сдѣлала этого. Она искренно хотѣла пріѣхать къ своему мужу, и въ маленькомъ императорскомъ дворцѣ въ Порто-Феррайо приготовлены были уже для нея апартаменты. Но отецъ императоръ Францъ, каждый разъ ставилъ различныя препятствія ея отъѣзду, а потомъ ее держали въ Шенбрунскомъ дворцѣ какъ бы подъ арестомъ. Свободу Маріи-Луизы стѣсняли до такой степени, что ея бабушка, королева обѣихъ Сицилій, Королина, воскликнула какъ-то разъ въ негодованіи: „Если бы я была на мѣстѣ этой бѣдняжки, я спустилась бы ночью на простыняхъ изъ окна и непремѣнно бы убѣжала“. Наконецъ, слабохарактерная отъ природы молодая женщина, уступивъ настояніямъ князя Меттерниха, прекратила даже переписку съ своимъ мужемъ. Съ Декабря 1814 года пламенныя письма Наполеона къ своей супругѣ оставлялись уже Маріею-Луизою безъ отвѣта.

Наполеонъ жилъ на Эльбѣ безъ всякаго надзора. Ни одна великая европейская держава не имѣла своего агента на островѣ. Одинъ только англійскій коммиссаръ Кемпбель остался здѣсь, но и тотъ состоялъ уже не коммисаромъ, а посломъ при дворѣ эльбскаго императора. Пенсіи, положенной низверженному императору французскимъ правительствомъ, Наполеонъ не получалъ, но за то оно его и ничѣмъ не стѣсняло. Наполеонъ пользовался полною свободою.

Императору нельзя было пожаловаться на недостатокъ посѣтителей. Они его не забывали на островѣ Эльбѣ. Число ихъ доходило иногда до 300 въ день. Это были французы, англичане и особенно итальянцы. Лѣтомъ къ Наполеону пріѣхала какая-то таинственная дама съ ребенкомъ. Ихъ встрѣтили съ большимъ почетомъ и радушіемъ, но тщательно скрывали отъ всѣхъ постороннихъ. Ходили слухи,

будто пріѣхала императрица Марія-Луиза, но на самомъ дѣлѣ это была графиня Валевская съ сыномъ [1]). Проведя нѣсколько дней на островѣ въ строжайшемъ инкогнито, графиня съ своимъ сыномъ уѣхала также таинственно, какъ и пріѣзжала.

Наполеонъ на островѣ Эльбѣ поправился здоровьемъ. Имѣя за собою громадный жизненный опытъ, онъ былъ всего лишь сорока пяти лѣтъ отъ роду и казался полнымъ силъ и здоровья. Малорослый, съ толстою шеей и наклонностью къ дородности, онъ производилъ впечатлѣніе крѣпкаго сильнаго мужчины. Слегка отвислыя щеки и полная нижняя губа говорили о чувственности, но впечатлѣніе это стушевалось высокимъ челомъ, открытымъ на вискахъ. Сложеніе у Наполеона было вообще могучее, но руки и ноги отличались изяществомъ очертаній и были сравнительно очень малы. Движенія его, при всей нервности, казались хорошо соразмѣренными. Глаза его, по прежнему, были ясны и проницательны. Несмотря на страстную свою натуру, онъ превосходно владѣлъ собою. Императоръ умѣлъ какъ нельзя лучше сосредоточивать всѣ силы на разрѣшеніи задачи, которую себѣ ставилъ.

Наполеонъ относился къ эльбскому крестьянину съ такимъ же добродушіемъ, съ такимъ же доброжелательствомъ, съ какимъ, бывало, говорилъ, съ рядовыми своей великой арміи. Въ обращеніи съ подчиненными онъ держалъ себя съ достоинствомъ. Принимая многочисленныхъ своихъ посѣтителей, онъ выказывалъ много добродушнаго юмора. Съ

---

[1]) Наполеонъ съ гостями былъ очень любезенъ и много игралъ съ ребенкомъ. Послѣдній подъ конецъ сталъ такъ шумѣть и бунтовать, что императоръ сказалъ ему:

— «Ты, значитъ, не боишься розги, а я тебѣ совѣтую бояться. Меня только разъ въ жизни сѣкли, но я никогда этого не забылъ».

И онъ разсказалъ, какъ однажды въ дѣтствѣ онъ и сестра его Паулина стали смѣяться надъ бабушкой, за что мать крѣпко ихъ высѣкла.

— «Но я не смѣюсь надъ мамой»,—сказалъ ребенокъ, надувъ губки.

— «Прекрасный отвѣтъ», — произнесъ императоръ и поцѣловалъ мальчика (см. Истор. вѣстникъ, 1899 годъ, № 9, стр. 992).

матерью и сестрой онъ обходился до такой степени сердечно, что обѣ онѣ чувствовали себя какъ нельзя болѣе счастливыми.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Наполеонъ держалъ себя такъ, какъ если бы онъ и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сдѣлать изъ Эльбы свой постоянный „островъ отдохновенія". Но съ Сентября, когда собрались представители европейскихъ державъ на Вѣнскій конгрессъ, онъ сталъ задумываться надъ чѣмъ-то, уединяться. И было отъ чего. До Наполеона дошли слухи, что эти представители не разъ говорили между собою объ удаленіи его съ острова Эльбы куда нибудь подальше отъ береговъ Италіи и Франціи. Одни изъ нихъ совѣтовали отправить бывшаго французскаго императора на Азорскіе острова. Другіе отдавали предпочтеніе островамъ Зеленаго мыса. Кто-то упомянулъ также и про островъ св. Елены, затерянный въ океанѣ, самый уединенный уголокъ на всемъ земномъ шарѣ. Наполеонъ со страхомъ сталъ помышлять, какъ бы его въ самомъ дѣлѣ не увезли съ острова Эльбы и не запрятали куда нибудь въ заточеніе на многіе годы. Онъ боялся этого больше всего на свѣтѣ, боялся больше смерти. Ему не такъ страшны были заговоры на его жизнь, которые каждую недѣлю составляли приверженцы Людовика XVIII и котолическіе священники во Франціи и въ Италіи, какъ эта возможная ссылка. Наполеонъ боялся ея, но пока ничего не предпринималъ противъ нея. Онъ сталъ только осторожнѣе, сталъ рѣже видѣться даже съ Кемпбелемъ.

Въ Декабрѣ того же 1814 года съ Наполеономъ произошла рѣзкая перемѣна. Онъ сталъ къ чему-то готовиться, сталъ окружающимъ его на что-то намекать. Однажды онъ замѣтилъ одному изъ старыхъ своихъ гвардейцевъ многозначительнымъ тономъ: „вижу, гренадеръ, что ты здѣсь скучаешь; погоди, еще и на нашей улицѣ будетъ праздникъ". Опустивъ затѣмъ золотую монету въ руку гренадера,

онъ ушелъ, напѣвая пѣсенку: „не всегда судьба жестока".— Прежде Наполеонъ не пытался даже удерживать тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые обнаруживали желаніе съ нимъ разстаться, а теперь собирающихся уѣзжать онъ уговаривалъ остаться. „Потерпите немножко",—говорилъ онъ имъ, — „мы проведемъ здѣсь зиму настолько хорошо, насколько окажется вообще для насъ возможнымъ, а весной попробуемъ устроиться иначе".

Въ первыхъ числахъ Февраля 1815 года, эльбскій императоръ получилъ подробный и обстоятельный отчетъ обо всемъ, что происходило въ Вѣнѣ на конгрессѣ. Онъ обрадовался, узнавъ, что представители европейскихъ державъ изъ саксонско-польскаго вопроса раздѣлились на двѣ неравныя партіи. Онъ не безъ удовольствія узналъ, что Франція, Австрія и Англія заключили даже договоръ противъ Россіи и Пруссіи. Въ половинѣ Февраля къ Наполеону пріѣхалъ бывшій пріятель Море, Флери-де-Шабулонъ, переодѣтый матросомъ. Онъ узналъ отъ него во всей подробности истинное положеніе дѣлъ во Франціи. Наполеонъ и прежде кое-что слышалъ о настроеніи французскаго общественнаго мнѣнія, но теперь, изъ словъ Флери онъ убѣдился, что оно было за него.

Дѣйствительно, Людовикъ XVIII и его правительство съумѣли такъ поставить дѣла въ своей странѣ, что французы стали жалѣть о Наполеонѣ. Уже одинъ видъ короля ставилъ его далеко ниже Наполеона. Особа Людовика не заключала въ себѣ ничего эффектнаго: онъ не красовался въ блескѣ военнаго мундира, верхомъ на конѣ. При своей чрезвычайной тучности и подагрическомъ разслабленіи король могъ двигаться только на катящемся креслѣ. Черезъ это онъ много терялъ въ глазахъ французовъ и особенно арміи.

Ставши французскимъ королемъ, Людовикъ вынужденъ былъ дать своему государству свободныя учрежденія, но онъ

часто стали нарушаться. Во Францію стали возвращаться старинные дворяне, которые во время революціи ушли, — эмигрировали изъ отечества. Возвращаясь домой, эмигранты стали замѣнять собою новыхъ французскихъ дворянъ, стали отодвигать ихъ на заднiй планъ и заслонять собою. Эти эмигранты, которые возбуждали къ себѣ у французовъ ненависть и презрѣніе, окружили короля и заняли высшія государственныя должности. Они стали требовать возвращенія своихъ земель, которыя, за время долголѣтняго отсутствія ихъ изъ Франціи, были распроданы другимъ владѣльцамъ. Духовенство стало за эмигрантовъ. Духовники увѣщевали новыхъ „незаконныхъ владѣльцевъ" возвратить на смертномъ одрѣ эти помѣстья по принадлежности, угрожая въ противномъ случаѣ вѣчными адскими муками. Иногда имъ и удавалось достигнуть такимъ путемъ желанной цѣли.—Возстановлена была должность королевскаго великаго духовника. Эта вліятельная духовная особа тотчасъ же принялась препятствовать утвержденію и обнародованію свободы вѣроисповѣданія, обѣщанной конституціею. По извѣстнымъ праздникамъ было запрещено заниматься мірскими дѣлами. Предписывалось служить панихиды по Пишегрю, Моро и Кадудалю [1]. За панихиды по Кодудалю платилъ самъ король. Когда, наконецъ, духовенство отказало одной актрисѣ въ погребеніи по христіанскому обряду;—въ Парижѣ произошли уличные безпорядки.—Палата перовъ утвердила законопроектъ вознагражденія эмигрантовъ за родовыя ихъ помѣстья, конфискованныя революціонерами. Она провела законъ объ установленіи цензуры по дѣламъ печати.

Все это раздражало французовъ. Появился ропотъ, недовольство. Повсюду начали говорить, что существующій порядокъ вещей не можетъ быть прочнымъ, долговременнымъ.

---

[1]) Пишегрю, Кадудаль и Моро были мнимые заговорщики на жизнь Наполеона, когда еще онъ былъ первымъ консуломъ. Всѣ они были наказаны.

Не лучше дѣла были и по арміи. Какъ старослуживые солдаты, такъ и новобранцы бѣжали толпами изъ подъ знаменъ, видя, что заслуженныхъ офицеровъ увольняютъ въ отставку, чтобы очистить мѣста для аристократической молодежи. Да и само правительство охотно, впрочемъ, увольняло отъ службы старыхъ солдатъ, назначая имъ такую ничтожную пенсію, при которой оставалось только умереть съ голоду, или просить милостыню.

Число нижнихъ чиновъ и офицеровъ, вернувшихся во Францію изъ плѣна, изъ гарнизоновъ въ средне-европейскихъ крѣпостяхъ и изъ Италіи простиралось въ общей сложности за 300,000 человѣкъ. Половина ихъ состояла изъ старыхъ наполеоновскихъ солдатъ. Не только ихъ офицеры, но даже нижніе чины привыкли къ уваженію, которымъ всегда пользовались при императорѣ. Между тѣмъ, вернувшись на родину, они убѣдились, что никто не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Этого мало. Они узнали, что съ бывшими императорскими сановниками обращаются далеко не вѣжливо. Дамъ, первенствовавшихъ при императорскомъ дворѣ, теперь фактически выгоняли изъ Тюльерійскаго дворца многозначительными вопросами объ ихъ происхожденіи. Всюду говорили о томъ, какъ раздражило маршала Нея грубое оскорбленіе, нанесенное его женѣ герцогинею Ангулемской. — Хорошо обученные офицеры и унтеръ-офицеры вернувшихся во Францію войскъ увольнялись въ отставку цѣлыми тысячами. Имъ назначили пенсію, но не всѣмъ, а только тѣмъ, которые объявляли себя вѣрующими католиками. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, пенсія не выплачивалась даже и тѣмъ, кому она была обѣщана. Жалованье старой гвардіи было сокращено. Всѣмъ, произведеннымъ въ офицеры за отличіе отказывали въ дальнѣйшемъ движеніи по службѣ. Учреждена была новая дворянская гвардія. Закрыты были пріюты, гдѣ воспитывались сироты солдатъ и офицеровъ, причисленныхъ къ ор-

дену Почетнаго Легіона. Негодованіе, вызванное этими мѣрами, было такъ велико, что король оказался вынужденнымъ уволить военнаго министра въ отставку.

Всѣ эти и подобныя мѣры и распоряженія французскаго королевскаго правительства привели къ тому, что къ концу 1814 года почти всѣ французскіе солдаты оказывались *бонапартистами*, т. е. приверженцами Наполеона. Друзья ихъ и родственники въ большинствѣ случаевъ держали ихъ сторону. Французы показывали другъ другу монеты съ портретомъ Наполеона и шопотомъ говорили, что „онъ былъ и будетъ". Одни при этомъ добавляли: „мужайтесь и надѣйтесь", а другіе— „проснитесь французы, императоръ бодрствуетъ". Еще въ концѣ лѣта въ провинціальныхъ округахъ распространялись слухи, что Наполеонъ непремѣнно вернется и всюду водворитъ надлежащій порядокъ. Осенью вся Франція страстно желала возвращенія Наполеона и съ нетерпѣніемъ ждала его прибытія. Парижское населеніе держало себя нѣсколько осторожнѣе, но, тѣмъ не менѣе, называла маршала Мармона Іудой—предателемъ.

Видя всеобщее недовольство существующимъ порядкомъ вещей, Талейранъ и Фуше еще лѣтомъ помышляли о перемѣнѣ правительства во Франціи. Они говорили объ установленіи имперскаго регенства. Заговорщики не прочь были объявить императоромъ сына Наполеона подъ регенствомъ его матери, Маріи-Луизы. Вокругъ этого заговора группировалось множество другихъ болѣе мелкихъ.

Обо всемъ этомъ—о положеніи дѣлъ во Франціи и настроеніи общественнаго мнѣнія эльбскій императоръ узналъ во всѣхъ подробностяхъ отъ Флери. Услышавъ отъ него о проектѣ возстановленія регенства, Наполеонъ съ горячностью воскликнулъ: „на кой прахъ имъ понадобилось регенство? Вѣдь я же, слава Богу, еще живъ!"

Черезъ два дня послѣ долгихъ совѣщаній съ императоромъ, Флери уѣхалъ въ Неаполь. Наполеонъ послѣ него

сталъ дѣятельно приготовляться къ возвращенію во Францію. Три дня спустя, къ нему прибылъ переодѣтый марсельскимъ купцомъ человѣкъ, личность котораго такъ и осталась невыясненной. Прибывшій объявилъ, что, за исключеніемъ богачей и вернувшихся эмигрантовъ, рѣшительно все населеніе Франціи ждетъ съ самымъ страстнымъ нетерпѣніемъ возвращенія императора. Ему стоитъ только водрузить палку съ своей шляпой на берегу Прованса для того, чтобъ вокругъ этой шляпы немедленно же собрался весь народъ.

Вѣсть о приготовленіи Наполеона къ возвращенію во Францію скоро распространилась между его сторонниками на материкѣ Европы. Говорили про это и враги его. Узнали наконецъ, о замыслахъ эльбскаго императора и въ Вѣнѣ. Талейранъ не повѣрилъ этому, сказавъ, что это пустяки, что бояться этого нечего—„Наполеонъ—мертвый человѣкъ".

„Мертвый человѣкъ", соблюдая, между тѣмъ, строжайшую тайну, чрезвычайно ловко собралъ и снарядилъ маленькую свою флотилію, состоявшую изъ корвета „Непостоянный", уступленнаго ему по фонтенеблоскому договору и семи другихъ маленькихъ судовъ. Во время этихъ приготовленій то и дѣло приходили въ Порто-Феррайо и уходили оттуда французскія и англійскія военныя суда, наблюдавшія за сосѣдними водами, но командиры этихъ судовъ не замѣчали ничего подозрительнаго. Въ концѣ Февраля 1815 года маленькая армія изъ 1,600 человѣкъ съ 80 лошадьми и нѣсколькими пушками посажена была на суда. Никто изъ непосвященныхъ не понималъ дѣйствительнаго значенія этого факта. Всѣ приближенные Наполеона были внѣ себя отъ радости. Для избѣжанія подозрѣній каждому судну маленькой эскадры приказано было идти своимъ особымъ курсомъ.

Дѣйствительно, отдѣльныя суда наполеоновской флотиліи, шедшія порознь, не обратили на себя вниманія военныхъ крейсеровъ, долженствовавшихъ наблюдать за островомъ Эльбой. Нѣкоторые крейсера показывались иной разъ въ

виду „Непостояннаго“, но не сочли нужнымъ его опросить. По мѣрѣ того, какъ одна опасность за другой устранялась сама собою, росли также и бодрость духа великаго искателя приключеній. Подъ конецъ онъ и самъ проникся восторженною радостью и принялся вспоминать про Аустерлицкую свою побѣду. 1-го Марта вахтенный „Непостояннаго“ увидѣлъ передъ собою французскій берегъ. Словно по мановенію волшебнаго жезла всѣ остальныя суда флотиліи въ то же самое мгновеніе показались въ виду. Къ четыремъ часамъ утра вся Эльбская армія благополучно высадилась на песчаномъ берегу Жуанскаго залива. Полковникъ императорской гвардіи, Камброннъ, былъ тотчасъ же отправленъ въ Каннъ раздобыть лошадей путемъ набора. Ему строго на строго предписано было, чтобы онъ при этой реквизіи не проливалъ даже и капли крови. Въ числѣ многихъ лицъ, приведенныхъ ночью къ Наполеону, расположившемуся на бивуакахъ, былъ также и князь монакскій, ѣхавшій по береговой дорогѣ въ каретѣ, запряженной четверкой лошадей.

— „Куда вы ѣдете?“—спросилъ его Наполеонъ.

— „Возвращаюсь въ свои владѣнія“, — отвѣчалъ ему князь.

— „Клянусь Богородицей“,—весело возразилъ ему эльбскій императоръ,—„что и я дѣлаю то же!“.

Сто дней.

Извѣстіе объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы пришло въ Вѣну въ ночь съ 22-го Февраля (6-го Марта) на 23-е (7-е Марта). Австрійскій генеральный консулъ въ Генуѣ извѣстилъ объ этомъ событіи Меттерниха эстафетою. Не придавая депешѣ особеннаго значенія, Меттернихъ вскрылъ пакетъ только утромъ. Ознакомившись съ его содержаніемъ, онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ восьмомъ часу утра къ императору Францу. Послѣдній приказалъ ему немедленно передать полученное извѣстіе императору Александру и королю прусскому. „Скажите имъ“,—присовокупилъ Францъ,—„что я готовъ отдать моей арміи приказаніе снова вступить во Францію. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что оба государя будутъ дѣйствовать въ согласіи со мною“.

Въ первый разъ по истеченіи почти трехъ мѣсяцевъ со времени знаменитой размолвки Меттернихъ явился къ императору Александру. Австрійскій министръ былъ тотчасъ же принятъ. Сообщивъ государю полученное извѣстіе, онъ передалъ вмѣстѣ съ тѣмъ слова императора Франца. „Государь высказался съ большимъ спокойствіемъ и достоинствомъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и его августѣйшій союзникъ“,—пишетъ Меттернихъ.—„Намъ не пришлось долго обсуждать мѣры, которыя слѣдовало принять; рѣшеніе послѣдовало быстрое и категорическое. Уладивъ это дѣло, императоръ сказалъ мнѣ: „Намъ остается еще окончить личную распрю.

Мы оба христіане; наша святая вѣра заповѣдуетъ намъ прощать обиды. Обнимемъ другъ друга, и пусть все будетъ предано забвенію"... Императоръ обнялъ меня и отпустилъ съ просьбою возвратить ему прежнюю дружбу. Въ продолженіе позднѣйшихъ нашихъ многократныхъ сношеній ни разу не было болѣе рѣчи о томъ времени, когда мы разсорились. Наши отношенія не замедлили принять прежній искренній характеръ".

Вслѣдъ затѣмъ Меттернихъ отправился къ прусскому королю. Фридрихъ-Вильгельмъ изъявилъ полное согласіе быть въ этомъ дѣлѣ за одно съ союзными государями.

Въ десять часовъ у Меттерниха состоялось уже первое совѣщаніе, вызванное новымъ положеніемъ дѣлъ. Война была рѣшена менѣе чѣмъ въ часъ времени.

Первымъ изъ уполномоченныхъ Вѣнскаго конгресса къ Меттерниху явился Талейранъ. Прочитавъ краткое извѣстіе, полученное изъ Генуи, онъ остался безмятежнымъ. Между двумя дипломатами завязался разговоръ, который Меттернихъ передаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующимъ образомъ:

Талейранъ:—„Знаете-ли вы, куда направляется Наполеонъ?"

Я:—„Донесеніе ничего не говоритъ объ этомъ".

Талейранъ:—„Онъ высадится гдѣ-нибудь на берегу Италіи и бросится въ Швейцарію".

Я:—„Онъ двинется прямо на Парижъ".

„Вотъ исторія во всей ея простотѣ",—заключаетъ свой разсказъ Меттернихъ [1]).

Эта „исторія" дѣйствительно не изъ особенно сложныхъ. Наполеонъ такъ ловко ускользнулъ съ Эльбы и такъ легко завладѣлъ французскимъ престоломъ, какъ этого никто изъ дипломатовъ не ожидалъ.

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I-й, его жизнь и дѣятельность, т. III, стр. 305—306.

Высадившись на горномъ берегу Франціи, Бонапартъ двинулъ свою крохотную армію прямо на Гренобано. Въ Каннѣ жители отнеслись болѣе или менѣе равнодушно къ возвращенію Наполеона. Въ Грассѣ генералъ, состоявшій воинскимъ начальникомъ, заблаговременно бѣжалъ. Въ этомъ городѣ начали уже раздаваться возгласы: „Да здравствуетъ императоръ!“ Оттуда до станціи Динь, на большой дорогѣ въ Грессабль, ведетъ горная тропа черезъ хребетъ высотою въ 12,000 фут. надъ уровнемъ моря. Армія Наполеона шла быстро; она прошла болѣе 50 верстъ въ двадцать часовъ. Старые солдаты шутили другъ съ другомъ насчетъ маленькаго капрала, шедшаго вмѣстѣ съ ними пѣшкомъ. Небольшой гарнизонъ, стоявшій въ Динѣ, сочувствовалъ Бонапарту, но все-таки не счелъ умѣстнымъ немедленно перейти на его сторону и заранѣе отступилъ. Деревушки снабжали солдатъ продовольствіемъ въ изобиліи. Крестьяне выходили цѣлыми сотнями на встрѣчу Наполеону и просили его принять ихъ подъ свои знамена. Наполеонъ благодарилъ ихъ за любовь къ себѣ и привязанность, но отъ услугъ ихъ отказывался. Онъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ, былъ увѣренъ, что войска, съ которыми ему неизбѣжно предстоитъ встрѣтиться, немедленно же станутъ подъ его знамена. Головныя части маленькой арміи Наполеона прибыли въ Ла-Мюръ, находящійся недалеко отъ Гренобля. Ихъ встрѣтили тамъ съ энтузіазмомъ и вынесли ведро плохого мѣстнаго вина, чтобы дать солдатамъ слегка освѣжиться. Когда всѣ они утолили жажду, Наполеонъ попросилъ дать и ему тоже чарочку. Онъ выпилъ свою порцію наравнѣ съ другими. Его войска и всѣ присутствовавшіе пришли въ восторгъ, когда маленькая армія немедленно послѣ того двинулась къ сосѣдней деревушкѣ Лаффре, гдѣ стояло войско, высланное противъ него изъ Гренабля. Солдаты стояли сомкнутымъ строемъ поперекъ большой дороги. Конница держала копья къ атакѣ, а у пѣхоты ружья были заряжены. Ей отдано

было приказаніе стрѣлять по Наполеону, какъ только онъ покажется въ виду. Критическое мгновеніе, наконецъ, наступило.

— „Вотъ и онъ! Пли!“ — скомандовалъ офицеръ, приверженецъ короля.

Солдаты взяли ружья на изготовку. Лица ихъ поблѣднѣли, колѣни затряслись... и они не выполнили отданнаго имъ приказанія.

Наполеонъ совершенно одинъ медленно подошелъ къ войскамъ на пистолетный выстрѣлъ. Онъ былъ въ обыкновенномъ своемъ сѣромъ походномъ сюртукѣ и обыкновенной же треугольной шляпѣ, украшенной на этотъ разъ трехцвѣтною кокардой.

— „Солдаты пятаго полка“,—сказалъ онъ звучнымъ спокойнымъ голосомъ,—„я передъ вами!“

Подойдя еще на нѣсколько шаговъ ближе, Наполеонъ разстегнулъ сюртукъ и, обнаживъ грудь, воскликнулъ: „Если здѣсь между вами найдется хоть одинъ солдатъ, расположенный убить своего императора,—онъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно. Моя грудь къ его услугамъ“.

Картина перемѣнилась. При этихъ словахъ стройные ряды войскъ, выставленныхъ противъ Наполеона, мгновенно превратились въ толпу растроганныхъ, плачущихъ людей. Съ восторженными привѣтствіями они бросились цѣловать ноги Наполеона и старались хоть прикоснуться къ поламъ поношенной его походной одежды. Обступивъ со всѣхъ сторонъ своего императора они не находили словъ, чтобы выразить ему свою преданность.

— „Солдаты!“ — воскликнулъ этотъ чародѣй, — „я прибылъ лишь съ горстью храбрецовъ, именно разсчитывая на васъ и на весь французскій народъ! Бурбоны царствуютъ незаконно, такъ какъ возведены на престолъ не народомъ. Вашимъ отцамъ угрожаетъ возстановленіе титуловъ, привиллегій и феодальныхъ правъ! Такъ вѣдь я говорю?“

— „Точно такъ!“—подтвердила толпа.

Какъ разъ въ это мгновенье появился всадникъ въ мундирѣ національнаго гвардейца, но съ большой трехцвѣтной кокардой на шляпѣ. Подъѣхавъ къ Наполеону, онъ сказалъ: „Государь! я перчаточникъ Жанъ Дюмуленъ. Приношу на службу вашего величества сто тысячъ франковъ и себя самого!“

Въ это время въ войскахъ гренобльскаго гарнизона переходила уже изъ рукъ въ руки прокламація, въ которой Наполеонъ объяснялъ неудачу компаніи прошлаго года измѣной и обѣщалъ, что въ случаѣ войны побѣда снова осѣнитъ его знамена. Командиръ седьмого пѣхотнаго полка первый перешелъ на сторону Наполеона. Офицеры, приверженцы короля, съ ужасомъ увѣрились, что нижніе чины поголовно стоятъ за Бонапарта. Рѣшено было утромъ увести войска куда-нибудь подальше отъ Гренобля. Однако не удалось привести это въ исполненіе;—въ семь часовъ утра Наполеонъ явился уже передъ городомъ и потребовалъ сдачи его. Гренобельскіе ворота растворились передъ нимъ настежь. Встрѣча, устроенная гренобельцами вернувшемуся изгнаннику, была въ высшей степени сердечна и внушительна. Отдохнувъ тамъ тридцать шесть часовъ, Наполеонъ двинулся къ Ліону уже во главѣ семитысячной арміи.

Дорогой Наполеонъ прислушивался къ общественному мнѣнію. Онъ скоро убѣдился, что французы желаютъ мира и свободы. И Наполеонъ сталъ обѣщать имъ то и другое. Онъ говорилъ, что онъ будетъ жить въ мирѣ со всѣми европейскими державами, если только онѣ не станутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи. Онъ обѣщался защитить ихъ отъ эмигрантовъ. Изъ Ліона, гдѣ его встрѣтили самыми бурными привѣтственными возгласами, Наполеонъ разослалъ предписаніе произвести выборы въ національное собраніе для пересмотра конституціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ декретъ [1]), изгонявшій изъ Франціи эмигрантовъ,

[1]) Декретъ—приговоръ, положеніе или опредѣленіе верховной власти.

вернувшихся туда съ Людовикомъ XVIII. Однимъ почеркомъ пера Наполеонъ разрушилъ всѣ притязанія стариннаго французскаго дворянства. Дворянская гвардія была упразднена. Талейранъ, Мармонъ заочно были преданы суду.

Вслѣдствіе подобныхъ распоряженій вѣрноподданническія чувства къ императору распространились по всей Франціи съ изумительной быстротой. Маршалъ Ней, отправляясь противъ Наполеона, хвасталъ, что онъ скоро привезетъ его въ желѣзной клѣткѣ; но и онъ не могъ противустоять общему увлеченію и измѣнилъ королю вмѣстѣ съ своимъ корпусомъ. Ней соединился съ Наполеономъ въ Ожеррѣ. „Обнимите меня, дорогой генералъ!“ — воскликнулъ искренно обрадованный императоръ.—„Очень радъ съ вами свидѣться. Я не нуждаюсь ни въ какихъ объясненіяхъ или оправданіяхъ!“ — Королевское правительство много разъ высылало противъ „узурпатора“ [1]) сильные отряды войскъ, но эти войска всегда переходили на его сторону. Однажды утромъ нашли на рѣшеткѣ, ограждавшей Вандомскую колонну, напечатанное большими буквами заявленіе:

Наполеонъ Людовику XVIII.

„Дорогой кузенъ, незачѣмъ посылать мнѣ болѣе войскъ. У меня ихъ и безъ того уже довольно“.

Съ прибытіемъ Наполеона во Фонтенебло, 6-го (18-го) Марта, резервныя войска, стоявшія въ самомъ Парижѣ и южныхъ окрестностяхъ его немедленно перешли къ нему въ полномъ составѣ. На слѣдующій день король Людовикъ XVIII издалъ поэтому минифестъ къ арміи, полный самаго безнадежнаго отчаянія и поспѣшно уѣхалъ за границу, въ Бельгію. За нимъ отправились эмигранты и многіе его приверженцы. Утромъ 8-го (20-го) Марта французская столица оказалась безъ всякаго правительства. Послѣ полудня быв-

---

[1]) Узурпаторъ—похититель престола у царствующаго лица.

шія имперскія должностныя лица совершенно спокойно вернулись на прежнія свои мѣста не только въ канцеляріяхъ, но и во дворцѣ. Въ десять часовъ вечера быстро подъѣхала къ Тюльерійскому дворцу почтовая коляска, изъ которой вышелъ Наполеонъ. Присутствовавшимъ казалось, что онъ какъ-то странно улыбается. Онъ произвелъ на нихъ впечатлѣніе человѣка, которому грезится на яву. Императоръ немедленно же былъ подхваченъ своими сторонниками на руки. Его внесли торжественно во дворецъ по лѣстницѣ. Жизнь его подвергалась серьезной опасности отъ слишкомъ страстныхъ порывовъ вѣрноподданической преданности. Императора такъ усердно обнимали, что онъ чуть было не задохся. Во всякомъ случаѣ у него отлегло на душѣ, когда онъ вошелъ, наконецъ, въ свой кабинетъ и заперъ за собой двери. Въ кабинетѣ ждали Наполеона немногіе старые испытанные и преданные его сторонники. Коленкуръ былъ во главѣ ихъ.

Такимъ образомъ Наполеонъ снова воцарился во Франціи, которую онъ занялъ безъ выстрѣла.

Императоръ измѣнилъ свою прежнюю систему правленія. Въ душѣ онъ остался тѣмъ же деспотомъ и тираномъ, какимъ былъ всегда, но по наружности казался либераломъ и человѣкомъ, преисполненнымъ самыхъ миролюбивыхъ намѣреній. Онъ не только отрекся отъ прежней неограниченной власти, не только окружилъ свой тронъ конституціонными учрежденіями, но и вступилъ въ союзъ съ отъявленными республиканцами. Въ политикѣ внѣшней онъ отрекался торжественно отъ прежней завоевательной системы и заявлялъ о своей готовности свято соблюдать условія парижскаго договора. Онъ хотѣлъ вступить вь сношенія съ императоромъ Александромъ. Наполеонъ хотѣлъ вновь привлечь его на свою сторону. И случай къ этому скоро представился.

Бѣгство Людовика XVIII совершилось съ такою быстротою, что онъ забылъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ самыя

важнѣйшія и секретнѣйшія государственныя бумаги. Наполеонъ тотчасъ же, по своемъ водвореніи въ Тюльерійскомъ дворцѣ, тщательно пересмотрѣлъ всѣ эти бумаги и, къ великой радости, нашелъ между ними секретный договоръ 22-го Декабря 1814 года (3-го Января 1815 г.). Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ этой находки. Онъ думалъ, что сама судьба посылаетъ ему двухъ могущественныхъ союзниковъ въ лицѣ русскаго императора и короля прусскаго. Надѣясь разстроить собиравшуюся противъ него коалицію, онъ отправилъ этотъ важный документъ въ Вѣну къ императору Александру. 27-го Марта (8-го Апрѣля) Бутягинъ, секретарь русской миссіи въ Парижѣ, вручилъ эту драгоцѣнную бумагу государю. Получивъ документальныя доказательства возмутительной измѣны своихъ союзниковъ, Александръ былъ въ первый моментъ внѣ себя отъ гнѣва. Неблагодарность, на которую онъ наталкивался столько разъ въ своей жизни, еще разъ предстала предъ нимъ въ самомъ черномъ видѣ. Онъ весь покраснѣлъ отъ гнѣва...

На слѣдующее утро императоръ Александръ призвалъ къ себѣ Штейна. Давъ ему прочесть присланный Наполеономъ договоръ, онъ сказалъ: „Я пригласилъ къ себѣ также князя Меттерниха и желаю, чтобы вы были свидѣтелемъ нашего разговора“. Вскорѣ вошелъ въ кабинетъ Меттернихъ и раскланялся. Государь показалъ ему бумагу и спросилъ: „Извѣстенъ-ли вамъ этотъ документъ?“

Князь, взглянувъ на бумагу, не измѣнился въ лицѣ и молчалъ. Придумывая себѣ оправданіе, онъ хотѣлъ заговорить, но государь остановилъ его словами: „Меттернихъ, пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Теперь намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился, и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда-либо“. Съ этими словами Александръ бросилъ трактатъ въ пылавшій подлѣ него каминъ и отпустилъ обоихъ министровъ.

Когда узнали, что секретный договоръ, придуманный Талейраномъ, находится въ рукахъ императора Александра, многіе почувствовали необходимость оправдать себя въ его глазахъ. Король Баварскій, принимавшій дѣятельное участіе во всѣхъ интригахъ противъ Россіи, позволявшій себѣ злословить Александра и распускать на его счетъ разныя сплетни, явился къ императору съ объясненіями и извиненіями. Государь, выслушавъ его, самымъ благосклоннымъ образомъ, сказалъ: „Вы были увлечены другими, я забылъ уже объ этомъ дѣлѣ“. Уполномоченный нидерландскаго короля, фонъ-Гагернъ, не замедлилъ послѣдовать примѣру баварскаго короля и представилъ свои оправданія Александру черезъ Штейна. Онѣ также были приняты съ неизмѣнною благосклонностью.

Разговаривая съ Талейраномъ о положеніи дѣлъ и обѣщаясь, въ случаѣ необходимости, пожертвовать послѣднимъ своимъ солдатомъ и послѣднимъ своимъ рублемъ за дѣло, въ которомъ замѣшана его честь, государь, по своему великодушію, ни слова не сказалъ ему о секретномъ договорѣ, присланномъ Наполеономъ изъ Парижа.

Ободренный этою деликатностью Александра, Талейранъ при встрѣчѣ съ графомъ Нессельроде имѣлъ наглость сказать ему, что въ Тюльерійскомъ дворцѣ забыты были при отъѣздѣ короля лишь однѣ неважныя бумаги. Нессельроде выразилъ по этому поводу нѣкоторое сомнѣніе.

— „Ахъ, я знаю, о чемъ вы хотите сказать“,—воскликнулъ Талейранъ съ миною невиннѣйшаго человѣка въ мірѣ,—„объ этомъ трактатѣ? да, но онъ, вѣдь, былъ заключенъ безъ всякой злой цѣли. Что же касается меня, то я хотѣлъ только разстроить четверной союзъ“.

Нессельроде въ тотъ же день передалъ слова Талейрана Штейну. „Злодѣй!“—выслушавъ его разсказъ, воскликнулъ неподкупно честный, желѣзный баронъ.

Помимо присылки договора, направленнаго противъ Рос-

сіи, Наполеонъ для примиренія съ императоромъ Александромъ прибѣгъ еще къ другому средству. Съ 1814 года падчерица его, королева Гортензія находилась въ перепискѣ съ государемъ. Наполеонъ поручилъ ей написать письмо своему неумолимому противнику. Она исполнила его желаніе. Въ письмѣ своемъ королева Гортензія убѣждала императора въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ своего отчима и старалась отклонить его отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Франціи.

Но увы! всѣ эти попытки Наполеона примириться съ императоромъ Александромъ и отвлечь его отъ европейской коалиціи оказались тщетными. Могучее, звучное, ласковое слово государя раздалось на вѣнскомъ конгрессѣ и всѣхъ ободрило, все примирило, все соединило. Грозная коалиція воскресла во всемъ своемъ величіи. Она единодушно рѣшилась покончить разъ навсегда съ Наполеономъ.

13-го (25-го) Марта 1815 года, въ тотъ самый день, когда королева Гортензія взывала о помощи и покровительствѣ къ императору Александру, послѣдовала декларація [1]) восьми державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ. Державы торжественно въ ней объявляли, что Наполеонъ Бонапартъ нарушилъ миръ своимъ вторженіемъ во Францію, лишилъ себя этимъ дѣйствіемъ защиты законовъ и показалъ, что съ нимъ немыслимо заключать какіе бы то ни было договоры. Вслѣдствіе этого державы объявили, что Наполеонъ поставилъ себя внѣ всякихъ гражданскихъ и общественныхъ отношеній и, какъ врагъ и нарушитель общаго покоя, обрекъ себя общественному мщенію. Въ заключеніе державы объявили, что онѣ твердо намѣрены охранять ненарушимость парижскаго мира. Декларація сопровождалась заключеніемъ союзнаго договора. Россія, Англія, Австрія и Пруссія обязались каждая выставить по 150,000 человѣкъ и не прекращать военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока Напо-

---

[1]) Декларація—объявленіе.

леонъ не лишенъ будетъ возможности возмущать спокойствіе Европы. Всѣ остальныя европейскія государства приглашены были къ участію въ союзѣ противъ общаго врага рода человѣческаго. По особому договору Англія обязалась уплатить Россіи, Австріи и Пруссіи субсидію въ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Вообще противъ Наполеона союзники выставили 900,000 человѣкъ. Эти громадныя массы войскъ двинулись съ разныхъ сторонъ къ французскимъ границамъ. Главная австрійская армія, подъ начальствомъ князя Шварценберга, собиралась на верхнемъ Рейнѣ. Русскія войска, предводимыя Барклай-де-Толли, прибывали постепенно въ южную Германію и сосредоточивались между Вюрцбургомъ и Гейдельбергомъ. Въ Бельгіи англійскія войска Веллингтона и прусскія Блюхера были придвинуты уже къ самой французской границѣ.

Все это, конечно, было извѣстно Наполеону; о всѣхъ движеніяхъ непріятелей своихъ онъ зналъ. Разставшись съ своими надеждами на распаденіе коалиціи, Бонапартъ долженъ былъ искать спасенія въ открытой отчаянной борьбѣ съ цѣлою почти Европою. Свои рѣшенія Наполеонъ принялъ, по обыкновенію, быстро. Располагая силами недостаточными, онъ намѣревался предупредить нападенія враговъ и атаковать всѣми своими силами того изъ противниковъ, кто былъ ближе къ нему. Оставивъ для прикрытія восточной и южной границы Франціи лишь небольшіе отряды, Наполеонъ началъ сосредоточивать свою главную армію на сѣверо-востокѣ. Онъ хотѣлъ обрушиться съ нею на войска Веллингтона и Блюхера, сосредоченныя въ Бельгіи.

13-го (25-го) Мая императоръ Александръ оставилъ Вѣну. Онъ направился къ берегамъ Неккара и Рейна, куда должны были прибыть русскія войска. Государь хотѣлъ находиться ближе къ театру предстоявшихъ военныхъ дѣйствій. На другой день, вечеромъ, Александръ прибылъ въ

Нимеренбургъ, загородный дворецъ Баварскаго короля, находившійся въ шести верстахъ отъ Мюнхена. Здѣсь его ожидала торжественная встрѣча со стороны баварской королевской фамиліи. Она истощались въ низкопоклонной угодливости и въ выраженіяхъ своей союзнической вѣрности. Императоръ, по обыкновенію, былъ вѣжливъ, любезенъ, обходителенъ со всѣми. По приглашенію короля онъ присутствовалъ на балѣ, который давали ему жители города Мюнхена. Онъ смотрѣлъ не безъ удовольствія на устроенную въ честь его русскую пляску, на маски, одѣтыя въ національные костюмы различныхъ народовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи, на миніатюрную модель каменнаго острова, его любимаго мѣстопребыванія въ Петербургѣ.

Дождавшись въ Нимеренбургѣ пріѣзда императора австрійскаго съ супругою и принявъ участіе въ цѣломъ рядѣ утомительныхъ представленій и церемоній, императоръ Александръ выѣхалъ, наконецъ, изъ Баваріи. 23-го Мая (4-го Іюня) государь прибылъ въ Гейльбронъ, гдѣ ожидала его оригинальная и неожиданная встрѣча.

Въ Гейльбронѣ, тихомъ нѣмецкомъ городкѣ, на живописномъ берегу Неккара, кипѣла въ этотъ день необычайная жизнь. Весь городъ былъ переполненъ русскими войсками всѣхъ родовъ оружія. Во всѣхъ домахъ былъ военный постой. На улицахъ и площади солдаты расположились бивуаками. Громкія солдатскія пѣсни, веселые звуки военной музыки раздавались со всѣхъ сторонъ. Все населеніе города было на ногахъ съ самаго ранняго утра. Крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, спѣшившіе отовсюду посмотрѣть на великаго царя, увеличивали и безъ того уже страшную сутолоку. Всѣ дома были украшены разноцвѣтными, по преимуществу русскими флагами. Вездѣ виднѣлись приготовленія къ иллюминаціи. По улицамъ трудно было пробраться черезъ сплошныя толпы народа, даже крыши домовъ унизаны были зрителями. Пріѣздъ государя встрѣченъ

былъ всеобщимъ восторгомъ. Привѣтствуемый громовымъ „ура“ русскихъ солдатъ и радостными восклицаніями жителей, императоръ проѣхалъ къ дому Рауха, гдѣ приготовлена была для него квартира и гдѣ ожидалъ его почетный караулъ. Государь пріѣхалъ утромъ и весь день прошелъ въ оффиціальныхъ пріемахъ, докладахъ и военныхъ смотрахъ. Наконецъ наступилъ вечеръ и Александръ, страшно утомленный, удалился въ свой кабинетъ. Князю Волконскому и дежурному адъютанту отданъ былъ приказъ не принимать никого. Толпы народа, собиравшіяся было у Рауховскаго дома, услыхавъ, что императоръ отдыхаетъ и проситъ народъ разойтись, удалились въ почтительной тишинѣ.

Наступила уже полная темнота. Въ домѣ и на улицахъ не было никого кромѣ дежурныхъ офицеровъ и караульныхъ солдатъ. Государя, повидимому, ничто не безпокоило. „Наконецъ, я вздохнулъ свободнѣе“, — разсказывалъ впослѣдствіи Александръ о своемъ пребываніи въ Гейльбронѣ Р. С. Стурдзѣ [1],—„и первымъ моимъ движеніемъ было раскрыть книгу, которая всегда со мною; но отуманенный разсудокъ мой не проникалъ въ смыслъ читаемаго. Мысли мои были безсвязны, сердце стѣснено. Я оставилъ книгу и думалъ, какимъ бы утѣшеніемъ была для меня въ подобную минуту бесѣда съ сочувствующимъ душевно мнѣ человѣкомъ. Эта мысль напомнила мнѣ о васъ и о томъ, что вы говорили мнѣ о госпожѣ Криденеръ [2]), а также о желаніи, высказанномъ мною вамъ, познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь находится, спрашивалъ я себя, и какъ мнѣ повстрѣчаться

---

[1]) Р. С. Стурдза — любимая фрейлина императрицы Елисаветы Алексѣевны.

[2]) Баронесса Криденеръ, обратившаяся изъ тщеславной свѣтской женщины въ кающуюся грѣшницу, воображала, что ей предстоитъ великое дѣло, что самъ Богъ поручаетъ ей высокую миссію—обращать невѣрующихъ на путь истины. Сблизившись съ Стурдзою, она черезъ нее проникла къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Но, по ея словамъ, внутренній голосъ говорилъ ей, что этимъ дѣло еще не кончено; главную цѣль ея стремленій составляло сближеніе съ самимъ императоромъ Александромъ.

съ нею? Никогда! Не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ услышалъ стукъ въ дверь. Это былъ князь Волконскій; съ видомъ нетерпѣнія и досады онъ сказалъ мнѣ, что поневолѣ безпокоитъ меня въ такой часъ только для того, чтобы отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требуетъ свиданія со мною и назвалъ г-жу Криденеръ. Вы можете судить о моемъ удивленіи! Мнѣ казалось, что это сновидѣніе. Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль представился мнѣ не случайностью. Я принялъ ее тотчасъ же, и она, какъ бы читая въ моей душѣ, обратилась ко мнѣ съ сильными и утѣшительными словами, успокоившими тревожныя мысли, которыми я такъ давно мучился. Ея появленіе показалось для меня благодѣяніемъ, и я далъ себѣ слово продолжать столь дорогое для меня знакомство".

Во время этого перваго свиданія г-жа Криденеръ подняла передъ Александромъ завѣсу прошедшаго и представила ему его жизнь со всѣми заблужденіями тщеславія и суетной гордости. Она доказала своему слушателю, что минутное пробужденіе совѣсти, сознаніе своихъ слабостей и временное раскаяніе не являются полнымъ искупленіемъ грѣховъ и не ведутъ еще къ духовному возрожденію.

— „Нѣтъ, государь",—сказала она ему, — „вы еще не приблизились къ Богочеловѣку, какъ преступникъ, просящій о помилованіи. Вы еще не получили помилованія отъ Того, Кто одинъ имѣетъ власть разрѣшать грѣхи на землѣ. Вы еще остаетесь къ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились предъ Іисусомъ, не сказали еще, какъ мытарь, изъ глубины сердца: Боже, я великій грѣшникъ, помилуй меня! И вотъ почему вы не находите душевнаго мира. Послушайте словъ женщины, которая также была великой грѣшницей, но нашла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія креста Христова".

Въ этомъ смыслѣ г-жа Криденеръ говорила государю въ теченіе почти трехъ часовъ. Александръ могъ сказать только

нѣсколько отрывочныхъ словъ; опустивъ голову на руки, онъ проливалъ обильныя слезы. Наконецъ г-жа Криденеръ, испуганная тѣмъ тревожнымъ состояніемъ, въ какое ея слова повергли Александра, сказала ему: „государь я прошу васъ простить мнѣ тонъ, какимъ я говорила. Повѣрьте, что я со всею искренностью сердца и передъ Богомъ сказала вамъ истины, которыя еще не были сказаны вамъ. Я только исполнила священный долгъ относительно васъ".

— „Не бойтесь", — отвѣчалъ Александръ, — „всѣ ваши слова нашли мѣсто въ моемъ сердцѣ: вы помогли мнѣ открыть въ себѣ самомъ то, чего я еще никогда не подмѣчалъ въ себѣ; я благодарю за это Бога, но мнѣ нужно часто имѣть такіе разговоры, и я прошу васъ не удаляться" [1]).

Съ этого дня подобныя бесѣды явились для государя душевною потребностью. Онѣ продолжались въ послѣдующіе дни, и имѣли вліяніе на нѣкоторыя мѣропріятія императора Александра, клонившіяся къ водворенію и поддержанію спокойствія въ Европѣ.

Изъ Гейльброна Александръ 25-го Мая (6-го Іюня) переѣхалъ въ Гейльбергъ, гдѣ находилась главная квартира союзной арміи. Государь поселился въ загородномъ домикѣ англичанина Пикфорда.

Начались совѣщанія насчетъ разработки общаго плана военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Трусливые австрійцы, по обыкновенію, предлагали медленный образъ дѣйствій. Государь возражалъ, опровергалъ. Князь Шварценбергъ стоялъ на своемъ. Пошли споры, пререканія. Дѣло стало затягиваться, а между тѣмъ Наполеонъ приступилъ къ наступательнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Онъ перешелъ съ своими войсками бельгійскую границу и при Линьи встрѣтился съ Блюхеромъ.

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I-й, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 324—326.

Прусскій главнокомандующій рѣшился, во чтобы то ни стало, дать сраженіе. Подождавъ появленія англійскихъ войскъ до тѣхъ поръ, пока это было возможно для его пылкаго, нетерпѣливаго характера и убѣдившись, что Веллингтонъ не посылаетъ ему подкрѣпленій, Блюхеръ сперва выбранилъ англичанъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а затѣмъ отдалъ приказаніе атаковать французовъ. Пруссаки бросились на непріятелей. Французы, выдержавъ нападеніе враговъ, въ свою очередь устремились на ослабѣвшій непріятельскій центръ и начали рвать его. Боевая линія Блюхера была тотчасъ же сломлена и отступленіе пруссаковъ быстро обратилось въ поспѣшное бѣгство. Самъ Блюхеръ не успѣлъ пересѣсть съ раненаго коня на другую лошадь. Бѣглецы въ суматохѣ сшибли его съ ногъ, и онъ нѣсколько времени пробылъ въ безсознательномъ состояніи. Офицеры прусскаго штаба считали своего фельдмаршала убитымъ, или же взятымъ въ плѣнъ. Пруссаки потеряли до 20,000 человѣкъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти. Врачамъ пришлось порядкомъ возиться съ Блюхеромъ, чтобы поставить его на ноги. Пруссаки поспѣшно отступали всю ночь и весь слѣдующій (17-го Іюня н. ст.) день.

Извѣстіе о пораженіи Блюхера при Линьи подѣйствовало на австрійцевъ, какъ неожиданный громовой ударъ. Уныніе и страхъ распространились въ главной квартирѣ. Утверждаютъ, что даже лица, приближенныя къ Александру, упали духомъ и съ трепетомъ ожидали извѣстій о новыхъ успѣхахъ Наполеона. Одинъ только государь не поддался всеобщей тревогѣ, охватившей всю союзную главную квартиру. Исполненный вѣры въ божественное покровительство, онъ убѣждалъ своихъ смущенныхъ союзниковъ ободриться и смѣло выступить противъ непріятеля. Александръ обѣщалъ имъ несомнѣнную побѣду. И предсказаніе государя скоро исполнилось.

Разбивши Блюхера, Наполеонъ вообразилъ, что пруссаки разгромлены окончательно и что они отступаютъ въ другую сторону отъ арміи Веллигнтона. Отдѣлавшись отъ одного врага, онъ хотѣлъ поскорѣе напасть на другого. Наполеонъ сталъ искать встрѣчи съ Веллингтономъ, чтобы атаковать его. И этого онъ очень скоро достигъ. 18-го Іюня новаго стиля Наполеонъ уже встрѣтился съ Веллингтономъ при деревнѣ Ватерлоо. Здѣсь произошла знаменитая и послѣдняя битва Наполеона. Она длилась почти цѣлый день.

Веллингтонъ не сталъ, какъ Блюхеръ, нападать на французовъ, а, занявши возвышенную позицію, рѣшился только отражать ихъ. Начались французскія атаки. Одна атака была быстрѣе и рѣшительнѣе другой, но всѣ онѣ сокрушались о стойкость англичанъ, рѣшившихся не вступать въ окончательный бой безъ пруссаковъ. Отражая атаки французовъ, англичане все время стояли на одномъ мѣстѣ, не отступали ни на шагъ. Веллингтонъ то и дѣло посылалъ записки къ Блюхеру съ просьбою, чтобы онъ скорѣе приходилъ къ нему на помощь. Ряды англичанъ рѣдѣли. Къ концу дня силы Веллингтона замѣтно истощились. Французы уже были увѣрены въ побѣдѣ, какъ вдругъ на правомъ ихъ крылѣ появился прусскій корпусъ. Вслѣдъ за нимъ подошелъ съ главными силами и самъ Блюхеръ, успѣвшій уже оправиться послѣ сраженія при Линьи. Обстоятельства разомъ измѣнились. Наполеонъ увидѣлъ, что теперь французы не въ силахъ устоять противъ соединенныхъ армій Блюхсра и Веллингтона. Французская армія была уже разстроена боемъ и значительно уступала въ численности своемъ противникомъ. Надо было отступить, но это оступленіе было гибельно для Наполеона. И Бонапартъ рѣшился сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе. Онъ рѣшился поставить на карту все и посмотрѣть, не удастся-ли еще выиграть сраженіе. Онъ двинулъ въ дѣло послѣдніе свои резервы — старую и, такъ называемую, среднюю гвардію.

Это были отборныя войска, выработанныя Наполеономъ въ теченіе всей боевой своей карьеры. Большинство рядовыхъ вышли изъ крестьянскаго сословія. Не отличаясь изящною внѣшностью, они тѣмъ не менѣе являлись превосходною боевою машиной. Высокія мѣховыя шапки и длинные усы придавали имъ еще болѣе грозный видъ. Это былъ рослый, сильный и ловкій народъ, прекрасно обученный и привыкшій соблюдать строгую дисциплину. Гвардейцевъ хорошо кормили и платили имъ хорошее жалованье. Императоръ являлся для нихъ единственнымъ кумиромъ, а казармы замѣняли имъ родину. Имъ надлежало дать вождя, который снискалъ уже ихъ уваженіе. И команда надъ ними предоставлена была храбрѣйшему генералу-маршалу Нею.

Веллингтонъ, извѣщенный перебѣжчикомъ о предстоявшей новой атакѣ, поспѣшно приготовилъ свои войска къ ней. Онъ выдвинулъ бригаду Мейтланда, чтобы встрѣтить французовъ съ фронта, а самъ съ баттареей расположился нѣсколько правѣе. Едва только успѣлъ онъ предупредить свои войска объ атакѣ, какъ появилась уже головная часть французской колонны. Англійскія баттареи привѣтствовали ее залпомъ, причемъ подъ Неемъ была убита пятая въ этотъ день по счету лошадь. Французы понесли небольшой уронъ. Они продолжали стойко идти впередъ, вмѣстѣ съ Неемъ, который шелъ теперь пѣшкомъ, рядомъ съ ними. Англійскіе гвардейцы лежали за гребнемъ холма, французы видѣли передъ собою лишь нѣсколькихъ офицеровъ верхомъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Веллингтонъ. Это ихъ очень изумляло, но все-таки они продолжали стойко наступать и находились уже въ двадцати шагахъ отъ англичанъ, когда раздался голосъ герцога, скомандовавшій: „вставай! Пли!...“ Англичане вскочили и дали залпъ, отъ котораго выбыло у французовъ изъ строя до 300 человѣкъ. Однако замѣшательства отъ этого не произошло. Обѣ стороны начали обмѣниваться залпами, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока

англичане не повели контръ-атаки. Тогда только французы отступили.

Вторая атака была еще неудачнѣе первой. Союзники начали осыпать пулями французскихъ гвардейцевъ во флангъ и съ фронта. Передніе ряды французовъ, отстрѣливаясь, мужественно подвигались впередъ. Приказано было ударить въ штыки. Съ громкимъ „ура“ бросились они на французовъ. Изъ сильно порѣдѣвшихъ рядовъ французской гвардіи грянуло въ отвѣтъ: „да здравствуетъ императоръ!“ Она продолжала идти впередъ, поражаемая во флангъ выстрѣлами почти въ упоръ... Произошло страшное столкновеніе. Французы подались назадъ. Затѣмъ въ ихъ рядахъ обнаружилось замѣшательство. Послышались крики: „спасайся, кто можетъ!“ и отступленіе обратилось въ безпорядочное бѣгство.

Въ то время, когда гвардія ходила въ атаку, Наполеонъ ѣздилъ взадъ и впередъ съ Россомскаго холма на ближайшую ферму и обратно. Лицо его все болѣе омрачалось. Подъ конецъ, когда началась паника, а войска стали бѣжать мимо него въ разсыпную, онъ принялся неистово кричать, чтобы они остановились. Никто, однако, его не слушалъ. Когда подошло послѣднее каре его лейбъ-гвардейцевъ, онъ самъ укрылся въ ихъ рядахъ. Гвардейцы, мужественно отражая всѣ нападенія преслѣдователей союзниковъ, не отвѣчали на ихъ выстрѣлы, сыпавшіеся на нихъ съ разныхъ сторонъ. Они безмолвно продолжали оступать. Молчаніе прерывалъ лишь самъ Наполеонъ, изрѣдка обращавшійся съ какимъ нибудь замѣчаніемъ къ своему брату Жерому, или къ кому нибудь изъ офицеровъ. Преслѣдованіе велось съ такою энергіею, что всякая надежда на возможность привести разстроенныя войска въ порядокъ исчезла. У самаго Наполеона обнаруживался къ тому же полнѣйшій упадокъ силъ, такъ что на него жалко было смотрѣть. Глаза его неподвижно уставились вдаль, голова качалась изъ стороны въ сторону, и самъ онъ находился

почти въ безчувственномъ состояніи. Его усадили на лошадь поддерживали съ обѣихъ сторонъ на сѣдлѣ. Раздобывъ на разсвѣтѣ два маленькихъ экипажа, Наполеонъ и его свита продолжали свой путь на почтовыхъ. Въ Лаонѣ генералы настояли, чтобы Бонапартъ ѣхалъ прямо въ Парижъ.

— „Я послѣдую вашему совѣту и поѣду въ Парижъ",— возразилъ онъ,—„но чувствую, что вы заставляете меня сдѣлать глупость. Настоящее мое мѣсто здѣсь".

Въ Парижъ Наполеонъ въѣхалъ ночью и робко удалился въ Елисейскій дворецъ, находившійся тогда въ предмѣстьѣ.

На утро императоръ всталъ разбитымъ. Онъ едва держался на ногахъ и шатался, какъ бы подъ вліяніемъ мѣстныхъ нервныхъ параличей. На предложенія и вопросы маршаловъ, бывшихъ около него, онъ отвѣчалъ неопредѣленно, нерѣшительно, неясно. Постепенно начали съѣзжаться во дворецъ члены государственнаго совѣта. По мѣрѣ того, какъ у Наполеона яснѣе обнаруживался упадокъ силъ, они становились все смѣлѣе и смѣлѣе. Они, наконецъ, дошли до того, что заговорили о необходимости для императора отречься еще разъ отъ престола. Представители народа—палаты потребовали того же. Императору было объявлено, что если онъ не выполнитъ ихъ требованія,—будетъ объявленъ внѣ закона. Наполеонъ сперва было страшно разсердился, но послѣ полудня подписалъ окончательное свое отреченіе отъ французскаго престола. Въ Парижѣ послѣ этого тотчасъ же было объявлено временное правительство. 25-го Іюня новаго стиля Наполеонъ уѣхалъ въ Мальмезонъ. Тутъ онъ, въ обществѣ своей падчерицы, королевы Гортензіи и нѣкоторыхъ вѣрныхъ друзей, прожилъ цѣлыхъ четыре дня въ самомъ грустномъ настроеніи. Изъ Мальмезона онъ отправился въ Рошфоръ. Отсюда Наполеонъ хотѣлъ уѣхать въ Америку, но потомъ завелъ переговоры съ англичанами, прося у нихъ себѣ пріюта. Тѣмъ временемъ союзники начали вступать въ Парижъ. Людовикъ XVIII снова возсѣлъ

на престолѣ своихъ предковъ. Блюхеръ отправилъ въ погоню за Наполеономъ отрядъ пруссаковъ, съ приказанiемъ схватить и разстрѣлять бывшаго французскаго императора тутъ же на мѣстѣ.

Все это ускорило рѣшенiе Наполеона. Бывшiй французскiй императоръ положился на „великодушiе Англiи“ и 15-го Iюля прибылъ на англiйскiй корабль „Беллерофонъ“, гдѣ его встрѣтили со всѣми почестями... Но Наполеону скоро пришлось разочароваться. Вмѣсто прiюта и убѣжища онъ нашелъ въ „великодушной Англiи“ тюрьму. Съ согласiя своихъ союзниковъ она отправила бывшаго императора въ пожизненную ссылку на островъ св. Елены—самый отдаленный, затерянный въ океанѣ, уголокъ земнаго шара.

Со времени высадки Наполеона до его отреченiя прошло съ небольшимъ три мѣсяца. Поэтому владычество его за это время извѣстно въ исторiи подъ названiемъ „*ста дней*“...

По полученiе извѣстiя о рѣшительной побѣдѣ при Ватерлоо, союзные монархи и ихъ армiи двинулись къ Парижу. Не доѣзжая до Сенъ-Дизье императоръ Александръ встрѣтилъ курьера, посланнаго изъ Парижа генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ. Послѣднiй доносилъ государю, что прусская и англiйская армiи вступили уже въ Парижъ и что Веллингтонъ проситъ его поскорѣе прибыть въ французскую столицу для улаженiя тамошнихъ дѣлъ.

Тогда государь немедленно рѣшился опередить армiю. Сопровождаемый королемъ прусскимъ, императоромъ австрiйскимъ и свитою, онъ 27-го Iюня (9-го Iюля) выѣхалъ изъ Сенъ-Дизье. Всѣ помѣстились въ девяти экипажахъ; положено было не отставать другъ отъ друга и ѣхать вмѣстѣ.

28-го Iюня (10-го Iюля) императоръ Александръ благополучно достигъ Парижа и остановился въ Елисейскомъ дворцѣ. Когда парижане, не ожидавшiе такъ скоро увидѣть государя, узнали его, то взывали въ восторгѣ: „вотъ Александръ, вотъ нашъ избавитель!“ Черезъ полчаса во дворецъ

прибылъ Людовикъ XVIII, возвратившійся уже въ Парижъ подъ покровительствомъ иностранныхъ штыковъ. На этотъ разъ король безъ всякой важности первымъ поспѣшилъ привѣтствовать покровителя Франціи. Оба монарха провели вмѣстѣ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнаты, въ которой бѣсѣдовали, то на государѣ была голубая лента ордена Св. Духа. Король, обратившись къ стоявшимъ тамъ русскимъ, сказалъ императору: „Ваше Величество, объявите этимъ господамъ, что на васъ не лента святого Андрея Первозваннаго“. Они разстались ласковѣе и дружелюбнѣе, нежели встрѣтились.

Прибытіе императора Александра успокоило жителей Парижа. Онъ запретилъ Блюхеру взрывать Іенскій мостъ, къ чему пруссаки дѣлали уже необходимыя приготовленія. Онъ уменьшилъ контрибуцію, наложенную на Парижъ прусскимъ главнокомандующимъ. Александръ, наконецъ, явился защитникомъ цѣлости Франціи противъ неумѣренныхъ требованій своихъ союзниковъ.

Государь жилъ въ Парижѣ очень уединенно. Вставалъ онъ обыкновенно въ 8 часовъ и, отдавши приказанія князю Волконскому, гулялъ по тѣнистому саду. Тутъ въ хорошую погоду онъ занимался и дѣлами, для чего въ садъ былъ перенесенъ его письменный столъ. Обѣдалъ императоръ не позднѣе двухъ часовъ, съ великими князьями, приглашалъ къ своему столу то князя Волконскаго, то кого-нибудь другаго. Государь ходилъ по Парижу пѣшкомъ, иногда одинъ, прогуливался по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденіи одного только конюшаго. Онъ ѣздилъ по городу въ каретѣ, запряженной двумя лошадьми, съ двумя лакеями французами и съ кучеромъ, также французомъ. Вечера по большей части государь проводилъ дома или у баронессы Криденеръ, занимаясь тамъ душеспасительными разговорами. Къ этому времени относится заключеніе *Священнаго союза.* Помимо обыкновенныхъ политическихъ догово-

ровъ, императоръ Александръ намѣревался скрѣпить общую связь государствъ актомъ, основаннымъ на непреложныхъ истинахъ Божественнаго ученія. Онъ хотѣлъ создать союзъ, который бы связалъ государей и народы братскими узами, освященными религіей, и былъ бы для нихъ, какъ Евангеліе, обязателенъ по совѣсти, по чувству и по долгу. Однажды императоръ Александръ сказалъ г-жѣ Криденеръ: „Я покидаю Францію, но до своего отъѣзда хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которой мы обязаны Ему за оказанное намъ покровительство, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелію. Я принесъ вамъ проектъ этого акта и прошу васъ внимательно разсмотрѣть его, и если вы не одобрите въ немъ какого-нибудь выраженія, то укажите мнѣ его. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мной въ этомъ актѣ благопочтенія, чтобы люди видѣли, что мы, какъ восточные волхвы, признаемъ верховную власть Бога Спасителя. Вы присоединитесь ко мнѣ въ молитвѣ Богу, чтобы мои союзники были расположены подписать его".

По этому договору, задуманному и составленному Александромъ, всѣ государи, подписавшіе его, обязывались „какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волей царей и ихъ дѣяніями".

Проектъ договора братскаго христіанскаго союза государь написалъ самъ и отдалъ графу Каподистріи облечь его въ обычную форму. „Сущности отнюдь не измѣняйте",— сказалъ государь,—„это мое дѣло; я началъ и съ Божіею помощію докончу"... Каподистрія осмѣлился замѣтить, что въ лѣтописяхъ дипломатіи не встрѣчается подобнаго акта,

и что его величество могъ бы господствующую мысль этого акта выразить въ деклараціи или въ манифестѣ. Александръ отвѣчалъ, что рѣшеніе его неизмѣнно, что онъ беретъ на себя получить для этого акта подписи его союзниковъ, императора Австрійскаго и короля Прусскаго. Что же касается Франціи, Англіи и другихъ дворовъ, то это, сказалъ ему государь: „будетъ уже ваше дѣло".

Когда актъ Священнаго союза былъ готовъ, императоръ Александръ собственноручно переписалъ его и скрѣпилъ. Подписавшись подъ нимъ самъ, онъ предложилъ то же самое сдѣлать королю прусскому и императору австрійскому. Фридрихъ-Вильгельмъ охотно изъявилъ согласіе сдѣлаться членомъ Священнаго союза, но императоръ Францъ отнесся къ предложенію нашего государя гораздо сдержаннѣе. Онъ подписалъ подъ договоромъ лишь тогда, когда Меттернихъ увѣрилъ его, что на этотъ проектъ слѣдуетъ смотрѣть не иначе какъ на безобидную болтовню [1]). Впослѣдствіи актъ Священнаго союза подписали всѣ европейскіе государи, кромѣ папы и турецкаго султана.

Съ самаго появленія въ Парижѣ союзниковъ, назначенъ былъ совѣтъ изъ уполномоченныхъ Россіи, Пруссіи, Австріи и Англіи для опредѣленія условій *второго Парижскаго мира.* Александръ все время стоялъ за выгоды Франціи. Пруссія предлагала отнять у Франціи Эльзасъ и Лотарингію вмѣстѣ съ линіею сѣверныхъ крѣпостей. Государь рѣшительно возсталъ противъ этого. Онъ говорилъ, что державы сами заявляли, что единственною цѣлью войны было ниспроверженіе Наполеона и возвращеніе къ порядку, установленному Парижскимъ миромъ. Но Австрія, Англія и Пруссія продолжали требовать раздробленія Франціи. Тогда Людовику XVIII посовѣтовали написать императору Александру письмо, въ которомъ бы старый король объявилъ, что онъ слагаетъ

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ первый, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 344 и 346.

съ себя корону, предпочитая лучше лишиться престола, нежели властвовать надъ Франціею, униженною и раздробленною. Король послѣдовалъ совѣту. Государь, получивъ письмо, предъявилъ его его своимъ союзникамъ. Пруссія и Австрія отказались отъ своихъ требованій. Англія послѣдовала ихъ примѣру и неприкосновенность границъ была почти спасена.

По условіямъ второго Парижскаго мира, подписаннаго только 8-го (20-го) Ноября 1815 года, Франція понесла самыя незначительныя земельныя потери. Она лишилась двухъ крѣпостей со стороны Нидерландовъ и стольких же—со стороны Германіи. Помимо этого она должна была уплатить 700 милліоновъ франковъ военной контрибуціи и содержать на свой счетъ 150,000 иностраннаго войска въ 17-ти сѣверо-восточныхъ своихъ крѣпостяхъ. Срокъ стоянки союзныхъ войскъ назначенъ былъ пятилѣтній, но онъ могъ быть сокращенъ и на трехлѣтній, если Франція окажется способной сама охранять свои права и свою безопасность. Главнокомандующимъ этихъ войскъ былъ назначенъ герцогъ Веллингтонъ. — Изъ контрибуціи на долю Россіи приходилось только 100 милліоновъ франковъ. — Предметы изящныхъ искусствъ, захваченные французами со временъ революціонныхъ войнъ, были возвращены теперь прежнимъ ихъ владѣльцамъ.

Въ Сентябрѣ императоръ Александръ оставилъ Парижъ, увѣренный, что онъ сдѣлалъ свое дѣло, — освободилъ Германію отъ французовъ, низложилъ Наполеона и, насколько возможно, возстановилъ спокойствіе въ Европѣ.

Наполеонъ на островѣ Св. Елены [1]).

I.

После второго своего отреченія отъ французскаго престола, Наполеонъ, побывавши въ Мальмезонѣ, отправился въ Рошфоръ. Онъ остановился въ префектурѣ [2]) и тотчасъ приступилъ къ принятію мѣръ для своего бѣгства. Одни изъ приближенныхъ его совѣтовали ему отправиться въ Америку, а другіе — отдаться въ руки англичанъ. Они думали, что если Наполеонъ добровольно отдастся англичанамъ, то послѣдніе окажутъ императору гостепріимство и дозволятъ ему жить въ Англіи, какъ частному человѣку. Особенно горячо высказывался въ пользу англійскаго проекта генералъ Гурго. Наполеонъ не зналъ, на что рѣшиться. Во время бесѣды объ этомъ важномъ предметѣ вдругъ въ окно комнаты влетѣла птица.

— „Это къ счастью",—сказалъ Гурго, поймавъ ее.

— „Довольно несчастныхъ на свѣтѣ",—отвѣчалъ Наполеонъ,—„отпустите ее на свободу... Послѣдуемъ ея примѣру, посмотримъ, куда она полетитъ".

Птица прямо полетѣла къ англійскимъ кораблямъ, виднѣвшимся на морѣ.

---

[1]) Эта глава составлена по «дневнику генерала Гурго», появившемуся въ прошломъ году, по «Жизнеописанію Наполеона I-го», сочин. Вилліама Сидона и по Тьеру.

[2]) Префектура—жилище и канцелярія префекта—правителя департамента во Франціи.

Наполеонъ рѣшилъ отдаться англичанамъ. Онъ послалъ письмо Георгу IV, англійскому регенту, начинавшееся словами: „Подобно Ѳемистоклу, не желая принимать участіе въ бѣдствіяхъ своей родины, я прошу у васъ убѣжища". Посланный еще не вернулся, когда императору донесли, что Блюхеръ послалъ цѣлый отрядъ пруссаковъ съ приказаніемъ поймать его и разстрѣлять на мѣстѣ. Тогда Наполеонъ, не дожидаясь отвѣта изъ Англіи, прибылъ (15-го Іюля н. ст.) на англійскій корабль „Беллерафонъ". Онъ добровольно сдался англичанамъ, надѣясь на ихъ „великодушіе".

Но бывшій французскій и эльбскій императоръ жестоко обманулся въ своихъ разсчетахъ. Англійское правительство не желало и не ожидало такого оборота дѣлъ. Оно думало, что всего лучше, если бы Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, какъ бунтовщикъ, Людовикомъ XVIII. Оно не знало, что съ нимъ дѣлать и обратилось за совѣтомъ къ союзнымъ державамъ. Послѣднія, признавъ Наполеона совмѣстнымъ своимъ плѣнникомъ, уполномочили Англію пріискать для него такое мѣсто заточенія, гдѣ бы бывшій императоръ былъ никому не опасенъ. Австрія, Россія и Пруссія предоставили себѣ только право посылать туда своихъ коммиссаровъ, которые могли бы убѣдиться, что онъ дѣйствительно содержится въ надлежащей сохранности. Тогда Англія положила отправить *„генерала Наполеона Бонапарта"* на островъ св. Елены „для содержанія его тамъ подъ строгимъ надзоромъ".

Рѣшеніе это было сообщено 31-го іюля бывшему императору на „Беллерафонѣ". Оно было прочитано ему на французскомъ языкѣ. Наполеонъ выслушалъ его съ полнѣйшимъ самообладаніемъ.

На вопросъ: „имѣетъ ли онъ что-нибудь возразить противъ такого рѣшенія?"—бывшій императоръ безъ всякаго гнѣва, или горечи объявилъ, что протестуетъ противъ этого приговора передъ самимъ англійскимъ народомъ. Онъ ска-

залъ, что добровольно отдался Англіи, разсчитывая воспользоваться правами гостя. Онъ имѣлъ въ виду даже поселиться въ Англіи и, съ теченіемъ времени, пріобрѣсти тамъ права гражданства. На островѣ св. Елены ему не выжить. Онъ привыкъ ѣздить верхомъ верстъ по тридцати въ день, а тамъ, на маленькой скалѣ, лежащей на самомъ концѣ свѣта, подобныя прогулки немыслимы. Онъ могъ бы отправиться къ своему тестю, или къ русскому государю, но вмѣсто того, онъ предпочелъ довѣриться британскому гостепріимству. Хотя и побѣжденный, онъ все-таки остается монархомъ и заслуживаетъ, чтобы съ нимъ поступали, какъ съ таковымъ. Въ заключеніе Наполеонъ объявилъ, что „онъ не поѣдетъ на островъ св. Елены и что скорѣе, чѣмъ согласится на это, обагритъ своею кровью палубу „Беллерафона“.

Бывшій императоръ спросилъ адмирала Кейта, нѣтъ ли такого судебнаго учрежденія, передъ которымъ можно было бы обжаловать объявленное ему рѣшеніе. Лордъ вѣжливо отвѣтилъ, что такого учрежденія нѣтъ, но что британское правительство, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ все дозволенное благоразуміемъ, чтобы облегчить положеніе знаменитаго своего плѣнника.

— „Какъ прикажете это понять?“—спросилъ Наполеонъ.

— „Безъ сомнѣнія“,—отвѣчалъ Кейтъ,—„св. Елена все-таки лучше, чѣмъ болѣе тѣсное мѣсто заточенія въ Англіи, или же высылка во Францію, или, наконецъ, въ Россію“.

— „Въ Россію?!“—воскликнулъ Наполеонъ, —„Боже меня отъ этого избави!“

Это было, впрочемъ, единственное мгновенье, когда онъ обнаружилъ нѣкоторое возбужденіе. Всѣ очевидцы вышеописанной долгой и тяжелой сцены въ одинъ голосъ говорятъ, что достойное и сдержанное поведеніе Наполеона произвело на нихъ глубокое впечатлѣніе.

Прошла еще недѣля въ пустыхъ переговорахъ и пререканіяхъ. Наконецъ, 7-го августа императоръ съ его свитой,

въ которой между другими находились Бертранъ, Монтолонъ и Ласъ-Казасъ съ семействами и Гурго, былъ переведенъ на корабль „Нортумберлендъ“. Послѣдній тотчасъ снялся съ якоря и направилъ свой путь на островъ св. Елены. 69-ть дней продолжалось это путешествіе. Оно было само по себѣ скучнымъ и не ознаменовалось никакими болѣе или менѣе важными событіями. „Нортумберлендомъ“ командовалъ адмиралъ Кокбурнъ. Адмиралъ былъ человѣкъ требовательный, строгій; но тѣмъ не менѣе между нимъ и знаменитымъ его плѣнникомъ никакихъ ссоръ не происходило. Бывали иногда случайныя недоразумѣнія, за что Наполеонъ въ разговорахъ съ своими приближенными называлъ адмирала „морскою акулой“, но онѣ всегда были скоропреходящи и не оставляли дурныхъ послѣдствій. Кокбурнъ вообще былъ любезенъ какъ съ императоромъ, такъ и съ его свитой.

Во все время пути Наполеонъ былъ большею частью задумчивъ. Каждое утро онъ подолгу читалъ, писалъ и диктовалъ Гурго свои воспоминанія объ египетской и итальянской компаніяхъ. По вечерамъ Наполеонъ занимался азартными играми на маленькія ставки, игралъ въ шахматы и игралъ очень плохо. Онъ строго соблюдалъ предписанную ему врачами діэту, ежедневно прогуливался по палубѣ и вообще велъ правильный образъ жизни. Здоровье его улучшилось. Бывшій императоръ чувствовалъ себя довольнымъ и какъ бы примирился съ своею участью.

II.

15-го Октября н. ст. пассажиры „Нортумберленда“ увидали передъ собой островъ св. Елены. Наполеонъ воскликнулъ: „Некрасивое это мѣсто, лучше было бы мнѣ не возвращаться изъ Египта: я былъ бы теперь императоромъ всего Востока“.

Дѣйствительно, островъ св. Елены не изъ особенно пріятныхъ мѣстностей. Онъ представляетъ собою обрывистую

вершину потухшаго вулкана, вздымающуюся на 2,700 фут. надъ поверхностью моря. Островъ занимаетъ протяженіе около ста квадратныхъ верстъ. Берегъ его почти всюду опускается къ морю неприступными кручами. Климатъ острова не вездѣ здоровый. На немъ тогда было около пяти тысячъ жителей смѣшаннаго племени [1]). Кругомъ острова, по распоряженію англійскаго правительства, постоянно крейсировало значительное число военныхъ кораблей. Ни одно подозрительное судно не могло къ нему приблизиться. Островъ св. Елены—большая тюрьма. Бѣгство изъ нея было почти невозможно. Наполеонъ высадился на берегъ этого острова 18-го Октября 1815 года.

Резиденціей знаменитому плѣннику назначенъ былъ домъ, находившійся въ самой серединѣ острова, въ усадьбѣ „Лонгвудъ". Домъ былъ великъ, но совершенно неприспособленъ къ жилью болѣе или менѣе знатнаго человѣка. Его не успѣли ремонтировать даже и наскоро. Пока занимались передѣлкою и отдѣлкою его, Наполеонъ поселился, въ качествѣ гостя, на дачѣ одного торговца, мистера Балькомба. Днемъ часовые и патрули держались въ шести стахъ шагахъ отъ этой дачи, а ночью цѣпь часовыхъ стягивалась къ самому дому. Два раза въ сутки начальникъ караула долженъ былъ лично убѣждаться въ томъ, что плѣнникъ находится дѣйствительно на лицо. Приняты были всѣ мѣры, чтобы устранить для Наполеона возможность всякихъ тайныхъ сношеній съ населеніемъ острова, или же съ внѣшнимъ міромъ. Наполеонъ жаловался на свое положеніе. „Это ужасный островъ",— говорилъ онъ,—„мы тутъ въ совершенной тюрьмѣ и всѣ должны громко протестовать противъ такого недостойнаго обращенія съ нами". Однако самъ пока воздерживался отъ всякихъ личныхъ жалобъ, говоря: „я или приказываю, или молчу".

[1]) Отъ острова св. Елены до Лондона насчитывается 6,000 верстъ, до берега Африки—720, а до ближайшаго пункта въ Южной Америкѣ—около 8,000 верстъ.

Во время своего дачнаго житья Наполеонъ много диктовалъ Гурго объ осадѣ Тулона и другихъ событіяхъ своей юности. Въ свободное время онъ часто болталъ съ двумя хозяйскими дочерями, умѣвшими хорошо говорить по-французски. Дѣвицы, не стѣсняясь, заходили къ падшему императору, наивно разспрашивали его объ его возрастѣ, объ его положенія и нерѣдко играли ему итальянскія аріи на очень плохомъ, негармоничномъ инструментѣ. Наполеонъ слушалъ и отвѣчалъ на ихъ наивные вопросы съ крайней добротой.

Съ своими приближенными бывшій императоръ иногда обращался безцеремонно. Бертрана, который былъ у него великимъ маршаломъ, онъ не разъ называлъ дуракомъ. И когда послѣдній обижался и возражалъ ему, — Наполеонъ гнѣвно кричалъ: „Въ Тюльери вы такъ со мною не говорили бы. Все, что я тогда дѣлалъ, было хорошо. Погодите, скоро вамъ всѣмъ дозволятъ вернуться во Францію“.

Дачная жизнь Наполеона протекла, сравнительно, мирно, но печально. Въ это время прибыла первая почта изъ Европы. Всѣ изгнанники получили отъ своихъ родныхъ и знакомыхъ извѣстія. Одинъ только Наполеонъ не получилъ извѣстій отъ своей семьи. Его мать, братья и сестры, разсѣявшіеся, разбѣжавшіеся, принужденные скрываться, не могли найти средствъ писать ему. Жена его, Марія-Луиза и не думала даже сообщить ему объ его сынѣ. Извѣстіями, интересными для него, были извѣстія газетныя. Онѣ говорили ему о Франціи съ большими подробностями. Изъ газетъ онъ узналъ о многочисленныхъ изгнаніяхъ, объ арестахъ среди людей, наиболѣе ему преданныхъ. Все это волновало Наполеона, безпокоило, мучило.

III.

10-го Декабря Наполеонъ оставилъ дачу мистера Балькомба. Онъ простился съ семьей, такъ радушно принявшей

его и подарилъ нѣсколько денегъ на приданое дѣвицамъ. Наполеонъ поѣхалъ въ Лонгвудъ верхомъ, имѣя съ одной стороны адмирала Кокбурна, а съ другой — великаго маршала Бертрана. Онъ былъ, какъ всегда, въ гвардейскомъ мундирѣ. Этотъ переѣздъ очень понравился ему. Прибывъ въ Лонгвудъ, Наполеонъ нашелъ подъ ружьемъ 53-й англійскій полкъ, который стоялъ лагеремъ по сосѣдству. Адмиралъ представилъ ему офицеровъ полка и потомъ провелъ его въ домъ, назначенный ему для жилья. Домъ былъ просторенъ, но очень скромно меблированъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ былъ доволенъ имъ и благодарилъ адмирала. У Наполеона было нѣсколько комнатъ—для спанья, работы, пріема приближенныхъ. Въ одной комнатѣ онъ велѣлъ поставить свою походную кровать, въ другой — размѣстить его книги и повѣсить передъ глазами портретъ сына и портреты нѣкоторыхъ членовъ своей семьи. Позади этихъ комнатъ находились большая столовая, пріемный залъ и другія комнаты. Это все, чего желалъ бывшій императоръ для своего помѣщенія.

Приближенные Наполеона, добровольно раздѣлявшія съ нимъ изгнаніе, помѣстились въ отдѣльныхъ флигеляхъ.

Надзоръ за высокимъ плѣнникомъ былъ здѣсь гораздо строже, чѣмъ на дачѣ мистера Балькомба. Вокругъ Лонгвуда проведена линія, обнимавшая въ окружности до четырехъ миль. Внутри этой линіи императоръ могъ ходить свободно, но за нею всегда его долженъ былъ сопровождать конный англійскій офицеръ.

Въ 9 часовъ вечера часовые приближались къ дому Наполеона и такъ его окружали, что никто не могъ пройти между ними. Дежурный офицеръ долженъ былъ два раза въ день видѣть узника. На выдающихся пунктахъ острова былъ устроенъ телеграфъ, чтобы сообщать въ домъ губернатора все, что могло бы случиться важнаго въ Лонгвудѣ. Часовой, стоявшій на самомъ возвышенномъ пунктѣ острова, откуда

открывался видъ на двѣнадцать миль на море, долженъ былъ сообщать въ гавань о приближеніи всякаго судна, какъ только оно будетъ имъ замѣчено. Военный бригъ выходилъ ему на встрѣчу, вводилъ его въ гавань и не допускалъ ни человѣку, ни вещи перейти на берегъ безъ предварительнаго освидѣтельствованія. Корабли, шедшіе изъ какой бы то ни было страны, должны были, приставая къ острову, отдавать письма и пакеты, предназначенные для обитателей Лонгвуда, только черезъ посредство губернатора. При отъѣздѣ они не могли никого взять на судно безъ позволенія того же самаго губернатора. Отъѣзжавшіе пассажиры и вещи ихъ подвергались всегда тщательному осмотру.

Всѣ эти порядки, всѣ эти строгости раздражали падшаго императора. „Вѣрьте“,—говорилъ онъ своей свитѣ, — „что имъ (англичанамъ) приказано меня убить подъ предлогомъ какой-нибудь ошибки. Ахъ, я знаю англичанъ! Адмиралъ— просто убійца“. При свиданіи съ послѣднимъ—съ Кокбурномъ Наполеонъ рѣзко выговаривалъ ему за то, что разставлены были всюду, часовые, что у его свиты отняты ружья и что прибывшимъ съ нимъ не дозволяютъ безъ конвоя ходить въ городъ. „Потомство“,—воскликнулъ онъ, наконецъ,—„упрекнетъ Англію въ томъ, что меня оставили жить два мѣсяца у Балькомба въ одной комнатѣ, очень плохо расположенной, и не давали мнѣ даже возможности брать ванну“.

Адмиралъ старался свалить всю вину на губернатора, полковника Вилькса.

— „Ахъ“,—замѣтилъ на это Наполеонъ,—„губернаторъ, человѣкъ благоразумный, говоритъ противоположное“.

Адмиралъ обѣщалъ улучшить, насколько возможно, положеніе Наполеона и его свиты, но отказался разрѣшить прогулки императора за предѣлы Лонгвуда безъ присмотра. За Наполеономъ на разстояніи тридцати или сорока шаговъ всегда шелъ англійскій офицеръ въ статской, впрочемъ, одеждѣ.

IV.

Жизнь въ Лонгвудѣ установилась однообразная, скучная. Наполеонъ диктуетъ свои воспоминанія и замѣтки по различнымъ предметамъ, читаетъ всевозможныя книги, играетъ въ карты и шахматы и учится англійскому языку. Вечера онъ проводилъ большею частью въ разнообразныхъ разговорахъ съ своими приближенными. Иногда онъ игралъ съ дѣтьми г.г. Бертранъ и Монтолонъ, заставлялъ ихъ читать басни Лафонтена, объяснялъ ихъ и совѣтовалъ дѣтямъ трудиться. Одинъ изъ сыновей г. Монтолонъ пожаловался ему разъ, что его заставляютъ работать каждый день.

— „А ты, мой другъ",—сказалъ ему Наполеонъ,—„ѣшь каждый день?"

— „Да сэръ".

— „Ну, такъ какъ ты ѣшь каждый день, то и работать надобно каждый день".

Если императоръ ложился рано спать,—сонъ его всегда былъ безпокойный, прерывающійся. Въ этомъ случаѣ Наполеонъ всегда вставалъ, читалъ, диктовалъ, если подъ рукою былъ Маршанъ — главный его лакей, мѣнялъ постель. Прокоротавъ кое-какъ ночь, императоръ, при восходѣ солнца, садился на лошадь, и начиналъ кружиться въ „своемъ адскомъ кругу", какъ онъ выражался.

Наполеонъ катается верхомъ, устраивая иногда дѣло такъ, чтобы ускакать отъ слѣдующаго за нимъ англійскаго офицера, ѣздитъ въ коляскѣ по окрестностямъ и гуляетъ пѣшкомъ. Во время этихъ прогулокъ онъ иногда заговариваетъ съ рѣдкими обитателями острова. Въ особенности Наполеонъ любилъ бесѣдовать съ старымъ негромъ, обрабатывавшимъ поле около Лонгвуда и—съ бѣдною вдовой, матерью двухъ дочерей, которыя предлагали ему цвѣты. Иногда императоръ направлялся къ лагерю 53-го англійскаго полка.

Его тамъ всегда хорошо принимали. Солдаты встрѣчали его по солдатски.

Изъ за этихъ прогулокъ постоянно происходили споры съ англичанами. Часовые не разъ хотѣли стрѣлять въ Наполеона, но это не пугало его и онъ продолжалъ бѣсить тюремщиковъ своими выходками.

Но бывали дни и бывали нерѣдко, когда низверженный императоръ совсѣмъ не выходилъ изъ дома. Это бывало тогда, когда дулъ вѣтеръ съ Капской земли. Вѣтеръ былъ сухой, рѣзкій, дѣйствующій самымъ болѣзненнымъ образомъ на нервную систему, склоняющій къ землѣ растенія и деревья. Въ эти дни Наполеонъ запирался, не выходилъ наружу, впадалъ въ глубокую печаль и укорялъ англійское правительство за свою ссылку на этотъ проклятый островъ. „Если хотѣли моей смерти",—говорилъ онъ, — „почему бы не поступить со мной, какъ съ Неемъ! [1]). Для этого достаточно было бы пули въ голову. Европа такъ же злобна, какъ эмигранты; но у нея нѣтъ такой же смѣлости. Она не осмѣлилась бы убить меня, но она смѣетъ заставить меня умереть медленной смертью".

V.

Въ началѣ Апрѣля 1816 года губернаторъ Вильксъ оставилъ островъ св. Елены. Вслѣдъ за нимъ тоже самое долженъ былъ сдѣлать и адмиралъ Кокбурнъ. На мѣсто послѣдняго 14-го Апрѣля прибылъ новый губернаторъ, сэръ Гудсонъ-Лау. Этотъ человѣкъ, по словамъ Бальмена, русскаго коммиссара, „отличался узкимъ умомъ; его пугаетъ и давитъ сознаніе лежащей на немъ отвѣтственности, онъ боится всего и дрожитъ отъ всякаго пустяка, постоянно суетится и съ трудомъ дѣлаетъ то, что другому не стоило

[1]) Ней—извѣстный маршалъ Наполеона—былъ, послѣ второго отреченія послѣдняго, разстрѣлянъ.

бы ни малѣйшаго усилія. Онъ очень скрытенъ и вспыльчивъ. При малѣйшемъ сопротивленіи онъ бѣсится, не знаетъ, что говоритъ и теряетъ голову, такъ что невозможно его образумить. Имѣть съ нимъ дѣло и быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ совершенно невозможно. Онъ убиваетъ всѣхъ булавочными уколами".

Высадившись на берегъ острова св. Елены, Гудсонъ-Лоу тотчасъ же потребовалъ, чтобы адмиралъ Кокбурнъ проводилъ его въ Лонгвудъ и представилъ знаменитому плѣннику. Адмиралъ исполнилъ его требованіе. Но Наполеонъ не принялъ ихъ. Онъ велѣлъ сказать, что онъ нездоровъ и не можетъ никого принять. Новый губернаторъ явился на другой день. Великій маршалъ Бертранъ и генералъ Гурго ввели его къ низложенному императору.

Умѣя узнавать людей съ перваго взгляду, Наполеонъ сразу понялъ, что за особа новый его тюремщикъ. Онъ принялъ Гудсона-Лоу свысока, холодно и только спросилъ его,—сколько лѣтъ онъ служилъ.

— „Двадцать восемь",—отвѣтилъ тотъ.

— „А я старше васъ",—возразилъ высокій узникъ — „я служилъ сорокъ лѣтъ".

Послѣ ухода новаго губернатора, бывшій французскій императоръ сказалъ, что, къ счастію, онъ мало говорилъ, а то бы ему досталось.

Гудсонъ-Лоу обезсмертилъ себя своими безконечными придирчивыми отношеніями къ своему высокому плѣннику. Оскорбленный оказаннымъ ему холоднымъ пріемомъ, новый губернаторъ началъ притѣснять Наполеона съ первыхъ-же дней своего пріѣзда на островъ. Онъ запретилъ всѣмъ торговцамъ и даже частнымъ лицамъ продавать что-нибудь свитѣ Наполеона безъ особаго его разрѣшенія. Онъ приказалъ, чтобы всякое сношеніе лонгвудскихъ обитателей съ внѣшнимъ міромъ происходило только съ его позволенія. Гудсонъ-Лоу постановилъ, чтобы всякое письмо, идущее изъ

Лонгвуда и приходящее туда, шло непремѣнно черезъ его руки. Онъ возобновилъ приказаніе дежурному офицеру не пропускать ни одного дня безъ того, чтобы не видѣть плѣнника собственными глазами.

Этого мало. Гудсонъ-Лоу объявилъ великому маршалу Бертрану, что бывшій императоръ даже въ своемъ саду не можетъ гулять безъ сопровожденія англійскаго офицера. Послѣ одиннадцати часовъ ночи Наполеонъ совсѣмъ не смѣлъ гулять по саду. На замѣчаніе Бертрана, что это распоряженіе его убьетъ императора губернаторъ отвѣтилъ: „никто не хочетъ убивать его, а онъ самъ себя убиваетъ".—Когда послѣ этого Гудсонъ-Лоу посѣтилъ Наполеона, —послѣдній стыдилъ его за недостойное поведеніе „вы больше ничего",— сказалъ въ заключеніе императоръ, — „какъ тюремщикъ, и если когда-нибудь силой вздумаете войти ко мнѣ, то увидите, что это невозможно, а если позовете къ себѣ на помощь солдатъ, то они войдутъ сюда, только перешагнувъ черезъ мой трупъ".

Губернаторъ вышелъ отъ Наполеона весь красный.

Вскорѣ послѣ этого проѣздомъ изъ Индіи въ Европу остановился на островѣ св. Елены лордъ Моаръ. Это былъ губернаторъ Индіи. Лорду и особенно супругѣ его лэди Моаръ ужасно хотѣлось видѣть низверженнаго императора. Но какъ этого достигнуть?... Идти и просить великаго маршала Бертрана, чтобы онъ доложилъ объ этомъ Наполеону... Но вдругъ послѣдній откажетъ имъ въ своемъ свиданіи, не приметъ ихъ... Обидно... И вотъ Гудсонъ-Лоу присылаетъ маршалу Бертрану приглашеніе къ себѣ на обѣдъ, говоря, что если *генералъ Бонапартъ* пожелаетъ принять его, то лэди Моаръ будетъ очень счастлива быть ему представленной.

Этотъ поступокъ губернатора былъ только безтактенъ, но маршалъ Бертранъ счелъ его оскорбленіемъ для себя и для своего господина... Губернаторы Индіи и острова св.

Елены не увидѣли у себя за столомъ низверженнаго французскаго императора.

Этого мало. Когда Гудсонъ-Лоу явился въ Лонгвудъ,— его приняли болѣе чѣмъ холодно. Наполеонъ обратился къ нему съ самыми жесткими словами. „Удивляюсь",—сказалъ онъ ему, — „что вы осмѣлились прислать мнѣ приглашеніе, которое великій маршалъ отослалъ вамъ обратно. Развѣ вы забыли, кто вы и кто я? Ни вы, ни ваше правительство даже не можетъ отнять у меня титулъ, который даровала мнѣ Франція, который признала вся Европа и которымъ будетъ называть меня потомство. Согласны или нѣтъ на это вы и Англія, я есмь и буду всегда для міра императоромъ Наполеономъ. Я придаю мало значенія вашему титулованію. Однако меня оскорбляетъ то, что вы могли надѣяться заманить меня къ себѣ и предложить меня любопытству вашихъ гостей. Счастье покинуло меня, но ни у кого въ мірѣ нѣтъ власти сдѣлать изъ императора Наполеона предметъ насмѣшекъ".

Губернаторъ извинялся, говоря, что желаніе лорда и лэди было лишь данью уваженія къ его славѣ и проч. Наполеонъ выслушалъ его объясненія, но отпустилъ Гудсона-Лоу съ большимъ униженіемъ, чѣмъ въ его первые два визита.

Отношенія Наполеона къ своему „тюремщику" съ каждымъ днемъ все болѣе обострялись. 16-го Іюля у бывшаго императора и губернатора происходила двухчасовая бесѣда, въ продолженіе которой первый наговорилъ второму всякаго рода непріятностей. Наполеонъ рѣзко упрекалъ Гудсона-Лоу за всѣ придирки, доходившія до того, что онъ приказалъ Ласъ-Козасу безъ его позволенія не отдавать башмаковъ въ починку. На слѣдующій разъ, когда пришелъ къ нему губернаторъ, Наполеонъ вовсе его не принялъ и пошелъ гулять. Спустя мѣсяцъ, онъ снова допустилъ его къ себѣ и обошелся съ нимъ еще грубѣе прежняго. Наполеонъ, не це-

ремонясь, высказалъ свое непохвальное мнѣніе объ его непростительномъ поведеніи.

Англичанинъ—губернаторъ вышелъ изъ терпѣнія и воскликнулъ: „но вы меня не знаете!"

— „Гдѣ же мнѣ было васъ знать", — отвѣтилъ бывшій императоръ, — „я васъ не видалъ ни въ одномъ сраженіи, вы годны только подкупать убійцъ".

Гудсонъ-Лоу разозлился, и сталъ грозить Наполеону прекращеніемъ доставки пищи.

— „Вонъ видите лагерь англійскихъ солдатъ",—сказалъ на это Наполеонъ,—„я пойду туда и скажу: самый старый солдатъ въ Европѣ проситъ, чтобы вы раздѣлили съ нимъ свой паекъ, и они мнѣ въ этомъ не откажутъ".

Губернаторъ сталъ въ тупикъ. Онъ началъ клясться, и божиться, что онъ не просилъ назначенія на островъ св. Елены и желалъ бы поскорѣе покинуть его.

— „Я недаромъ управлялъ всѣмъ міромъ",—сказалъ въ заключеніе Наполеонъ,—„и знаю, какихъ людей выбираютъ на такія должности; только опозоренный человѣкъ приметъ на себя такое порученіе. Вы хорошо бы сдѣлали для себя и для меня, если бы попросили у правительства, чтобы васъ отозвали".

Офицеры англійскаго полка, стоявшаго лагеремъ у Лонгвуда, пришли въ негодованіе отъ подобнаго поведенія губернатора. Они заявили, что бывшій императоръ правъ и смѣло можетъ придти къ нимъ въ лагерь; — всякій охотно откажется для него отъ послѣдняго куска своего хлѣба.

Наполеонъ говорилъ, что Гудсонъ-Лоу „человѣкъ со сквернымъ сердцемъ и скверной головой". Въ разговорѣ съ своимъ докторомъ О'Меара, Наполеонъ разъ спросилъ его: „видѣлъ-ли онъ когда нибудь такого дурака губернатора, такого болвана?" И когда докторъ старался опровергнуть это мнѣніе, то Наполеонъ настаивалъ, что Гудсонъ-Лоу дурной,

скверный человѣкъ, вѣчно безпокоящійся о томъ, чтобы сдѣлать ему непріятность и увеличить его несчастія“ [1]).

Отъ болѣе или менѣе мелкихъ притѣсненій губернаторъ сталъ переходить къ крупнымъ, строгимъ мѣрамъ. Онъ сократилъ штатъ императорской свиты, отправивъ въ Европу четырехъ лицъ, входящихъ въ ея составъ. Онъ арестовалъ Ласъ-Казаса, любимца Наполеона. Послѣдній пришелъ въ ужасъ и воскликнулъ: „мнѣ кажется, я вижу дикарей на островахъ Южнаго океана, которые пляшутъ вокругъ своего плѣнника, собираясь его пожрать“.

Низверженный императоръ требовалъ возвращенія арестованнаго. Губернаторъ не обратилъ на это вниманія. Онъ отправилъ Ласъ-Казаса на мысъ Доброй-Надежды.

Гудсонъ-Лоу объявилъ обитателямъ Лонгвуда новыя, очень стѣснительныя для нихъ, правила. Онъ потребовалъ, чтобы всѣ лица, окружавшія Наполеона, заявили письменно свое согласіе исполнять эти правила. Наполеонъ не велѣлъ выдавать этихъ подписокъ. Губернаторъ пригрозилъ отправить всѣхъ ослушавшихся на мысъ Доброй Надежды. Пришлось всѣмъ и всему подчиниться.

VI.

1-ое Января 1817 года было для лонгвудскихъ обитателей поводомъ къ небольшому семейному празднику. Въ этотъ день они собрались засвидѣтельствовать Наполеону свое почтеніе, какъ нѣкогда они дѣлали это въ Тюльери. Они хотѣли показать ему, что онъ для нихъ и теперь, въ изгнаніи, какъ и всегда, все-же *императоръ* Наполеонъ. Госпожи Бертранъ и Монтолонъ, въ сопровожденіи своихъ мужей, держа за руки своихъ дѣтей, генералъ Гурго и Маршанъ съ слугами явились 1-го Января поздравить На-

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1900 г., Мартъ, стр. 1200.

полеона съ новымъ годомъ и высказать ему свои пожеланія. Но какія?... Чтобы жизнь его на этой скалѣ не была слишкомъ горька, чтобы его здоровье не подломилось, чтобы нѣкоторыя физическія страданія, припадки которыхъ онъ наначалъ чувствовать, не были слишкомъ остры. Бывшій императоръ принялъ своихъ друзей очень ласково, благодарилъ ихъ за поздравленія и пожеланія и оставилъ ихъ у себя завтракать. Гости провели у Наполеона цѣлый почти день. Поговоривши вдоволь о прошедшемъ, погоревавши о настоящемъ, помечтавши немного о будущемъ, они разстались съ своимъ любезнымъ господиномъ уже вечеромъ.

Первый день новаго года былъ проведенъ лонгвудскими обитателями болѣе или менѣе пріятно. И на послѣдующіе дни они не могли много жаловаться. Въ началѣ 1817 года стало замѣтно нѣкоторое облегченіе въ строгостяхъ, которыми стѣснена была ихъ жизнь. Губернаторъ Гудсонъ-Лоу какъ будто сталъ помягче. Это произошло, быть можетъ, отъ вліянія на него европейскихъ коммиссаровъ, которые тогда прибыли на островъ св. Елены. Изъ этихъ коммиссаровъ особенно любезностью и гуманностью отличался русскій, графъ Бальменъ. Онъ получилъ отъ императора Александра приказаніе относиться съ большимъ уваженіемъ къ Наполеону и быть любезнымъ со всей его свитой. Поэтому, встрѣчаясь съ Гурго, Бальменъ былъ чрезвычайно предупредителенъ. Онъ всегда сочувственно разспрашивалъ о Наполеонѣ, называя его императоромъ и великимъ человѣкомъ. Наполеонъ, по его мнѣнію, совершенно напрасно отдался въ руки англичанъ. Онъ говорилъ, что ему гораздо было бы лучше въ Россіи. Съ этимъ не могъ не согласиться и самъ бывшій императоръ, который однажды сказалъ Гурго: „австрійскій императоръ и Александръ лучше бы обошлись со мною. Первый все-таки честный человѣкъ и мнѣ тесть, а въ Россіи я былъ бы словно вторымъ императоромъ и царь съ удовольствіемъ совѣтовался бы со мною“.

Европейскіе коммиссары не видѣлись съ Наполеономъ. Не считая себя военноплѣннымъ, Наполеонъ не хотѣлъ принимать ихъ оффиціально, а они не соглашались явиться къ нему, какъ частныя лица. Да и губернаторъ былъ противъ подобныхъ свиданій. Европейскіе соглядатаи принуждены были только издали наблюдать за англійскимъ великимъ узникомъ. Отъ времени до времени они ѣздили верхомъ, совершали прогулки вокругъ зданій, занятыхъ Наполеономъ и останавливаясь у выходовъ, гдѣ надѣялись его встрѣтить. Они собирали свѣдѣнія о Наполеонѣ у приходившихъ и уходившихъ, узнавали о немъ отъ Гурго и Монтолона и проч. Такими только способами европейскіе коммиссары и удостовѣрялись въ присутствіи въ Лонгвудѣ знаменитаго плѣнника.

Но, не принимая никого оффиціально, Наполеонъ въ пріемѣ частныхъ лицъ никому почти не отказывалъ, даже англичанамъ. Онъ не разъ очень любезно принималъ адмирала Малькольма съ женою. Объяснивъ ему подробно всѣ свои жалобы на губернатора Гудсона-Лоу, онъ однажды сказалъ ему: „я былъ императоромъ, а со мною хотятъ обращаться, какъ съ генераломъ Бонапартомъ. Это просто нелѣпость. Всегда съ плѣнниками обращаются согласно ихъ званію. Если англичане хотятъ ссылаться на принципъ законности, то вѣдь, ихъ царствующій домъ овладѣлъ престоломъ безъ всякаго подобнаго права. Взгляните въ св. Писаніе, и вы увидите, что Саулъ и Давидъ царствовали только потому, что были помазанниками Божіими. Меня избрала французская нація и короновалъ папа. Удерживая меня на островѣ св. Елены, меня хотятъ убить здѣшнимъ вреднымъ тропическимъ климатомъ. Великодушнѣе было бы сразу отрубить мнѣ голову. Зачѣмъ было ссылать меня сюда, если не съ цѣлію предоставить больше свободы, чѣмъ въ тюрьмѣ, и, однако, я не могу выйти изъ комнаты. Развѣ въ Англіи нѣтъ достаточно тюремъ?“

Адмиралъ обѣщалъ, что губернаторъ сдѣлаетъ все возможное для облегченія положенія великаго узника... Но обѣщанія и остались одними обѣщаніями.

Важные сановники, чиновники, ученые, пассажиры остъ-индскаго флота, не обращая вниманія на мелочныя предписанія Гудсона-Лоу, обращались прямо къ великому маршалу Бертрану, чтобы получить позволеніе представиться Наполеону. Среди нихъ былъ лордъ Эмерстъ и нѣсколько знатныхъ лицъ. Наполеонъ принялъ ихъ любезно и долго разговаривалъ съ ними объ Индіи и англійскихъ дѣлахъ. И когда нѣкоторые изъ его посѣтителей просили у него порученій въ Европу,—онъ имъ сказалъ: „я не даю вамъ никакого порученія. Передайте своимъ министрамъ то, что видѣли. Я—здѣсь на скалѣ, которую сдѣлали для меня еще уже, чѣмъ сдѣлала ее природа, и на которой я не могу даже прогуливаться верхомъ, пробывъ на лошади всю свою жизнь. Я живу подъ досчатой крышей, гдѣ я то мучусь отъ невыносимой жары, то охватываюсь пронизывающей сыростью. Я не могу выйти безъ того, чтобы не быть окруженнымъ сыщиками безжалостнаго тюремщика. Я не могу ни писать своей семьѣ писемъ, ни получать отъ нея извѣстій безъ того, чтобы не имѣть повѣреннымъ этого тюремщика. У меня отняли уже нѣкоторыхъ изъ моихъ спутниковъ, и, Богъ знаетъ, оставятъ-ли мнѣ тѣхъ, которые у меня остаются. Если хотѣли моей смерти, было бы благороднѣе поступить со мной, какъ съ солдатомъ, какъ съ славнымъ Неемъ. Если-же не хотятъ этого, — пусть дадутъ мнѣ воздуха и пространства, пусть не боятся моего бѣгства. Я знаю, что нѣтъ болѣе въ мірѣ мѣста для меня, и что моя единственная будущность умереть въ вашихъ оковахъ. Но вопросъ въ томъ, буду-ли я мучиться, оставаясь въ нихъ. Впрочемъ, я ничего не требую. Пусть тѣ, кто увидѣлъ мое положеніе, сдѣлаютъ то, что ихъ сердце побудитъ заявить. Я не прошу даже ихъ объ этомъ“.

Рѣшившись какъ можно рѣже выходить изъ своего жилища, чтобы тѣмъ протестовать противъ ограниченій губернаторомъ его свободы дѣйствій, Наполеонъ цѣлые дни посвящалъ диктовкѣ и чтенію, а по вечерамъ игралъ на билліардѣ, въ шахматы и карты. Диктовалъ онъ всѣмъ своимъ приближеннымъ. Предметомъ его диктовки были личныя воспоминанія, замѣтки объ историческихъ событіяхъ, разсужденія о военныхъ вопросахъ и т. под. Наполеонъ нерѣдко занимался съ генераломъ Гурго математическими вычисленіями и поражалъ его своими глубокими математическими познаніями.—Что же касается чтенія Наполеона, — оно было самое разнообразное частью онъ самъ читалъ, а частью слушалъ, какъ ему читали вслухъ другіе. Въ Лонгвудѣ была собрана порядочная библіотека. Ее составляли сочиненія по религіи, математикѣ, исторіи, преимущественно военной и литературѣ на двухъ языкахъ — французскомъ и итальянскомъ. Наполеонъ все это читалъ и обо всемъ давалъ болѣе или менѣе оригинальные и глубокіе отзывы.

VII.

Несмотря на всю строгость своего заточенія, бывшій французскій и эльбскій императоръ не покидалъ пока надежды на бѣгство. Въ Іюлѣ 1817 года онъ разсказалъ своимъ приближеннымъ цѣлый планъ, составленный имъ съ цѣлью спастись изъ Лонгвуда на корабль, который ждалъ бы бѣглецовъ въ открытомъ морѣ. Относительно корабля онъ полагалъ устроить дѣло черезъ одного губернаторскаго чиновника. Послѣдній оказывалъ нѣкоторыя услуги лонгвудскимъ обитателямъ. Наполеонъ думалъ, что его можно подкупить деньгами. Наполеонъ такъ былъ увѣренъ въ возможности своего побѣга, что указывалъ на планѣ, какимъ путемъ всего удобнѣе достичь того мѣста берега, противъ котораго можно бросить якорь кораблю.

Въ другой разъ фантазія лонгвудскаго узника такъ разыгралась, что онъ началъ рисовать картину своего существованія съ приближенными лицами на необитаемомъ островѣ. „Вы“,—говорилъ Наполеонъ своимъ близкимъ,—„признали бы меня королемъ и мы построили бы крѣпость и завели бы мало по малу цѣлую колонію, которой дали бы конституцію съ двумя палатами. Кромѣ того, каждый изъ насъ добылъ бы жену, такъ какъ грустно умирать бездѣтнымъ. Однако“,—заключилъ онъ, профантазировавъ нѣсколько времени,—„здѣсь все-таки лучше, чѣмъ на какомъ-нибудь необитаемомъ островѣ“.

Какъ ни строгъ былъ надзоръ за Наполеономъ и лонгвудскими обитателями, какъ ни удалены были они отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, — все-же они умѣли иногда узнавать кое-что и помимо своихъ тюремщиковъ.

Съ нѣкоторыхъ пунктовъ Лонгвудскаго плоскогорья открывался видъ на море. Лишь только, бывало, покажется парусъ, какъ у лонгвудскихъ обитателей являлось желаніе знать, что это за корабль, который плыветъ, откуда онъ идетъ, какіе люди, какія вещи на его палубѣ. Сейчасъ же докторъ О'Меара отправлялся въ гавань. И доктору часто удавалось приносить газеты, иногда даже письма, ускользнувшія отъ бдительнаго губернаторскаго ока. Такимъ образомъ Наполеонъ получалъ извѣстія, которыя на минуту услаждали его несчастіе. Такимъ способомъ онъ между прочимъ получалъ письма отъ своей семьи. Одни изъ нихъ говорили ему, что его сынъ здоровъ и замѣтно растетъ. Другія письма извѣщали его, что его мать, его сестра Полина, его братья хотятъ пріѣхать къ нему на островъ св. Елены, что они отдаютъ ему свое состояніе въ его распоряженіе. Наполеонъ, очень тронутый этими предложеніями, рѣшился отказаться отъ нихъ. Смотря на себя, какъ на приговореннаго къ смерти, онъ не хотѣлъ, чтобы родные его были около него, чтобы они, видя его несчастное житье на островѣ св. Елены,

мучились бы безвыходнымъ его положеніемъ. Зная не совсѣмъ обезпеченное положеніе нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ, Наполеонъ не хотѣлъ быть имъ въ тягость,—не хотѣлъ воспользоваться ихъ матеріальною помощью. Поэтому, поблагодаривъ своихъ родныхъ за всѣ ихъ предложенія, онъ сказалъ, что онъ очень тронутъ ими, но не приметъ ихъ, не можетъ воспользоваться ими.

Къ концу 1817 года притѣсненія стали усиливаться; онѣ стали доходить до жалкихъ мелочей. Губернаторъ назначалъ, напр., то шесть бутылокъ вина въ день на бывшаго императора и его свиту, то—одну. Онъ велѣлъ отпускать такъ мало дровъ для лонгвудскихъ обитателей, что Наполеонъ приказалъ публично сломать одну свою кровать на топливо.

Иногда губернаторъ Гудсонъ-Лоу дѣлалъ, повидимому, снисхожденіе, но придавалъ этому такую обидную форму, что его узникъ приходилъ въ ярость. Разъ онъ разрѣшилъ передачу въ Лонгвудъ вещей, присланныхъ Наполеону изъ Китая, но ехидно замѣтилъ, что слѣдовало бы ихъ задержать, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣчены буквы N съ императорской короной, что противорѣчитъ условіямъ пребыванія Наполеона на островѣ св. Елены.

— „Негодяй, мерзавецъ!“ — воскликнулъ Наполеонъ, узнавъ объ этомъ. Онъ тотчасъ приказалъ написать губернатору, что онъ „не желаетъ его милостей и не рабъ, который зависитъ отъ капризовъ какого-то губернатора“. Если правительство постановило новыя ограниченія его свободы,— велѣлъ онъ прибавить къ этой запискѣ, то пусть губернаторъ объ этомъ объявитъ, а онъ не намѣренъ терпѣть этого унизительнаго положенія. „По моему мнѣнію“,—говоритъ Гурго,—„Гудсонъ-Лоу такимъ поведеніемъ оказываетъ услугу императору, такъ какъ при лучшемъ обращеніи не было бы причины жаловаться, а въ сущности, если бы оставили въ наше распоряженіе весь островъ, то наше положеніе не

улучшилось бы. Его величество вполнѣ согласенъ съ моимъ взглядомъ и сказалъ мнѣ: „Если бы я могъ всюду ходить, меня всѣ видѣли бы, и это не производило бы такого эффекта, какъ мое постоянное пребываніе взаперти; не видя меня никогда, каждый говоритъ себѣ: должно быть правительство дурно обращается съ нимъ!“ Изъ этихъ словъ видно, что Наполеонъ самъ отчасти усиливалъ непріятности своего существованія, и дѣлалъ это не безъ задней, неособенно похвальной, цѣли. „Въ сущности“,—говоритъ Гурго въ своемъ дневникѣ, — „императоръ предпочитаетъ быть въ дурныхъ отношеніяхъ съ Гудсономъ-Лоу. На дняхъ (въ Декабрѣ) послѣдній расширилъ границы той мѣстности, гдѣ дозволяется гулять его узнику, но онъ этимъ не воспользовался и, по прежнему, не выходитъ. Тогда губернаторъ написалъ Наполеону рѣзкое письмо. Императоръ вернулъ это письмо и велѣлъ написать на лѣвой сторонѣ, что Лоу убійца и что непонятно, отчего Англія не могла прислать благороднаго человѣка. Эти двѣ фразы были подписаны: „Наполеонъ“.

VIII.

Находясь почти постоянно въ непріятныхъ отношеніяхъ съ губернаторомъ острова—съ Гудсономъ-Лоу, вызываемыхъ притѣсненіями со стороны послѣдняго, Наполеонъ часто безпокоился распрями, происходившими въ средѣ самихъ лонгвудскихъ обитателей. Приближенные его часто ссорились между собою изъ-за милостей своего повелителя. Каждому изъ нихъ хотѣлось поближе стать къ императору, побольше пользоваться его расположеніемъ, любовію и кошелькомъ. Неудачники завидовали счастливцамъ, ревновали къ нимъ Наполеона, ссорились между собою, злились и вызывали другъ друга на дуэль. Все это безпокоило, раздражало, волновало Наполеона. Больше всѣхъ надоѣдалъ ему Гурго. Онъ постоянно пререкался съ генераломъ Монтоло-

номъ и его женою, не желая имъ уступать ни въ чемъ. Гурго приходилъ въ ярость отъ малѣйшаго предпочтенія, сдѣланнаго имъ Наполеономъ.

— „Всѣ вы фанфароны“ [1]),—говорилъ однажды Наполеонъ своимъ приближеннымъ,—„всѣ меня ревнуете и безъ всякой причины вызываете другъ друга на дуэль. Вы, Гурго, въ особенности меня огорчаете своими ссорами съ Монтолономъ и его женой. Я отдаю вамъ полную справедливость за ваши достоинства и таланты, но здѣсь мнѣ нужно только, чтобы ухаживали за мной и забавляли меня... Какое мнѣ дѣло, что вы честный человѣкъ?! Вы должны мнѣ угождать, вотъ и все. Вы думаете, что будете здѣсь моимъ товарищемъ, а я никому не товарищъ. Вы хотѣли тутъ сдѣлаться центромъ, но нѣтъ другого здѣсь центра, какъ я. Если бы я зналъ, что такъ будетъ, то взялъ бы съ собою только слугъ. Я могу отлично жить одинъ, а очень стало бы скучно, то недолго заколоться. Нѣтъ, это должно кончиться“.

— „Зачѣмъ вы ссоритесь со всѣми и постоянно надоѣдаете мнѣ?“—говорилъ императоръ генералу Гурго въ другой разъ.—„Правда, я иногда съ вами дурно обращаюсь, но въ большинствѣ случаевъ я къ вамъ отношусь прекрасно... Надо быть любезнымъ со всѣми и постоянно смѣяться... Вотъ, напримѣръ, Монтолоны, я не могу сказать дурного о нихъ. Они оба постоянно ухаживаютъ за мной и ни на что не жалуются. Они не печальны и не несчастны, какъ вы, отъ нихъ я слышу только все пріятное, а отъ васъ, напротивъ, не дождешься добраго слова“.

На возраженіе Гурго, что онъ не умѣетъ интриговать и льстить, императоръ воскликнулъ: „Вы умѣете только меня оскорблять, вы меня не любите! Если вы не умѣете мнѣ служить, то, по крайней мѣрѣ, не мѣшайте другимъ“. Когда же Гурго хотѣлъ еще что-то сказать, — Наполеонъ гнѣвно

---

[1]) Фонфаронъ—тщеславный человѣкъ, хвастунъ.

воскликнулъ, бросая свою табакерку на билліардъ: „Оставьте меня въ покоѣ; вы мнѣ надоѣли!“

Отношенія Гурго къ Монтолонамъ все болѣе и болѣе обострялись,—и непріятныя сцены съ императоромъ изъ-за того все чаще и чаще повторялись. Въ концѣ Ноября Наполеонъ совершенно вышелъ изъ себя и воскликнулъ: „Неужели вы, Гурго, думаете, что Монтолоны имѣютъ на меня большое вліяніе. Они окружаютъ меня всякаго рода вниманіемъ и готовы отказаться отъ своего обѣда ради меня. Знайте, что я люблю людей только мнѣ полезныхъ и то лишь пока они полезны. Какое мнѣ дѣло, что обо мнѣ думаютъ, и я обращаю вниманіе только на то, что мнѣ говорятъ... Если въ концѣ-концовъ Монтолоны мнѣ измѣнятъ, то они послѣдуютъ лишь примѣру столькихъ другихъ. Вы сердитесь на нихъ за то, что они ко мнѣ привязаны, а если бы вы дѣйствительно меня любили, то ухаживали бы за ними. Вы видите, что они мнѣ нравятся и что они одни преданы мнѣ. Вы постоянно играете мною и вмѣстѣ съ губернаторомъ отравляете мнѣ жизнь“.

На замѣчаніе Гурго, что онъ истинно преданъ императору и его только огорчаютъ интриги Монтолоновъ, которые возстановляютъ его величество противъ него, Наполеонъ гнѣвно отвѣчалъ: „Если вы дѣйствительно преданы мнѣ, то не должны надоѣдать, вѣчно жаловаться и быть печальнымъ. И къ чему вы вѣчно горюете? О чемъ вамъ горевать? Вамъ не въ чемъ себя упрекать, какъ мнѣ, напримѣръ. Впрочемъ, я не хочу, чтобы кто-нибудь погребалъ себя со мной въ одной могилѣ. Если кто хочетъ оставаться здѣсь, то хорошо дѣлаетъ, но я не питаю къ нему ни малѣйшей благодарности“.

Наконецъ, въ февралѣ 1818 года дѣло дошло до открытаго разрыва. На вопросъ Наполеона, отчего у Гурго такая вытянутая физіономія онъ отвѣчалъ: „Я очень несчастливъ“.

— „Чего же вамъ надо?“—спросилъ Наполеонъ съ сердцемъ.

Гурго дрожащимъ голосомъ выразилъ просьбу отпустить его съ острова св. Елены, такъ какъ его услуги больше не нужны и ему предпочитаютъ другихъ.

Наполеонъ вышелъ изъ себя и произнесъ: „Если вы будете продолжать угрозы Монтолону, то вы просто разбойникъ; если же вы станете съ нимъ драться на дуэли, то я васъ прокляну, или самъ замѣню его мѣсто на поединкѣ. Чего же вы, наконецъ, хотите? Идти впереди Монтолона, обѣдать постоянно со мною, видѣть меня два раза въ день?“

Гурго отвѣчалъ, что разбойникъ, какъ его только что назвалъ императоръ, не можетъ заявлять никакихъ желаній.

— „Забудьте мои рѣзкія выраженія“,—сказалъ Наполеонъ,—„но мы съ вами видимся въ послѣдній разъ. Заявите, что вы больны, возьмите докторское свидѣтельство и васъ отпустятъ отсюда“.

Давно подготовлявшееся событіе свершилось, но все-таки Гурго еще разъ видѣлся съ императоромъ.

При прощаньи Наполеонъ расчувствовался. Потрепавъ Гурго по щекѣ, онъ произнесъ: „Мы увидимся на другомъ свѣтѣ... Ну, прощайте... поцѣлуйте меня“. Гурго и Наполеонъ обнялись. Гурго расплакался и вышелъ разстроенный изъ комнаты.

Черезъ мѣсяцъ Гурго оставилъ островъ св. Елены, уѣхавъ, подъ предлогомъ тяжкой болѣзни, въ Европу.

Вслѣдъ за Гурго Наполеонъ лишился и любимаго своего доктора О'Меара. Узнавъ, что докторъ передаетъ разныя извѣстія и новости въ Лонгвудъ, губернаторъ потребовалъ, чтобы тотъ сообщалъ ему свои разговоры съ Наполеономъ. О'Меара обидѣлся и отказался исполнить это требованіе своей власти... Тогда Гудсонъ-Лоу, въ виду чрезмѣрной преданности доктора Наполеону, уволилъ О'Меара въ отставку и отправилъ его въ Европу.

Бывшій императоръ остался безъ доктора, на что, впрочемъ, онъ не жаловался. Наполеонъ былъ не особенно высокаго мнѣнія о медицинѣ. „Человѣческое тѣло“—говорилъ онъ,—„часы, которые часовщикъ не можетъ открыть, чтобы ихъ исправить. Медики вводятъ туда хитро устроенные инструменты, и не видятъ, что они дѣлаютъ, и если они приносятъ пользу, прикасаясь къ этой бѣдной машинѣ, это—великое чудо“.

Въ 1819 году уѣхала въ Европу госпожа Монтолонъ. Своимъ мягкимъ, обходительнымъ характеромъ она много облегчала плѣнъ Наполеона, но она не могла вынести климата. Врачи посовѣтовали ей и ея дѣтямъ оставить островъ св. Елены. Самъ Монтолонъ остался при великомъ узникѣ.

Наполеонъ предвидѣлъ, что ради дѣтей, ради образованія ихъ скоро оставитъ его и госпожа Бертранъ съ супругомъ своимъ. Онъ понималъ, что какъ бы ни велика была преданность, она неизбѣжно должна ограничиваться семейными обязанностями.

Отъѣздъ Ласъ-Казаса, генерала Гурго, доктора О'Меара и госпожи Монтолонъ сильно повліялъ на низверженнаго императора. Онъ сталъ задумываться на счетъ будущаго своего одиночества. „Если это продолжится,“ — говорилъ Наполеонъ, вздыхая,—„скоро здѣсь останутся только я и Маршанъ“. Потомъ, обращаясь къ этому послѣднему, онъ прибавлялъ: „У тебя нѣтъ дѣтей, которыхъ надобно учить, и ты не уѣдешь отъ меня. Ты будешь читать мнѣ, будешь писать подъ мою диктовку. Ты закроешь мнѣ глаза и отправишься жить въ Европу въ благоденствіи, которое я обезпечу за тобой“.

IX.

Такъ было изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ. То лонгвудскія дрязги безпокоили Наполеона, то придирки и притѣсненія губернатора раздражали знаменитаго узника,

выводили его изъ терпѣнія. Наполеонъ не имѣлъ почти покоя. Друзья его въ Европѣ что-то мало заботились объ улучшеніи его участи... Надежды на освобожденіе изъ заточенія не предвидѣлось уже... И желѣзное здоровье узника начало подаваться; Наполеонъ сталъ слабѣть, хирѣть.

Въ теченіе цѣлыхъ почти четырехъ лѣтъ состояніе здоровья бывшаго императора казалось удовлетворительнымъ. Пока былъ докторъ О'Меара около Наполеона, послѣдній былъ здоровъ. Не стало этого доктора,—и у великаго узника начали обнаруживаться тревожные признаки болѣзни. У Наполеона стала появляться рвота, стали пухнуть ноги и холодѣть оконечности.

По острову распространился слухъ, что бывшій императоръ сильно хвораетъ и что Гудсонъ-Лоу тѣснитъ его, лишивъ его доктора. Губернаторъ испугался этой молвы и прислалъ больному новаго врача. Наполеонъ не принялъ его уже потому одному, что онъ посланъ былъ его недругомъ—тюремщикомъ.

Низверженный императоръ рѣдко сталъ показываться народу. Дежурный англійскій офицеръ, обязанный хоть разъ въ день видѣть въ лицо узника, не видалъ его нѣсколько дней. Губернаторъ, зная это, сталъ безпокоиться, сталъ подозрѣвать тутъ хитрость, обманъ... Ему самому хотѣлось видѣть больного узника. Но какъ? Силою войти къ нему въ комнату... На это онъ боялся еще пока пуститься. „Какъ хотите вы, чтобы я поступалъ?"—говорилъ онъ приближенному Наполеона, Монтолону. Если я уступаю,—меня обвинятъ въ Европѣ, что я уступаю вліянію, которому никто не можетъ противиться. Если я оказываю сопротивленіе, вы обвиняете меня въ жестокости".

— „Всѣ ваши предосторожности", — отвѣчалъ Монтолонъ, — „чтобы помѣшать бѣгству, о которомъ не думаетъ Наполеонъ, сдѣлались для него невыносимыми стѣсненіями и служатъ причиною затворничества, въ которомъ онъ жи-

ветъ такъ упорно. Чѣмъ больше вы будете увеличивать свои предосторожности, тѣмъ больше будете заставлять его запираться, больше будете вредить его здоровью и больше будете брать на себя нравственной отвѣтственности въ настоящемъ и будущемъ. Теперь вы хотите знать, во что бы то ни стало, въ Лонгвудѣ-ли онъ и знать это каждый день. Надобно было оставить у него О'Меара. Вы лишились этого столь удобнаго свидѣтеля его и поэтому вамъ слѣдуетъ довѣриться мнѣ, моему желанію облегчить вашу и нашу задачу. Если бы вы попробовали употребить для этого силу,—вы нашли бы насъ всѣхъ за дверьми Наполеона, и ваша и наша кровь искупила бы оскорбленіе, которое вы захотѣли бы нанести ему. Поэтому я умоляю васъ, предоставьте насъ самихъ себѣ и положитесь на меня, чтобы доставлять вашему дежурному офицеру всѣ средства видѣть своего плѣнника, не оскорбляя его".

Гудсонъ-Лоу на этотъ разъ согласился съ Монтолономъ. И послѣдній свято исполнялъ свое слово. Какъ только, бывало, Наполеонъ перемѣнялъ мѣсто, переходилъ изъ одной комнаты въ другую, Монтолонъ давалъ объ этомъ знать дежурному офицеру. Послѣдній прибѣгалъ и удовлетворялъ своему законному любопытству.

Въ началѣ 1819 года Наполеонъ, повидимому, поправился. Онъ казался бодрымъ и, по прежнему, сильнымъ. Маршанъ, любившій его какъ отца, высказалъ ему свою радость по этому поводу.

— „Сынъ мой!"—отвѣтилъ ему императоръ,—„твои чувства трогаютъ меня; но не обманывайся: это послѣдній проблескъ здоровья. Мой крѣпкій организмъ дѣлаетъ послѣднее усиліе, послѣ онъ падетъ. Скоро я буду свободенъ, и ты—тоже".

И слова Наполеона оправдались. Скоро онъ почувствовалъ новыя и сильныя боли въ желудкѣ, сильное отвращеніе къ пищѣ и крайнюю трудность ея перевариванія. У

больного часто случались припадки рвоты. Однажды онъ даже упалъ въ продолжительный обморокъ. Приближенные его пригласили съ англійскаго корабля замѣчательнаго врача Д. Стоноэ. Послѣдній понравился Наполеону. Стоноэ сталъ часто навѣщать его. Но эти визиты не понравились губернатору, и доктору не позволили больше посѣщать своего больного Лонгвудскаго узника.

Впрочемъ, въ эту пору потребовали изъ Европы доктора и двухъ католическихъ священниковъ, въ которыхъ на островѣ св. Елены былъ недостатокъ. Выбрать и прислать этихъ лицъ было поручено родственнику Наполеона—кардиналу Фешу. Онъ имѣлъ большія связи въ католическомъ мірѣ и легко могъ исполнить это порученіе.

Осенью 1819 года знаменитый плѣнникъ началъ грустить и томиться въ своемъ заключеніи. У Наполеона сталъ обнаруживаться послѣдовательно возраставшій упадокъ силъ. Опустошенія, производимыя таинственною болѣзнью въ его организмѣ, стали замѣтнѣе прежняго. Наполеонъ снова сдѣлался затворникомъ. Дежурный офицеръ не видалъ его часто по нѣскольку дней. Между тѣмъ изъ Лондона требовали отъ губернатора, чтобы онъ, насколько возможно, чаще удостовѣрялся въ присутствіи Наполеона въ Лонгвудѣ. Что было тутъ дѣлать Гудсону-Лоу?.. И онъ прибѣгнулъ къ одному остроумному, но недостойному средству. Прежде всѣ посылки и письма, адресуемыя Наполеону, передавались ему черезъ великаго маршала Бертрана. Теперь губернаторъ рѣшилъ передавать ихъ прямо самому Наполеону. Такимъ способомъ онъ хотѣлъ удостовѣряться въ присутствіи узника въ Лонгвудѣ. Не думая долго, Гудсонъ-Лоу рѣшился испробовать это, по его мнѣнію, вѣрное средство. Онъ отправилъ въ Лонгвудъ офицера верхомъ. Послѣдній, подскакавши къ жилищу узника, попросилъ разрѣшенія передать пакетъ *Наполеону Бонапарту*. Ему объявили, что всякое порученіе передается *императору Наполеону* только черезъ посред-

ство великаго маршала Бертрана. Офицеръ уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Узнавъ объ этой попыткѣ губернатора, Наполеонъ приказалъ своимъ служителямъ рѣшительно никого не принимать. Этого мало. Онъ велѣлъ зарядить свои пистолеты и приказалъ своимъ людямъ сдѣлать то же самое. Было рѣшено, что всякій, кто попытается войти силою въ домъ императора, получитъ пулю въ голову.

Явился самъ губернаторъ въ сопровожденіи всего своего штаба. Призвавъ Маршана и Монтолона, онъ заявилъ имъ, что всякій, кто будетъ сопротивляться, будетъ отосланъ въ Капскую землю. Ему отвѣтили, что не измѣнятъ ничего въ порядкѣ, установленномъ вокругъ императора и что его, какъ больного, грѣшно лишать уваженія. Гудсонъ-Лоу пригрозилъ, что онъ прикажетъ силою исполнять волю англійскаго губернатора.

Дѣйствительно, на слѣдующій день явился офицеръ съ большимъ конвоемъ. Онъ потребовалъ, чтобы слуги отворили ему дверь въ жилище узника, говоря, что онъ имѣетъ порученіе для передачи *Наполеону Бонапарту*. Его отослали къ великому маршалу. Офицеръ началъ обѣгать домъ, стучать въ двери и подошелъ къ двери императора. Наполеонъ былъ занятъ чтеніемъ. Пистолеты были готовы. Всѣ его люди стояли за дверью, готовые, какъ и онъ, окончить свой плѣнъ трагическимъ образомъ. Всѣ рѣшились защищать своего повелителя отъ этого послѣдняго униженія. Офицеръ бѣгалъ отъ двери къ двери, стучалъ въ нихъ, и, наконецъ, видя, что онѣ не отворяются, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ къ губернатору.

X.

Въ концѣ 1819 года прибыли въ Лонгвудъ корсиканскій молодой врачъ Антоммарки и два католическихъ священника. Первый былъ довольно уменъ, но мало опытенъ и

крайне гордъ. Священники были люди честные, но не обладали ни умомъ, ни образованіемъ.

Наполеонъ принялъ ихъ очень любезно; онъ долго разговаривалъ съ ними. Онъ внимательно выслушивалъ ихъ разсказы о своей семьѣ, особенно о матери, сестрѣ Полинѣ и братьяхъ—Люсьенѣ и Іосифѣ. Мать и сестра просили его, чтобы онъ позволилъ прибыть имъ къ нему на островъ. Братья предлагали ему, чтобы онъ разрѣшилъ имъ смѣнять другъ друга въ Лонгвудѣ и проводить тамъ каждому по три года. Наполеонъ былъ глубоко тронутъ этими предложеніями своихъ родныхъ, но, въ виду близости своей смерти, не рѣшился ими воспользоваться.

Бывшій императоръ долго бесѣдовалъ о своемъ здоровьѣ съ молодымъ докторомъ Антоммарки. Послѣдній тщательно осмотрѣлъ его, освидѣтельствовалъ и сталъ предлагать ему свои совѣты. Наполеонъ смѣялся надъ нимъ и объявилъ ему, что онъ хочетъ умереть отъ болѣзни, а не отъ лѣкарствъ.

Наполеонъ бесѣдовалъ потомъ съ обоими священниками. Онъ нашелъ того и другого наивными и невѣжественными. „Въ этомъ выборѣ“,—сказалъ онъ,—„я хорошо узнаю своего дядю Феша. Все тотъ же умъ, все то же пониманіе людей! Этотъ докторъ не знаетъ ничего, но думаетъ, что знаетъ много. Что касается обоихъ священниковъ, я бесѣдовалъ съ ними о религіозныхъ предметахъ, но при первой же бесѣдѣ они уступили поле битвы. Мнѣ нуженъ былъ священникъ умный, съ которымъ я могъ бы разсуждать о догматахъ христіанства. Конечно, онъ не сдѣлалъ бы меня болѣе вѣрующимъ въ Бога, чѣмъ я есмь, но онъ наставилъ бы меня, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ христіанской вѣры. Такъ пріятно приближаться къ могилѣ съ полной вѣрой католиковъ! Но я не могу ничего ждать подобнаго отъ двухъ моихъ священниковъ. Всетаки они будутъ служить мнѣ обѣдню, и по крайней мѣрѣ принесутъ эту пользу“.

Изъ столовой, находившейся рядомъ съ комнатой больного, устроена была капелла. Тутъ почти каждое утро священники поочередно служили обѣдни. Наполеонъ никого не принуждалъ ходить къ обѣдни, но похвалилъ тѣхъ, которые посѣщали ее. Онъ никого не бранилъ за пренебреженіе къ этой религіозной обязанности, но не терпѣлъ малѣйшаго даже непристойнаго слова по этому поводу.

Антоммарки, посѣщавшій Наполеона, посовѣтовалъ ему для моціона копать землю, работать въ саду. Наполеону понравился этотъ совѣтъ и онъ сталъ заниматься земляною работой.

Наступилъ 1820 годъ. Погода стояла великолѣпная. Наполеонъ распорядился, чтобы лонгвудскіе обитатели, вставая въ 4 часа утра, брали заступъ, лопаты, и работали вмѣстѣ съ нимъ въ саду. Никто не освобождался отъ этого. Начиная съ великаго маршала Бертрана и кончая послѣднимъ слугою всѣ работали подъ его руководствомъ. Въ одеждѣ изъ бѣлой, тонкой индейской матеріи, съ соломенной шляпой на головѣ, съ палкой въ рукѣ, бывшій императоръ распоряжался работами, какъ настоящій саперный офицеръ. Работа шла безъ остановки до 11 часовъ утра, когда жаръ въ Лонгвудѣ становился невыносимымъ. Тогда, прекративши ее, всѣ отправлялись завтракать. Завтракали обыкновенно въ палаткѣ за двумя столами. За однимъ сидѣлъ Наполеонъ съ своими приближенными, а за другимъ всѣ его слуги. Послѣ завтрака всѣ отдыхали. Остальное время дня узникъ посвящалъ другимъ занятіямъ.

Принявшись за земляную работу, Наполеонъ прежде всего сдѣлалъ большую высокую насыпь, которая защищала его домъ и садъ отъ вредоноснаго, жестокаго юго-восточнаго вѣтра. Потомъ онъ пересадилъ лимоны, деревья, посадилъ дубъ и много другихъ растеній. Недоставало воды, и онъ провелъ ее въ лонгвудскій садъ изъ фонтана, устроеннаго на одной возвышенности острова. Скоро садъ покрылся гу-

стою зеленью. Вскорѣ обитатели Лонгвуда имѣли удовольствіе кушать за столомъ свои овощи. Губернаторъ, узнавъ о новыхъ занятіяхъ своего плѣнника, прислалъ ему растенія, земледѣльческія орудія и рабочихъ. Наполеонъ не отвергъ присланнаго Гудсономъ-Лоу.

XI.

Трехмѣсячная работа на открытомъ воздухѣ имѣла благодѣтельное вліяніе на здоровье Наполеона. Больной повеселѣлъ, сталъ бодрымъ, любезнымъ, остроумнымъ и даже сталъ, по прежнему, заниматься умственною работою... Но все это было не на долго. Проявивъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ необыкновенную дѣятельность, узникъ быстро ослабѣлъ съ окончаніемъ хорошаго времени года. Осенью онъ понялъ, что болѣзнь его смертельна. Всю зиму онъ чувствовалъ себя плохо и находился въ подавленномъ настроеніи. Наполеонъ снова затворился, сдѣлался печаленъ, неподвиженъ. Онъ чувствовалъ, что его ноги пухнутъ, оконечности холодѣютъ. Его тошнило при видѣ пищи.

Начался 1821 годъ — послѣдній годъ жизни бывшаго французскаго и эльбскаго императора. Въ началѣ Января больной чувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Приближенные его обрадовались. „Это отсрочка на одну—двѣ недѣли",—говорилъ онъ имъ,—„послѣ чего болѣзнь снова приметъ свой ходъ".

Въ это время по газетамъ узнали о смерти сестры Наполеона Элизы. „Ну",—сказалъ онъ,—„она показываетъ мнѣ дорогу; нужно идти за ней".

Въ Февралѣ силы больного начали быстро падать. Признаки рака въ желудкѣ обострились до послѣдней степени. Цвѣтъ лица Наполеона сдѣлался синеватый, глаза впали, ноги совсѣмъ опухли, желудокъ до того не могъ принимать пищи, что выбрасывалъ всю ее съ черноватымъ придаткомъ.

Не переваривая никакой пищи, больной слабѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Жгучая жажда начинала мучить его. Больному хотѣлось бы побольше свѣта, но онъ утомлялъ его. Онъ болѣе не оставлялъ своихъ двухъ маленькихъ комнатъ. Тутъ были поставлены двѣ кровати и больного то и дѣло переносили съ одной на другую.

Мартъ мѣсяцъ принесъ съ собою еще болѣе тяжелое состояніе. Желая подышать свободнымъ воздухомъ, больной узникъ велѣлъ посадить себя въ экипажъ, но какъ только появился на открытомъ воздухѣ,—едва не лишился чувствъ. Его снова уложили на кровать, съ которой онъ уже и не всталъ.

— „Я уже не тотъ гордый Наполеонъ“,—сказалъ больной,—„котораго міръ столько разъ видѣлъ на лошади. Монархи, которые преслѣдуютъ меня, могутъ успокоиться; я скоро верну имъ безопасность“.

Вѣрные слуги Наполеона не покидали его. Маршанъ и Монтолонъ бодрствовали день и ночь у его постели. Больной высказывалъ имъ за это крайнюю благодарность. Когда великій маршалъ просилъ у него для своей жены позволенія навѣстить его, онъ сказалъ: „Не хорошо смотрѣть на меня; я приму мадамъ Бертранъ, когда мнѣ будетъ лучше. Скажите ей, что я благодарю ее за преданность, которая держала ее шесть лѣтъ въ этой пустынѣ“.

Страданія Наполеона становились все мучительнѣе и мучительнѣе. Лихорадка, спазмы, рвота, жгучая жажда почти не прекращались. Отъ времени до времени онъ принималъ по нѣскольку капель свѣжей воды изъ фонтана. Страданія больного до чрезвычайности еще усиливались формалистикой Гудсона-Лоу. Губернаторъ почти каждый день старался вторгнуться такъ или иначе въ комнату страдальца. Ему хотѣлось, во что бы то ни стало, заручиться матеріаломъ для ежедневнаго своего рапорта о состояніи здоровья своего знаменитаго плѣнника.

Приготовляясь къ смерти, Наполеонъ въ Апрѣлѣ написалъ свое духовное завѣщаніе. Все свое состояніе, заключавшееся въ нѣсколько милліоновъ франковъ, хранившихся у банкира Лафита, Наполеонъ распредѣлилъ между своими приближенными, слугами и вообще всѣми лицами, которыя оказывали ему услуги на островѣ св. Елены. Въ завѣщаніи, которое написано какъ будто простымъ искреннимъ языкомъ, скрывается не мало затаеннаго смысла. Въ продолженіи всей своей жизни Наполеонъ пользовался Франціей, какъ искусный ремесленникъ пользуется хорошимъ инструментомъ. Тѣмъ не менѣе въ завѣщаніи своемъ онъ высказываетъ къ ней чувства самой страстной любви. Сыну своему Наполеонъ завѣщаетъ любить справедливость, „которая одна только можетъ побудить къ совершенію великихъ подвиговъ“. Онъ выражаетъ самыя нѣжныя чувства къ покинувшей его женѣ. Въ своемъ завѣщаніи бывшій императоръ выразилъ надежду, что Франція проститъ измѣнившимъ ей злодѣямъ: Мармону, Ожеро, Талейрану и Лафайету подобно тому, какъ онъ прощаетъ ихъ самъ. Точно также онъ простилъ на смертномъ одрѣ королю Людовику XVIII за всѣ памфлеты противъ него. Упоминая въ припискѣ къ завѣщанію о нѣкоемъ Котильонѣ, обвинявшемся въ покушеніи на убійство герцога Веллингтона, Неполеонъ говоритъ, что этотъ „Котильонъ имѣлъ такое же право убить его, какое имѣлъ Веллингтонъ убить меня здѣсь на скалѣ св. Елены“.

Наполеонъ приказалъ, чтобы при погребеніи его были совершены обряды католической церкви и чтобы его столовая, въ которой для него служили обѣдню, была превращена въ часовню съ катафалкомъ.

Докторъ Антоммарки, слушая эти приказанія священнику, не могъ удержаться отъ улыбки.

Наполеонъ замѣтилъ это и далъ ему приличный урокъ.

— „Молодой человѣкъ“,—сказалъ онъ ему строгимъ тономъ,—„вы, можетъ быть, слишкомъ умны для того, чтобы

вѣрить въ Бога, но я не дошелъ еще до этого... Не всякій, кто хочетъ, бываетъ атеистомъ".

Докторъ сконфузился, извинился и увѣрялъ Наполеона въ своей искренней преданности католической церкви.

— „Я хочу",—говорилъ потомъ больной императоръ,—„быть погребеннымъ на берегахъ Сены, если это когда-нибудь будетъ возможно, или въ Аячіо въ наслѣдственномъ имѣніи моей семьи, или, наконецъ, если мой плѣнъ долженъ продолжаться и для моего трупа, у подошвы фонтана, которому я обязанъ нѣкоторымъ облегченіемъ".

Ему обѣщали исполнить его волю. Отъ него уже не скрывали его опаснаго положенія, которое, впрочемъ, онъ самъ хорошо сознавалъ.

— „Вы",—говорилъ Наполеонъ окружавшимъ его приближеннымъ,—„вернетесь въ Европу. Вы вернетесь туда съ отблескомъ моей славы, съ честью благороднаго самоотверженія. Васъ будутъ уважать тамъ, и вы будете счастливы. А я—я иду присоединиться къ Клеберу, Десэ, Лонну, Массена, Баверу, Дюроку, Нею! Они выйдутъ ко мнѣ навстрѣчу... Они почувствуютъ еще разъ упоеніе человѣческой славой. Мы будемъ говорить о томъ, что мы сдѣлали, мы будемъ бесѣдовать о нашемъ дѣлѣ съ Фридрихомъ, Тюреннемъ, Конде, Цезаремъ, Аннибаломъ"...

Несмотря на чрезвычайную тѣлесную слабость, Наполеонъ встрѣтилъ смерть съ величайшею бодростью. 3-го Мая, по желанію Антоммарки, былъ консиліумъ изъ трехъ врачей. Найдя состояніе больного безнадежнымъ, врачи рекомендовали только такія средства, благодаря которымъ Наполеонъ находился какъ бы въ полузабытьѣ.

Два дня спустя надъ островомъ разразилась сильная буря съ проливнымъ дождемъ. Развѣсистая ива, подъ которой Наполеонъ провелъ многіе годы, была вырвана съ корнемъ. Ту же участь испытали многія деревья, посаженныя собственными его руками. Ураганъ опустошилъ весь садъ, гдѣ узникъ работалъ для моціона.

Смерть злополучнаго страдальца-узника совпала съ этимъ ураганомъ и была почти такою же бурной. Наполеонъ лежалъ въ бреду и что-то такое говорилъ. Послѣднія слова, которыя удалось разобрать, были: „Голова... арміи“. Въ то время какъ разъ всходило солнце. Госпожа Бертранъ и ея дѣти присутствовали при кончинѣ Наполеона. При видѣ страшныхъ мученій умиравшаго ихъ друга мальчикъ упалъ въ обморокъ, а дѣвочка разразилась страшными рыданіями.

Въ одиннадцать часовъ утра началась у Наполеона предсмертная агонія. Въ исходѣ шестого часа вечера сердце его сжалось въ послѣднемъ судорожномъ усиліи и перестало биться. Приближенные императора, ожидавшіе его кончины, грустно склонили головы. За дверями комнаты находились начальники англійскаго караула; — они тоже ожидали этой кончины. Услышавъ рыданія тѣхъ, которые стояли у постели героя, опочившаго вѣчнымъ сномъ, двое англійскихъ офицеровъ молча вошли въ комнату. Они приблизились къ постели покойнаго узника, ощупали почти охладѣвшіе уже его члены и, не говоря ни слова, вышли... Плѣнникъ, содержавшійся подъ строгимъ ихъ надзоромъ, былъ уже на свободѣ!.. Бывшей грозы многихъ европейскихъ государей уже не стало!..

Приближенные покрыли руки покойника почтительными поцѣлуями. Маршанъ покрылъ его плащомъ, который Наполеонъ, будучи первымъ консуломъ, носилъ при Маренго.

Наполеонъ умеръ 52 лѣтъ. Печаль, потеря надежды на возвращеніе свободы, частыя раздраженія изъ-за притѣсненій и придирокъ губернатора и отчасти климатъ ускорили ходъ неизлѣчимой его болѣзни.

Монтолонъ и Маршанъ надѣли на покойника мундиръ, который императоръ чаще всего носилъ—мундиръ стрѣлковой гвардіи и маленькую шляпу, которой онъ постоянно покрывалъ свою могучую голову. Только одинъ священникъ и

приближенные покойника молились въ теченіе нѣсколькихъ дней около этого бездыханнаго тѣла.

Похороны Наполеона были очень скромны. Приближенные его, въ сопровожденіи губернатора и солдатъ гарнизона, отнесли его тѣло къ могилѣ у фонтана. Тутъ—въ этой могилѣ прахъ его долженъ былъ покоиться до того дня, когда, по его желанію, онъ былъ перенесенъ на берега Сены [1]). Лонгвудскіе обитатели, со слезами на глазахъ, преклонили колѣна...

Залпъ изъ нѣсколькихъ англійскихъ пушекъ возвѣстилъ жителямъ острова св. Елены, что бывшій французскій и эльбскій императоръ „зарытъ врагами въ сыпучій песокъ“.

---

[1]) Въ 1840 году прахъ Наполеона, по предложенію Тьера, стоявшаго во главѣ тогдашняго французскаго министерства, былъ перевезенъ съ острова св. Елены въ Парижъ. Тутъ его похоронили въ «Домѣ Инвалидовъ». При гробѣ Наполеона долгое время былъ сторожемъ нѣкто Сантини, служившій императору при жизни его на островѣ св. Елены. Онъ много разсказывалъ о жизни императора-узника и даже продавалъ свои «Воспоминанія объ островѣ св. Елены».

Наполеонъ.

Ода А. С. Пушкина.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ,
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ, долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;

Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Францiя, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой!
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величiи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ — при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ —
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война — по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ,
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.

И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ.

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Воздушный корабль.

Баллада М. Ю. Лермонтова.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ:

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ:
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни-почемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ,
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый.
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ:
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится,
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Совѣтниковъ громко онъ кличетъ,
И маршаловъ грозно зоветъ:

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Росссіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою.
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ—
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но, въ цвѣтѣ надежды и силы,
Угасъ его царственный сынъ,
И, долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ,—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Г. П. Грошенко ученик III класса
семилетней школы в селе
Крымском

1,333,333,333
583
150000
6
6
36
5
25
x 5
150
50

